Дивер Джеффри

Исчезнувший

Фокусники считают, что любой трюк состоит из двух частей — эффекта и метода. Эффект — это то, что видит зритель… Метод — это скрывающийся за эффектом секрет, который как раз и позволяет ему проявиться.

Питер Ламонт, Ричард Уайзман. Теория магии

Часть I

Эффект

Суббота, 17 апреля

Опытный фокусник стремится ввести в заблуждение разум зрителя, а не его зрение.

Марвин Кай. Справочник искусного фокусника

Глава 1

Приветствуем вас, почтеннейшая публика! Добро пожаловать!

Добро пожаловать на наше представление.

У нас в запасе множество потрясающих вещей, и в ближайшие два дня наши иллюзионисты, фокусники и престидижитаторы используют все свои навыки для того, чтобы увлечь и очаровать вас.

Наш первый номер — из репертуара исполнителя, о котором слышали все: это Гарри Гудини, величайший эскапист[1] Америки, а возможно, и всего мира, человек, выступавший перед коронованными особами и президентами США. Многие из его трюков настолько сложны, что никто так и не осмелился повторить их за все годы, минувшие после его безвременной смерти.

Сегодня, однако, мы повторим трюк, известный под названием «Ленивый палач», во время которого Гарри Гудини рисковал задохнуться.

Наш исполнитель лежит ничком, руки его скованы за спиной классическими наручниками «дарби», ноги также связаны, а другой конец веревки привязан к ним и обвит вокруг шеи наподобие петли.

Любое движение ног натягивает веревку и начинает ужасный процесс удушения.

Почему этот номер называется «Ленивый палач»? Да потому, что приговоренный к смерти сам себя и казнит.

Во время исполнения наиболее опасных номеров рядом с мистером Гудини стояли наготове его ассистенты с ножами и ключами — на тот случай, если ему не удастся выбраться из оков. Часто поблизости дежурил и врач.

Сегодня всех этих предосторожностей не будет. Если за четыре минуты исполнитель не освободится сам, он умрет.

Через мгновение мы начинаем, но сначала позвольте дать вам один совет: никогда не забывайте, что, попав на наше представление, вы полностью отрешаетесь от реальности.

То, что кажется вам абсолютно подлинным, может вообще не существовать. То же, что вы принимаете за иллюзию, иногда оборачивается правдой.

Не удивляйтесь, поняв, что тот, с кем вы пришли на представление, совершенно чужой вам человек, а кто-то из сидящих в зале слишком хорошо знаком.

То, что, на ваш взгляд, безопасно, порой чревато смертельной опасностью. А те опасности, которых вы остерегаетесь, могут быть всего лишь приманкой, призванной отвлечь ваше внимание от куда более серьезных угроз.

Чему же вам верить на нашем представлении? Кому доверять?

Так вот, почтеннейшая публика: ничему верить вы не должны.

Тем более никому не доверяйте. Запомните: никому.

А сейчас занавес поднимается, прожектора загораются, музыка стихает, и лишь чуть слышен слабый стук сердец, сжимающихся в предвкушении чего-то необычного.

Представление начинается…

* * *

Дом выглядел так, будто повидал на своем веку немало привидений.

Это было зажатое между двумя небоскребами Верхнего Вест-Сайда темно-коричневое сооружение в готическом стиле, построенное еще в викторианскую эпоху, — с множеством закрытых ставнями окон и прогулочной площадкой на крыше. Когда-то здесь размещалась школа-интернат, позднее — психиатрическая лечебница, где душевнобольные преступники доживали свой нескладный век.

Да, Манхэттенская школа музыки и исполнительского искусства, должно быть, служила пристанищем для внушительного количества духов.

Один из них, возможно, витал где-то неподалеку — над еще не остывшим телом молодой женщины, лежавшей навзничь в полутемном вестибюле, возле небольшого концертного зала. Ее широко раскрытые неподвижные глаза пока не остекленели, а кровь на щеке не приобрела бурый оттенок.

Светлая от природы кожа сейчас из-за удушья стала темно-фиолетовой — ноги и шею женщины соединяла туго натянутая веревка.

Вокруг валялись ноты, футляр от флейты и пустая кофейная чашка; разлитый кофе запачкал джинсы и зеленую рубашку женщины, оставив на мраморном полу темные пятна.

Ее убийца сидел рядом на корточках и внимательно разглядывал жертву. Он явно никуда не спешил, поскольку знал, что по выходным занятий в школе нет, а сейчас было раннее утро субботы. Правда, студенты и сегодня пользовались репетиционными залами, но они располагались в другом крыле здания. Склонившись над женщиной, убийца прищурился — он надеялся увидеть, как от ее тела отделяется некая субстанция, дух, но ничего подобного так и не разглядел.

Выпрямившись, убийца прикинул, что делать с лежавшим перед ним неподвижным телом.

* * *

— Вы уверены, что тут визжали?

— Ага… то есть нет, — ответил охранник. — Знаете, скорее не визжали, а истошно кричали. Всего секунду или две. Потом все стихло.

— Кто-нибудь еще что-нибудь слышал? — спросила Диана Францискович, сотрудница патрульной службы 20-го полицейского участка.

Взглянув на высокую черноволосую женщину-полицейского, грузный охранник молча покачал головой. Сжав и разжав огромные кулаки, он вытер темные ладони о свои голубые брюки.

— Вызовем подмогу? — спросила у Дианы ее напарница Нэнси Аусонио. Тоже новичок в полиции, она была ниже напарницы и светловолоса.

Францискович не знала, как поступить, хотя все больше склонялась к тому, что подмога не нужна. В этой части Верхнего Вест-Сайда патрульные в основном имели дело с дорожными инцидентами, кражей товаров в магазинах, угоном машин и с уличными грабителями. С таким происшествием, как сейчас, они столкнулись впервые. Сегодня, во время утреннего дежурства, охранник, заметив на улице двух женщин-полицейских, пригласил их в здание, чтобы они проверили, кто там визжит. Ну, то есть истошно кричит.

— Давай пока воздержимся, — внешне спокойно отозвалась Францискович. — Сначала узнаем, что здесь случилось.

— Кричали вроде оттуда, — пояснил охранник. — Не знаю, что и подумать.

— Нечистое место, — заметила Аусонио. Сейчас она особенно волновалась, хотя обычно ничуть не боялась лезть в самую гущу драки. — Ну да, странные звуки. Трудно сказать, что это. Понимаешь, о чем я? Откуда же они доносятся?

И в самом деле чертовщина, подумала Францискович, догадавшись, что имеет в виду ее напарница.

Пройдя в кромешной тьме долгий путь и не обнаружив ничего подозрительного, охранник остановился.

— А там что? — Францискович указала на видневшуюся в конце коридора дверь.

— Там не должно быть студентов. Разве что...

Францискович распахнула дверь в небольшой холл, располагавшийся перед концертным залом А. Возле двери, ведущей в зал, лежало тело молодой женщины. Ее руки были скованы наручниками, ноги связаны, вокруг шеи обвивалась веревка. Остекленевшие глаза были открыты. Над телом склонился бородатый мужчина с каштановыми волосами, лет пятидесяти с небольшим. Удивленный неожиданным появлением людей, он вздрогнул и отвел взгляд от тела.

— Нет! — крикнула Аусонио.

— О Боже! — воскликнул охранник.

Полицейские выхватили оружие, и Францискович на удивление твердой рукой взяла мужчину на мушку.

— Эй, вы, не двигаться! Медленно встаньте, отойдите от трупа и поднимите руки. — Голос Францискович был куда менее тверд, чем ее пальцы, сжимавшие «глок». Мужчина подчинился. — Теперь ложитесь на пол, лицом вниз. Руки держите на виду! — Аусонио направилась к девушке. Только в этот момент Францискович заметила, что поднятая над головой правая рука мужчины сжата в кулак. — Разожмите ваш… — Ап!..

Ее ослепила яркая вспышка. Свет, полыхнувший из руки подозреваемого, озарил комнату. Аусонио замерла, пригнулась, подалась назад и, ничего не видя, отчаянно заморгала. Пистолет дрожал в ее руке. Охваченная паникой, она понимала, что убийца во время вспышки наверняка зажмурился, а сейчас, возможно, нацеливает на них свой пистолет или подбирается к ним с ножом в руке.

— Где, где, где? — крикнула она.

Но тут она увидела — очень смутно, сквозь все еще густой дым, — что убийца убегает в концертный зал. Он громко хлопнул дверью, и в зале послышался какой-то шум, словно там придвигали к двери стол или стул.

Опустившись на колени перед жертвой, Аусонио швейцарским армейским ножом перерезала веревку и начала делать девушке искусственное дыхание.

— Есть тут другие выходы? — спросила охранника Францискович.

— Только один — сзади, за углом справа.

— А окна?

— Их нет.

— Эй, — на бегу бросила она Аусонио, — следи за той дверью!

— Поняла! — ответила блондинка и снова попыталась вдохнуть воздух в полуоткрытый рот жертвы.

В зале вновь послышался грохот — очевидно, убийца продолжал воздвигать свою баррикаду. Вызвав по рации подмогу, Францискович бросилась к двери, о которой говорил охранник. В конце коридора кто-то

был. Быстро остановившись, Францискович нацелилась в грудь стоявшего впереди мужчины и направила на него ослепительный луч галогенового фонарика.

— О Господи! — выдохнул пожилой уборщик, уронив на пол свою метлу.

Францискович поблагодарила Бога за то, что не держала сейчас палец на спусковом крючке «глока».

— Кто-нибудь выходил из этой двери?

— Да что здесь происходит?

— Вы кого-нибудь видели? — крикнула Францискович.

— Нет, мэм.

— А давно ли вы здесь находитесь?

— Не знаю. Минут десять, наверно.

В зале по-прежнему передвигали мебель. Отправив уборщика и охранника в главный коридор, Францискович медленно двинулась к боковой двери. Держа пистолет на уровне глаз, она осторожно нажала на ручку. Дверь была не заперта. Сделав шаг в сторону, Францискович отошла от линии огня — на тот случай, если преступник начнет стрелять прямо через дверь. Такой трюк она видела в кино, хотя и в школе полиции инструктор, кажется, тоже предупреждал об этом.

Снова грохот.

— Нэнси, ты здесь? — прошептала Францискович в переговорное устройство.

— Она мертва, — дрожащим голосом сказала Аусонио. — Я старалась. Но она мертва.

— Он отсюда не выходил. Он все еще внутри. Я его слышу.

— Я старалась, Диана. Старалась.

— Забудь об этом. Сейчас надо действовать, понимаешь?

— Да я уже успокоилась. Правда успокоилась. Давай возьмем его.

— Нет, — возразила Францискович, — мы будем его сторожить до тех пор, пока не приедет группа захвата. Это все, что мы можем сделать. Сиди тихо. Следи за дверью и сиди тихо.

И тут она услышала, как убийца кричит из-за двери:

— У меня заложница! У меня здесь заложница. Только попробуйте войти, и я убью ее!

О Господи…

— Вы там, внутри! — заорала Францискович. — Никто не собирается ничего делать. Не беспокойтесь. Только никого больше не убивайте.

«Правильно ли я поступаю?» — думала Францискович. Ни по телевизору, ни в школе полиции ни о чем таком не говорили. Она слышала, как Аусонио звонит в Центральную и докладывает, что ситуация еще больше осложнилась — убийца построил баррикаду и взял заложницу.

— Только не волнуйтесь! — крикнула Францискович преступнику. — Вы можете… — Раздался громкий выстрел. Францискович вздрогнула от неожиданности. — Что случилось? Это ты стреляла? — спросила она в переговорное устройство.

— Нет, — ответила напарница. — Я думала, это ты.

— С тобой все в порядке?

— Да. Он сказал, что взял заложницу. Может, он застрелил ее?

— Не знаю, — раздраженно ответила Францискович, подумав: «Где же, черт побери, подмога?»

— Диана, — помолчав, прошептала Аусонио, — нам нужно туда войти. Вдруг она ранена и истекает кровью. — Эй, вы там, внутри! — повысив голос, крикнула она. Никакого ответа. — Эй, вы там! — Никакой реакции.

— Может, он покончил с собой? — предположила Францискович. Или просто выстрелил, чтобы мы решили, будто он покончил с собой, а теперь поджидает нас внутри?

И тут перед ее глазами возникла чудовищная картина: дверь в вестибюль открывается, озаряя бледным светом жертву, лицо которой холодное и синее, как зимние сумерки. Вот для этого она и пошла работать в

полицию — чтобы помешать разным гадам совершать подобные преступления.

— Нужно войти туда, Диана, — прошептала Аусонио.

— Об этом я думаю. Ладно. Пошли. — Голос Францискович звучал несколько отрешенно. В этот момент она размышляла о своей семье и о том, как получше обхватить левой рукой правую, если придется стрелять. — Скажи охраннику, что нужно зажечь свет в зале.

— Выключатель здесь, рядом, — отозвалась Аусонио. — Он включит свет, когда я его попрошу. — Аусонио вздохнула: — Ну все, я готова. На счет «три». Считай ты.

— Ладно. Один... Подожди. Когда ворвемся в зал, я буду в двух шагах от тебя. Смотри не застрели.

— Ладно. Два шага. Я буду...

— Ты будешь слева от меня.

— Давай!

— Один. — Францискович сжала ручку двери. — Два. — Ее палец коснулся предохранителя. — Три! — крикнула Францискович так громко, что напарница наверняка услыхала ее и без радио.

В большой прямоугольный зал она ворвалась в тот момент, когда зажегся ослепительный свет.

— Стоять! — гаркнула Францискович в пустую комнату.

Пригнувшись, она водила пистолетом из стороны в сторону, осматривая каждый дюйм.

Ни убийцы, ни заложницы.

Францискович метнула взгляд влево, где в других дверях стояла Нэнси Аусонио, точно так же лихорадочно осматривая зал.

— Где он? — прошептала та.

Францискович лишь покачала головой. В зале ровными рядами было расставлено около пятидесяти деревянных складных стульев. Четыре или пять из них лежали на боку, что, однако, ничуть не напоминало баррикаду, поскольку все они находились в разных местах. Справа, на

низкой сцене, стояли усилитель, две колонки и поцарапанное старое пианино. Рядом валялось множество проводов.

Молодые полицейские видели в зале все, кроме преступника.

— Что случилось, Нэнси? Объясни мне, что случилось.

Аусонио не отвечала; как и ее напарница, она лихорадочно озиралась по сторонам, осматривая все подряд, хотя уже поняла, что убийцы здесь нет.

Чертовщина…

Помещение напоминало погреб. Окон здесь не было. Проемы для отопления и вентиляции не превышали в диаметре и пятнадцати сантиметров. Деревянный потолок — без акустической плитки. В полу сцены никаких люков. И нет других дверей, кроме той, в которую ворвалась Аусонио, а также пожарной, через которую проникла Францискович.

— Где он? — выдохнула Францискович.

Нэнси прошептала что-то в ответ. Ее напарница не разобрала, что именно, однако по растерянному лицу Нэнси угадала: понятия не имею.

— Эй! — позвал кто-то из вестибюля. Девушки быстро обернулись, но никого не увидели. — Только что приехала «скорая» и несколько полицейских. — Это говорил спрятавшийся где-то охранник.

Чувствуя, как учащенно бьется у нее сердце, Францискович позвала его в зал.

— Стало быть, это… Я хочу сказать — вы взяли его?

— Убийцы здесь нет, — нетвердым голосом сообщила Аусонио.

— Что?! — Охранник осторожно заглянул в зал.

— Тут есть какие-нибудь потайные люки или что-нибудь в этом роде?

— Нет, мэм. Ничего такого. Так его здесь нет?

В коридоре слышались голоса полицейских и медиков «скорой помощи», негромко позвякивало привезенное ими оборудование. Девушки все еще никак не могли заставить себя присоединиться к коллегам. Потрясенные, они с тяжелым чувством стояли посреди концертного зала, тщетно пытаясь понять, как же убийца сбежал из помещения, откуда не было выхода.

Глава 2

— Значит, он слушает музыку.

— Ничего я не слушаю. Просто музыка была включена, вот и все.

— Музыка? — пробормотал Лон Селлитто, входя в спальню Линкольна Райма. — Какое совпадение!

— А он, оказывается, ценит джаз, — обратился Том к пузатому детективу. — Что меня весьма удивляет.

— Как я уже говорил, — раздраженно пояснил Линкольн Райм, — сейчас я работаю, а музыка звучит. И что ты имел в виду, сказав о совпадении?

— Нет, он не работает. — Юный помощник в желтовато-коричневых брюках, белой рубашке и однотонном фиолетовом галстуке кивнул на стоящий у кровати монитор с плоским экраном. — Смотреть целый час на одну и ту же страницу — это трудно назвать работой. Уж мне бы он не позволил так работать!

— Приказываю перевернуть страницу. — Узнав голос Райма, компьютер подчинился, и на экране появилась новая страница «Вестника криминалистики». — Не хочешь ли участвовать в викторине и угадать состав пяти экзотических ядов, недавно найденных в террористических лабораториях в Европе? — язвительно спросил он Тома. — Может, так мы заработаем большие деньги?

— Нет, у нас есть другие дела, — ответил помощник, намекая на различные процедуры, которые несколько раз в день приходилось проделывать таким парализованным больным, как Линкольн Райм.

— Этим мы займемся через несколько минут, — согласился криминалист, с наслаждением слушая сольную импровизацию.

— Нет, мы займемся этим сейчас. Надеюсь, вы извините нас, Лон.

— Конечно. — Растрепанный Селлитто вышел в коридор, прикрыв за собой дверь. Спальня Райма находилась на втором этаже его особняка, располагавшегося на Сентрал-парк.

Пока Том искусно выполнял свои обязанности, Линкольн Райм, прислушиваясь к музыке, лениво размышлял над тем, что имел в виду Лон, когда говорил о совпадении.

Через пять минут Том впустил Селлитто в спальню.

— Кофе?

— Да, немного. Приходится слишком рано начинать работу, да еще в субботу.

Помощник удалился.

— Ну, как я выгляжу, Линк? — спросил детектив. В свои сорок с лишним лет он почему-то всегда ходил в мятой одежде. Вот и сейчас на нем был мятый серый костюм.

— Что, отправляешься на показ мод? — усмехнулся Райм. Совпадение?

Мысли Райма вернулись к джазовой музыке. И как, черт побери, кому-то удается заставить трубу звучать столь вкрадчиво? Как вообще извлекают подобные звуки из металлического инструмента?

— Я сбросил шестнадцать фунтов, — продолжал детектив. — Рейчел посадила меня на диету. Хуже всего жирная пища. Если отказаться от жиров, можно сбросить очень много.

— По-моему, это давно известно, Лон. Так что...

— Странное дело. Полчаса назад в музыкальной школе, неподалеку отсюда, нашли труп. Расследование веду я, и мне нужна кое-какая помощь.

"Музыкальная школа. А я слушаю *музыку*. Вот какое неприятное совпадение".

Селлитто бегло перечислил факты. Убита студентка, преступника почти удалось схватить, но он бежал через какой-то потайной люк, который никто не может найти.

Музыка поддается математическому описанию. Как ученый, Райм прекрасно понимал это. Она логична, прекрасно структурирована. Кроме того, думал он, музыка бесконечна. Можно создать бесчисленное множество мелодий. Писать музыку вам никогда не наскучит. Райм попытался представить, каково это — писать музыку. Сам он считал, что не обладает творческими способностями. В одиннадцать или двенадцать лет Райм брал уроки фортепьяно, но хотя страстно влюбился тогда в мисс Блейкли, эти занятия ничего ему не дали.

— Так ты со мной, Линк?

— Ты же сказал, что дело странное.

Постепенно завладевая вниманием Райма, Селлитто привел новые детали.

— Из зала наверняка можно как-то выбраться. Но ни в самой школе, ни в нашей команде никто не понимает как.

— А место преступления?

— Все еще не тронуто. Нельзя ли поручить это Амелии? Райм взглянул на часы:

— Она будет занята еще минут двадцать.

— Это не проблема. — Селлитто похлопал себя по животу так, словно искал исчезнувшие фунты. — Я позвоню ей на пейджер.

— Только не отвлекай ее сейчас.

— Почему? Что она такое делает?

— Наверняка что-нибудь опасное, — рассеянно отозвался Райм, вновь сосредоточившись на сладком звуке трубы. — Что же еще?

* * *

Прижавшись лицом к стене дома, она вдыхала запах сырого кирпича.

Ладони ее вспотели, голова, покрытая шапкой огненно-рыжих волос, отчаянно чесалась. Амелия не шевельнулась даже тогда, когда к ней тихо приблизился одетый в форму полицейский и тоже сразу уткнулся лицом в кирпичную стену.

— В общем, ситуация вот какая, — начал полицейский. По его словам, за углом дома находилась пустая автостоянка, посреди которой сейчас стояла угнанная машина. После длительной погони она попала в аварию.

— Машина на ходу? — спросила Амелия Сакс.

— Нет. Врезалась в мусорный ящик и разбилась. Три преступника — мы преследовали всех троих, но одного потом взяли. Второй сидит в машине с каким-то жутким охотничьим ружьем — ранил из него патрульного.

— Что за рана?

— Поверхностная.

— Он там?

— Нет, смог уйти.

— А третий преступник? — спросила она.

Полицейский вздохнул.

— Черт побери, он пробрался на первый этаж вот этого здания. — Он ткнул пальцем в стену дома, к которой они сейчас прижимались. — Преступник забаррикадировался и взял заложницу — беременную женщину.

Обдумывая информацию, Сакс переступила с ноги на ногу. Черт, как больно! Проклятый артрит.

— А какое оружие у того, кто захватил заложницу, Уилкинс? — спросила она, прочитав имя своего собеседника у него на груди.

— Пистолет. Неизвестной системы.

— А где наши?

Молодой человек указал на двух полицейских, прятавшихся в задней части стоянки, за оградой.

— Еще двое перед зданием.

— Группу захвата вызывали?

— Не знаю. Когда мы начали стрелять, я потерял свой переговорник.

— Бронежилет есть?

— Нет. Я ведь не собирался вступать в перестрелку... Так что же нам делать?

— Проверяющий, говорит пятьдесят восемь восемьдесят пять, — переключив «Моторолу» на специальную частоту, сказала Амелия.

— Говорит капитан семьдесят четыре, — ответил мужской голос. — Продолжайте.

— Десять тринадцать на стоянке к востоку от шесть ноль пять Деланси. Нападение на офицера. Нужно подкрепление: машина «скорой

помощи» и немедленно группа захвата. Двое преступников, оба вооружены. Один захватил заложника, так что нам еще необходим переговорщик.

— Вас понял, пятьдесят восемь восемьдесят пять. Выслать вертолет для наблюдения?

— Нет, семьдесят четвертый. У одного из преступников есть мощное ружье, и они оба горят желанием пострелять «синих»[2].

— Мы скоро пришлем подмогу. Вот только секретная служба перекрыла половину города — вице-президент едет из аэропорта Кеннеди. Это задержит нас. Пока действуйте по своему усмотрению. Конец связи.

— Вас поняла. Конец связи. — "Вице-президент только что лишился одного голоса избирателя, — подумала Амелия. — *Моего"*.

Уилкинс покачал головой:

— Нам не удастся подвести переговорщика к зданию — снайпер ведь сидит в машине.

— Над этим я и работаю, — ответила Сакс. Подвинувшись к углу дома, она снова посмотрела на машину — дешевую модель, упирающуюся носом в мусорный бак. Сквозь распахнутые настежь двери Амелия увидела худого мужчину с ружьем.

Над этим я и работаю…

— Эй, в машине! — крикнула она. — Вы окружены. Если не бросите оружие, мы откроем огонь. Бросьте его сейчас же!

Быстро повернувшись, мужчина направил ружье в ее сторону. Амелия тотчас же скрылась за углом и по «Мотороле» вызвала двух полицейских, засевших в задней части стоянки.

— В машине есть заложники?

— Нет.

— Уверены?

— Да, — ответил полицейский. — Мы все хорошо рассмотрели до того, как он начал стрелять.

— Ладно. Сможете попасть в него?

— Разве что через дверь.

— Нет, вслепую не стреляйте. Подберитесь поближе, но только в том случае, если вас все время будут прикрывать.

— Принято.

Амелия увидела, как двое полицейских смещаются к флангу.

— Теперь я готов его пристрелить, — через мгновение сказал один из них. — Стрелять?

— Ждите команды, — ответила она и громко крикнула: — Эй, вы там, в машине! С ружьем! У вас есть десять секунд, после чего мы открываем огонь. Бросьте оружие. Вы поняли? — Она повторила это по-испански.

— Пошла ты!

Что ж, все ясно.

— Десять секунд! — снова крикнула Амелия. — Отсчет пошел. — Дайте ему двадцать секунд, — передала она по радио. — После этого открываю для вас зеленый свет.

На исходе десятой секунды сидевший в машине преступник бросил винтовку и встал, подняв руки вверх.

— Не стреляйте, не стреляйте!

— Не опускайте руки и подойдите сюда, к углу здания. Если вы опустите руки, будем стрелять.

Когда преступник подошел к дому, Уилкинс надел на него наручники и сразу обыскал.

— Тот парень внутри, — Сакс присела на корточки, — кто он такой?

— Я не стану вам…

— Нет, станешь! Иначе, когда мы возьмем его — а мы как раз собираемся это сделать, — ты сам пойдешь под суд за уголовное преступление. Неужели этот парень стоит сорока пяти лет в Оссининге[3]?

Мужчина вздохнул.

— Ну давай! — рявкнула Амелия. — Имя, адрес, дети, что он предпочитает на обед, девичья фамилия матери, есть ли у него

родственники в заключении — словом, любая информация, которая может оказаться полезной.

Пока он говорил, Сакс торопливо записывала его слова. Неожиданно затрещала ее «Моторола». К дому только что подъехали переговорщик и группа захвата.

— Отдайте их переговорщику. — Амелия вручила свои записи Уилкинсу.

Зачитывая снайперу его права, она думала о том, все ли сделала правильно, не зря ли рисковала жизнями людей? Может, следовало самой проверить состояние раненого?

Через пять минут из-за угла здания показался капитан.

— Женщину освободили, — с улыбкой сообщил он. — Она цела и невредима. Всех троих взяли как миленьких. А с раненым все будет в порядке — у него простая царапина.

Вскоре к ним присоединилась женщина-полицейский; из-под ее форменной шляпы выбивались короткие светлые волосы.

— Эй, смотрите! Мы получили дополнительный приз. — Она подняла повыше большой мешочек с белым порошком; в другом мешочке лежали трубки и прочие принадлежности наркоманов.

Взглянув на трофеи, капитан одобрительно кивнул.

— Это было в их машине? — спросила Сакс.

— Нет. Я нашла это в машине — стояла на другой стороне улицы. Я допрашивала ее владельца в качестве свидетеля, но его вдруг прошиб пот, и он так занервничал, что я обыскала его машину.

— Где она была припаркована? — осведомилась Сакс.

— В его гараже.

— У вас был ордер на обыск?

— Нет. Как я уже говорила, он слишком нервничал, а мне с тротуара был виден край того мешка. Поэтому я имела убедительные причины.

— Ничего подобного! — Сакс покачала головой. — Это незаконный обыск.

— Незаконный? Да мы на прошлой неделе останавливали его за превышение скорости и нашли в багажнике килограмм марихуаны. Так что мы его уже и раньше брали.

— На улице — это другое дело. Если машина движется по дороге, тут о неприкосновенности личной жизни особо печься не приходится. А вот когда машина находится на частной территории, то, если вы даже видите наркотики, для обыска и ареста вам нужно получить ордер.

— Но это же безумие! — возразила женщина. — У него там было десять унций чистого кокаина. Он самый настоящий наркодилер. Служба по борьбе с наркотиками месяцами гоняется за такими, как он.

— Вы уверены в том, что сказали, офицер[4]? — спросил у Сакс капитан.

— Абсолютно.

— Ваши рекомендации?

— Конфисковать наркотик, нагнать страху божьего на этого правонарушителя и передать его данные в службу по борьбе с наркотиками. — Амелия посмотрела на женщину-полицейского: — А вам стоит подучить правила проведения обысков и арестов.

Женщина начала спорить, но Сакс, не обращая на нее внимания, внимательно разглядывала пустую автостоянку, где возле мусорного бака все еще оставалась угнанная преступниками машина.

— Офицер... — начал капитан.

— Вы сказали, трое преступников? — перебила его Сакс, обратившись к Уилкинсу.

— Да.

— А откуда вам это известно?

— Так сообщалось в отчете об ограблении ювелирного магазина.

Отделившись от стены, Сакс достала свой «глок».

— А теперь взгляните на угнанную машину! — рявкнула она.

— О Боже! — воскликнул Уилкинс.

Все дверцы машины были распахнуты. Беглецов оказалось не трое, а четверо.

Пригнувшись, Сакс быстро осмотрела автостоянку и навела пистолет на то единственное место, где можно было спрятаться — небольшое пространство позади мусорного бака.

— К бою! — заметив какое-то движение, сразу же крикнула она. Все пригнулись. Из-за бака вдруг выскочил крупный мужчина в футболке и стремительно бросился в сторону улицы. В руках у него был дробовик. — Бросай оружие! — приказала Сакс, прицелившись ему в грудь. На миг замешкавшись, он ухмыльнулся и стал наводить дробовик на полицейских. Сакс выставила вперед свой «глок» и весело проговорила: — Бац, бац... Ага, попался!

Мужчина с ружьем засмеялся и, остановившись, восхищенно покачал головой.

— Здорово! А я уже думал, что сделал вас. — Закинув на плечо увесистый дробовик, он направился к стоявшим возле дома своим коллегам-полицейским. Другой «преступник», сидевший в машине, повернулся так, чтобы с него сняли наручники. Уилкинс освободил его.

Секундой позже к ним присоединилась «заложница» — женщина-полицейский латиноамериканского происхождения, которую Сакс знала уже много лет. Разумеется, никаких признаков беременности у нее не было.

— Прекрасно сработано, Амелия, ты меня просто спасла! — похлопав Сакс по спине, с чувством произнесла она.

Весьма довольная собой, Сакс тем не менее сохраняла серьезное выражение лица — словно школьница, только что сдавшая важный экзамен.

По сути дела, так оно и было.

Амелия Сакс добивалась нового назначения. Ее отец Герман всю жизнь работал в патрульно-постовой службе, и Сакс, имевшая сейчас то же звание, готова была прослужить там еще несколько лет, но после 11 сентября решила, что способна сделать для родного города гораздо больше. Поэтому и вознамерилась перейти на бумажную работу, надеясь получить звание сержанта уголовной полиции.

В деле борьбы с преступностью ни одна правоохранительная служба Нью-Йорка не имела таких заслуг, как уголовная полиция. Ее традиции восходили к несгибаемому инспектору Томасу Бирнсу, возглавлявшему в 1880-х годах только что созданное Детективное бюро. Характерные для Бирнса приемы включали в себя как угрозы и тяжелые удары в челюсть,

так и весьма искусные умозаключения. Однажды он нашел украденное кольцо по одной крошечной улике, обнаруженной им на месте преступления. Под энергичным руководством Бирнса детективы, получившие прозвище «бессмертные», радикально снизили уровень преступности в городе, который в те времена имел столь же дурную репутацию, как и любой штат Дикого Запада.

Герман Сакс коллекционировал памятные вещи, связанные с историей нью-йоркской полиции. Незадолго до смерти он передал дочери одну из своих самых дорогих реликвий — потрепанный блокнот, в котором Бирнс вел записи о проведенных им расследованиях. Сакс помнила, с каким интересом слушала в детстве отца, читавшего ей вслух наиболее интересные отрывки из этого блокнота, и они вместе придумывали соответствующие случаю истории.

12 октября 1883 года. Найдена вторая нога! Угольный бункер Слаггарди, 5-я ул. Ожидаю скорого признания Коттона Уильямса.

Несмотря на высокий престиж Детективного бюро (и высокую зарплату его сотрудников), женщинам, как ни странно, всегда предоставляли здесь больше возможностей для служебного роста, чем в любом другом подразделении нью-йоркской полиции. Если Томас Бирнс символизировал мужское начало этого бюро, то Мэри Шенли — женское. Считая ее героиней, Амелия преклонялась перед ней. В далеких 1930-х годах Шенли заслужила репутацию жесткого, бескомпромиссного полицейского. «Если у вас есть оружие, его надо использовать», — как-то сказала она и следовала этому правилу довольно часто. На пенсию Шенли ушла с должности детектива первого класса.

Сакс, однако, хотела не просто быть детективом, но и получить звание. В нью-йоркской полиции, как и в большей части других полицейских служб, стать детективом можно, лишь обладая соответствующими заслугами и опытом, а вот для того, чтобы получить звание сержанта, необходимо сдать устные и письменные экзамены. Кроме того, как это только что случилось с Сакс, придется пройти итоговые учения, позволяющие выявить практические навыки соискателя в управлении личным составом, умении работать в команде и принимать эффективные решения в боевой обстановке.

Капитан, учтивый ветеран, внешне напоминавший Лоренса Фишберна, должен был оценить поведение Сакс на таких учениях.

— Ну что ж, офицер, — улыбнулся он, — мы подробно опишем ваши результаты, и их приобщат к вашему личному делу. Однако сейчас я хочу сказать вам несколько слов неофициально. — Капитан заглянул в свой блокнот. — Вы совершенно точно оценили угрозу, которой могли

подвергнуться сотрудники и гражданские лица, и своевременно обратились за подмогой в соответствии с ситуацией. Личный состав был развернут максимально скрытно и вместе с тем так, что у нарушителей не осталось никаких шансов выйти из окружения. Вы правильно квалифицировали незаконный обыск. А получение от одного из подозреваемых информации личного характера позволило переговорщику использовать ее. Так что это было весьма удачным вашим ходом. Такие моменты мы раньше не отрабатывали, а теперь стоит об этом подумать. Ну и, наконец, мы даже не предполагали, что вы вычислите четвертого нарушителя. Планировалось, что он подстрелит офицера Уилкинса, — тогда мы бы посмотрели, как вы справитесь с ситуацией, связанной с потерей личного состава, и организуете преследование преступника. — Забыв об официальном характере разговора, капитан широко улыбнулся. — Однако вы все же сумели подстрелить этого мерзавца. Бац, бац! Вы ведь уже сдали устные и письменные экзамены?

— Так точно, сэр. Результаты скоро объявят.

— Моя группа даст оценку учениям и направит в комиссию вместе со своими рекомендациями. А сейчас вы свободны.

— Есть, сэр!

Коп, изображавший последнего плохого парня — того, что с дробовиком, — приблизился к Сакс. Это был красивый итальянец с мышцами боксера — явный выходец из бруклинских доков. Его щеки и подбородок заросли щетиной. На бедре красовался крупнокалиберный пистолет, и Сакс подумала, что этот самоуверенный улыбчивый итальянец вполне мог бы бриться, используя этот пистолет вместо зеркала.

— Должен тебе сказать, что я участвовал в дюжине учений, и нынешнее было лучшим из всех, детка.

Это приятно удивило Амелию. Конечно, в управлении еще оставались подобные троглодиты — от рядовых патрульных до высшего руководства, — но обычно они вели себя снисходительно, не проявляя откровенного желания. Сакс уже почти год не слышала от мужчин-полицейских словечек вроде «детка» или «милая».

— Если не возражаешь, называй меня «офицер».

— Нет-нет! — рассмеялся он. — Успокойся. Учения ведь уже закончились.

— Ну и что с того?

— Когда я говорю «детка», это не относится к учениям. Не считай это должностным преступлением. Я говорю это потому, что восхищен. И потому, что ты такая... ну, ты знаешь. — Он просиял. — Я не горазд на комплименты, и от меня не часто услышишь такое.

— Потому что ты такой... ну, ты знаешь.

— Эй, ты не обиделась?

— Ничуть. Но все-таки называй меня «офицер». И я буду так же обращаться к тебе.

— Я не хотел обидеть тебя. Ты красивая девушка. А я парень. Ты ведь знаешь, что это значит... Так вот.

— Да, так вот, детка, — ответила Сакс и пошла прочь. Нахмурившись, он преградил ей путь:

— Эй, подожди! Как-то нехорошо получается. Давай я куплю тебе пива. Когда узнаешь меня получше, я понравлюсь тебе.

— Это еще вопрос! — рассмеялся один из его приятелей.

Добродушно показав ему средний палец, «детка» снова повернулся к Сакс. В этот момент ее пейджер подал звуковой сигнал, и она увидела на экране номер Райма, после чего там появилось слово «срочно».

— Надо идти, — сказала Сакс.

— Значит, на пиво времени нет? — огорчился полицейский.

— Нет.

— А как насчет телефончика?

Изобразив пистолет большим и указательным пальцами, Амелия направила на него воображаемый ствол и, выкрикнув: «бац, бац!» — побежала к своему желтому «камаро».

Глава 3

И это называется школой?

Волоча за собой большую черную сумку на колесиках, Сакс шла по полутемному коридору. Пахло плесенью и старым деревом, с высокого потолка свисала густая паутина.

Как здесь можно изучать музыку? Все очень напоминает обстановку из романов Анны Райс, которые так любит читать ее мать.

— Нечистое место, — то ли в шутку, то ли всерьез пробормотал один из полицейских, и этим было все сказано.

Шестеро копов — четверо патрульных и двое в гражданской одежде — стояли в конце зала возле двустворчатых дверей. Наклонив голову и сжимая в руке один из своих традиционных блокнотов, о чем-то разговаривал с охранником взъерошенный Лон Селлитто. Форменная одежда охранника была такой же пыльной и грязной, как и все здешние полы и стены.

Через открытую дверь было видно еще одно полутемное помещение, посереди которого лежало тело жертвы.

— Нам нужно освещение. Пара комплектов, — сказала Сакс технику. — Кивнув, молодой человек направился к своей МБР — машине быстрого реагирования, битком набитой оборудованием, необходимым для работы на месте преступления.

Машина стояла возле здания, заняв часть тротуара — наверняка техник ехал сюда не с такой скоростью, как Сакс, ухитрившаяся разогнать свою развалюху 1969 года выпуска до семидесяти миль в час.

Амелия пристально рассматривала юную блондинку, лежавшую в трех метрах от нее. Из-за того, что руки девушки были скреплены наручниками за спиной, живот дугой выдавался вверх. Даже в полутьме вестибюля зоркая Сакс могла заметить на шее жертвы странгуляционные борозды, кровь на губах и подбородке — вероятно, она прикусила язык, что обычно бывает при удушении.

Обручального кольца нет, в ушах недорогие, изумрудного цвета, сережки, на ногах поношенные кроссовки, машинально отметила Сакс. Следовательно, отсутствуют видимые признаки ограбления, сексуального насилия или нанесения увечий.

— Кто из полицейских оказался здесь первым?

— Мы. — Высокая женщина с коротко остриженными темными волосами, на именной бирке которой значилось «Д. Францискович», кивнула в сторону своей светловолосой напарницы — «Н. Аусонио».

Лица обеих выражали беспокойство; Францискович нервно постукивала пальцами по кобуре пистолета, Аусонио не отрывала взгляда от тела жертвы, и Сакс решила, что та впервые столкнулась с убийством.

Патрульные подробно рассказали Амелии о том, как они обнаружили преступника, о вспышке света, о баррикаде, о его бегстве.

— По вашим словам, он заявил, будто взял заложника?

— Да, — ответила Аусонио, — но в школе все вроде бы на месте, поэтому мы уверены, что он блефовал.

— Кто жертва?

— Светлана Расникова, — сказала Аусонио. — Двадцать четыре года, студентка.

— Беддинг и Сол опросили сегодня утром всех, кто находился в здании, — добавил Селлитто.

— А кто побывал внутри?

— Сначала офицеры. — Селлитто указал на женщин. — Потом двое медиков и двое из группы захвата. Они ушли сразу же, как только все проверили. Место преступления все еще не тронуто.

— Там еще был охранник, — пояснила Аусонио. — Но лишь минуту, не больше. Мы его сразу же выпроводили.

— Хорошо, — сказала Сакс. — Свидетели есть?

— Когда мы вошли сюда, снаружи был уборщик, — ответила Аусонио.

— Но он ничего не видел, — добавила Францискович.

— Мне все же нужно взглянуть на отпечатки его обуви — для сравнения. Кто-нибудь из вас может его найти? — Сакс взглянула на женщин.

— Конечно. — Аусонио тут же удалилась.

Пошарив в одной из черных сумок, Сакс вытащила прозрачный пластмассовый мешочек. Расстегнув молнию, достала белый комбинезон «тивек», надела его и набросила на голову капюшон. После этого натянула перчатки. В нью-йоркском управлении полиции такую экипировку применяли теперь все эксперты: она исключала возможность искажения картины преступления посторонними следами: волосами, клетками эпителия и прочим. Кроме того, Сакс сделала то, на

чем всегда настаивал Райм, — обмотала обувь резиновыми лентами, что позволяло отличить собственные следы от отпечатков ног жертвы и преступника.

Водрузив на голову наушники и приладив микрофон, она включила свою «Моторолу». Через мгновение в ухе послышался слабый голос Линкольна Райма.

— Сакс, ты на месте?

— Да. Все произошло именно так, как ты говорил, — они загнали его в угол, и он исчез.

Райм засмеялся.

— А теперь они хотят, чтобы мы его нашли. Неужели наш удел исправлять чужие ошибки? Подожди минутку. Приказываю: убавить звук… убавить звук. — Музыка, на фоне которой звучал его голос, стихла.

Вскоре вернулся техник с высокими светильниками на штативах.

Установив их в вестибюле, Сакс включила свет и, осторожно переступив порог, оказалась на месте преступления.

По поводу того, как нужно действовать на месте преступления, единого мнения не существует. И хотя большинство специалистов считают, что чем меньше людей, тем лучше, многие управления посылают на место преступления целые бригады. Линкольн Райм, как правило, обследовал место происшествия один, и теперь настаивал на том, чтобы Амелия Сакс поступала так же. Чье бы то ни было присутствие волей-неволей отвлекает от дела, внимание криминалистов рассеивается, поскольку каждый — пусть даже подсознательно — начинает надеяться, что его напарник обнаружит то, что он случайно пропустил.

Кроме того, если полицейский обследует место преступления один, ему проще установить своего рода ментальную связь с жертвой и преступником. В такой ситуации лучше работает интуиция, позволяющая определить, что именно важно и где это найти.

Этим размышлениям предавалась сейчас Амелия, глядя на тело девушки, все еще лежавшее на полу, рядом со столом.

Возле тела она увидела опрокинутую чашку кофе, ноты и фрагмент серебряной флейты, которую, очевидно, собирала жертва, когда убийца накинул петлю ей на шею. Девушка сжимала мертвой хваткой еще один цилиндр, видимо часть инструмента. Может, она собиралась использовать его как оружие?

Или же отчаявшаяся девушка просто хотела перед смертью ощутить в руках что-то знакомое?

— Я возле тела, Райм, — сказала Амелия, снимая труп цифровой камерой.

— Продолжай.

— Она лежит на спине. Ее пытались реанимировать. Телесные повреждения соответствуют предположению об удушении. — Сакс осторожно перевернула женщину на живот. — Руки скованы какими-то странными наручниками. Я таких никогда не видела. Часы разбиты, они остановились ровно на восьми утра. Похоже, это не случайно. — Она приподняла руку женщины. — Ну да, Райм, убийца раздавил их ногой. А ведь часы хорошие — «Сейко». Зачем он сломал их? Ведь мог взять.

— Хороший вопрос, Сакс... Возможно, это ключ к разгадке, а может, ничего не означает.

Неплохая сентенция для криминалистики, подумала Сакс.

— Одна из полицейских, обнаруживших тело, перерезала петлю на шее — как раз в том месте, где был узел. — Узел разрезать не следовало — он мог бы дать ценную информацию о том, кто его завязал. С помощью липкой ленты Сакс собрала, выражаясь научно, трассологические доказательства — то есть следы, оставленные на месте преступления. В последнее время считалось, что употреблявшиеся ранее переносные пылесосы уничтожают значительную часть информации, поэтому большинство следственных бригад вновь перешло на клейкую ленту. Специальными инструментами Сакс взяла с тела жертвы образцы волос и того, что осталось под ногтями. — Пойду похожу по сетке, — сказала Сакс. Это выражение, изобретенное Раймом, отражало его методику исследования места преступления. Метод сетки, пожалуй, самый основательный из всех: криминалист сначала проходит в одном направлении туда и обратно, затем поворачивает на 90 градусов и вновь обследует тот же участок, осматривая при этом не только пол, но также потолок и стены.

Сакс уже вела обследование, пытаясь отыскать оброненные или выброшенные предметы, снимая электростатические отпечатки следов обуви и делая цифровые фотографии. Фотослужба еще проведет тщательную съемку места преступления, но на это требуется время, а Райм всегда требовал, чтобы хоть какие-то снимки немедленно доставляли ему.

— Офицер! — позвал Селлитто. — Амелия обернулась. — Я тут подумал вот о чем... Раз мы не знаем, куда делась эта сволочь, может, вам нужно какое-то прикрытие?

— Нет. — Амелия мысленно поблагодарила детектива за то, что он напомнил ей об убийце, исчезнувшем в том помещении, которое она собиралась обследовать. Один из афоризмов Линкольна Райма гласил: «Осматривай все внимательно, но следи за тем, что творится у тебя за спиной». На всякий случай Сакс взялась за рукоятку пистолета — надетая поверх комбинезона кобура сдвинулась чуть-чуть вверх — и продолжила свою работу. — Ну вот, что-то есть, — пробормотала она мгновение спустя. — В вестибюле, примерно в трех метрах от жертвы. Кусок черной шелковой ткани. То есть это похоже на шелк. Кусок ткани лежит на какой-то детали от ее флейты. Он принадлежал преступнику или жертве. — Не найдя в коридоре ничего интересного и не отрывая руки от пистолета, Сакс вошла в зал. Увидев, что здесь абсолютно негде спрятаться, она было расслабилась, однако, едва начав осмотр, почувствовала нарастающее беспокойство. Нечистое место... — Райм, тут вот что странно...

— Я совсем не слышу тебя, Сакс.

Она вдруг поняла, что говорит шепотом.

— Лежащие стулья обвязаны обгоревшей веревкой. Похоже на бикфордов шнур. Я чувствую запах сгоревших нитратов и серы. Очевидцы сообщали, что преступник один раз выстрелил, но пахнет не бездымным порохом. Это что-то другое. Ах вот оно что... Тут небольшая серая шутиха. Наверное, это и был тот самый выстрел, который они слышали... Минуточку! Тут есть что-то еще — под креслом. Это маленькая зеленая монтажная плата — с громкоговорителем.

— Маленькая? — саркастически переспросил Райм. — Фут мал по сравнению с акром. А вот акр мал по сравнению с сотней акров, Сакс!

— Прошу прощения. Примерно пять сантиметров на двенадцать.

— По сравнению с десятицентовой монетой это, пожалуй, большая штука, а?

«Все поняла, большое тебе спасибо», — про себя сказала она.

Уложив найденные улики в сумку, Сакс вышла из зала через вторую — пожарную — дверь, сняла электростатические отпечатки, а также сфотографировала найденные здесь следы. Теперь у нее есть

контрольные образцы, а их можно сравнить со следами, найденными возле жертвы и там, где ходил внезапно испарившийся преступник.

— Я все сделала, Райм. Вернусь через полчаса.

— А замаскированные двери и потайные ходы, о которых все говорят?

— Я не могу их найти.

— Ладно, тогда отправляйся домой, Сакс.

Вернувшись в вестибюль, она позволила пройти к месту преступления фотографам и экспертам по скрытым уликам. Возле двери стояли Францискович и Аусонио.

— Вы нашли уборщика? — спросила Амелия. — Мне нужно взглянуть на его обувь.

Аусонио покачала головой.

— Ему пришлось отвезти жену на работу. Я оставила уборщику записку с просьбой позвонить.

— Послушайте, офицер! — вмешалась ее напарница. — Мы с Нэнси вовсе не хотим, чтобы этот подонок сбежал. Если мы еще можем чем-нибудь содействовать вам — ну, в общем, дайте нам знать.

— Посмотрим, как все обернется, — ответила Сакс, прекрасно понимая, что они сейчас чувствуют.

В этот момент у Селлитто забормотала рация.

— Это близнецы, — сообщил он. — Они закончили опрос свидетелей.

В вестибюле их ждали двое мужчин — один высокий, другой низкий, один с веснушками, другой — без. Это были детективы из Большого дома, специализировавшиеся на опросе свидетелей преступления.

— Сегодня утром мы опросили здесь семь человек.

— Плюс охранник.

— Одних только студентов...

— Без преподавателей.

Несмотря на полное несходство внешности, эту парочку все называли близнецами. Не стоило даже и пытаться разговаривать с ними поодиночке — все упрощалось, если близнецов считали единым целым.

— Информация не самая обнадеживающая.

— Несомненно одно — все очень взволнованы.

— Обстановка здесь не слишком приятная. — Говоривший указал глазами на свисающую с потолка паутину.

— Жертву никто толком не знал. Сегодня утром она пришла в репетиционный зал с подругой. Она...

— Подруга.

— ...никого внутри не видела. Они пробыли здесь минут пять — десять — беседовали. Подруга ушла около восьми.

— Итак, — подытожил Райм, слушавший их по рации, — убийца ждал девушку в репетиционном зале.

— Жертва, — добавил коротышка, — приехала сюда из Грузии...

— Это которая в России, — уточнил второй, — а не Персиковый штат[5].

— ...около двух месяцев назад. Жила, можно сказать, одиноко.

— Консульство сейчас пытается связаться с ее родными.

— Все остальные студенты находились сегодня в других комнатах для репетиций, ничего не слышали и не видели незнакомых людей.

— Муж, любовник, любовница? — спросила Сакс, вспомнив правило номер один при расследовании убийств: преступник обычно знаком с жертвой.

— Студентам о них ничего не известно.

— Как же он попал в здание? — осведомился Райм, и Сакс повторила его вопрос вслух.

— Открыты только парадные двери, — сказал охранник. — Конечно, у нас есть и пожарная дверь, но снаружи ее не открыть.

— Значит, он должен был пройти мимо вас, верно?

— И записаться. А камера должна была заснять его.

— Здесь есть телекамера наблюдения, Райм, — подняв взгляд вверх, сообщила Сакс, — но ее линзы, кажется, не протирали уже несколько месяцев.

Все собрались за столом охранника. Нажав соответствующие кнопки, тот прокрутил сегодняшнюю запись.

— Беддинг и Сол опросили сегодня семь человек, но среди них не оказалось еще одного — бородатого мужчины среднего возраста, шатена, в джинсах и мешковатом пиджаке.

— Это он, — заявила Францискович. — Это убийца.

Нэнси Аусонио кивнула.

На смазанной пленке было видно, как мужчина делает запись в книге посетителей и проходит внутрь. Когда это происходило, охранник смотрел не на посетителя, а в книгу.

— Вы хоть взглянули на него? — спросила Сакс.

— Не обратил внимания, — ощетинился охранник. — Того, кто записывается, я впускаю. Это все, что мне положено делать. Такая у меня работа. Я здесь больше для того, чтобы никого не выпускать с нашим имуществом.

— Мы все же получили его подпись, Райм. И имя. Наверняка фальшивое, но это все же образец почерка. Кстати, где он записался? — Сакс взяла в руки журнал регистрации.

Они снова прокрутили пленку с самого начала. Убийца зарегистрировался четвертым. Однако под четвертым номером в списке значилось женское имя.

— Прокрутите запись еще раз, — сказал Райм. — Считайте тех, кто записался.

Сакс велела охраннику так и поступить, и они снова смотрели, как девять человек записываются в книгу посетителей — восемь студентов, включая жертву, и один убийца.

— Записалось девять человек, Райм. Но в списке только восемь имен.

— Как же это случилось? — удивился Селлитто.

— Спросите охранника, уверен ли он в том, что злоумышленник записался, — распорядился Райм. — Может, он только имитировал это.

Сакс задала этот вопрос охраннику.

— Ну да, записался. Я не всегда гляжу на их лица, но постоянно слежу, чтобы они записались. Это все, что мне положено делать. Такая у меня работа.

Сакс покачала головой.

— Захвати-ка с собой книгу посетителей, и мы на нее здесь посмотрим, — сказал Райм.

В углу, обхватив себя за плечи, стояла молодая азиатка. Глядя в окно, она ждала автобус, который должен был увезти ее из этого кошмара. Повернувшись, она обратилась к Сакс:

— Я слышала ваш разговор. Как я поняла, вы не знаете, покинул ли убийца здание после того, как… ну, в общем, после. Думаете, он еще здесь?

— Нет, не думаю, — ответила Сакс. — Я просто хотела сказать, что мы не знаем, как именно он сбежал.

— Но если вы не знаете этого, значит, преступник может до сих пор где-то здесь прятаться. И ждать кого-нибудь еще. А вы понятия не имеете, где он находится.

Сакс ободряюще улыбнулась:

— Тут будет много полицейских до тех пор, пока мы окончательно не выясним, что случилось. Вам не о чем беспокоиться.

А про себя подумала: «Девушка абсолютно права: возможно, преступник оставался здесь и поджидал кого-нибудь еще. Мы же не имеем представления, кто он и где находится».

Глава 4

А теперь, почтеннейшая публика, короткий антракт. Наслаждайтесь воспоминаниями о «Ленивом палаче»… и ждите продолжения.

Не волнуйтесь.

Наш следующий номер скоро начнется…

* * *

По Бродвею неспешно шел обычный прохожий, ничем не выделявшийся среди остальных. Дойдя до угла, он вдруг остановился, словно внезапно о чем-то вспомнив, и отступил в тень. Сняв с пояса сотовый телефон, поднес его к уху. Во время беседы он улыбался и рассеянно поглядывал по сторонам.

На самом деле мужчина никуда не звонил — он просто пытался определить, не следят ли за ним.

Внешне Мальэрик разительно отличался от того человека, который полчаса назад вышел из музыкальной школы — теперь он лишился бороды и стал блондином в спортивной одежде. Присмотревшись, наблюдательный прохожий мог бы заметить в нем нечто необычное: на шее виднелся длинный шрам, а два пальца левой руки — мизинец и безымянный — казались сросшимися. Впрочем, никто не обращал на Мальэрика никакого внимания, поскольку выражение его лица и жесты были вполне естественны, а человек, который ведет себя естественно, незаметен. Это известно каждому иллюзионисту.

Радуясь тому, что за ним никто не следит, он наконец возобновил свою неспешную прогулку, завернул за угол и по обсаженному деревьями тротуару направился к своему дому. Навстречу попадались лишь редкие любители бега трусцой да немногие местные жители с сумками или свежим номером «Таймс», предвкушающие чашку кофе, неторопливое чтение газеты, а возможно, и неспешный утренний секс.

Вскоре Мальэрик приблизился к дому, где несколько месяцев назад арендовал квартиру. Это было темное, довольно скромное здание, совсем не похожее на его собственные дом и мастерскую, расположенные в пустыне, неподалеку от Лас-Вегаса. Поднявшись по лестнице, он подошел к своей квартире, располагавшейся в задней части здания.

Как я уже говорил, следующее действие скоро начнется.

А пока, почтеннейшая публика, поболтайте о той иллюзии, которую вы только что увидели, побеседуйте с теми, кто сидит рядом с вами, попытайтесь угадать, что будет дальше.

Наш следующий номер потребует, чтобы наш новый исполнитель проявил разнообразные способности, но смею заверить вас, он будет таким же захватывающим, как и «Ленивый палач».

Все эти слова непроизвольно промелькнули сейчас в сознании Мальэрика. *Почтеннейшая публика*… Он постоянно разговаривал со

своими воображаемыми зрителями, иногда даже слышал аплодисменты, взрывы смеха и крики ужаса. Слышал он и особую театральную интонацию загримированного конферансье или иллюзиониста старой закалки. Такой монолог позволял установить контакт с аудиторией и облегчить исполнение трюка, преподнося зрителям ту информацию, которую им необходимо знать. А временами и для того, чтобы отвлечь и обезоружить ее.

После пожара Мальэрик оборвал почти все контакты с реальными людьми: постепенно их заменила «почтеннейшая публика», ставшая его постоянным обществом. Обращенные к ней репризы вскоре заполнили сознание Мальэрика, угрожая, как он иногда чувствовал, постепенно свести его с ума. Вместе с тем они утешали Мальэрика, что после случившейся три года назад трагедии он все-таки не один. «Почтеннейшая публика» была всегда рядом.

В квартире пахло дешевым лаком, от стен и пола исходил странный мясной дух. Меблирована она была весьма скромно: дешевые кушетки и кресла; спартанского вида обеденный стол, стоявший в столовой, всегда был накрыт на одного человека. Спальни же, напротив, были битком набиты необходимыми иллюзионисту предметами: бутафорией, веревками, костюмами, формовочным оборудованием для латекса, париками, кусками ткани, красками, петардами, косметикой, монтажными платами, проводами, батареями, фитилями, оборудованием для обработки древесины… и множеством других вещей.

Приготовив себе травяной чай, Мальэрик сел за стол, чтобы угоститься фруктами и низкокалорийной шоколадкой. Иллюзия тесно связана с физиологией; успех трюка зависит от того, как выполнит его тело. Здоровая пища и поддержание хорошей формы — ключ к успеху.

Утренним представлением Мальэрик остался доволен. Первого исполнителя он убил очень легко — Мальэрик затрепетал от удовольствия, вспомнив, как жертва оцепенела от страха и обмочилась, когда он появился у нее за спиной и накинул на шею веревку. До этого, накрытый черным шелком и никем не замеченный, он полчаса простоял в углу. Внезапное появление полиции, конечно, потрясло его, но, как опытный иллюзионист, Мальэрик заранее подготовил себе запасной вариант и великолепно использовал его.

Покончив с завтраком, он отнес чашку на кухню, тщательно вымыл и поставил в сушилку. Во всех своих делах Мальэрик проявлял педантичную аккуратность; к этому приучил его наставник — напрочь лишенный чувства юмора фанатик-иллюзионист.

Войдя в самую просторную из своих спален, Мальэрик поставил видеозапись, сделанную на месте следующего представления. Эту запись он видел уже раз десять, и, хотя помнил ее наизусть, собирался изучать снова (наставник долго вколачивал в него — иногда в буквальном смысле этого слова — всю важность правила «сто к одному»: каждую минуту, проведенную на сцене, нужно репетировать сто минут).

Просматривая запись, Мальэрик подтащил к себе покрытый бархатом столик. Не глядя на свои руки, он выполнил сначала несколько простейших карточных фокусов — «Ложный голубиный хвост» и «Три стопки», — после чего перешел к более сложным — «Обратный сдвиг», «Скольжение» и «Без усилия». После этого Мальэрик проделал действительно сложные трюки — вроде придуманных Стэнли Палмом «Призрачных карт», знаменитой «Загадки шести карт» Малдо и некоторых других, разработанных искусным Кардини и Рики Джеем, знаменитым актером, мастером карточных фокусов.

Мальэрик выполнил также несколько карточных фокусов из раннего репертуара Гарри Гудини. Большинство считает его лишь фокусником-эскапистом, но на самом деле творчество Гудини было многогранным — он исполнял и масштабные трюки с исчезновением ассистентов и слонов, и фокусы из репертуара салонной магии. На самого Мальэрика Гудини оказал очень большое влияние. В начале своей карьеры, еще подростком, он даже взял себе сценический псевдоним «Юный Гудини». «Эрик», вторая часть его нынешнего имени, не только напоминала о прошлой жизни (то есть жизни до пожара), но и была данью уважения самому Гудини, венгру по национальности, которого в действительности звали Эрик Вейр. Что же касается приставки «Маль», то любой иллюзионист подумал бы, что она выбрана в честь всемирно известного Макса Брейта, выступавшего под именем Мальвини. На самом же деле Мальэрик взял эти буквы потому, что они происходили от слова «зло» — это отражало мрачную природу его творчества.

Сейчас он внимательно изучал запись, мысленно измеряя углы, отмечая расположение окон и местонахождение возможных свидетелей, прикидывая, где будет находиться сам — как это делают все хорошие исполнители. Занимаясь этим, Мальэрик продолжал молниеносными движениями тасовать карты, шуршавшие в его руках. Короли, дамы, валеты и джокеры, словно вода, стекали на черный бархат, а затем, нарушая все законы природы, снова взлетали к его сильным рукам и тут же исчезали из вида. Наблюдая за импровизированным представлением Мальэрика, публика (если бы она видела это) была бы потрясена тем, что реальность уступила место иллюзии, поскольку ни один человек не в силах проделать ничего подобного.

Но все обстояло совсем иначе — карточные фокусы, которые сейчас с отсутствующим видом проделывал Мальэрик, не были ни иллюзией, ни чудом; в основе этих тщательно отрепетированных упражнений лежали непреложные законы физики.

* * *

О да, почтеннейшие зрители: то, что вы уже видели, и то, что вам еще предстоит увидеть, — все это абсолютно реально.

Реально, как пожирающий плоть огонь.

Реально, как веревка, впивающаяся в белоснежную шею юной девушки.

Реально, как стрелки часов, медленно движущиеся навстречу тому ужасу, который испытает наш следующий исполнитель.

* * *

— Эй, привет!

Молодая женщина присела возле постели, на которой лежала ее мать. За окном, на аккуратно подстриженном газоне, стоял высокий дуб, ствол его обвивал плющ, всегда выглядевший по-разному. Сегодня анемичное растение ничуть не напоминало ни дракона, ни стаю птиц, ни солдата. Это обычное городское растение изо всех сил пыталось выжить.

— Ну как ты себя чувствуешь, королева-мать? — спросила Кара.

Это обращение появилось после одной из поездок, которые они обычно совершали всей семьей — на сей раз в Англию. Родителей Кара называла «ваше королевское величество» и «королева-мать», себя — «королевский отпрыск».

— Прекрасно, дорогая. А как у тебя дела?

— Лучше, чем у одних, но не так хорошо, как у других. Ну как, нравится? — Протянув руку, Кара показала свои коротко подстриженные ногти — черные, как клавиши рояля.

— Очень мило, дорогая. От розового цвета я уже немного устала. Сейчас он встречается везде и страшно примелькался.

Поднявшись, Кара поправила соскользнувшую вниз подушку, после чего снова села и сделала глоток из принесенного с собой большого термоса; кофе был единственным наркотиком, который она употребляла, зато очень часто и помногу. За утро это была уже третья чашка.

Ее короткие волосы сейчас были красновато-фиолетовыми; вообще за годы пребывания в Нью-Йорке она успела перекрасить их почти во все цвета радуги. Нынешнюю ее прическу некоторые называли стрижкой «под эльфа»; Каре такое название совсем не нравилось, и она предпочитала называть ее просто «удобной». Можно выйти из дома уже через несколько минут после душа — настоящее благо для тех, кто ложится не раньше трех ночи и не относится к числу ранних пташек.

Сегодня на ней были черные облегающие брюки и — хотя ее рост едва превышал пять футов — туфли без каблуков. Темно-фиолетовая блузка без рукавов позволяла разглядеть красивые тугие мышцы. Кара училась в колледже, где основное внимание уделялось не физической подготовке, а политике и искусству, однако, окончив его, вступила в гимнастический клуб «Голд Джим» и теперь постоянно сгоняла вес и бегала трусцой. Прожив восемь лет в богемном Гринвич-Виллидже и приближаясь к тридцати, Кара сохранила необычно белую кожу, без татуировок и наколок.

— Да, имей в виду, мама. Завтра у меня представление. Одно из тех, что устраивает мистер Бальзак.

— Да, я помню.

— Но на этот раз все будет иначе. Сейчас он разрешил мне выступить соло.

— Да что ты, милая!

— Чистая правда!

Мимо палаты по коридору проковылял мистер Гелдтер.

— Привет!

Кара рассеянно кивнула ему. Когда ее мать впервые приехала сюда, в Стьювсант-Мэнор, один из лучших в городе домов для престарелых, о ней с Гелдтером много шушукались.

— Они считают, что мы с ним живем, — шепотом сообщила она дочери.

— А разве нет? — спросила Кара, считая, что после пяти лет вдовства матери пора бы уже найти себе мужчину.

— Конечно, нет! — с искренним возмущением отрезала мать. — Как ты можешь предполагать такое! — Этот эпизод очень точно характеризовал ее: легкую непристойность она допускала, но, перейдя некоторую черту,

человек становился Врагом с большой буквы — даже если он был ее собственной плотью и кровью.

Подавшись вперед, Кара продолжала рассказывать матери о своих планах на завтра. При этом она внимательно разглядывала ее. Для семидесяти пяти лет кожа матери была на редкость гладкой и розовой; в поседевших волосах все еще виднелись черные пряди. Штатная парикмахерша сегодня завила их и собрала в пучок.

— В любом случае, мам, кое-кто из моих подруг будет там; хорошо, если бы и ты приехала.

— Постараюсь.

Кара внезапно осознала, что кулаки ее плотно сжаты, тело напряжено, а дыхание участилось.

Постараюсь...

Кара закрыла глаза, наполнившиеся слезами. Черт побери!

Постараюсь...

Как это неправильно, со злостью подумала она. Раньше мать никогда не сказала бы: «Постараюсь». Это не в ее духе. Она могла бы или категорически заявить: «Все, дорогая, я буду там! В первом ряду», или холодно отрезать: «Нет, завтра не смогу. Тебе следовало предупредить меня пораньше».

«Постараюсь» — совсем не похоже на мать. Она или решительно за, или столь же решительно против.

Но не теперь — когда она вообще едва похожа на человека. В лучшем случае это ребенок, спящий с открытыми глазами.

На самом деле эта беседа происходила только в воображении молодой женщины. Правда, слова Кары были вполне реальны, а вот все, что якобы произнесла ее мать, начиная с «Прекрасно, дорогая. А как у тебя дела?» и кончая смутившим Кару «Постараюсь», молодая женщина выдумала.

Увы, сегодня ее мать вообще не произнесла ни слова. То же самое было вчера и позавчера. Она лежала в коме возле увитого плющом окна. Порой она приходила в себя, но несла полную чепуху, словно какие-то невидимые беспокойные мысли тревожили ее, понапрасну вороша память.

Иногда все же наступали моменты просветления, и хотя они длились недолго, отчаяние Кары проходило. Когда же молодая женщина уже была готова смириться с худшим — с тем, что ее мать ушла навсегда, — та вдруг возвращалась и становилась почти такой, как до кровоизлияния в мозг. И решимость Кары исчезала: так обманутая женщина прощает своего непутевого мужа, если тот проявляет малейшие признаки раскаяния. В такие минуты она убеждала себя, что мать выздоравливает.

Врачи, конечно, говорили, что надежды почти нет. Однако их не было рядом с Карой, когда несколько месяцев назад ее мать вдруг очнулась и сказала: «Привет, милая! Я съела те булочки, что ты вчера принесла. Ты положила побольше орехов — именно так, как я люблю. И черт с ними, с калориями. — Детская улыбка. — О, я так рада, что ты здесь. Я хотела рассказать тебе о том, что сделала вчера ночью миссис Брэндон с пультом дистанционного управления».

Кара изумленно заморгала. Она ведь действительно принесла вчера матери булочки с орехами. А сумасшедшая миссис Брэндон с пятого этажа действительно утащила пульт дистанционного управления и через окно посылала сигнал в холл четвертого этажа, целых полчаса хаотически переключая каналы, к ужасу всех обитателей дома престарелых, решивших, что взбунтовался полтергейст.

Нужны ли лучшие доказательства того, что ее энергичная мать все еще не исчезла и просто заключена в телесную оболочку, лежащую в палате номер 492, откуда может когда-нибудь выскользнуть?

Но уже на следующий день Кара обнаружила, что мать смотрит на нее с подозрением, спрашивая, кто она такая и что ей здесь нужно. Если мать беспокоится по поводу счета за свет на двадцать два доллара и пятнадцать центов, так Кара уже оплатила его и может предъявить квитанцию. Повторения сцены с булочками и пультом дистанционного управления Кара так и не дождалась.

Прикоснувшись к материнской руке, теплой, гладкой, по-детски розовой, Кара вновь испытала сложные чувства, посещавшие ее во время ежедневных визитов сюда: она то желала, чтобы мать наконец отмучилась и умерла, то надеялась, что больная вернется к полноценной жизни, а главное, хотела избежать этого ужасного выбора.

Кара взглянула на часы. Ну вот — как всегда, опоздала на работу. Мистер Бальзак будет недоволен. Допив кофе, она выбросила пластиковый стакан и вышла в коридор.

Крупная черная женщина в белой форменной одежде приветственно подняла руку.

— Кара! Давно ты здесь? — Ее лицо расплылось в улыбке.

— Минут двадцать.

— Я бы зашла навестить тебя, — сказала Джейнин. — Она в сознании?

— Нет. Когда я пришла, была без сознания.

— Очень жаль.

— Она говорила до этого? — спросила Кара.

— Совсем немного. Трудно было определить, с нами она или нет. Похоже на то, что... Какой сегодня прекрасный день! Мы с Софи собираемся чуть позже вывезти ее на прогулку во двор — если придет в сознание. Ей это нравится.

После прогулки она всегда чувствует себя лучше.

— Мне пора на работу, — сказала сиделке Кара. — Кстати, у меня завтра выступление. В магазине. Помнишь, где это?

— Ну конечно! В какое время?

— В четыре. Приходи.

— Завтра утром я заканчиваю рано. Я приду. Потом выпьем еще этого, с персиками, как в прошлый раз.

— Ну вот и отлично. Да, и приведи с собой Пита.

— Не обижайся, но он увидит тебя в воскресенье только в том случае, если ты будешь выступать на футбольном поле в перерыве между таймами и если это твое выступление покажут по телевизору.

— Твоими бы устами да Богу в ухо, — отозвалась Кара.

Глава 5

Сто лет назад здесь мог бы проживать более или менее преуспевающий финансист.

Или владелец небольшого галантерейного магазина, находившегося в роскошных торговых рядах на Четырнадцатой улице.

Или, возможно, политик с Таммани-холл[6], овладевший бессмертным искусством богатеть на службе обществу.

Нынешний владелец этого особняка, расположенного на Сентрал-парк, не знал и в общем-то не хотел знать его историю. Не волновало Линкольма Райма и то, что когда-то заполняло эти комнаты, а именно викторианская мебель и предметы искусства конца девятнадцатого века. Ему нравилось все, что окружало его сейчас: столы, вращающиеся кресла, компьютеры, научное оборудование — измеритель градиента плотности, газовый хроматограф, масс-спектрометр, микроскопы, пластмассовые ящики всех видов и оттенков, мензурки, колбы, термометры, защитные очки, черные или серые футляры причудливой формы, в которых, очевидно, находились экзотические музыкальные инструменты. И провода.

Провода и кабели были везде и покрывали чуть ли не всю комнату. Одни были аккуратно свернуты и подсоединены к какому-то оборудованию, другие внезапно исчезали в неровных отверстиях, безжалостно пробитых в столетних стенах.

Сам Линкольн Райм в основном обходился без проводов. Современные технические достижения позволяли надежно соединить компьютеры и климатическое оборудование с микрофонами, установленными в его инвалидной коляске и, конечно, в спальне. Почти все устройства выполняли команды, подчиняясь звуку его голоса: Райм мог ответить на телефонный звонок или же вывести изображение с микроскопа на монитор компьютера.

К таким устройствам относился и новый приемник «Хармон Кардон-8000», из которого сейчас в лаборатории звучало приятное джазовое соло.

— Приказываю — отключить стерео, — неохотно скомандовал Райм, услышав, как хлопнула входная дверь.

Музыка тотчас же смолкла, сменившись звуком шагов в парадном и гостиной. Райм сразу понял, что пожаловала Амелия Сакс — эта высокая женщина всегда ходила удивительно легкой походкой. Затем он различил тяжелую поступь больших, постоянно вывернутых наружу ступней Лона Селлитто.

— Сакс, — начал Райм, когда она вошла в комнату, — место преступления занимает большую площадь? Прямо-таки громадную?

— Не слишком. — Она недоуменно нахмурилась. — А что?

Райм не отрывал взгляда от серых ящиков, где содержались вещественные доказательства, принесенные сюда Сакс и другими полицейскими.

— Я пришел к такому выводу, потому что на осмотр помещения понадобилось очень много времени. Пожалуй, тебе стоит использовать на своей машине проблесковый маячок. Их ведь не зря изобрели. Сирены тоже небесполезны. — Когда Райма одолевала скука, он становился раздражительным. Скука была для него настоящим бичом.

— Мы столкнулись там с загадочными вещами, Райм, — не реагируя на его колкости, ответила Сакс, судя по всему, находившаяся в хорошем расположении духа.

Кажется, Селлитто называл это дело странным, вспомнил Райм.

— Изложи мне сценарий. Что там случилось?

Сакс изложила возможный ход событий, кульминацией которого стало исчезновение преступника из репетиционного зала.

— Очевидцы услышали выстрел, после чего ворвались внутрь. Сделали они это одновременно, через две двери в зал. Преступника там уже не было.

Селлитто сверился со своими записями.

— По словам патрульных, этому мужчине лет пятьдесят, он среднего роста, среднего телосложения, никаких особых признаков, кроме бороды, волосы каштановые.

Тамошний уборщик не видел, чтобы кто-нибудь входил или выходил. Но возможно, он врет. Школа должна сообщить имя и номер телефона уборщика. Посмотрим, удастся ли мне освежить его память.

— А что насчет жертвы? Какой здесь мотив?

— Там не было ни сексуального насилия, ни ограбления, — вставила Сакс.

— Только что говорил с близнецами, — добавил Селлитто. — В последнее время у девушки не было любовников. Это усложняет проблему.

— Она училась на дневном отделении? — спросил Райм. — Или работала?

— На дневном. Но скорее всего еще где-то выступала. Сейчас выясняют где.

Вызвав своего помощника Тома, Райм поручил ему, как часто это делал, переписать заметки из своего элегантного блокнота на одну из висящих в

лаборатории больших белых досок. Взяв маркер, Том начал писать, но тут раздался стук в дверь, и помощник моментально ретировался.

— К вам посетитель! — объявил он из прихожей.

— Посетитель? — недовольно повторил Райм, не желавший сейчас никого видеть. Однако помощник немного слукавил. В комнату уже входил Мел Купер, худой лысеющий эксперт. Райм, бывший главой экспертов Нью-Йоркского городского управления полиции, познакомился с ним несколько лет назад во время расследования дела о похищении людей, проводившегося совместно с полицией штата Нью-Йорк. Купер тогда усомнился в выводах Райма относительно одного образца почвы и, как потом выяснилось, оказался прав. Это произвело на Райма большое впечатление, и он навел справки о новом знакомом. Оказалось, что тот, как и сам Райм, активный и весьма уважаемый член Международной ассоциации по идентификации личности, объединяющей экспертов, которые занимаются установлением личности человека по отпечаткам пальцев, ДНК, реконструкции черепа и остаткам зубов. Имея дипломы по математике, физике и органической химии, Купер также был первоклассным специалистом в области анализа вещественных доказательств.

Райм развернул кампанию за переезд криминалиста в город, и в конце концов тот согласился. Учтивый, всегда вежливый эксперт, ко всему прочему чемпион по бальным танцам, работал в криминалистической лаборатории Нью-Йоркского управления полиции в Куинсе, но часто помогал Райму, когда с тем консультировались по какому-то сложному делу.

Когда приветствия стихли, Купер водрузил на нос толстые очки а-ля Гарри Поттер и окинул критическим взглядом коробки с вещественными доказательствами, словно шахматный игрок, взирающий на своего оппонента.

— И что же мы имеем?

— Сплошные загадки, — ответил Райм. — Так утверждает Сакс. Загадки.

— Ну что ж, попробуем разрешить их.

Пока Купер натягивал латексные перчатки, Селлитто наскоро ознакомил его со сценарием убийства. Райм подкатился поближе к нему.

— Вот это что такое? — спросил он, не отрывая взгляда от зеленой монтажной платы с прикрепленным к ней динамиком.

— Я нашла ее в репетиционном зале, — сказала Сакс. — Что это такое, не имею понятия. Судя по следам, ее оставил там невидимка.

Похоже на компьютерную микросхему, подумал Райм. Впрочем, это не слишком удивило его — преступники всегда находятся на гребне технического прогресса. Грабители банков вооружились полуавтоматическими «кольтами» сорок пятого калибра образца 1911 года уже через несколько дней после того, как их начали производить, хотя носить это оружие не имел права никто, кроме военных. Рации, телефоны с шифраторами, автоматы, лазерные прицелы, глобальная система навигации, сотовая технология, средства наблюдения, компьютерное кодирование — все эти средства зачастую попадали в арсенал преступников раньше, чем ими успевали воспользоваться правоохранительные органы.

Райм всегда был готов признать, что некоторые вещи находятся вне пределов его компетенции. Всякого рода компьютеры, сотовые телефоны и тому подобные устройства — то, что он называл насдаковскими[7] уликами, Райм охотно уступал специалистам.

— Отвезите это Тобу Геллеру, — распорядился он.

Так звали талантливого молодого человека, работавшего в том отделе ФБР, который занимался компьютерными преступлениями. Геллер помогал им и раньше, и Райм был убежден: если кто-то и может сказать, что это за устройство и откуда оно взялось, так это Геллер.

Сакс отдала сумку Селлитто, а тот передал ее полицейскому в форме, поручив отвезти в центр города. Честолюбивая Амелия Сакс остановила его. Сначала она удостоверилась, что полицейский заполнил специальную карточку, как и все, кто имел доступ к вещественным доказательствам, начиная с момента обнаружения преступления и до суда. Только внимательно проверив карточку, Сакс отпустила его с миром.

— Да, а как прошли итоговые учения? — спросил вдруг Райм.

— Ну... — начала она и, помявшись, закончила: — Думаю, я справилась неплохо.

Такой ответ удивил Райма. Амелия Сакс обычно не любила похвал и еще реже хвалила себя сама.

— Я в этом не сомневался, — сказал он.

— Сержант Сакс... — задумчиво протянул Лон Селлитто. — Звучит, а?

И они вернулись к изучению пиротехники, найденной в музыкальной школе, — фитилям и шутихе.

По крайней мере одну загадку Сакс все же разгадала. Убийца, пояснила она, наклонил стулья так, чтобы они стояли на двух ножках, и связал их хлопчатобумажной нитью. Иначе они не удержались бы в этом положении. К средней части веревок он привязал фитили, после чего зажег. Примерно через минуту огонь пережег нить, и стулья упали на пол. Вот почему создалось впечатление, что убийца все еще внутри. Одновременно он поджег фитиль, который в конечном счете привел в действие петарду — ее хлопок ошибочно приняли за выстрел.

— Вы можете установить их происхождение? — спросил Селлитто.

— Фитиль самый обычный, а петарда разрушилась. Ни производителя, ничего. — Купер покачал головой. Как видел Райм, здесь остались лишь крошечные обрывки бумаги с выгоревшей металлической сердцевиной петарды. Тонкая нить, сделанная из стопроцентного хлопка, тоже оказалась самой обычной, поэтому ее происхождение проследить невозможно.

— Была еще вспышка света, — просматривая свои записи, добавила Сакс. — Когда офицеры увидели преступника возле жертвы, он поднял руку, и последовала ослепительная вспышка. Как осветительная ракета. Она ослепила их обеих.

— Следы какие-нибудь есть?

— Я ничего не нашла. Они сказали, что все словно испарилось.

— Пойдем дальше. Следы обуви есть?

Купер сразу же открыл базу данных по отпечаткам обуви, представлявшую собой оцифрованную версию того, что составил еще Райм, когда возглавлял экспертов управления полиции Нью-Йорка.

— Это черные туфли без шнурков фирмы «Экко», — после нескольких минут поисков сообщил он. — Вероятно, десятого размера[8].

— Трассологические доказательства? — осведомился Райм, и Сакс достала из коробки несколько пластмассовых мешочков, в которых находились полоски липкой ленты.

— Вот эти взяты с тех мест, где он ходил, и рядом с телом.

Купер вытащил из мешочков куски липкой ленты и разложил по отдельным подносам, чтобы избежать взаимного загрязнения. В

основном к ним пристала пыль с контрольных участков, где не могло быть следов преступника и жертвы, однако на отдельных частях ленты виднелись волокна. Их Сакс нашла там, где ходил преступник, или на предметах, к которым он притрагивался.

— Давайте посмотрим их.

Ловко взяв образцы пинцетом, эксперт положил их на предметное стекло бинокулярного микроскопа, лучшего инструмента для исследования волокон, и нажал кнопку. Изображение, которое он видел через окуляр, тут же появилось на большом плоском мониторе компьютера.

Волокна выглядели здесь как толстые нити сероватого цвета.

Волокна очень важны в криминалистике, поскольку буквально перескакивают с одного предмета на другой; к тому же их легко классифицировать. Собственно, они разделяются на две большие категории — природные и искусственные. Райм тотчас же заметил, что эти нити не похожи на вискозу или полимеры, а значит, имеют природное происхождение.

— Но какая именно это разновидность? — произнес Мел Купер.

— Взгляните на клеточную структуру. Готов поспорить, что это экскрементные волокна.

— Что такое? — удивился Селлитто. — Экскрементные? Как в дерьме?

— Экскрементные — как в шелке. Это выходит из пищеварительного тракта червей. Серый матовый краситель. А что на других образцах, Мел?

Пропустив через микроскоп остальные образцы, Купер выяснил, что там находятся идентичные волокна.

— Злоумышленник был в сером?

— Нет, — ответил Селлитто.

— И жертва тоже нет, — сказала Сакс.

Новая загадка.

— А! — прильнув к окуляру, воскликнул Купер. — Это, наверное, волос.

На экране появился длинный предмет коричневого цвета.

— Это человеческий волос, — заявил Райм, заметив на нем сотни чешуек. Волосы животных имеют максимум несколько десятков. — Но он фальшивый.

— Фальшивый? — переспросил Селлитто.

— В принципе волос настоящий, но он из парика, — пояснил Райм. Это совершенно очевидно. Взгляните на его кончик. Это не луковица, а клей. Скорее всего волосы не преступника, но стоит это записать.

— Записать, что он не шатен? — спросил Том.

— Нас интересуют только факты, — отрезал Райм. — Запиши, что невидимка, вероятно, носил каштановый парик.

— Хорошо, мой господин.

Продолжая изучение частей ленты, Купер вскоре обнаружил на двух из них небольшое количество грязи и какой-то растительный материал.

— Давай сначала растительный материал, Мел.

Купер быстро подготовил образцы.

При анализе материалов с места преступления, совершенного в Нью-Йорке, Линкольн Райм всегда придавал большое значение всему, что связано с геологией, а также с растительным и животным миром. Дело в том, что на североамериканском материке расположена лишь одна восьмая территории города, тогда как большая ее часть находится на островах. Отсюда вытекает, что те или иные минералы и образцы флоры и фауны зачастую характерны только для определенных частей Нью-Йорка или даже отдельных районов, а это дает возможность сделать территориальную привязку.

Мгновением позже на экране появилась красноватая веточка с кусочком листа.

— Это хорошо! — обрадовался Райм.

— И что же тут хорошего? — осведомился Том.

— Хорошо то, что это редкое растение — красный земляной каштан гикори. В городе их трудно найти. Мне известно два места, где они растут, — это Центральный парк и парк Риверсайд. К тому же... о, посмотрите-ка вот на это! Видите эту сине-зеленую массу?

— Где? — спросила Сакс.

— Разве не видишь? Вон там, справа! — Райм пришел в отчаяние от того, что не может вскочить с кресла и постучать по экрану. — В нижнем правом углу. Если веточка напоминает Италию, то это похоже на Сицилию.

— Вижу.

— Что ты думаешь, Мел? Ведь это лишайник? И мне кажется, что это пармелия консперса.

— Возможно, — осторожно сказал эксперт. — Вообще-то лишайников много.

— Но только не сине-зеленых и серых, — сухо заметил Райм. — Точнее, их совсем мало. А именно этот в изобилии встречается в Центральном парке… Теперь у нас сразу две привязки к парку. Что ж, хорошо. Давайте взглянем на грязь.

Купер установил новый образец. То, что удалось увидеть через микроскоп — куски грязи, похожие на астероиды, — было не особенно познавательным, и Райм распорядился:

— Пропустите образец через ГХ.

ГХ/МС — газовый хроматограф/масс-спектрометр — это соединение в одно целое двух приборов для химического анализа. Первый из них разделяет неизвестное вещество на составные части, второй определяет, что они собой представляют. Например, кажущийся однородным белый порошок можно разделить на дюжину различных химикалий: пищевую соду, мышьяк, детскую присыпку и кокаин. Принцип действия хроматографа вполне сопоставим со скачками: вещества начинают двигаться через прибор одновременно, но, поскольку их скорость различна, постепенно разделяются. На «финише» масс-спектрометр сравнивает каждое из них с обширной базой данных известных веществ и таким образом идентифицирует.

Проведенный Купером анализ показал, что грязь, добытая Сакс, пропитана каким-то маслом. Идентифицировать его, однако, не удалось: прибор только показал, что оно минерального происхождения — не растительного и не животного.

— Отправьте это в ФБР! — распорядился Райм. — Посмотрим, справятся ли с ним тамошние спецы. — И покосился на пластмассовый пакет. — Это и есть та черная тряпка, которую ты нашла?

Может, это ключ к разгадке, а может, вообще ничего не означает…

Сакс кивнула.

— Она валялась в углу того помещения, где задушили жертву.

— Это ее вещь? — поинтересовался Купер.

— Не исключено, — ответил Райм, — но давайте сначала предположим, что тряпка принадлежит убийце.

Осторожно подняв кусок ткани, Купер тщательно обследовал его.

— Шелк. Подшито вручную.

Хотя ткань можно было сложить в крошечный комок, в развернутом виде ее площадь была довольно большой — семьдесят два на сорок восемь дюймов.

— Из расчета времени следует, что убийца дожидался жертву в вестибюле, — сказал Райм. — Уверен, он спрятался в углу и накрылся этой тканью. Таким образом, убийца стал невидимкой. Вероятно, он забрал бы ткань с собой, если бы офицеры не спугнули его.

Что почувствовала бедная девочка, когда убийца как по волшебству материализовался из воздуха и накинул веревку ей на шею!

Обнаружив, что к черной ткани пристало несколько частиц, Купер положил их под микроскоп. Вскоре на дисплее появилось их изображение. При увеличении они походили на телесного цвета кусочки салата. Купер потрогал их крошечным зондом — материал слегка пружинил.

— Что за чертовщина? — пробормотал Селлитто.

— Какой-то сорт резины, — ответил Райм. — Кусок воздушного шара… нет, для этого она слишком толстая. И посмотри на изображение, Мел. Что-то тут смазано. И опять же телесный цвет. Пропусти это через ГХ.

Пока они дожидались результатов, в дверь позвонили. Выйдя из комнаты, чтобы открыть, Том вскоре вернулся с каким-то конвертом.

— Скрытые улики! — провозгласил он.

— А, это хорошо, — сказал Райм. — Наконец-то у нас есть отпечатки пальцев. Пропусти их через САИОП, Мел.

Находящиеся в Западной Виргинии мощные серверы фэбээровской системы автоматической идентификации отпечатков пальцев проведут

поиск по федеральным и штатским базам данных, выдав результаты за считанные часы или даже минуты, если служба скрытых улик нашла хорошие, четкие отпечатки.

— Как они выглядят? — спросил Райм.

— В целом неплохо. — Сакс показала ему снимки. Многие представляли собой лишь фрагменты, однако имелся и добротный отпечаток всей левой ладони. Первое, что отметила Сакс, у убийцы на этой руке деформированы два пальца, мизинец и безымянный. Казалось, они срослись и заканчивались совершенно гладким участком кожи, без каких-либо отпечатков. Райм неплохо разбирался в патологии, но все же не мог сказать, врожденное ли это отклонение или результат травмы.

«Что за ирония судьбы, — думал Райм, глядя на изображение, — у преступника левый мизинец поврежден, а у меня ниже шеи это единственная часть тела, способная двигаться».

— Задержи-ка это на минутку, Мел… — неожиданно нахмурился он. — Подойди поближе, Сакс. Я хочу внимательно разглядеть это. — Когда Амелия подошла, Райм снова стал изучать отпечатки пальцев. — Заметила что-нибудь необычное?

— Нет. Хотя подождите… — Она засмеялась и провела пальцем по снимкам. — Они одинаковые. Все его пальцы одинаковые. Вот этот маленький шрам везде находится в одном и том же положении.

— Должно быть, он носит особые перчатки, — сказал Купер, — с фальшивыми папиллярными линиями. Никогда такого раньше не видел — только в телевизионных шоу.

Кто же, черт возьми, этот преступник?

На экране компьютера появились результаты, полученные на ГХ/МС.

— Отлично, это чистый латекс и… что же это такое? — недоумевал Купер. — Компьютер определяет это как альгинат. Никогда не слышал о…

— Вспомни о зубах, — посоветовал Райм.

— Что? — удивился Купер.

— Это порошок, который смешивают с водой, чтобы сделать пломбу. Им пользуются дантисты. Возможно, наш убийца — зубной врач.

Купер снова обернулся к экрану.

— Еще мы имеем очень слабые следы касторового масла, пропиленгликоля, метилового спирта, слюды, окиси железа, двуокиси титана, дегтя и кое-каких нейтральных пигментов.

— Некоторые из них используются в косметике. — Райм припомнил случай, когда убийца губной помадой жертвы написал на ее зеркале похабную фразу; пятна этой помады потом обнаружили у него на рукаве. Расследуя это дело, Райм многое узнал о косметике.

— Это ее? — спросил Купер.

— Нет, — ответила Сакс. — Я взяла мазки с ее кожи. Она не пользовалась косметикой.

— Что ж, занесем это на доску. Посмотрим, значит ли это что-нибудь.

Внимательно рассмотрев кусок веревки — орудие убийцы, Мел Купер окинул взглядом присутствующих.

— Это белая веревка с черной сердцевиной. И то и другое сделано из шелка, легкого и тонкого; вот почему она выглядит не толще обычной веревки, хотя, по существу, это две веревки, связанные вместе.

— И зачем это нужно? — поинтересовался Райм. — Сердцевина делает веревку прочнее? Ее легче развязывать? Или, напротив, труднее? В чем тут дело?

— Не имею понятия.

— Дело становится все загадочнее. — В голосе Сакс прозвучали драматические нотки, что чрезвычайно возмутило бы Райма, если бы он сам не был с ней согласен.

— М-да, — смущенно подтвердил он. — Это для меня ново. Но давайте продолжим. Мне хотелось бы натолкнуться на что-нибудь *знакомое,* то, чем мы могли бы *воспользоваться*.

— А узел?

— Завязан специалистом, но я не могу его опознать, — ответил Купер.

— Отправьте снимок узла в бюро. И... мы никого не знаем в Морском музее?

— Они несколько раз помогали нам с узлами, — сказала Сакс. — Я им тоже отправлю снимок.

В этот момент позвонил Тоб Геллер из отдела компьютерных преступлений.

— Это довольно забавно, Линкольн.

— Рад, что мы позабавили тебя, — пробормотал Райм. — Сообщишь ли нам что-нибудь полезное насчет нашей игрушки?

Геллер, молодой человек с вьющимися волосами, на колкости Райма обычно не реагировал, особенно в тех случаях, когда дело касалось компьютеров.

— Это цифровой магнитофон. Впечатляющая штучка. Ваш невидимка что-то записал на него, сохранил звук на жестком диске и запрограммировал так, чтобы он воспроизвел его с задержкой. Что именно записал преступник, сказать нельзя — он запустил программу, которая стерла всю информацию.

— Там был его голос, — пробормотал Райм. — Когда он говорил, что взял заложника, это была лишь запись. Как и стулья. Преступник хотел убедить нас, что он еще в помещении.

— В этом есть смысл. Это особый динамик — маленький, но с прекрасными басовыми и средними тонами. Он очень хорошо воспроизводит человеческий голос.

— На диске преступник ничего не оставил?

— Не-а. Стер навсегда.

— Черт! А я хотел получить запись его голоса.

— Прости, но тут уже ничего не поделаешь.

Райм огорченно вздохнул, предоставляя Сакс возможность самой сообщить Геллеру о том, как высоко они ценят его помощь.

После этого бригада обследовала наручные часы жертвы, разбитые преступником по какой-то непонятной причине. Им удалось выяснить только одно: время, когда они были разбиты.

Преступники иногда разбивают часы на месте преступления, предварительно установив их на другое время, чтобы направить следствие по ложному пути. Однако эти часы остановились приблизительно в то время, когда наступила смерть. Что все это означает?

Снова загадки...

Когда помощник занес все их наблюдения на белую доску, Райм взглянул на пакет, где находился листок регистрации.

— Там недостает одного имени, — размышлял он вслух. — Записались девять человек, а в списке только восемь... Думаю, нам нужно обратиться к эксперту. — Приказываю позвонить, — сказал Райм в микрофон. — Вызови Паркера Кинкейда.

Глава 6

На дисплее появился номер 703 — код штата Виргиния, затем набираемый номер телефона.

Гудок. Через секунду девичий голос ответил:

— Дом Кинкейдов.

— Паркер здесь? Я имею в виду твоего отца.

— А кто его спрашивает?

— Линкольн Райм. Из Нью-Йорка.

— Подождите, пожалуйста.

Мгновение спустя в помещении послышался неторопливый голос одного из самых известных в стране экспертов по работе с документами.

— Привет, Линкольн! Пожалуй, ты не звонил уже месяц или два.

— Было много дел, — сказал Райм. — А чем ты занят сейчас, Паркер?

— О, у меня сплошные неприятности. Чуть не спровоцировал международный инцидент. Британское культурное общество пожелало, чтобы я определил подлинность записной книжки короля Эдуарда, приобретенной у одного частного коллекционера.

— То есть за книжку уже заплатили?

— Шестьсот тысяч.

— Дороговато. Она была им так необходима?

— О, там есть кое-какие пикантные сплетни о Черчилле и Чемберлене. Ну, не в этом смысле, конечно.

— Конечно. — Как обычно, Райм проявлял терпение к тем, от кого намеревался получить бесплатную помощь.

— Ну, я изучил ее, и что же? Мне пришлось поставить под сомнение подлинность этой книжки. — В устах такого выдающегося специалиста, как Кинкейд, это означало, что записная книжка — бесстыдная подделка. — Ну, они как-то пережили это, — продолжал он, — хотя до сих пор так и не заплатили мне за работу… Нет, милая, не ставь это в морозильник, пока не остынет… Потому что я так говорю.

Отец-одиночка, Кинкейд оставил пост начальника отдела в ФБР и основал собственную экспертную фирму только ради того, чтобы проводить больше времени со своими детьми.

— Как там Маргарет? — спросила Сакс.

— Это вы, Амелия?

— Да.

— Прекрасно. Не видел ее уже несколько дней. В среду мы повезли Робби и Стефанию в «Плэнет плей», и едва я начал побеждать Маргарет в какой-то игре, как сработал ее пейджер. Ей пришлось куда-то вламываться и кого-то арестовывать — не то в Панаме, не то в Эквадоре. Деталей она мне не сообщила. Так в чем у вас проблема?

— Мы ведем одно дело, и мне нужна кое-какая помощь. Вот сценарий: преступник записался в журнале регистрации у охранника. Понятно?

— Ну да. И вам нужен анализ почерка?

— Проблема в том, что никакой записи у нас нет.

— Она исчезла?

— Да.

— И вы уверены, что он не притворялся?

— Уверены. Охранник видел, как чернила ложились на бумагу.

— А сейчас ничего не видно?

— Ничего.

Кинкейд мрачно засмеялся.

— Это здорово. Значит, запись, сделанная преступником, не сохранилась. А потом на этом месте сделал запись кто-то еще и уничтожил даже след от его подписи.

— Верно.

— А на следующей странице ничего не осталось?

Райм посмотрел на Купера, тот, держа под углом следующую страницу журнала регистрации, осветил ее ярким светом (в последнее время следы записей выявлялись именно так: страницу уже не заштриховывали карандашом), после чего отрицательно покачал головой.

— Ничего, — сказал Райм. — Так как же ему это удалось?

— С помощью исчезающих чернил. Раньше они включали в себя фенолфталеин, пока его не запретило Управление по контролю за продуктами и лекарствами. Таблетку растворяют в спирте и получают синие чернила со щелочным пи-аш. Потом что-то пишут, и после недолгого пребывания на воздухе синий цвет исчезает.

— Понятно. — Райм вспомнил курс химии. — Содержащаяся в воздухе двуокись углерода воздействует на щелочь и нейтрализует цвет.

— Именно так. Фенолфталеина вы больше не найдете. Но то же самое можно проделать с тимолфталеиновым индикатором и каустической содой.

— И где покупают эту штуку?

— Гм!.. — Кинкейд обратился к дочери: — Ну... подожди минутку, дорогая. Папа говорит по телефону... Нет, все нормально. В духовке все торты выглядят кривыми. Я скоро приду... Линкольн! Я как раз собирался сказать тебе, что теоретически это гениальная идея, но за все время моей работы в бюро ни один преступник или шпион не использовал на практике исчезающие чернила. Это, знаешь ли, новация. Она имела бы успех на каком-нибудь представлении.

Ну да, представлении, мрачно подумал Райм, глядя на снимки несчастной Светланы Расниковой.

— Где же наш убийца нашел такие чернила?

— Скорее всего в магазинах игрушек или в магазинах театрального реквизита.

Интересно...

— Ну ладно, ты очень помог мне, Паркер.

— Как-нибудь обязательно приезжайте, — сказала Сакс. — И привозите с собой детей.

Райм недовольно скривился.

— Ты еще пригласи всех их друзей. Всю школу… — Смеясь, она сделала знак, чтобы он замолчал. — Чем больше мы узнаем, тем меньше знаем, — угрюмо подытожил Райм, когда собеседник положил трубку.

Позвонившие вскоре Беддинг и Сол доложили, что в музыкальной школе к Светлане хорошо относились и у нее не было врагов. Подработка тоже вряд ли вызвала какие-нибудь неприятности — она исполняла роль массовика-затейника на детских мероприятиях.

Пришел пакет из отдела судебно-медицинской экспертизы. В нем находился пластмассовый мешок со старыми наручниками, которыми были скованы руки жертвы. Как и велел Райм, наручники не открывали. Руки жертвы сжали, и наручники стащили, чтобы, рассверливая механизм замка, не уничтожить важные улики.

— Никогда не видел ничего подобного. — Купер поднял их. — Прямо как в кино.

Райм согласился. Наручники были очень старые, тяжелые, к тому же выкованные неаккуратно.

Вычистив и простукав все механизмы, Купер так и не обнаружил ничего существенного. Правда, то, что наручники были очень старыми, несколько обнадеживало: это ограничивало поиски источников их получения. Райм попросил Купера сфотографировать их и отпечатать снимки, чтобы показать фото продавцам.

В этот момент кто-то позвонил Селлитто. Разговор привел его в недоумение.

— Не может быть… Вы уверены?.. Ладно, ладно. Спасибо. — Отключившись, он посмотрел на Райма. — Не понимаю.

— В чем дело? — Новые загадки уже начали раздражать Райма.

— Звонил администратор музыкальной школы. У них нет никакого уборщика.

— Но ведь патрульные видели его, — заметила Сакс.

— По субботам там не убирают. Только вечером по рабочим дням. И никто из уборщиков не похож на того типа, о котором говорили патрульные.

Уборщика не было?

Селлитто пробежал глазами свои записи.

— Он находился сразу за второй дверью — прибирался, Он...

— О черт! — воскликнул Райм. — Это же был он! Уборщик ведь совсем не походил на преступника, верно? — Он взглянул на детектива.

Селлитто сверился со своей записной книжкой.

— Ему было на вид за шестьдесят, лысый, в сером комбинезоне.

— В сером комбинезоне! — снова воскликнул Райм.

— Да.

— Вот вам и шелковое волокно. Оно от костюма.

— О чем вы говорите? — поинтересовался Купер.

— Наш невидимка убил студентку. Потом, когда его потревожили полицейские, он ослепил их вспышкой, убежал в репетиционный зал, установил фитили и магнитофон, чтобы они думали, будто он остался внутри, переоделся в комбинезон уборщика и выбежал из второй двери.

— Но когда же он успел все с себя сбросить, Линк? — спросил толстый полицейский. — Как, черт возьми, он все это проделал? Он же был вне поля зрения секунд шестьдесят?

— Если у тебя есть другое объяснение, кроме вмешательства потусторонних сил, я готов его выслушать.

— Да нет же! Это совершенно невозможно.

— Невозможно... невозможно... — Райм подъехал к белой доске, на которой Том разместил фотографии следов. — А как насчет вещественных доказательств? — Он внимательно изучал следы преступника и те, которые Сакс сняла в коридоре. — Вот она, обувь! — наконец провозгласил он.

— Что, следы те же самые? — удивился детектив.

— Да. — Сакс подошла к доске. — Фирма «Экко», размер десятый.

— О Боже! — выдохнул Селлитто.

— Итак, что мы имеем? — начал Райм. — Преступник лет пятидесяти или чуть старше, среднего телосложения, среднего роста и без бороды, два деформированных пальца — возможно, стоит у нас на учете, поскольку прячет отпечатки пальцев, — и это, черт возьми, все, что мы знаем! — Райм насупился. — Нет, это не все. Есть кое-что еще. Он принес с собой смену одежды, орудие убийства... Это серийный убийца. Он собирается проделать это снова. — Сакс кивнула. — Чем все это объединено? — вслух рассуждал Райм, глядя на доску, где аккуратным почерком Тома было записано то, что относилось к этому делу: черный шелк, косметика, переодевание, маскировка, вспышки и пиротехника. Исчезающие чернила. — Полагаю, наш герой — фокусник и получил кое-какую подготовку.

— Похоже на то, — кивнула Сакс.

— Возможно, — согласился Селлитто. — Но что же нам делать?

— Мне это кажется очевидным, — сказал Райм. — Найти своего собственного.

— Кого своего? — спросил Селлитто.

— Фокусника. Кого же еще?

* * *

— Сделай это снова.

Она проделала это восемь раз подряд.

— Еще?

Мужчина кивнул.

Кара сделала это снова.

«Распутывание трех платков» — трюк, придуманный знаменитым фокусником и преподавателем Харланом Трабеллом, всегда нравится публике. Он заключался в разъединении трех разноцветных шелковых платков, казалось бы, прочно связанных вместе. Этот трюк сложно выполнить гладко, но Кара хорошо чувствовала, как это нужно делать.

Однако Дэвид Бальзак считал по-другому.

— У тебя монеты звенят, — вздыхал он. Этот суровый упрек означал, что фокус или трюк выполнен неуклюже и зритель может обо всем догадаться. Бальзак, крупный пожилой человек с гривой седых волос и вечно усыпанной табаком козлиной бородкой, недовольно покачивал головой.

— Я думала, все прошло удачно.

— Но ты же не публика. Публика — это я. Давай еще раз. — Они стояли на маленькой сцене в задней части магазина «Зеркала и дым», который Бальзак купил десять лет назад — после того как перестал гастролировать по миру, демонстрируя свои фокусы. Это неопрятное заведение торговало необходимыми фокусникам товарами и выдавало напрокат костюмы и реквизит. Еженедельно магазин устраивал для своих покупателей и местных жителей бесплатные любительские представления. Полтора года назад Кара, внештатно редактировавшая журнал «Я сама», набралась храбрости и приняла участие в одном из них. Репутация Бальзака долго пугала ее. Стареющий фокусник обратил на Кару внимание и после представления пригласил к себе в кабинет. Своим учтивым, хотя и отрывистым голосом великий Бальзак сообщил Каре, что у нее есть потенциал и, получив подготовку, она может стать известным иллюзионистом. Он тут же предложил ей перейти на работу в магазин, пообещав стать ее учителем и наставником.

Кара уже много лет назад приехала в Нью-Йорк со Среднего Запада и теперь неплохо разбиралась в городской жизни. Она сразу смекнула, что может означать слово «наставник», принимая во внимание то, что Бальзак четырежды разводился, а она на сорок лет моложе его. Тем не менее Бальзак был настоящим мастером, и его считали знаменитостью в Лас-Вегасе. Он десятки раз объездил весь свет и лично знал каждого из ныне живущих иллюзионистов. Кара питала страсть к фокусам и понимала, что такой шанс, как этот, выпадает лишь раз в жизни. Она сразу согласилась.

Во время первого сеанса Кара была настороже, готовая держать оборону. Урок огорчил ее, но абсолютно по другой причине.

Наставник морально уничтожил Кару.

После того как битый час критиковал каждое ее движение, Бальзак взглянул на бледную, плачущую Кару и рявкнул:

— Я говорил, что у вас есть потенциал. Но это не значит, что вы хорошо работаете. Если хотите, чтобы кто-то тешил ваше самолюбие, то вы ошиблись адресом. А теперь решайте — пойдете плакать к мамочке или вернемся к работе?

И они вернулись к работе.

Так начался полуторагодичный период их странных отношений — любви-ненависти. За это время Кара шесть или даже семь дней в неделю не ложилась спать до утра и тренировалась, тренировалась, тренировалась.

Друзья иногда спрашивали ее, откуда взялась эта любовь, точнее, страсть к иллюзии. Вероятно, они подозревали безрадостное детство с деспотическими родителями и учителями или по крайней мере с терроризировавшими Кару школьными хулиганами, от которых забитая девочка убегала в мир фантазии. Однако в детстве Кары ничего подобного не происходило — это была веселая, жизнерадостная девочка, состоявшая в отряде скаутов, отличница, гимнастка, участница школьного хора. Она впервые вышла на сцену вместе с бабушкой и дедушкой, а потом, совершенно случайно, оказалась в Вегасе, куда поехала с родителями на отцовский семинар по турбинам и где впервые увидела летающих тигров и загадочных иллюзионистов.

С этого все и началось. Учась в старших классах, Кара организовала у себя в школе имени Джона Кеннеди клуб магии, а вскоре все свои деньги, которые заработала как приходящая няня, стала тратить на журналы и видеокассеты, посвященные фокусам. Чтобы посещать представления цирка «Биг эппл» и «Сирк дю солей», ей даже пришлось подрабатывать уборкой снега.

Нельзя сказать, что у Кары не было мотива заняться изучением искусства иллюзии. Нет, побуждения Кары легко угадывала ее аудитория — два десятка родственников, собравшихся на ужин в День благодарения (полномасштабное представление с иллюзионной трансформацией и левитирующей кошкой — правда, без потайного хода, так как отец запретил ей пробивать дырку в полу гостиной), а также зрители, заполнявшие зал на смотре талантов в старших классах. Тогда Кару дважды вызывали на бис и аплодировали стоя.

Однако то, что проходило на уроках Дэвида Бальзака, сильно отличалось от этого триумфального представления. За прошедшие полтора года Каре иногда казалось, что она утратила даже тот талант, которым когда-то обладала.

Но именно в тот момент, когда Кара уже собиралась уходить, маэстро вдруг кивал и поощрял ее слабой улыбкой. Несколько раз он даже сказал: «Аккуратная работа».

В такие моменты мир казался Каре совершенным.

Во всем прочем жизнь утекала как песок. Кара проводила в магазине все больше и больше времени — торговала книгами и инвентарем, вела бухгалтерию, исполняла обязанности веб-мастера на сайте. Поскольку Бальзак платил Каре немного, ей приходилось подрабатывать, занимаясь тем, что хотя бы отчасти соответствовало ее квалификации, то есть английским языком и литературой. Она писала тексты для других «магических» и театральных сайтов. Примерно год назад состояние ее матери начало внезапно ухудшаться. Кара, единственная дочь, стала проводить с ней все свободное время.

Такая жизнь выматывала, тем не менее пока Кара справлялась. Если через несколько лет Бальзак наконец объявит, что она может выступать, Кара уйдет, получив его благословение и используя связи учителя с продюсерами всего мира.

Держись крепче, девушка, как сказала бы Джейнин, и твердо стой на крупе мчащейся лошади.

Сейчас Кара снова выполнила трабелловский трюк с тремя шелковыми платками. Стряхнув на пол пепел от сигареты, Бальзак мрачно сказал:

— Левый указательный палец держи чуть повыше.

— Вы видели узел?

— Если бы я не видел, то не велел бы тебе держать палец повыше. Давай еще раз.

Проклятый указательный палец нужно, черт побери, поднять чуть повыше.

Шшш... запутанные платки разделились и, словно знамена, победоносно взлетели в воздух.

— Угу, — слегка кивнул Бальзак.

Не слишком щедрое поощрение. Но Кара уже привыкла обходиться и этим.

Убрав реквизит, она встала за прилавок и начала просматривать список товаров, поступивших в пятницу в конце дня.

Бальзак же вернулся к своему компьютеру, на котором писал статью для сайта, посвященную Джасперу Маскелайну. Этот британский фокусник создал в годы Второй мировой войны специальное воинское подразделение, использовавшее иллюзионистскую технику для борьбы с немцами в Северной Африке. Бальзак писал по памяти, не прибегая ни к

каким статьям или заметкам! У Дэвида Бальзака были две характерные особенности: глубокое знание искусства магии и вспыльчивость.

— Вы слышали, что к нам приезжает «Сирк фантастик»? — спросила его Кара. — Сегодня первое представление. — Старый иллюзионист хмыкнул. — Вы не пойдете? — настаивала она. — По-моему, нам нужно пойти.

«Сирк фантастик» — конкурент более старого и крупного «Сирк дю солей» — принадлежал к новому поколению цирков, объединявших традиционные цирковые номера, древнюю комедию дель арте, современную музыку и танец, искусство авангарда и уличные фокусы.

Но Дэвид Бальзак принадлежал к старой школе — Вегас, Атлантик-Сити и тому подобное.

— Незачем менять то, что и так хорошо работает! — отрезал он.

Поскольку Каре нравился «Сирк фантастик», она твердо решила затащить своего учителя на представление. Но не успела она что-либо сказать, как входная дверь открылась и на пороге появилась приятная рыжеволосая женщина в полицейской форме. Войдя, она спросила владельца магазина.

— Это я. Меня зовут Дэвид Бальзак. Чем могу служить?

— Мы расследуем одно дело, в котором замешан человек, возможно, имеющий квалификацию фокусника. Мы обходим все магазины, торгующие театральным реквизитом, надеясь, что нам помогут.

— То есть кто-то жульничает или что-то в этом роде? — осведомился Бальзак. В голосе его звучал вызов, и Кара разделяла чувства учителя. В прошлом фокусников слишком часто отождествляли с преступниками — причиной тому было поведение некоторых жонглеров, ловко очищавших чужие карманы, или тех, кто выдавал себя за ясновидящих и, используя приемы иллюзионистов, заставлял безутешных родственников поверить, будто они общаются с духами усопших.

Однако визит женщины-полицейского был вызван совсем другой причиной.

— Вообще-то, — сказала она, переводя взгляд с Кары на Бальзака, — речь идет об убийстве.

Глава 7

— У меня есть список вещей, найденных нами на месте преступления, — пояснила Амелия Сакс, — и мы предполагаем, что их продали именно вы.

Взяв поданный ему лист бумаги, Бальзак начал читать, Сакс же рассматривала его магазин, располагавшийся в Челси — квартале фотографов. Напоминавший черную пещеру, он весь провонял плесенью и химикалиями. Ощущался здесь и запах пластмассы: он исходил от многочисленных костюмов, висевших на расставленных повсюду вешалках. На грязных стеклянных витринах, разбитых и кое-как скрепленных, лежали колоды карт, «волшебные» палочки, фальшивые монеты и пыльные коробки с реквизитом. Рядом с маской и костюмом Дианы стояла выполненная в полный рост копия инопланетянина из фантастического фильма «Чужой» («Будь на вечеринке принцессой!» — будто никто из покупателей не знал, что Диана погибла).

Постучав по списку пальцем, Бальзак кивнул в сторону витрин.

— Едва ли смогу помочь вам. Конечно, кое-что из этого мы продаем. Но эти товары есть во всех магазинах типа моего.

Сакс про себя отметила, что на список он потратил лишь несколько секунд.

— А как насчет этого? — Она показала ему снимок старых наручников.

— В эскапологии я ничего не понимаю. — Бальзак едва взглянул на него.

— Значит, вы не узнаете их?

— Нет.

— Но это очень важно, — настаивала Сакс.

— Я узнаю, — сказала молодая женщина с потрясающими голубыми глазами и черными ногтями. Мужчина посмотрел на нее с неодобрением. — Это «дарбис» — табельные наручники Скотленд-Ярда, применявшиеся в девятнадцатом веке. Многие эскаписты пользуются ими. Их очень любил Гудини.

— Где их могли взять?

Бальзак нетерпеливо заворочался в кресле.

— Откуда нам это знать? Я уже сказал, что в этом мы не разбираемся.

Женщина кивнула.

— Возможно, где-то существуют музеи эскапологии, с которыми вы могли бы связаться.

— Когда ты закончишь прием товара, — бросил помощнице Бальзак, — займись этими заказами. Вчера вечером, после того как ты ушла, их пришло с десяток.

Сакс снова протянула ему список.

— По вашим словам, вы продавали кое-что из этих вещей. У вас есть списки покупателей?

— Я имел в виду похожие товары. А списков покупателей мы не ведем.

Задав еще несколько вопросов, Сакс вынудила его признаться, что в магазине все же есть данные о товарах, проданных по почте и через Интернет. Проверив их, молодая женщина обнаружила, что вещей, значащихся в полицейском списке, никто не покупал.

— Увы, — сказал Бальзак, — мы не можем больше ничем помочь.

— Жаль. — Сакс подалась вперед. — Видите ли, этот тип убил женщину и исчез, используя «магические» приемы. Мы опасаемся, что это не последнее убийство.

— Ужасно... — Бальзак изобразил негодование. — Пожалуй, вам стоит зайти в «Ист-Сайд мейджик» и «Театрикал». Эти магазины побольше нашего.

— Туда сейчас отправился другой офицер.

— Вот оно что!

— Если вы что-нибудь вспомните, будьте так добры, позвоните. — Сакс любезно улыбнулась — как и подобает сержанту нью-йоркской полиции («Помните: отношения с гражданами не менее важны, чем расследование преступлений»).

— Удачи вам, офицер, — сказал Бальзак.

— Спасибо.

Равнодушный сукин сын!

Кивнув молодой женщине, Сакс заметила пластиковую чашку, из которой та пила кофе.

— Нет ли поблизости места, где продают приличный кофе?

— Угол Пятой и Девятнадцатой, — ответила та.

— Там еще хорошие рогалики, — добавил Бальзак, довольный тем, что это не стоило никаких усилий.

Выйдя из магазина, Сакс направилась к Пятой авеню, где и нашла рекомендованное кафе. Она заказала капуччино. Прислонившись к узкой стойке бара, Сакс пила горячий кофе и рассеянно смотрела на тех, кто населял Челси — продавцов магазинов одежды, фотографов и их ассистентов, живущих на чердаках богатых яппи, бедных художников, чудаковатых графоманов.

И на продавщицу магазина для фокусников, только что вошедшую в кафе.

— Привет! — сказала женщина с красновато-фиолетовыми волосами. На ее плече висела потертая сумочка из заменителя шкуры зебры. Заказав большую чашку кофе, она бросила в нее сахар и присоединилась к сидевшей возле стойки Сакс.

Там, в магазине, Амелия спросила насчет кафе только потому, что заметила брошенный на нее взгляд помощницы Бальзака. Видимо, та хотела поговорить с ней без хозяина. Сделав большой глоток, женщина начала:

— Относительно Дэвида следует сказать, что...

— Он плохо идет на контакт?

— Ну да, так оно и есть. Ко всему, что находится за пределами его мира, он относится с подозрением и не желает иметь с этим ничего общего. Он боялся, как бы нам не пришлось быть свидетелями. А еще он не любит, когда меня отвлекают.

— От чего?

— От профессии.

— От профессии фокусника?

— Да. Видите ли, он скорее мой учитель, чем хозяин.

— Как вас зовут?

— Кара. Это мой сценический псевдоним, но я всегда так представляюсь. — Страдальческая улыбка. — Это имя звучит лучше, чем то, которым меня наградили родители.

— Мы сохраним это в секрете. — Сакс вопросительно приподняла бровь: — Почему вы так на меня посмотрели?

— Насчет списка Дэвид прав. Весь этот реквизит можно купить где угодно, в любом магазине. Или через Интернет — в сотнях мест. А вот насчет наручников — дело другое. Это редкость. Вам стоит позвонить в Новый Орлеан, в Музей Гудини и эскапологии. Он лучший в мире. Об эскапистике я постоянно думаю, хотя и не говорю ему. — На слове «ему» она сделала ударение. — Дэвид немного упрям... Не скажете ли, что случилось? Ну, насчет этого убийства?

Обычно в отношении ведущегося расследования Сакс проявляла большую осторожность, но сейчас, понимая, что ей нужна помощь, в общих чертах рассказала Каре об убийстве и последовавшем за ним исчезновении преступника.

— Какой ужас!

— Да, — согласилась Сакс. — Ужас.

— Как же он исчез? Вы ведь должны это знать, офицер... Подождите — мне надо называть вас «офицер»? Или вам больше нравится «детектив» или еще что-то в этом роде?

— Называйте меня Амелией. — И она тут же вспомнила, как замечательно сдала тренировочные учения.

Бац, бац...

Сделав еще глоток, Кара поняла, что кофе недостаточно сладкий, отвинтила крышку сахарницы и насыпала себе еще. Посмотрев на ее проворные руки, Сакс взглянула на свои ногти — два были сломаны, кожа под ними кровоточила. Ногти у девушки были превосходно обработаны, а блестящий черный лак отражал свет ламп. Амелия Сакс вдруг ощутила острую зависть, но тут же подавила ее.

— Вы знаете, что такое иллюзии? — спросила Кара.

— Ну, это Дэвид Копперфилд. — Сакс пожала плечами. — Гудини.

— Копперфилд — да, а вот Гудини — нет: он был эскапистом. В общем, иллюзия отличается от ловкости рук или манипуляции, как мы это называем. Ну, вроде этого... — Кара подняла вверх монету в четверть

доллара — сдачу за кофе. Затем зажала ее в кулаке, а когда снова раскрыла ладонь, монета исчезла. Сакс засмеялась. Куда же, черт возьми, она делась? — Это и есть ловкость рук. Иллюзия — это трюки с крупными объектами, людьми или животными. То, что вы описали, — это классический трюк иллюзионистов. Он называется «Исчезнувший человек».

— "Исчезающий человек"?

— Нет, именно «исчезнувший». В том смысле, когда, например, говорят: «Он только что исчез за углом».

— Понятно.

— Обычно это исполняется несколько иначе, чем вы описали, но по сути представляет собой одно и то же — иллюзионист выбирается из запертого помещения. Публика видит, как он входит в расположенную на сцене маленькую комнату — в большом зеркале можно даже наблюдать, что происходит за ней. Слышно, как он стучит в стены. После этого ассистенты убирают стены, а его там уже нет. Потом один из ассистентов вдруг оказывается самим иллюзионистом.

— Как же это делается?

— В задней стене помещения есть дверца. Иллюзионист накрывается большим куском черной ткани, чтобы публика не видела его в зеркале, и выскальзывает через потайную дверь сразу после того, как зайдет внутрь. В одну из стен встроен динамик, который воспроизводит звуки его голоса, и специальное приспособление, ударяющее в стены так, словно он в них стучит. Оказавшись снаружи, иллюзионист быстро переодевается за шелковой занавеской в костюм ассистента. Это называется иллюзионной трансформацией.

Сакс кивнула.

— Да, все так и было. Нельзя ли получить список людей, владеющих этой методикой?

— К сожалению, нет — это общеизвестно.

Исчезнувший человек...

Сакс вдруг вспомнила, что убийца, переодевшись, внезапно превратился в старика, вспомнила о том, как Бальзак отказался сотрудничать, вспомнила и тот холодный, почти садистский взгляд, каким он смотрел на Кару.

— Я должна вас спросить, где он был сегодня утром.

— Кто?

— Мистер Бальзак.

— Здесь. В том здании. Он там и живет, прямо над магазином... Постойте-ка, неужели вы думаете, что Бальзак к этому причастен?

— Приходится задавать стандартные вопросы, — уклончиво ответила Сакс. Впрочем, Кару ее вопрос позабавил.

Девушка засмеялась.

— Он, конечно, грубый и раздражительный, но никогда не станет никого убивать.

Сакс все же уточнила:

— Так вы знаете, где был Бальзак в восемь утра?

Кара кивнула:

— Ну да, в магазине. Он пришел пораньше, потому что один его друг готовил представление и собирался взять у него какое-то оборудование. Я позвонила Бальзаку и предупредила, что немного опаздываю.

— Вы можете ненадолго уйти с работы? — Сакс взглянула на Кару.

— Я? Ну что вы! — Кара смущенно засмеялась. — Удивительно, что сейчас мне удалось выскочить. В магазине у меня куча дел. Потом я должна часа три-четыре репетировать с Дэвидом представление, которое буду давать завтра. За день до представления он не позволит мне отдыхать. Я...

— Мы всерьез опасаемся, что этот тип убьет кого-то еще. — Сакс заглянула в ясные голубые глаза девушки, и та опустила их.

— Ну пожалуйста! Всего на несколько часов. Просмотрите вместе с нами все улики. Устроим мозговую атаку.

— Он не отпустит меня. Вы не знаете Дэвида.

— Зато хорошо знаю, что убийца не остановится.

Допив кофе, Кара рассеянно вертела в руках чашку.

— Использовать наши методы, чтобы убивать людей! — потрясенно прошептала она. Сакс промолчала, а девушка тяжело вздохнула. — Моя мать находится в доме престарелых. Периодически она попадает там в изолятор. Мистер Бальзак знает об этом, поэтому я скажу ему, что поехала к ней.

— Нам действительно нужна ваша помощь.

— Ладно, — согласилась Кара. — Неприятно использовать такой предлог… Надеюсь, Господь простит мне это.

Сакс вновь посмотрела на ее великолепные черные ногти.

— Кстати, где тот четвертак?

— Посмотрите под своей чашкой, — улыбнулась Кара.

— Не может быть! — Сакс подняла чашку. Под ней лежала монета.

— Как же вы это сделали? — изумилась Амелия.

Кара загадочно улыбнулась.

— Давайте попробуем еще пару раз. — Она взяла монету. — «Орел» — платите вы, «решка» — я. Считаем по двум попыткам из трех. — Кара подбросила монету в воздух.

Сакс кивнула:

— Договорились.

Поймав монету, молодая женщина бросила взгляд на свою ладонь и посмотрела на собеседницу.

— Мы ведь договаривались по двум из трех, верно? — Сакс кивнула. Кара разжала пальцы. На ее ладони лежали две монетки по десять центов и один пятак, все «орлом» вверх. Никаких признаков четвертака. — Думаю, это означает, что платите вы.

Глава 8

— Познакомься, Линкольн, это Кара.

Райм понимал, что девушку предупредили, и все же она заморгала от удивления и посмотрела на него характерным *взглядом,* хорошо знакомым ему. И этот *взгляд* сопровождала *улыбка*.

Этот взгляд означал: «Я не смотрю на ваше тело», а улыбка говорила: «Я не замечаю, что вы инвалид».

Теперь она будет нетерпеливо ждать возможности избавиться от его общества.

Похожая на фею молодая женщина прошла в гостиную — лабораторию Райма.

— Здравствуйте! Амелия попросила меня помочь с тем делом, которое вы расследуете. Рада познакомиться с вами. — Кара не отрывала глаз от его лица. По крайней мере она не пытается пожать ему руку, чтобы потом не отпрянуть в ужасе.

Ладно, Кара, не беспокойся. Поделись с калекой своими озарениями и выметайся отсюда к чертовой матери.

Райм фальшиво улыбнулся ей, точно так же, как и она ему, и сказал, что тоже очень рад с ней познакомиться.

С профессиональной точки зрения это не было иронией; только Кару, единственную из фокусников, им удалось отловить. Никто из сотрудников других магазинов ничем не помог им, и все на момент убийства имели алиби.

Кару также представили Лону Селлитто и Мелу Куперу. Том кивнул и поступил как всегда, независимо от воли Райма, — предложил перекусить.

— Мы тут не в церкви и не занимаемся благотворительностью, — проворчал Райм.

Кара отказалась, но Том настаивал.

— Разве что кофе? — сказала она.

— Пойдет.

— Черный. С сахаром. Может, две ложки?

— Мы... — начал Райм.

— Для всех присутствующих, — объявил помощник. — Я приготовлю кофе и принесу булочки.

— Булочки? — переспросил Селлитто.

— В свободное время ты можешь открыть ресторан, — недовольно пробормотал Райм. — И зарабатывать деньги.

— Откуда мне взять свободное время? — парировал элегантный блондин и отправился на кухню.

— Офицер Сакс сообщила нам, что у вас есть некая полезная информация, — обратился Райм к Каре.

— Думаю, да. — Еще один *взгляд* и еще одна *улыбка*. «Господи, да скажи же хоть что-нибудь! Спроси, как это случилось. Спроси, больно ли мне. Спроси, каково это — писать в трубочку».

— Послушайте, а если мы дадим ему прозвище? — Селлитто похлопал по белой доске с записями. Пока личность убийцы не установлена, сыщики часто дают преступникам клички. — Как насчет «Фокусника»?

— Нет, это слишком слабо, — глядя на снимки жертвы, возразил Райм. — Может, «Кудесник»? — И сам удивился тому, что предложил такое вычурное имя.

— По-моему, годится.

Гораздо менее красивыми, чем у Тома, буквами детектив написал сверху: «Кудесник».

Кудесник...

— Давайте теперь посмотрим, удастся ли нам заставить его появиться на сцене, — сказал Райм.

— Расскажите об «Исчезнувшем человеке», — попросила Сакс.

Проведя рукой по своим коротко подстриженным волосам, Кара рассказала об иллюзионистском трюке, почти идентичном тому, что Кудесник проделал в музыкальной школе. Однако, обескуражив всех, она добавила, что такое умеют делать большинство иллюзионистов.

— Дайте нам хоть какое-то представление о том, как выполняют трюки. О методах. Чтобы мы знали, чего ожидать от Кудесника, если он захочет убить кого-нибудь еще.

— Вы хотите, чтобы я выдала вам секреты?

— Секреты?

— Ну да. — И Кара начала объяснять: — Видите ли, все трюки состоят из эффекта и метода. Эффект — то, что видит публика. Ну, вы знаете: девушка летает, монеты проваливаются сквозь прочную крышку стола. Метод — это совокупность приемов, позволяющих фокуснику это проделывать: девушка висит на тросах, монеты прячутся в ладонь и потом подменяются точно такими же, которые находятся под столом.

Эффект и метод, мысленно повторил Райм. Похоже на то, чем занимаюсь я. Эффект — поимка преступника даже в тех случаях, когда это кажется невозможным. Метод — наука и логика, которые дают нам возможность сделать это.

— Секрет в том, что трюк проводится с помощью метода, — продолжала Кара. — Один секрет я уже выдала — объяснила сущность трюка «Исчезнувший человек». Дело это весьма щекотливое. Мой учитель, мистер Бальзак, презирает тех фокусников, которые выдают публике свои секреты и раскрывают чужие методы работы.

Вкатив в комнату заставленный поднос, Том налил кофе тем, кто этого пожелал. Положив сахар, Кара быстро выпила свой кофе, хотя Райму он показался обжигающе горячим. Когда Райм покосился на стоявший напротив бочонок с пивом, Том, перехватив его взгляд, сказал:

— Даже и не думайте. Сейчас только середина утра.

Бросив точно такой же жадный взгляд, но уже на булочки, Селлитто позволил себе только половинку. И без сливочного сыра. Он вызывал сочувствие.

Вместе с Карой они просмотрели все улики. Она изучала их тщательно, каждый раз замечая, что все это можно получить из сотни разных источников. Веревка взята из трюка с изменяющей цвет веревкой — такую продают по всей стране. Узел использовал Гудини в своих выступлениях, когда собирался разрубать веревку, — связанный исполнитель практически не мог развязать ее.

— Даже без наручников, — пояснила Кара, — эта девушка не имела никаких шансов освободиться.

— Этот узел редкий?

Кара ответила, что его может завязать любой, кто хотя бы в общих чертах знаком с приемами Гудини.

Касторовое масло, продолжала Кара, означает, что преступник использовал очень правдоподобный и стойкий театральный грим, а

латекс, как и подозревал Райм, вероятно, применялся для пальцевых накладок, также весьма популярных среди фокусников. Альгинат, предположила Кара, не имел никакого отношения к зубам, а использовался для изготовления форм для латекса — возможно, чтобы получить накладки для пальцев или же накладку для головы, изображающую лысину пожилого уборщика. Исчезающие чернила — относительная новинка, хотя некоторые фокусники иногда использовали их и раньше.

Лишь некоторые из найденных вещей оказались уникальными — например, звуковая плата. Но ее преступник сделал самостоятельно. Наручники «дарби» тоже редкая вещь. Райм предложил направить кого-нибудь в музей эскапологии, упомянутый Карой. Сакс посоветовала использовать для этого патрульных, обнаруживших жертву, — Францискович и Аусонио. Такое поручение вполне подходило для полных рвения новичков. Райм согласился, и Селлитто тут же договорился обо всем с начальником патрульной службы.

— А что насчет его исчезновения? — спросил Селлитто. — Как преступнику удалось так быстро переодеться уборщиком?

— Это называется «протейская магия»[9], — ответила Кара. — Или «иллюзионная трансформация». Такие трюки я изучала много лет. У меня это один из номеров программы, но есть люди, занимающиеся только этим. Иногда это выглядит изумительно. Несколько лет назад я видела Артуро Бракетти. За одно выступление он переодевался тридцать или сорок раз — иногда меньше чем за три секунды.

— Три секунды?

— Ну да. К тому же настоящие артисты не просто меняют одежду — они еще и актеры: изменяют походку, осанку, манеру говорить. Все это нужно заранее подготовить. В большинстве случаев быстрое переодевание — это, по существу, умение быстро раздеваться. Одежда должна легко сниматься, так что она, как правило, на кнопках. И сделана из шелка или нейлона, поэтому можно надеть не один слой. Я сама иногда ношу по пять костюмов.

— Значит, шелк? — уточнил Райм. — Мы нашли серые шелковые волокна с матовым оттенком, — пояснил он. — Офицеры, оказавшиеся на месте преступления, сообщили, что на уборщике была серая спецовка.

Кара кивнула.

— Костюмы и должны выглядеть как хлопковые или льняные и потому не блестеть. Еще мы носим на теле складные шляпы, раздвигающиеся

зонтики и кошелки — все, что угодно. И конечно, парики. Для изменения внешности очень важны брови. Если изменить их, лицо процентов на шестьдесят — семьдесят становится другим. Потом еще добавляются кое-какие накладки — мы называем их приспособлениями, — они из латекса и приклеиваются спиртовым раствором. Те, кто специализируется на переодеваниях, изучают структуру лица, характерную для различных полов и рас. Хороший протеец, зная отличительные особенности мужского и женского лица, за считанные секунды может «сменить пол». Мы изучаем и психологическую реакцию на лица и осанку, так что при необходимости умеем становиться красивыми или уродливыми, преуспевающими дельцами или нищими.

Профессиональные тайны фокусников, конечно, интересны, но Райма сейчас особенно занимали отдельные специфические моменты.

— Не сообщите ли нам чего-нибудь, что позволило бы поймать его?

Кара покачала головой.

— Я не знаю ничего такого, что привело бы вас в какой-то конкретный магазин или куда-то еще. Но у меня есть некоторые общие соображения.

— Давайте.

— То, что преступник использовал меняющую цвет веревку и накладки для пальцев, наводит на мысль, что ему знакомо искусство, называемое ловкостью рук или искусством манипуляции. Это значит, что он может обчищать чужие карманы, прятать ножи, пистолеты и так далее. Воровать ключи и удостоверения личности. Он также владеет трансформацией, поэтому легко понять, какую проблему это создает для вас. Но самое главное — трюк «Исчезнувший человек», фитили и шутихи, исчезающие чернила, черный шелк. Все это означает, что он иллюзионист, получивший классическую подготовку.

Кара объяснила разницу между манипулятором и иллюзионистом, который имеет дело с людьми и крупными предметами.

— Почему это так важно для нас?

— Потому что иллюзия требует не просто физической ловкости. Иллюзионисты изучают психологию публики и создают целые схемы, рассчитанные на то, чтобы обмануть не только взгляд, но и разум. Они стремятся не к тому, чтобы заставить вас смеяться при виде того, как исчезает четвертак, а хотят заставить до конца поверить увиденному, хотя на деле происходит нечто прямо противоположное. Вы должны твердо помнить об одном.

— О чем? — спросил Райм.

— Об отвлечении… Мистер Бальзак говорит, что это душа иллюзии. Вы слышали такое выражение: «рука двигалась быстрее взгляда»? На самом деле так не бывает. Взгляд всегда быстрее. Поэтому иллюзионисты стремятся обмануть ваш взгляд, заставив не заметить то, что делает рука.

— Вы имеете в виду отвлечение внимания? — спросил Селлитто.

— Не только. Отвлечение призвано привлечь внимание зрителей к тому, что вам нужно, и отвлечь от того, куда они не должны смотреть. Существует множество правил, которые вколотил в меня мистер Бальзак. Например, то, что публика не замечает привычных вещей, ее всегда тянет к новому. Зрители не обращают внимания на одинаковые вещи и концентрируется на чем-то необычном. Они игнорируют предметы неподвижные и смотрят на те, что приходят в движение. Хотите сделать что-либо невидимым? Повторите это четыре или пять раз, и очень скоро публике станет скучно, зрители начнут отвлекаться. Они могут смотреть на ваши руки и не видеть того, что вы делаете. Вот тогда они ваши. Итак, здесь преступник применяет два вида отвлечения. Первый — это физическое отвлечение. Часы. — Кара сделала шаг в сторону Сакс и, пристально глядя на свою правую руку, медленно подняла ее и указала на стену, после чего резко опустила. — Видите — вы смотрели на мою руку и туда, куда я указывала. Вполне естественная реакция. Следовательно, вы едва ли заметили, что моя левая рука держится за пистолет Амелии.

Сакс вздрогнула, опустив взгляд и обнаружив, что Кара действительно наполовину вытащила из кобуры ее пистолет.

— Поосторожнее, — сказала Сакс, опуская его в кобуру.

— А теперь смотрите в тот угол. — И Кара снова вытянула правую руку. На сей раз, однако, Райм и все остальные не спускали глаз с ее левой руки.

— Следили за моей левой рукой, да? — Она засмеялась. — Но не обратили внимание на мою ногу, которой я задвинула под стол эту белую штуку.

— Подкладное судно, — нехотя уточнил Райм, раздраженный тем, что его снова провели. Вместе с тем он ощущал, что набрал несколько очков, упомянув название предмета, который она передвинула.

— В самом деле? — Кара ничуть не смутилась. — Ну так вот: это не только подкладное судно — это еще и отвлечение. Потому что, пока вы смотрели на него, я другой рукой кое-что взяла. Вот. — Она подала Сакс баллончик

со слезоточивым газом. — Это нужная вещь? — Амелия нахмурилась и, осмотрев свой пояс, повесила баллончик на место. — Это физическое отвлечение. Выполнить его довольно легко. Есть еще психологическое отвлечение — вот оно значительно труднее. Зрители ведь не дураки и знают, что вы хотите их надуть. Собственно, они ради этого и пришли на представление, верно? Поэтому мы стараемся уменьшить или свести на нет подозрения публики. Самое главное — вести себя естественно. Вы говорите и действуете в соответствии с ожиданиями публики. Но, прикрываясь этим, вы незаметно проделываете нечто другое. Если вы поступаете неестественно, публика сразу настораживается. Например, я заявляю, что могу читать ваши мысли, и делаю это вот так. — Кара положила руки на виски Сакс и на миг закрыла глаза. Отступив после этого на шаг, она вернула ей сережку, которую отцепила с левого уха.

— Я ничего не почувствовала.

— А вот публика сразу все поняла. Если вы утверждаете, что умеете читать мысли (в это, кстати, мало кто верит), вам для этого незачем к кому-то прикасаться. Но вот если я скажу, что должна прошептать вам на ухо что-то такое, чего никто не должен слышать... — Кара наклонилась к Сакс, моментально поднеся к губам правую руку. — Это уже будет вполне естественный жест.

— Другую сережку вы все-таки не получили, — засмеялась Сакс, успев закрыть ухо рукой.

— Но вместо этого я сняла ваше ожерелье. Посмотрите — его нет. — Даже на Райма это произвело впечатление. Он искренне позабавился, увидев, как Амелия трогает шею — с улыбкой и вместе с тем с тревогой за свои сокровища. Селлитто хохотал, как ребенок, а Мел Купер оторвался от вещественных доказательств и внимательно наблюдал за происходящим. В поисках своих драгоценностей Сакс огляделась по сторонам и уставилась на Кару, которая протягивала ей пустую правую руку. — Его нет, — повторила она.

— А вот я все-таки заметил, — сказал Райм, — что ваша левая рука сжата в кулак и прячется за бедром. Между прочим, это не слишком естественный жест. Поэтому я готов заключить, что ожерелье там.

— Ну что же, отдаю вам должное, — сказала Кара и засмеялась. — И все-таки вы ошиблись. — Она разжала левую руку, и та тоже оказалась пустой. Райм недовольно нахмурился. — Когда я сжала и спрятала руку — это было самое важное отвлечение. Я сделала так, зная, что вы это заметите и сосредоточите внимание на моей левой руке. Мы называем это принуждением. Я заставила вас подумать, будто вы разгадали мой метод. А как только вы это сделали, ваш разум замкнулся и вы перестали

рассматривать другие объяснения. Когда же вы и все остальные смотрели на мою левую руку, я опустила ожерелье в карман Амелии.

Сакс сразу сунула туда руку и вытащила бусы. Купер зааплодировал. Райм громко хмыкнул — это означало, что его удалось удивить.

— Так вот, именно это убийца и собирается сделать. — Кара кивнула в сторону доски. — Я имею в виду отвлечение. Вам кажется, будто вы вычислили намерения преступника, но это лишь часть его плана. Как я только что показала вам, он использует против вас ваши же подозрения — и ваш интеллект. Более того, чтобы его трюки сработали, ему нужны ваши подозрения и ваш интеллект. По словам мистера Бальзака, лучшие иллюзионисты готовят свои трюки так хорошо, что раскрывают свой метод, прямо указывая на то, что намерены сделать. Но вы не верите им. Вы смотрите в противоположном направлении. Когда это происходит, вы проигрываете, а они выигрывают. — Упоминание о наставнике встревожило Кару. Она озабоченно посмотрела на часы. — Мне действительно пора возвращаться. Я слишком долго отсутствовала.

Сакс поблагодарила ее, а Селлитто сказал:

— Я вызову машину, и вас доставят прямо к магазину.

— Ну, не к самому магазину. Я не хочу, чтобы он знал, где я была... Кстати, вам стоит кое-что сделать. Сейчас в городе гастролирует «Сирк фантастик». У них есть номер с иллюзионной трансформацией. Вам стоило бы посмотреть его.

Сакс кивнула.

— Они расположились прямо через улицу, в Центральном парке.

Весной и летом в парке часто давались концерты и другие представления. Райм и Сакс однажды «присутствовали» на концерте Пола Саймона, сидя перед открытым окном его спальни.

— Ах вот кто всю ночь репетирует эту ужасную музыку! — насмешливо заметил Райм.

— Ты не любишь цирк? — удивился Селлитто.

— Конечно, не люблю! А кто его любит? Плохая еда, клоуны, акробаты, которые могут умереть на глазах у ваших детей... Но... — Райм повернулся к Каре: — Это интересное предложение. Спасибо... Хотя кто-нибудь из нас должен был додуматься до этого и раньше, — язвительно добавил он, окидывая взглядом свою команду.

Вот она закидывает на плечо свою уродливую черно-белую сумку и собирается уйти в мир, лишенный калек, унося с собою *взгляд* и *улыбку*.

Не беспокойся. Только поделись с калекой своими озарениями и выметайся к чертовой матери.

Внезапно остановившись, Кара пристально посмотрела на доску и вновь двинулась к двери.

— Подождите! — вдруг крикнул Райм.

Она обернулась.

— Я хотел бы, чтобы вы остались.

Что?

— Чтобы вы поработали с нами над этим делом. По крайней мере сегодня. Вы могли бы пойти с Лоном или с Амелией и поговорить с людьми в цирке. Кроме того, не исключено, что появятся еще какие-то улики по вашей части.

— Нет-нет! Не могу. Мне было очень трудно уйти. Я действительно не могу задерживаться.

— Нам нужна ваша помощь, — сказал Райм. — Мы только-только зацепили этого типа.

— Вы же видели мистера Бальзака, — обратилась Кара к Сакс.

In nomine patri...[10]

— Знаешь, Линк, — озабоченно проговорил Селлитто, — не стоит привлекать к этому делу слишком много гражданских. Есть же правила.

— А разве не ты пользовался услугами медиума? — сухо осведомился Райм.

— Я не нанимал ее! — возмутился Селлитто. — Это сделал кто-то в штабе.

— А еще у тебя был кинолог, а еще...

— Ты все время говоришь «ты». Я гражданских не нанимал. Кроме тебя. А ты уже доставил мне кучу неприятностей.

— Ты еще не знаешь, что такое неприятности по службе, Лон! — Райм посмотрел на Кару: — Будьте так любезны! Это очень важно.

Девушка колебалась.

— Вы и вправду считаете, что он собирается кого-то убить?

— Да. Считаем.

Кара наконец уступила.

— Если уж меня уволят, то хоть за дело. — Она вдруг рассмеялась. — А знаете, Роберт-Удэн когда-то сделал то же самое.

— Кто это?

— Знаменитый французский иллюзионист и фокусник. Он тоже помогал полиции, вернее, французской армии. В девятнадцатом веке, точнее сказать не могу, были такие алжирские экстремисты, которых звали марабутами[11]. Они пытались поднять местные племена против французов, утверждая, будто обладают магической силой. Французское правительство отправило Роберта-Удэна в Алжир, чтобы устроить там нечто вроде магической дуэли — показать племенам, насколько магия у французов сильнее. Это сработало. Роберт-Удэн показал тогда более эффектные трюки. — Кара вдруг нахмурилась. — Хотя, по-моему, они едва не убили его.

— Не беспокойтесь, — сказала Сакс. — Я позабочусь о том, чтобы с вами этого не случилось.

Кара бросила взгляд на таблицу:

— Вы всегда выписываете то, что узнали?

— Да, — кивнула Сакс.

— У меня есть идея. Фокусники, как правило, специализируются на чем-то одном. Как же Кудесник занимается и трансформацией, и крупномасштабными иллюзиями? Это необычно. Давайте выпишем его методы. Это поможет сузить круг возможных исполнителей.

— Ага, — обрадовался Селлитто. — Набросаем контуры. Это здорово.

Девушка поморщилась.

— И нужно, чтобы кто-нибудь подменил меня в магазине. Мистер Бальзак собирается сегодня уехать со своим другом... О Боже, ему это не понравится! — Кара огляделась. — Откуда я могу позвонить? Мне нужен особый телефон.

— Особый? — удивился Том.

— Ну да, чтобы никто не увидел, как я вру своему начальнику.

— Ах вот вы о чем! — Обняв Кару за плечи, помощник увлек ее в коридор. — Лично я пользуюсь вот этим.

* * *

КУДЕСНИК

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

• Описание преступника: каштановые волосы, фальшивая борода, без особых примет, возраст — около пятидесяти, среднее телосложение, средний рост. Мизинец и безымянный палец на левой руке срослись. Быстро сменил одежду и стал похож на старого лысого уборщика.

• Очевидных мотивов нет.

• Жертва: Светлана Расникова.

• Студентка дневного отделения.

• Опросить родственников, подруг, студентов, знакомых в поисках возможных зацепок.

• Нет любовников, нет известных врагов. Выступала на детских праздниках.

• Монтажная плата с динамиком.

• Отправлена в лабораторию ФБР.

• Цифровой магнитофон — возможно, с записью голоса преступника. Все данные уничтожены.

• Предназначен для имитации присутствия. Собственного изготовления.

• Старые наручники типа «дарби», использованы для удержания жертвы. Британского производства. Проконсультироваться в Музее Гудини в Новом Орлеане на предмет возможных зацепок.

• Часы жертвы разбиты ровно в 8.00.

• Хлопчатобумажные веревки, которыми были связаны стулья. Самые обычные. Слишком много возможных источников: трудно выяснить их происхождение.

• Петарда для создания эффекта выстрела.

• Слишком много возможных источников, чтобы проследить происхождение.

• Фитиль. Самый обычный.

• Слишком много возможных источников, трудно выяснить его происхождение.

• Очевидцы-офицеры сообщают о вспышке света. Никаких вещественных доказательств не обнаружено.

• Пиробумага.

• Слишком много возможных источников, чтобы выяснить ее происхождение.

• Обувь преступника: ботинки фирмы «Экко» 10-го размера.

• Шелковые волокна, окрашенные в матовый серый цвет.

• От комбинезона уборщика (иллюзионная трансформация).

• Неизвестный, возможно, носил каштановый парик.

• Красный земляной каштан гикори и лишайник пармелия конспероа растут в основном в Центральном парке.

• Грязь, пропитанная необычным минеральным маслом. Отправлена на анализ в ФБР.

• Черная шелковая ткань, 72х48 дюймов. Использовалась для маскировки. Происхождение установить невозможно.

• Иллюзионисты часто используют ее.

• Применяет накладки, чтобы скрыть отпечатки пальцев.

• Накладки для пальцев.

• Следы латекса, касторового масла, грима.

• Следы альгината.

• Используется при выплавлении латексных приспособлений.

• Орудие убийства: белая шелковая веревка с черной шелковой сердцевиной.

• Веревка применяется для фокусов — «Смена цвета». Происхождение проследить невозможно.

• Необычный узел.

• Отправлено в ФБР и Морской музей — информации нет.

• Такие узлы применялись Гудини, освободиться от них почти невозможно.

• Использовал для записи в журнале регистрации исчезающие чернила.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ИЛЛЮЗИОНИСТА

• Преступник будет использовать прием отвлечения — против жертв и для того, чтобы спастись от полиции: физическое (для отвлечения внимания); психологическое (чтобы отвести подозрения).

• Бегство из музыкальной школы похоже на трюк «Исчезнувший человек». Слишком распространен, чтобы проследить.

• Преступник в первую очередь иллюзионист.

• Прекрасный манипулятор.

• Владеет также приемами протейской магии. Будет использовать костюмы для трансформации, нейлон и шелк, накладную лысину, накладки для пальцев и прочие латексные приспособления. Может выглядеть как представитель любого пола, возраста или расы.

Глава 9

По пути они ощущали множество запахов: цветущей сирени, лосьона для загара, дыма от жарящихся семейных барбекю из цыплят и ребрышек.

Пройдя по мокрой траве, Сакс и Кара приблизились к огромному белому шатру «Сирк фантастик».

— Так что, он больше чем твой начальник? — спросила Кара, заметив целующуюся на скамейке парочку.

— Линкольн? Да.

— Мне так и показалось... Как вы познакомились?

— Во время расследования серийного убийства. Несколько лет назад.

— Трудно, когда он в таком состоянии?

— Да нет, не трудно, — ответила Сакс, и это была чистая правда.

— Врачи могут для него что-нибудь сделать?

— Предлагают операцию, но это рискованно и, вероятно, ничего не даст. В прошлом году он решил не делать ее, и был страшно этим доволен. Так что пока все зависло. Но возможно, когда-нибудь он передумает. Поживем — увидим.

— Похоже, ты против.

— Верно. Много риска и мало пользы. По-моему, вопрос в том, насколько оправдан риск. Например, ты очень хочешь арестовать какого-нибудь преступника, собрала на него кучу бумаг. Получила ордер. Тебе известно, что он находится там-то и там-то. Станешь ли ты сразу выбивать дверь, если не знаешь, спит ли он или же стоит за дверью с двумя дружками и все они держат в руках «МП-5»? Или же предпочтешь вызвать подмогу, рискуя тем, что они ускользнут? Иногда риск оправдан, иногда нет. В данном случае я не уверена, что он оправдан. Но если Райм попытается, я буду вместе с ним. Именно так мы и работаем.

Затем Сакс рассказала, что Райм проходит курс лечения, включающий в себя электронную стимуляцию мышц. Кое-кому это дает обнадеживающие результаты, а так как вмешательство в функции организма здесь минимально, это менее рискованно, чем хирургическое вмешательство.

— Через несколько лет может наступить некоторое улучшение. Когда Райм за что-то берется, успех гарантирован на сто десять процентов. — Сакс вдруг умолкла; с чужими людьми она редко говорила о Райме. Но к Каре почему-то испытывала симпатию. — Он не любит, когда я говорю об этом, но иногда занимается только этими упражнениями. Райм исчезает, и день-два я ничего не слышу о нем.

— Тоже своего рода «Исчезнувший человек»? — улыбнулась Кара.

— Ну да! — засмеялась Сакс. Обе на миг замолчали. «Может, Кара ожидает от меня большего?» — подумала Сакс. Рассказов о тяжелой борьбе с неумолимыми обстоятельствами, о том, как реагируют, когда они вместе появляются на публике, о пикантных подробностях из жизни

инвалида. Или даже каких-то намеков на характер их отношений. Но если Кара и сгорала от любопытства, она ничем не выказала этого.

Кроме явного чувства зависти, она как будто ничего не испытывала.

— В последнее время мне не очень-то везет с мужчинами, — призналась Кара.

— Ни с кем не встречаешься?

— Не совсем так. Последняя встреча была у меня дома. Французские тостики и мимозы. Завтрак в постели. Очень романтично! Он сказал, что на следующий день позвонит.

— И не позвонил.

— Да, и наверное, стоит добавить, что этот завтрак был три недели назад.

— А ты звонила ему?

— Я никогда бы не сделала этого! Это его проблема.

— Ну и правильно. — Сакс хорошо знала, что гордость и сила духа — вещи взаимосвязанные.

— Есть один старый трюк, который исполнял фокусник Уильям Элсуорт Робинсон. Он назывался «Как избавиться от жены, или Машина для развода», — засмеялась Кара. — Это как раз про меня. Я быстрее всех заставляю любовников исчезнуть.

— Положим, они и сами неплохо умеют исчезать, — вздохнула Сакс.

— Большинство парней, с которыми я встречалась, работая в магазине, интересовались двумя взаимоисключающими вещами: или одну ночь покувыркаться в сене, или, наоборот — свить семейное гнездышко где-нибудь в пригороде... К тебе когда-нибудь сватались?

— Конечно. Это бывает ужасно — впрочем, все зависит от того, кто сватается.

— Ты совершенно права, сестренка! Ну так вот, ни кувыркаться в сене, ни вить семейное гнездышко мне не подходит. Правда, иногда хочется немного порезвиться. И пусть немного поухаживают.

— А как насчет коллег?

— Так ты заметила, что я исключила их из своего уравнения? Другие исполнители… Нет, это не по мне. Возникает конфликт интересов. Они, разумеется, утверждают, будто любят сильных женщин, но большинство вообще не желают видеть в этом деле никаких женщин. Соотношение тут примерно сто к одному. Теперь, правда, стало получше. О, теперь есть знаменитые женщины-иллюзионисты! Принцесса Тенко, японская иллюзионистка, — настоящее чудо. Есть и другие. Но так стало только сейчас. Двадцать или тридцать лет назад женщины были только ассистентками. — Кара покосилась на Сакс. — В полиции ведь тоже так, да?

— Сейчас уже не так плохо, как раньше. В шестидесятых и семидесятых женщинам пришлось ломать лед. Вот тогда было трудное время. Но и на мою долю тоже кое-что выпало. Перед тем как перейти в следственный отдел, я была в патрульной службе. Когда мы патрулировали на «адской кухне»[12], в Мидлтауне, женщине обязательно давали в напарники опытного копа-мужчину. Иногда мне попадались типы, которым претила мысль о том, что им придется дежурить с женщиной. Один за время всего дежурства не сказал мне ни слова. Восемь часов мы расхаживали по улице, и этот парень молчал! Когда мы отправлялись на ленч, я сидела и наблюдала за посетителями. Расположившись в полуметре от меня, он читал спортивный раздел и вздыхал, потому что вынужден был впустую тратить время с бабой-напарником. — На Сакс нахлынули воспоминания. — Когда я работала в доме «семь-пять»…

— Где?

— Ну, в округе; мы называем их домами. Обычно копы не говорят «семьдесят пятый», у них всегда получается «семь-пять» или «семьдесят пять».

— Понятно.

— Ну так вот, наш постоянный начальник отсутствовал, и его временно замещал сержант, принадлежавший к старой школе. Это был один из первых дней моей работы в «семь-пять», а в этой смене я была единственной женщиной. Я прихожу в зал заседаний на инструктаж и вижу, что к кафедре приклеена примерно дюжина прокладок «Котекс».

— Не может быть!

— Еще как может! Постоянный начальник никому бы этого не спустил. Но ведь копы во многих отношениях как дети. Они дурачатся до тех пор, пока взрослые их не остановят.

— В кино показывают другое.

— Кино снимают в Голливуде, а не в округе «семь-пять».

— И что же ты сделала с этими прокладками?

— Прошла в первый ряд и попросила копа, сидевшего там, уступить мне место. Они так захохотали, что, возможно, описались. А я села и начала записывать то, что говорил нам сержант: о просроченных ордерах, отношениях с населением и известных местах продажи наркотиков. Через две минуты копы перестали смеяться и, видимо, смутились. Они — а не я.

— Ты знала, кто это сделал?

— Конечно.

— И ты не доложила о нем?

— Нет. Видишь ли, это самое трудное в профессии женщины-копа. Приходится работать с этими людьми, и нужно, чтобы они прикрывали тебе спину. Ты можешь бороться на каждом шагу, но, если поступишь так, считай, что проиграла. Самое трудное состоит не в том, чтобы иметь мужество бороться. Самое трудное — знать, когда бороться и как.

Гордость и сила духа…

— Как и у нас, в нашем деле. Если ты привлекаешь публику, тебя наймут. Но тут есть своя «Уловка-22»[13]. Пока тебя не наймут, ты не докажешь, что соберешь толпы, а пока не начнешь приносить доход, тебя не наймут.

Они уже были рядом с огромным сияющим шатром, и Сакс заметила, как при взгляде на него загорелись глаза девушки.

— Это то место, где ты хотела бы работать?

— Да! Это мое представление о счастье — «Сирк фантастик» и свои передачи по Эн-би-си. — Кара огляделась. — Мистер Бальзак научил меня всем старым трюкам, и это очень важно, их нужно знать как следует. Но, — она кивнула в сторону шатра, — искусство магии развивается именно в этом направлении. Дэвид Копперфилд, Дэвид Блейн… Артистизм, уличная магия. Сексуальная магия.

— Тебе надо пройти здесь пробу.

— Мне? Ты шутишь! Я еще совсем не готова. Мое выступление должно быть идеальным. Я должна быть лучшей.

— Лучше мужчин?

— Нет, лучше *всех* — и мужчин, и женщин.

— Почему?

— Ради публики. Мистер Бальзак твердит как заезженная пластинка: мы в долгу перед публикой. Каждый твой вздох на сцене — только ради публики. Иллюзия должна быть не просто хорошей. Зрители должны быть не просто довольны — представление обязано вызывать у них трепет. Если хоть один зритель уловит твои движения — ты проиграла. Если замешкаешься хоть на миг и трюк покажется скучным — ты проиграла. Если хоть один зритель зевнет и посмотрит на часы — ты проиграла.

— По-моему, невозможно всегда все делать на сто процентов, — возразила Сакс.

— Но это необходимо!

Они наконец вошли в «Сирк фантастик», где полным ходом шли репетиции — на этот вечер было назначено первое представление. Вокруг расхаживали десятки исполнителей: одни в сценических костюмах, другие в джинсах, шортах и теннисках.

— Вот это да! — выдохнула Кара. Сейчас она походила на маленькую девочку; ее глаза не отрывались от сверкающего белого холста.

Услышав наверху и сзади громкий треск, Сакс слегка вздрогнула. Подняв глаза, она увидела два огромных транспаранта, хлопающих на ветру: на одном было выведено «Сирк фантастик», на другом изображен худой человек в черно-белом клетчатом трико, который простирал вперед руки, приглашая публику войти. На мужчине была черная полумаска, черты лица казались гротескными. Этот образ встревожил Сакс: она сразу вспомнила Кудесника, скрывавшего лицо под разнообразными масками.

Свои мотивы и планы он тоже скрывал.

— Это Арлекин, — пояснила Кара. — Ты слышала о комедии дель арте?

— Нет.

— Это итальянский театр масок. Он существовал, по-моему, с шестнадцатого по восемнадцатый век. «Сирк фантастик» использует маски как лейтмотив. — Кара указала на висевшие по сторонам транспаранты поменьше с изображением других масок. Из-за крючковатых носов, высоких бровей, резко выступающих скул вид у них был озабоченный и гротескный. — Комедия дель арте имела около

дюжины постоянных персонажей. Все труппы использовали их в своих пьесах. Маски они носили для того, чтобы показать, какой именно персонаж изображают.

— И это комедия? — удивилась Сакс, разглядывая особенно демоническую маску.

— Думаю, сейчас это назвали бы черной комедией. Арлекина нельзя считать положительным героем. Мораль у него вообще отсутствовала. Все, что его интересовало, — это еда и женщины. К тому же он появлялся и сразу исчезал, словно подкрадывался к зрителям. Другой герой, Пульчинелла, своего рода садист. Он устраивал всякие гнусные проделки — даже со своими любовницами. Там был еще Доктор-отравитель. Единственно приличная — вот эта женщина, Коломбина. Мне нравится в комедии дель арте то, что роль Коломбины исполняла женщина. Не то что в Англии, где женщинам не разрешалось выступать на сцене.

Транспарант снова захлопал. Глаза Арлекина теперь смотрели за спину Сакс, словно Кудесник старался не замечать ее.

Нет, мы не знаем, кто он и где находится...

Обернувшись, она увидела приближавшегося охранника.

— Нужна помощь, офицер? — спросил он.

Сакс сказала, что хочет видеть директора. Охранник ответил, что того сейчас нет на месте, и предложил ей поговорить с его помощником.

Сакс согласилась, и к ним вышла невысокая женщина, худая, с измученным лицом, черноволосая, похожая на цыганку.

— Чем вам помочь? — спросила она со странным акцентом.

— Мы расследуем серию преступлений, совершенных в этом районе, — сказала Сакс. — Нам хотелось бы знать, есть ли у вас иллюзионисты или участники номеров с быстрым переодеванием.

Лицо женщины выразило беспокойство.

— Есть, конечно. Ирина и Влад Кладовы.

— Пожалуйста, по буквам.

Когда Сакс записала их имена, Кара кивнула:

— Я слышала о них. Это украинцы, артисты Московского Цирка, выступавшие несколько лет назад.

— Верно, — подтвердила помощница директора.

— Они провели здесь все утро?

— Да. Они закончили репетировать двадцать минут назад. А сейчас пошли по магазинам.

— Вы уверены, что они все время были на месте?

— Да. Я слежу за тем, кто и где находится.

— А другие? — спросила Сакс. — Из тех, кто занимается иллюзией или протейской магией? Даже если они не выступают.

— У нас больше таких нет. Только эти двое.

— Ладно, — кивнула Сакс. — Вот что мы сделаем — пришлем сюда двух полицейских, и они будут находиться неподалеку. Они приедут сюда примерно через пятнадцать минут. Если услышите, что кто-то надоедает вашим сотрудникам или публике, ведет себя подозрительно, сразу дайте им знать. — Это предложил Райм.

— Да, я всех предупрежу. Но может, вы объясните мне, в чем дело?

— Сегодня совершил убийство человек с квалификацией иллюзиониста. Мы видим, что с вашим представлением это не связано, но все же хотим подстраховаться.

Поблагодарив помощницу директора, они ушли. Та расстроилась и, вероятно, жалела, что спросила о причине их визита.

— Так что ты знаешь насчет тех артистов? — поинтересовалась Сакс, когда они вышли.

— Украинцев?

— Ну да. Можно им доверять?

— Это муж и жена, у них двое детей, и они путешествуют с ними по свету. Это лучшие в мире исполнители номера с иллюзионной трансформацией. Не представляю, чтобы они имели отношение к убийству.

Набрав номер Райма, Сакс продиктовала Тому имена украинцев и сообщила о том, что узнала.

— Пусть Мел или кто-нибудь другой пропустит их через базу данных Госдепартамента.

— Сделаем.

Сакс закончила разговор, и они направились к выходу из парка — навстречу свинцово-серым облакам, внезапно появившимся на небе.

Позади снова раздался громкий хлопок — это ветер трепал транспарант, на котором игривый Арлекин продолжал зазывать прохожих в свое таинственное королевство.

* * *

Ну как, почтеннейшая публика?

Вы уже отдохнули?

Это прекрасно, поскольку подошло время нашего следующего номера.

Возможно, вам неизвестно имя П.Т. Селбита, но если вы хоть когда-либо бывали на выступлениях иллюзионистов или видели их по телевидению, то, вероятно, знакомы хоть с какими-то из тех трюков, которые этот англичанин исполнял в начале 1900-х годов.

Начиная свою карьеру, Селбит выступал под собственным именем Перси Томас Тибблс, но вскоре понял, что такое обычное имя не подходит исполнителю, специализирующемуся не на карточных фокусах, не на иллюзиях с исчезающими голубями и летающими детьми, а на садомазохистских представлениях, которые шокировали и вместе с тем привлекали к себе публику во всех странах мира.

Вы правы, сценический псевдоним Селбит — это фамилия артиста, только прочитанная задом наперед и чуть измененная. Именно Селбит создал номер под названием «Живая подушка для булавок», в котором девушку-ассистентку протыкают восьмьюдесятью четырьмя острыми как иголка шипами. Другое его творение «Четвертое измерение» — трюк, во время которого публика с ужасом наблюдала, как молодую женщину расплющивает огромный ящик. Но более всего я люблю трюк, впервые исполненный Селбитом в 1922 году. Его название, почтеннейшая публика, говорит само за себя: «Идол крови, или Уничтожение девушки».

Сегодня я с радостью представляю вам обновленную версию этой самой известной иллюзии Селбита, которую он показывал в десятках стран, а однажды исполнил в присутствии королевских особ на Лондонском ипподроме.

Она известна как...

Но нет, почтеннейшая публика, лучше я оставлю вас в неведении и пока воздержусь от того, чтобы сообщать название этой иллюзии. Тем не менее я дам вам одну подсказку: когда Селбит исполнял этот номер, он приказывал своим ассистентам налить в канаву перед театром нечто похожее на кровь. Это оказалось очень удачной находкой.

А теперь наслаждайтесь следующим номером нашей программы.

Надеюсь, что будет именно так.

Правда, я знаю одного человека, которому это явно не понравится.

Глава 10

«Сколько же я проспал?» — размышлял молодой человек. Театральное представление закончилось в полночь, потом они выпивали в «Белой лошади», потом, когда он был уже дома, часа в три позвонил Брэгг и они проговорили минут сорок — нет, наверное, час. Потом у него скрутило живот, и так он промучился до половины девятого.

Сколько же он проспал?

Цифры ускользали от Тони Калверта, и он подумал, что ему лучше этого не знать. В конце концов, он работает на Бродвее и не участвует в съемках рекламных роликов, которые иногда начинаются — помоги нам Господь — в шесть утра. То, что к репетиции в театре «Гилгуд» приступают лишь во второй половине дня, с лихвой искупало необходимость работать по субботам и воскресеньям.

Посмотрев на свои орудия труда, Тони решил взять с собой побольше средства для сокрытия татуировки. Иначе леди из Тинека и Гарден-Сити усомнятся в правдивости образа главного героя: ведь он ухлестывает за девицей-инженю, тогда как на его мощном бицепсе видна надпись «Навеки твой Роберт».

Закрыв большой желтый ящик с гримом, Калверт взглянул на свое отражение в висящем рядом с дверью большом зеркале и понял, что выглядит более или менее сносно, хотя и чувствует себя отвратительно. После февральской поездки на юг на лице еще оставались следы загара.

Глядя на подтянутый живот, никто не заподозрил бы, что в нем творилось (Боже мой, и все из-за каких-то четырех банок пива! Ну разве можно так мучиться?). Глаза, правда, красные, но с этим легко справиться. Профессиональный стилист знает сотни способов, как превратить старых в молодых, вполне заурядных — в настоящих красавиц, а усталых — в полных сил и энергии. Он начал атаку с глазных капель, после чего нанес завершающий удар — с помощью кисточки для теней.

Надев на себя кожаную куртку, Калверт запер дверь и направился к выходу из своего дома, расположенного в Восточном Виллидже. До полудня оставалось несколько минут. Большинство соседей, размышлял Калверт, сейчас или гуляют, радуясь первому погожему субботнему дню, или спят после пьянки.

Как всегда, он вышел через черный ход и оказался в узком проходе позади здания. Двинувшись к улице, находящейся метрах в десяти, Калверт вдруг заметил какое-то движение в небольшом закутке справа.

Остановившись, он всмотрелся в темноту. Животное. Боже мой, неужели крыса?

Нет, это кошка — кажется, раненая. Калверт огляделся, но вокруг никого не было.

Бедняжка!

Он не слишком любил животных, но в прошлом году на его попечение оставляли норидж-терьера, и Калверт запомнил, как сосед на всякий случай сказал ему, что ветеринарная клиника за углом. По дороге в метро он может занести туда кошку. Возможно, его сестра возьмет ее. Раз она усыновляет детей, почему бы ей не взять и кошку?

Задерживаться в проулках этого района было довольно опасно, но Калверт видел, что здесь он пока один. Стараясь не спугнуть животное, Калверт медленно двинулся вперед. Кошка лежала на боку и слабо мяукала.

Дастся ли она в руки? А вдруг начнет царапаться? Помнится, он как-то читал, что такие царапины приводят к заражению крови. Однако кошка казалась слишком слабой, чтобы причинить ему какой-либо вред.

— Эй, что случилось, милашка? — промурлыкал Калверт. — Тебе больно?

Присев на корточки, Калверт поставил на булыжное покрытие ящик с гримом и осторожно протянул руку, боясь, как бы кошка не бросилась на

него. Однако, дотронувшись до нее, Калверт в ужасе отдернул руку. Кошка была холодной как лед и страшно тощей — под шкурой выпирали кости. Может, она дохлая? Нет, вот нога двинулась. А вот она снова мяукнула.

Он снова дотронулся до нее. Погоди-ка, а ведь это не кости. Это какие-то прутья, а внутри — металлический ящик.

Что за чертовщина?

Может, его снимают скрытой камерой? Или это какой-то гад так шутит с ним?

Подняв глаза, Калверт увидел, что метрах в трех от него кто-то есть. Ахнув, он попятился назад. Этот тип сидит на корточках и...

«Да нет же, — решил он. — Это мое собственное отражение в зачем-то стоящем здесь большом зеркале, мое ошарашенное лицо и широко раскрытые глаза». Немного успокоившись, Калверт усмехнулся, но тут же снова насторожился, потому что сидевшая перед ним фигура внезапно подалась вперед и медленно упала вниз — это зеркало свалилось на камни и разбилось.

Скрывавшийся за ним бородатый мужчина средних лет рванулся вперед, сжимая в руке большой обрезок трубы.

— Нет! Помогите! — отшатнувшись от него, крикнул молодой человек. — Боже мой, Боже мой!

Труба уже опускалась ему на голову.

Однако в последний момент Калверт схватил свой ящик для грима и, швырнув его в нападавшего, отклонил удар. Вскочив на ноги, молодой человек бросился бежать. Нападавший последовал за ним, но, поскользнувшись на камнях, упал на колено.

— Возьми кошелек! Возьми его! — Вытащив из кармана бумажник, Калверт бросил его назад. Однако бандит не обратил на это внимания и, вскочив, вновь последовал за своей жертвой. Он отрезал Калверту путь на улицу, так что укрыться можно было только в здании.

Господи, Господи, Господи...

— Помогите, помогите, помогите!

Ключи! — вспомнил он. Их надо сейчас же достать! Выудив их из кармана джинсов, Калверт быстро оглянулся. Преследователь был

примерно в десяти метрах. «Если мне не удастся отпереть дверь сразу, это значит... я уже покойник».

Не сбавляя скорости, Калверт тяжело ударился о металлическую дверь и — о чудо! — без труда вставил ключ в замок и повернул его. Дверь открылась, он вытащил ключ и, вбежав в подъезд, захлопнул за собой стальную дверь. Замок автоматически защелкнулся.

Сердце бешено стучало, но Калверт не задержался ни на минуту. Кто же это такой? Грабитель? Наркоман? «Какая разница, — подумал он. — Не позволю уйти этому гаду». Пробежав по коридору, он быстро открыл дверь своей квартиры. Ворвавшись в коридор, Калверт захлопнул за собой дверь и запер замок.

Поспешив на кухню, он схватил трубку телефона и набрал девять-один-один.

— Полицейская и пожарная служба, — произнес женский голос.

— Нападение! На меня только что кто-то напал. Он остался снаружи.

— Вы ранены?

— Нет, но вы должны прислать полицию! Как можно скорее!

— Он что, уже у вас?

— Он не смог войти. Я запер дверь. Но возможно, он остался в проулке! Поспешите!

Что это? — вдруг встрепенулся Калверт. В лицо неожиданно подул ветерок. Ощущение было знакомым — это означало, что кто-то открыл дверь в его квартиру.

— Алло, сэр, где вы? — спросила оператор службы девять-один-один. — Вы можете...

Резко повернувшись к двери, Калверт громко закричал — всего в метре от себя он увидел, как бородатый мужчина с трубой в руке спокойно вырывает из стены телефонные провода.

Попятившись, Калверт прижался спиной к холодильнику — дальше пути не было.

— Что... — прошептал он, заметив шрам на шее бандита и его покалеченную левую руку.

Не обращая на него внимания, нападавший огляделся, сначала бросив взгляд на кухонный стол, потом на стоявший в гостиной большой деревянный кофейный столик. Что-то из увиденного явно обрадовало его. Он вновь обернулся к Калверту, и когда обрушил на него трубу, этот жест мог бы показаться со стороны даже каким-то задумчивым.

* * *

Они подкатили к дому почти беззвучно — две оперативные машины, в каждой по два полицейских.

Прежде чем они успели остановиться, сержант уже выскочил из первой машины. Прошло шесть минут с тех пор, как на номер девять-один-один поступил тревожный вызов. И хотя разговор прервался, благодаря современной технологии Центральная моментально выяснила, из какой именно квартиры звонил потерпевший.

Шесть минут... Если повезет, жертва нападения останется жива и здорова. Если повезет меньше, то по крайней мере преступника они застанут в квартире. Он наверняка шарит в вещах потерпевшего.

Полицейский включил «Моторолу».

— Сержант. Четыре пять три один — Центральной. Десять восемь четыре. Я на месте преступления, на Девятой улице.

— Принято, четыре пять три один. Машина «скорой помощи» на подходе. Раненые есть?

— Пока не знаю. Конец связи.

— Принято, конец связи.

Направив одного из своих людей за угол, чтобы прикрыть служебный вход и задние окна, сержант велел другому встать у фасада. Третий полицейский вместе с сержантом двинулся к подъезду.

Если повезет, злоумышленник выпрыгнет из окна и сломает ногу. В этот чудесный день сержанту вовсе не хотелось гоняться за всякими мерзавцами.

Район, где они сейчас находились, благодаря проходившим здесь с севера на юг улицам A, B и C назывался «Алфавит» и имел дурную славу. Тут не успеешь досчитать до трех, как тебя уже могут подстрелить. В последнее время положение здесь немного улучшилось, но все равно этот квартал был одним из самых опасных районов Манхэттена. Когда копы приблизились к двери, каждый держал оружие наготове.

Хорошо, если он вооружен только ножом. Или каким-то предметом вроде того, чем один придурок угрожал сержанту на прошлой неделе: палочка для еды, а вместо щита крышка от мусорного бака.

Ну, положим, в одном отношении им все же повезло — не пришлось ждать, пока кто-нибудь впустит их в подъезд. На улицу как раз выходила пожилая женщина, согнувшаяся под тяжестью хозяйственной сумки, из которой торчал большой ананас. Заморгав от удивления, она придержала дверь для вбегавших в подъезд двух копов, а те на ее удивленный вопрос: «Что вы тут делаете?» — ответили уклончивым: «Вам не о чем беспокоиться, мэм».

Если повезет…

Квартира 1J находилась на первом этаже у задней стены дома. Сержант встал слева от двери, его подчиненный, расположившись с другой стороны, кивнул. Сержант тут же гулко забарабанил в дверь огромными кулачищами.

— Полиция! Откройте дверь! Откройте сейчас же! — Никакого ответа. — Полиция! — Он потрогал ручку. Снова повезло — дверь была не заперта. Сержант рывком распахнул ее, и оба копа тут же отпрянули назад. Мгновение они стояли неподвижно, потом сержант осторожно заглянул за угол. — О Господи! — прошептал он, увидев, что находится посреди гостиной.

О везении больше не приходилось и думать.

* * *

Секрет протейской магии, то есть иллюзионной трансформации, заключается в том, чтобы осуществлять простые, но резкие изменения в своей внешности и поведении, одновременно отвлекая публику.

А никакое изменение не может быть более впечатляющим, чем превращение в семидесятипятилетнюю старуху с сумкой.

Мальэрик знал, что полиция приедет быстро, поэтому после недолгого представления в квартире Калверта он мгновенно переоделся в один из своих спасательных комплектов — закрытое синее платье и белый парик. Эластичные джинсы Мальэрик подтянул выше края юбки — так, чтобы они не были видны. Отлепив бороду, он нанес на лицо толстый слой румян. Затем сделал еще десяток мазков — уже карандашом для бровей, — и его лицо сразу постарело на двадцать с лишним лет.

Что же касается отвлечения, то на дно большой хозяйственной сумки Мальэрик положил газету, трубу и прочие орудия, необходимые ему для исполнения номера, а сверху добавил большой ананас, взятый на кухне у Калверта. Если при выходе из дома он кого-нибудь встретит, то эти люди будут смотреть не столько на него, сколько на внушительный ананас.

Отойдя от здания почти на полкилометра, Мальэрик все еще оставался в образе пожилой женщины. Он замедлил шаг, а затем и вовсе остановился, прислонясь к стене дома так, словно хотел перевести дыхание. Потом он скользнул в темный проулок. Одно движение руки — и платье вместе с париком исчезло в небольшой эластичной сумке, висевшей у него на поясе. Сдавливая все заключенные в ней предметы, она делала их практически незаметными.

Одернув джинсы, Мальэрик вытащил из кармана платок, пропитанный средством для снятия грима, и протирал им лицо до тех пор, пока не стер все румяна и тени, после чего взглянул на себя в небольшое карманное зеркальце. Все было в порядке. Использованный платок он положил в хозяйственную сумку рядом с ананасом, а ее, в свою очередь, поместил в зеленую сумку для мусора. Найдя нелегально припаркованную машину, Мальэрик открыл багажник и сунул туда сумку. Полиции и в голову не придет обыскивать багажники стоящих здесь машин. К тому же машину наверняка отбуксируют отсюда, прежде чем к ней подойдет хозяин.

Вернувшись на улицу, Мальэрик направился к одной из вест-сайдских станций метро.

И что же вы думаете о втором номере нашей программы, моя почтеннейшая публика?

По его мнению, этот номер удался. Ведь исполнитель, даже поскользнувшись на проклятых камнях, все же сумел бежать, а после этого открыть и запереть за собой целых две двери.

Однако к тому времени когда Мальэрик добрался до задней двери дома Калверта, все необходимые инструменты были у него уже в руках.

Тонкое искусство отпирания замков Мальэрик изучал в течение многих лет, это было едва ли не первое, чему его обучил наставник. Взломщик использует два инструмента — один из них вставляет в замок и поворачивает там, чтобы поджать фиксаторы; второй — это собственно отмычка, которая отодвигает каждый фиксатор замка, с тем чтобы тот открылся.

Если отодвигать их по одному, иногда уходит довольно много времени, но Мальэрик владел очень трудной технологией под названием

«очистка»: при этом необходимо быстро двигать отмычку вперед и назад. Очистка сработает лишь в том случае, когда взломщик точно чувствует вращающий момент цилиндра и давление на фиксаторы. С помощью инструментов длиной в несколько сантиметров Мальэрик сумел не более чем за тридцать секунд открыть оба замка — на двери подъезда и в квартире Калверта.

Не кажется ли вам это совершенно невероятным, почтеннейшая публика?

Но уж такова задача иллюзиониста — сделать невозможное реальным.

Остановившись перед входом в подземку, Мальэрик купил «Нью-Йорк таймс» и бегло пролистал газету. За ним как будто никто не следил. Постояв еще немного, он быстро спустился к поезду. Осторожный исполнитель на его месте подождал бы, чтобы наверняка убедиться в отсутствии «хвоста», но Мальэрик спешил. Следующий номер будет довольно сложным — он бросил себе настоящий вызов, поэтому должен подготовиться.

Он ведь не хочет разочаровать своих зрителей.

Глава 11

— Это ужасно, Райм, — стоя в дверях квартиры 1J, сказала в микрофон Амелия Сакс.

Рано утром Лон Селлитто поручил диспетчерам Центральной докладывать ему обо всех убийствах в Нью-Йорке. Когда пришло сообщение именно об этом убийстве, они сразу решили, что работал Кудесник: прежде всего об этом свидетельствовала та загадочная легкость, с какой он проник в квартиру жертвы. Однако главным доводом в пользу такой версии были разбитые наручные часы — точно так же убийца поступил тогда с часами студентки.

Смерть тем не менее наступила по другой причине. Именно это и потрясло Сакс. Пока Селлитто в подъезде отдавал указания детективам и патрульным, Сакс осматривала несчастную жертву — молодого человека по имени Энтони Калверт.

Он лежал на спине, распростертый на стоящем в гостиной кофейном столике, руки и ноги его были раскинуты в стороны и привязаны к ножкам стола. Живот был распилен до самого позвоночника.

Сейчас Сакс описывала это Райму.

— Что ж, — без всяких эмоций заметил Линкольн Райм, — убийца довольно последователен.

— Последователен?

— Я бы сказал, что он продолжает магическую тему. Веревки в первом случае. Распиливание человека пополам — во втором. — Райм повысил голос, вероятно, обращаясь к Каре. — Это ведь магический трюк, верно? Когда кого-то распиливают пополам. — Пауза, потом он снова обратился к Сакс: — По ее словам, это классический трюк иллюзионистов.

Райм прав, поняла Амелия. Потрясенная увиденным, она не заметила связи между двумя убийствами.

Трюк иллюзионистов...

Хотя термин «убийство с расчленением» определяет это точнее.

«Будь бесстрастной, — сказала она себе. — Сержант должен быть бесстрастным».

Но тут ей в голову пришла одна мысль.

— Райм, ты не думаешь...

— Что?

— Ты не думаешь, что он был жив, когда преступник начал его пилить? Его руки раскинуты и привязаны к ножкам стола.

— О, так ты имеешь в виду, что он оставил что-нибудь для нас, какой-то намек на личность убийцы? Что ж, хорошо.

— Нет, — тихо возразила Сакс. — Я имею в виду боль.

— Ах вот оно что!

Ах вот оно что...

Но тут она заметила на виске у Калверта большую рану. Крови там было не много, значит, сердце остановилось вскоре после того, как убийца проломил жертве череп.

— Нет, Райм, похоже, расчленение было посмертным.

Она смутно слышала, как криминалист разговаривает со своим помощником, приказывая Тому записать все это. Он говорил что-то еще,

но Сакс не обратила на это никакого внимания. Вид жертвы привел ее в состояние шока, и она еще не оправилась. Но ведь именно этого Амелия и добивалась. Да, уже через мгновение она начнет осмотр места преступления — как ей и положено по службе. Однако смерть, считала Сакс, требует хотя бы нескольких секунд полного покоя. Эта мысль не была связана с религиозными соображениями, нет, это нужно было ей самой, чтобы не зачерстветь душой — а такое происходит со слишком многими представителями ее профессии.

Сакс вдруг осознала, что Райм что-то ей говорит.

— Что? — переспросила она.

— Я спрашиваю — оружие есть?

— Пока никаких признаков. Но я еще не провела осмотр.

В дверях появились сержант и еще один полицейский в форме.

— Мы поговорили с соседями, — сказал один из них, кивнув в сторону и тут же отводя взгляд. Сакс догадалась, что он еще не видел подобных зрелищ. — Погибший был тихим, славным парнем. Все его любили. Гей, но никакого крутого секса или чего-нибудь подобного. К нему давно никто не заходил.

— Не похоже, чтобы он знал убийцу, Райм, — произнесла в микрофон Сакс.

— Мы ведь не предполагали, что все произойдет именно так, правда? — отозвался криминалист. — Но у Кудесника своя программа — какова бы она ни была.

— Чем убитый занимался? — спросила Сакс полицейских.

— Гример и стилист в одном из театров на Бродвее. В проходе мы нашли его сумку. Лак для волос, грим, кисточки. Он шел на работу.

Интересно, работал ли Калверт в коммерческой фотографии, и если да, не сталкивалась ли она с ним, когда сама подвизалась в модельном агентстве «Шантель» на Мэдисон-авеню? В отличие от многих фотографов и распорядителей гримеры обращались с моделями как с человеческими существами. Так, если распорядитель мог предложить: «Ну-ка давайте покрасим ее и посмотрим, что получится», — гример иногда громко возражал: «Прошу прощения, но я не знал, что это изгородь».

В дверях, держа в руках сотовый телефон, появился детектив-азиат из пятого округа, в который входил этот район.

— Ну, как тут дела? — беззаботно осведомился он.

— Дела идут, — пробормотал Селлитто. — Есть идея, как он сюда попал? Жертва сама вызвала «девять-один-один». Твои офицеры должны были оказаться на месте за десять минут.

— За шесть, — уточнил детектив.

— Мы подъехали без сирены и перекрыли все двери и окна, — сообщил сержант. — Когда вошли, тело было еще теплым. Мы осмотрели все вокруг, но нигде никаких признаков убийцы.

— Свидетелей нет?

Сержант кивнул.

— В подъезде мы встретили только старую леди. Она и впустила нас. Когда вернется, мы с ней поговорим. Может, она видела его.

— Она ушла? — спросил Селлитто.

— Да.

Райм слышал все это.

— Ну что, ты ведь знаешь, кто это был, не так ли?

— Черт возьми! — воскликнул полицейский.

— Да нет, все в порядке, — сказал детектив. — Мы оставили свои карточки под каждой дверью. Одна из них ведет в ее квартиру. Она нам позвонит.

— Не позвонит! — заявила Сакс. — Она и была убийцей.

— Она? — засмеялся сержант.

— Это была вовсе не она, — пояснила Сакс. — Он только выглядел как старая леди.

— Эй, офицер, — прервал ее Селлитто, — не впадайте в паранойю. Не мог же этот парень так быстро сменить пол.

— Мог. Вспомните, что нам говорила Кара. Это был он, лейтенант. Спорим?

— На это я не стал бы делать ставку, Сакс, — тихо сказал ей Райм.

— Ей же было лет семьдесят, — защищался сержант. — И она тащила большую сумку. Ананас...

— Вот смотрите. — Сакс указала на кухонный стол, где лежали два узких листа, а рядом с ними небольшая карточка с рецептами приготовления всяких вкусных вещей из ананасов.

Черт! Он был у них в руках — и ушел.

— К тому же, — продолжал Райм, — в хозяйственной сумке у него, вероятно, были орудия убийства.

Сакс сразу повторила это помрачневшему детективу из пятого.

— Вы ведь не видели ее лица? — спросила она сержанта.

— В общем-то не видел. Лишь мельком взглянул. Она была вся раскрашена. Лицо... как же это называется? Моя бабушка этим пользовалась.

— Румяна? — подсказала Сакс.

— Ну да. И брови были подведены... Ну, теперь мы ее разыщем. Она... он не мог далеко уйти.

— Он снова переоделся, Сакс, — сказал Райм. — И вероятно, выбросил одежду неподалеку.

— Сейчас на нем что-то другое, — обратилась Сакс к детективу. — Но сержант может дать описание одежды. Надо послать наряд проверить здешние мусорные ящики и проулки. Он должен был сбросить все, чем пользовался, и как можно скорее.

Детектив холодно оглядел ее с головы до пят. Предостерегающий взгляд Селлитто напомнил Сакс о том, что, готовясь стать сержантом, не следует вести себя так, будто ты им уже стала. Он, однако, подтвердил распоряжение Сакс, и детектив тут же отдал соответствующий приказ.

Надев комбинезон, Сакс начала осматривать место преступления — квартиру, подъезд и проулок (где нашла самую странную улику из всех, с какими встречалась, — игрушечную черную кошку). После этого она

осмотрела тело жертвы и собрала возле него вещественные доказательства.

Сакс уже направлялась к машине, когда Селлитто остановил ее.

— Эй, подождите, офицер! — В руке толстый детектив держал свой телефон. Судя по выражению его лица, у Селлитто только что состоялся неприятный разговор. — По делу Кудесника я должен встретиться с капитаном и заместителем комиссара. Но мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала. В бригаду придется кого-то добавить. Я хочу, чтобы ты съездила за этим парнем.

— Нет проблем. Но зачем нам кто-то еще?

— За четыре часа мы имеем два трупа и ни одного подозреваемого! — отрезал он. — А это значит, что начальство волнуется. И вот тебе первый урок, объясняющий задачи сержанта: если начальство волнуется, ты тоже не останешься равнодушной.

* * *

Мост Вздохов.

Так называется надземная дорожка, связывающая уголовный суд с Центром предварительного заключения для мужчин, находящимся на Сентрал-стрит в Нижнем Манхэттене.

По этой дорожке идут величественные мафиози, на совести которых сотни оплаченных убийств. Идут замученные юноши, виновные лишь в том, что каждый из них всадил бейсбольную биту в задницу негодяю, обрюхатившему его сестру или кузину. Идут нервные придурки, убивающие туристов за какие-то сорок два доллара, — "потому что мне нужен был крэк[14], очень нужен, ребята"...

Теперь по этому мосту шла Амелия Сакс, тоже направляясь в это учреждение, неофициально известное как «Гробницы» — название, унаследованное от прежней городской тюрьмы, находившейся на другой стороне улицы. Назвав свое имя охраннику, она сдала «глок» (пружинный нож Сакс оставила в «камаро») и вошла в находящуюся по ту сторону тяжелой двери зону безопасности. Дверь тут же с лязгом захлопнулась. Через несколько минут из комнаты для допросов вышел тот человек, за которым она и приехала, — элегантный мужчина лет сорока, с редеющими каштановыми волосами и слабой улыбкой, словно отпечатавшейся на его добродушном лице. Поверх синей рубашки и джинсов на нем была черная спортивная куртка.

— А, привет, Амелия! — по-южному растягивая слова, сказал он. — Стало быть, ты приехала, чтобы доставить меня к Линкольну.

— Привет, Рол!

Детектив Роланд Белл расстегнул куртку, и Амелия мельком увидела, что у него на поясе. В полном соответствии с правилами сейчас он тоже был без оружия, но под курткой у детектива висело целых две пустых кобуры. Работая вместе, они часто делились историями о том, как «забивают гвозди» — так на Юге называют стрельбу. Для Белла это было своего рода хобби, а для Сакс — настоящим увлечением.

К ним присоединились еще двое мужчин, тоже находившихся в комнате для допросов. С одним из них Амелия уже встречалась раньше. Этого невозмутимого детектива с внимательным взглядом звали Луис Мартинес. Сейчас он был в деловом костюме.

На втором были брюки цвета хаки и черная рубашка под немного выцветшей ветровкой. Сакс он представился как Чарлз Грейди, но Амелия и так знала его в лицо: среди нью-йоркских служителей правопорядка помощник прокурора округа был знаменитостью. Этот худой, среднего возраста выпускник Гарвардского университета все еще оставался в прокуратуре, хотя его сверстники давно уже перешли в более прибыльные места. Пресса регулярно писала о мертвой хватке Грейди, называя его бультерьером. Помощника прокурора сравнивали с Рудольфом Джулиани, но в отличие от бывшего мэра Грейди не имел политических амбиций. Его вполне устраивало то, что он остается в прокуратуре и удовлетворяет свое чувство справедливости, «отправляя плохих парней в тюрьму».

А делать это он умел очень неплохо. Список осужденных им злодеев был одним из наиболее внушительных за всю историю города.

Белл оказался здесь благодаря тому делу, которое вел Грейди. Штат возбудил обвинение против сорокапятилетнего страхового агента, проживавшего в небольшом поселке к северу от Нью-Йорка. Там Эндрю Констебля знали не только как страховщика, но как одного из предводителей местного «ополчения»[15], организации под названием «Ассамблея патриотов». Его обвинили в заговоре с целью совершения убийств и разжигания ненависти, и дело для большей объективности передали в Нью-Йорк.

По мере приближения судебного заседания Грейди начали угрожать физической расправой, а несколько дней назад ему позвонили от Фреда Далрея, агента ФБР, часто работавшего вместе с Раймом и Селлитто. Сейчас сам Далрей вплотную не занимался секретной

антитеррористической деятельностью, однако его коллеги получили информацию о том, что на жизнь Грейди готовится серьезное покушение. В ночь со среды на четверг на офис Грейди был совершен налет, и тогда обратились за помощью к Роланду Беллу.

Официально этот любезный и учтивый уроженец Северной Каролины работал вместе с Лоном Селлитто по делам об убийствах и прочих тяжких преступлениях. Но неофициально он также возглавлял подразделение нью-йоркских детективов, известное как спецназ. Только вот это «специальное назначение» заключалось в заботе о безопасности свидетелей.

Как выражался Белл, он обладал «особым умением сохранять жизнь тем, кого другие хотят убить».

В результате Белл нес двойную ношу, занимаясь, кроме обычных расследований, еще и охраной свидетелей.

Но теперь охрана Грейди была на месте и начальство — взволнованное начальство — решило направить усилия Белла исключительно на поимку Кудесника. Бригаде следовало нарастить мускулы.

— Так вот он какой, Эндрю Констебль. — Обращаясь к Беллу, Грейди кивнул в сторону грязного окошка, за которым находилась комната для допросов.

Приблизившись к окну, Сакс увидела стройного, приличного вида заключенного в оранжевом комбинезоне. Он сидел за столом, опустив голову, и слабо кивал.

— Вы этого ожидали? — продолжал Грейди.

— Даже не знаю, — протянул Белл. — Я думал, что он настоящая деревенщина. Такой, знаете ли, закоренелый фанатик. А этот парень умеет себя вести. Должен сказать, Чарлз, он не выглядит виновным — и это факт.

— Конечно, нет, — поморщился Грейди. — Будет трудно добиться его осуждения. — Он сухо засмеялся. — Но ведь именно за это мне и платят такие громадные деньги! — Зарплата Грейди была меньше, чем у младшего сотрудника юридической фирмы где-нибудь на Уолл-стрит в первый год работы.

— Что-нибудь еще известно о налете на ваш офис? — спросил Белл. — Предварительный отчет с места преступления еще не готов? Мне нужно взглянуть.

— Отчет сейчас готовят. Мы обязательно получим экземпляр.

— В данный момент нам придется заняться другим делом, — сообщил Белл. — Я оставлю с вами и вашей семьей, своих парней и девочек. Но вы всегда можете позвонить, мне.

— Спасибо, детектив. — Грейди улыбнулся. — Моя дочь шлет вам привет. Мы обязательно должны свести ее с вашими мальчиками. И познакомиться с той леди, вашей подругой. Где она сейчас живет?

— Люси уехала в Северную Каролину.

— Она тоже служит в полиции?

— Да. Исполняет обязанности начальника управления шерифа.

Заметив, что Грейди направился к двери, Луис быстро подошел к нему.

— Может, подождете пока минутку, Чарлз?

Выйдя из зоны безопасности, он забрал свой пистолет у охранника и внимательно осмотрел вестибюль и мостик. И тут за спиной Сакс раздался негромкий голос:

— Здравствуйте, мисс!

В этом голосе звучала профессиональная приветливость, выработанная за долгие годы общения с клиентами. Повернувшись, она увидела Эндрю Констебля, стоявшего рядом с огромным охранником. Довольно высокий заключенный держался очень прямо. Густые, с сильной проседью волосы слегка вились. Возле него стоял низенький кругленький адвокат.

— Вы входите в команду, которая присматривает за мистером Грейди? — спросил Констебль.

— Эндрю! — предупреждающим тоном сказал адвокат.

Заключенный кивнул, но продолжал испытующе смотреть на Сакс.

— Я этим не занимаюсь, — небрежно ответила она.

— Ах нет? Я просто собирался сказать вам то, что уже говорил детективу Беллу. Я действительно ничего не знаю ни о каких угрозах мистеру Грейди. — Он повернулся к Беллу, и тот ответил ему безучастным взглядом. При всей своей учтивости он не мог иначе обращаться с подозреваемым. — Конечно, вы выполняете свою работу, я понимаю. Но

поверьте, я никогда не стал бы вредить мистеру Грейди. Умение вести честную игру — один из тех принципов, которые сделали нашу страну великой. — Констебль засмеялся. — Я побью его на суде. Непременно — благодаря моему блестящему юному другу. — Кивнув в сторону адвоката, он с любопытством взглянул на детектива. — Мне хотелось бы, детектив, чтобы вы проявили хоть какой-то интерес к тому, что делали наши «патриоты» в Кантон-Фоллз.

— Я?

— О, я имею в виду не эту чепуху насчет заговора. Я говорю о том, кто мы такие на самом деле.

— Не надо, Эндрю, — одернул его адвокат. — Сейчас лучше помолчать.

— Я просто разговариваю, Джо. — Констебль посмотрел на Белла: — Как насчет этого?

— Что вы имеете в виду, сэр? — сухо сказал Белл. Однако подозреваемый вовсе не намекал на южные корни детектива и его склонность к расизму.

— Права штатов, права работающих, местное самоуправление против федерального правительства. Вам стоит заглянуть на наш сайт, детектив, — сказал он и засмеялся. — Люди ожидают увидеть свастики, а видят Томаса Джефферсона и Джорджа Мейсона.

Белл ничего не ответил, и на несколько секунд установилось неловкое молчание.

Заключенный покачал головой и смущенно засмеялся.

— Простите ради Бога... Иногда я не могу остановиться — всему виной нелепая страсть проповедовать. Как только вокруг меня собираются несколько человек, я уже не могу остановиться.

— Пора идти, — сказал охранник.

— Конечно. — Кивнув Сакс и Беллу, заключенный двинулся по коридору. Ножные кандалы слабо позвякивали. Его адвокат кивнул прокурору — соперники относились друг к другу с уважением, хотя и с некоторой настороженностью — и также покинул зону безопасности.

Через секунду за ним последовали Грейди, Белл и Сакс.

— Он не похож на чудовище, — заметила Амелия. — В чем конкретно его обвиняют?

— Ребята из Агентства по контролю за распространением взрывчатых веществ, работающие под прикрытием, обнаружили заговор; за ним, как мы считаем, стоит Констебль. Кое-кто из его людей собирался сделать ложные вызовы «девять-один-один» и заманить полицейских штата в отдаленные районы округа. Окажись среди них черные, они бы их похитили, раздели донага и линчевали. Там еще были предложения кастрировать.

Сакс, за годы службы сталкивавшаяся с самими невероятными преступлениями, изумленно спросила:

— Вы серьезно?

Грейди кивнул.

— И это только начало. Кажется, линчевание — лишь часть их грандиозного плана. Они надеялись, что, если убьют много полицейских и по телевидению покажут повешенных, черные поднимут бунт. Белые по всей стране воспримут это как предлог и примут ответные меры — то есть начнут уничтожать всех подряд. Они также надеялись, что к черным примкнут азиаты и латинос, тогда белая революция позволит избавиться и от них.

— В наши-то дни?

— Вас это должно удивить.

— Теперь он на твоем попечении, — обратился Белл к Луису. — Держись к нему поближе.

— Еще бы! — ответил детектив.

Через несколько секунд Грейди и его крупный телохранитель вышли из вестибюля. Сакс и Белл задержались, получая свое оружие у стойки регистрации. Пока они возвращались по мосту Вздохов в здание уголовного суда, Сакс рассказала Беллу о Кудеснике и его жертвах.

Услышав об ужасной смерти Энтони Калверта, Белл поморщился.

— Мотив?

— Неизвестен.

— Почерк?

— Тоже.

— Как выглядит преступник?

— Об этом известно мало.

— Что, вообще ничего нет?

— Мы полагаем, что это белый мужчина среднего телосложения.

— Его так никто и не видел?

— Видели-то многие. Только вот в первый раз он был темноволосым бородатым мужчиной пятидесяти с небольшим лет. В следующий раз — лысым уборщиком лет шестидесяти с чем-то. А потом — семидесятилетней старухой.

Приняв все это за шутку, Белл ждал, что Сакс рассмеется, но вид у нее был мрачный, и он с недоумением спросил:

— Что, серьезно?

— Боюсь, что так, Роланд.

— Стреляю я неплохо. — Покачав головой, Белл постучал пальцами по кобуре автоматического пистолета, висевшего на его правом бедре. — Но ведь нужно еще знать, в кого стрелять.

«Пока я могу только помолиться за тебя», — подумала Амелия Сакс.

Глава 12

Со второго места преступления привезли вещественные доказательства, и Мел Купер раскладывал на смотровых столах сумки и пузырьки.

Селлитто только что вернулся из Большого дома, где имел неприятную беседу по поводу дела Кудесника. Заместитель комиссара и мэр города желали знать, почему в деле так мало известных деталей и почему оно не двигалось с места.

Райм уже получил информацию о приехавших с «Сирк фантастик» украинских иллюзионистах — на них ничего не было. Двое поставленных возле шатра полицейских также не заметили никакой подозрительной активности.

Вскоре в комнате появилась Амелия Сакс в сопровождении всегда спокойного Роланда Белла. Когда Селлитто приказали взять в группу еще одного детектива, Райм тут же предложил кандидатуру Белла; ему

хотелось, чтобы Сакс в расследовании на месте помогал привычный к улицам и метко стреляющий коп.

Так как Беллу не представили Кару, она в ответ на его вопросительный взгляд кивнула в сторону Райма.

— Я, как и он, своего рода консультант.

— Рад познакомиться. — Белл широко открыл глаза, увидев, как она рассеянно перекатывает по руке три монеты.

— Кто жертва? — спросил Райм, когда Сакс и Купер вернулись к работе над вещдоками.

— Его звали Энтони Калверт. Тридцать два года. Холост. То есть сейчас жил без партнера.

— Есть какая-нибудь связь со студенткой из музыкальной школы?

— Как будто нет, — ответил Селлитто. — Беддинг и Сол уже проверили это.

— Кем он работал? — осведомился Купер.

— Гримером на Бродвее.

А первая жертва была музыкантшей и училась в музыкальной школе, размышлял Райм. Женщина традиционной ориентации и мужчина-гомосексуалист. Жили и работали в разных районах. Что же связывает эти убийства?

— Нет ли там каких-нибудь мазохистских причиндалов?

Поскольку первое убийство было совершено не на сексуальной почве, Райма не слишком удивил ответ Сакс:

— Никаких. Разве что он уносит их домой и кладет с собой в постель. — Она прикрепила к белой доске цифровые снимки тела.

Подъехав поближе, Райм рассматривал ужасные подробности.

— Жуть сплошная, — вяло заметил Селлитто.

— А какое орудие преступления? — подал голос Роланд Белл.

— Похоже на поперечную пилу. — Купер вглядывался в снимки ран, сделанные крупным планом.

Насмотревшись на всяческие зверства и здесь, и в Северной Каролине, Белл только покачал головой:

— Н-да, нам попался крепкий орешек.

Рассматривая снимки, Райм вдруг услышал возле себя какой-то странный звук — то ли шипение, то ли свист. Повернув голову, он увидел Кару. Загадочный звук был следствием ее неровного дыхания. То и дело проводя рукой по своим коротким волосам, она не отрывалась от фото, и в ее широко раскрытых от ужаса глазах стояли слезы. Губы дрожали.

— Может... — начала Сакс, когда молодая женщина отвернулась от доски.

Кара, тяжело дыша, закрыла глаза и предостерегающим жестом подняла руку.

Видя боль, искажавшую лицо Кары, Райм понял, что все это для нее значит. Она дошла до точки. Его жизнь всегда была связана с подобными ужасами, в мире же Кары ничего такого не было. В ее профессии все опасности носили иллюзорный характер. Да и вообще трудно ожидать, что гражданские лица стоически отнесутся к таким кошмарам. Очень жаль, что у Кары такая реакция, ведь им отчаянно нужна ее помощь. Однако по выражению лица Кары Райм догадался, что больше она не выдержит. Возможно, ее даже вырвет.

Сакс направилась было к Каре, но Райм покачал головой, осознав, что девушку они уже потеряли и ее не стоит больше удерживать.

Если только он не ошибся.

Глубоко вздохнув, как ныряльщик перед погружением, Кара решительно повернулась к доске. Ей удалось овладеть собой.

Внимательно изучив снимки, она наконец кивнула:

— Несомненно, это Селбит. — Кара вытерла слезы.

— Кто это? — спросила Сакс.

— Мистер Бальзак часто исполнял кое-какие из его номеров. Этот иллюзионист выступал в начале двадцатого века. У него был точно такой же номер, который назывался «Распиливание женщины пополам». Все то же самое — конечности раскинуты в стороны и привязаны к столу. Пила. Единственная разница в том, что ваш убийца выбрал для своего представления мужчину. — Она поморщилась. — То есть я хочу сказать — для своего преступления.

И снова Райм задал все тот же вопрос:

— Об этом трюке знает ограниченный круг лиц?

— Нет. Это очень известный трюк, даже более известный, чем «Исчезнувший человек». Все, кто имеет хотя бы поверхностное представление об истории магии, знают о нем.

Именно такого обескураживающего ответа Райм и ожидал, но все же сказал помощнику:

— Все равно внеси это в его профиль, Том. — И обратился к Сакс: — Ладно, теперь расскажи нам, что произошло у Калверта.

— Похоже, что пострадавший, направляясь на работу, вышел через заднюю дверь. По словам соседей, он всегда так делал. В проходе он увидел вот это. — Она указала на лежавшую в пластмассовом пакете черную игрушку. — Игрушечную кошку.

— Это автомат — что-то вроде робота, — пояснила Кара. — Мы называем это «феке».

— Как?

— Эф-е-ка-е. Механизм, который публика принимает за что-то настоящее. Вроде фальшивого ножа с исчезающим лезвием или чашки с двойным дном. — Она нажала кнопку, и игрушка начала двигаться и замяукала очень правдоподобно.

— Потерпевший, очевидно, увидел кошку и подошел к ней. Возможно, решил, что она ранена, — продолжала Сакс. — Вот так Кудесник и заманил его в тупик.

— Где это сделано? — спросил Райм у Купера.

— Произведено гонконгской компанией «Синг-Лу мэнь-юфэкчуринг». Я заглянул на их сайт — игрушка продается в сотнях магазинов по всей стране.

Райм вздохнул. Кажется, и здесь все тот же случай — «слишком распространено, чтобы выявить источник».

— Итак, Калверт подошел к кошке, — продолжала Сакс, — и присел на корточки, желая посмотреть, что с ней. Преступник где-то скрывался...

— За зеркалом, — прервал ее Райм и бросил взгляд на Кару.

Та кивнула.

— Иллюзионисты многое умеют делать с зеркалами. Нужно только верно их направить, и тогда можно полностью скрыть что угодно или кого угодно.

Райм сразу вспомнил, что их магазин называется «Зеркала и дым».

— Но тут что-то не сработало, и потерпевший убежал, — продолжала Сакс. — Дальше начинается нечто непонятное. Мы проверили запись на девять-один-один. Калверт вернулся в дом и уже из своей квартиры вызвал помощь. Он заявил, что нападавший находится снаружи, а двери заперты. Но тут линия отключилась. Кудесник каким-то образом проник внутрь.

— Может, через окно... Кстати, Сакс, ты проверила пожарный выход?

— Нет, но то окно было заперто изнутри.

— Все равно нужно проверить, — заметил Райм.

— Так он не мог войти. Ему не хватило бы времени.

— Значит, у него были ключи потерпевшего, — сказал криминалист.

— На них не осталось отпечатков, — возразила Сакс. — Только пальцы жертвы.

— И все-таки он должен был иметь ключи, — настаивал Райм.

— Нет, — вставила Кара. — Он открыл замок.

— Это невозможно, — заявил Райм. — Или же он приходил туда заранее и сделал слепки ключей. Сакс, тебе следует вернуться и проверить...

— Он открыл замок, — твердо повторила Кара. — Я уверена в этом.

Райм покачал головой:

— За шестьдесят секунд открыть две двери? Он не мог этого сделать.

Кара вздохнула.

— Но он действительно прошел через две двери за шестьдесят секунд. У него могло уйти еще меньше времени.

— Давайте все-таки исходить из того, что он не мог этого сделать, — завершил дискуссию Райм. — А теперь...

— Нет, давайте исходить из того, что он мог! — отрезала Кара. — Послушайте, это же нельзя вот так просто отбросить. Это очень важно. Это говорит нам о нем нечто весьма существенное: замки для него ничего не значат.

Райм посмотрел на Селлитто.

— Когда я работал с кражами, — сказал тот, — то взял с десяток взломщиков, и ни один из них не сумел открыть замок так быстро.

— Мистер Бальзак заставлял меня практиковаться в открывании замков по десять часов в неделю, — сообщила Кара. — Сейчас у меня нет с собой инструментов, но если бы были, я открыла бы вашу входную дверь за тридцать секунд, а дверной засов, который открывается ключом, — за шестьдесят. А ведь я не умею чистить замок. Если Кудесник владеет этим методом, то время сократится наполовину. Я знаю, как вам нужны вещественные доказательства, но незачем посылать Амелию искать то, чего там нет.

— Вы уверены? — спросил Селлитто.

— Абсолютно.

Сакс взглянула на Райма. Тот неохотно согласился с Карой (хотя в душе был доволен тем, что девушка проявила твердость; это отчасти компенсировало *взгляд* и *улыбку)*. Кивнув, он сказал Тому:

— Ладно, внеси в список, что наш парень еще и мастер по части открывания замков.

— Неизвестно, чем Кудесник нокаутировал его, — продолжала Сакс. — Вероятно, обрезком трубы. Но его он тоже забрал с собой.

В этот момент поступили данные из отдела скрытых улик — восемьдесят отпечатков, снятых возле тела жертвы и с тех мест, которых скорее всего касался Кудесник. Но Райм сразу заметил, что многие из них выглядят странно. При более тщательном изучении выяснилось, что они сделаны с помощью пальцевых накладок. Остальные Райм даже не стал смотреть.

Обратившись к следам, собранным на месте преступления Амелией Сакс, они обнаружили микроскопическое количество все того же минерального масла, которое нашли утром в музыкальной школе, а также снова латекс, грим и альгинат.

Позвонил детектив Куан из пятого округа и доложил, что обыскали все мусорные баки, находящиеся возле дома Калверта, но это ничего не дало: не удалось обнаружить ни следов сменной одежды, ни орудий убийства. Поблагодарив Куана, Райм попросил его продолжать осмотр. Тот согласился, но в его голосе было так мало энтузиазма, что Райм понял: поиски закончились.

— Так ты говоришь, что он разбил часы Калверта? — обратился криминалист к Сакс.

— Да. Ровно в двенадцать. С несколькими секундами.

— А у другой жертвы — в восемь. Похоже, он придерживается какого-то расписания. И вполне вероятно, что кто-то у него сегодня на очереди в четыре часа.

Оставалось меньше трех часов.

— С зеркалом нам не повезло, — сказал Купер. — Производителя обнаружить не удалось — это должно быть указано на раме, а Кудесник соскоблил надпись. Есть несколько реальных отпечатков, но поверх них отпечатки его пальцевых накладок, так что скорее всего это отпечатки пальцев продавца или производителя. Но я все равно пропущу их через АФИС.

— Еще есть туфли. — Сакс вынула из картонной коробки пластмассовую сумку.

— Его?

— Вероятно. Та же фирма «Экко», что и в музыкальной школе, и тот же размер.

— Теперь он оставил их. Зачем? — размышлял вслух Селлитто.

— В первый раз он был в таких же туфлях; наверное, понял, что мы знаем об этом, и опасался, как бы их не заметили на пожилой женщине.

— Есть материал в выемке перед каблуком. — Раскрыв пакет, Мел Купер соскоблил в него материал. — Просто рог изобилия, — удовлетворенно добавил эксперт и склонился над образцами грязи.

Для экспертизы материала вполне хватало, так что он мог дать много информации.

— Положи его под микроскоп, Мел, — распорядился Райм. — Сейчас посмотрим, что у нас есть.

В криминалистике микроскоп по-прежнему остается основной рабочей лошадкой, и хотя за прошедшие годы в его конструкцию внесли немало усовершенствований, в принципе он мало отличается от того, который в XVII веке изобрел в Нидерландах Антони ван Левенгук.

Райм редко пользовался старым сканирующим электронным микроскопом, поэтому, кроме него, он держал в своей домашней лаборатории еще два. Одним из них был прибор фирмы «Лейц ортоплан», и этой не слишком новой модели, так называемому триноклю с двумя окулярами для оператора и передающей телевизионной трубкой посередине, Райм очень доверял.

Второй микроскоп, стереоскопический, Купер сейчас готовил к работе; его впервые использовали для изучения волокон. Подобные инструменты с их относительно небольшим увеличением обычно применяют для исследования трехмерных объектов — таких, как насекомые и растительные образцы.

На экране компьютера появилось изображение. Студенты-пятикурсники наверняка использовали бы для изучения вещественных доказательств микроскоп с наибольшим увеличением. Однако на практике наилучшие результаты дает не самое сильное увеличение. Начав с четырехкратного, Купер постепенно дошел до тридцатикратного.

— Фокус, фокус! — напомнил Райм. — Купер подрегулировал объектив так, что изображение стало максимально четким. — Хорошо, давайте теперь все это просмотрим, — сказал Райм.

Незаметными движениями эксперт начал перемещать предметный столик. По мере его передвижения перед объективом проходили сотни объектов — черных, красных и зеленых, иногда четко окрашенных, иногда полупрозрачных. Глядя на экран, Райм, как всегда, чувствовал себя вуайеристом, подсматривающим за чужим миром, не подозревающим о том, что за ним шпионят. Миром, в котором можно увидеть много интересного.

— Волосы, — заметил Райм. — То есть шерсть. — Об этом можно было судить по числу чешуек.

— Чья шерсть? — спросила Сакс.

— По-моему, собачья, — откликнулся Купер. Райм согласился с ним. Эксперт тут же вошел в Интернет и начал просматривать базу данных по шерсти животных, имеющуюся в нью-йоркской полиции. — Тут сразу две породы — нет, даже три. Шерсть средней длины — как у немецкой овчарки, и два образца длинношерстных пород — вроде английской

овчарки. — Купер остановил экран. Сейчас на нем виднелась коричневатая масса, состоящая из зернышек, палочек и трубочек.

— Что это за длинные штуки? — удивился Селлитто.

— Может, волокна? — предположила Сакс.

— Высохшая трава, — вглядевшись в экран, пояснил Райм, — или какие-то растения. Но я не узнаю вот это. Пропусти его через хроматограф, Мел.

Вскоре хроматограф-спектрограф выдал свои результаты. На мониторе появилась диаграмма с результатами анализа: желчные пигменты, стеркобилин, уробилин, индол, нитраты, скатол, меркаптаны, сероводород.

— Ах вот оно что!

— Что же это? — спросил Селлитто.

— Приказываю — микроскоп номер один. — На экране появилось изображение. — Это же очевидно — мертвые бактерии, частично переваренные волокна и трава. Это дерьмо. О, прошу извинить меня за грубое выражение! — саркастически сказал он. — Это собачьи какашки. Наш преступник наступил в них.

Это обнадеживало: шерсть и фекальные массы — неплохие улики; если бы аналогичные следы нашли в каком-то конкретном помещении, на подозреваемом или на его машине, можно было с большой долей вероятности предположить, что этот человек и есть Кудесник или по крайней мере тот, кто находился с ним в контакте.

Из фэбээровской системы АФИС пришла информация об отпечатках, найденных на зеркале из проулка. Идентифицировать их не удалось, чему никто и не удивился.

— Что еще есть с места преступления? — спросил Райм.

— Больше ничего, — ответила Сакс.

Райм все еще рассматривал диаграммы, когда позвонили в дверь. Том пошел открывать. Он вернулся, ведя за собой полицейского в форме. Тот робко замешкался в дверях: так бывало со многими молодыми стражами порядка, входящими в кабинет легендарного Линкольна Райма.

— Я ищу детектива Белла. Мне сказали, что он здесь.

— Это я, — отозвался Белл.

— Отчет с места преступления. Относительно взлома офиса Чарлза Грейди.

— Спасибо, сынок. — Детектив взял конверт и поощрительно кивнул молодому человеку. Бросив короткий испуганный взгляд на Линкольна Райма, тот ушел.

Прочитав бумагу, Белл пожал плечами:

— Не для моей квалификации. Эй, Линкольн, можешь взглянуть на это?

— Конечно, Роланд. Вытащи скрепки и поставь это на вращающуюся рамку. Да нет, пусть лучше Том сделает все как надо. А что там такое? Это связано с делом Эндрю Констебля?

— Да.

Белл рассказал Райму о проникновении в офис Чарлза Грейди. Когда помощник поставил отчет куда надо, Райм подъехал поближе, прочитал первую страницу и скомандовал:

— Приказываю — переверни страницу. — И продолжил чтение.

Незаконное вторжение было осуществлено следующим образом: злоумышленники отбили кусок стекла в двери, ведущей в коридор, и открыли ее изнутри (толстая деревянная дверь между приемной и кабинетом заместителя прокурора была снабжена двумя замками, поэтому устояла).

На месте преступления обнаружили кое-что интересное — на столе и вокруг него было найдено множество волокон. В отчете указали только их цвет — в основном белые волокна, немного черных и одно красное. Удалось также найти два крошечных кусочка золотой фольги.

Как выяснилось, взлом был осуществлен уже после того, как кабинет убрали, поэтому волокна, вероятно, оставили не секретарь Грейди и не те, кто посещал его офис на законном основании. Вероятнее всего они принадлежали взломщику.

— И это все? — дойдя до последней страницы, спросил Райм.

— Думаю, да, — ответил Белл.

Криминалист презрительно фыркнул.

— Приказываю — телефон. Вызови Перетти, запятая, Винсент.

Впервые Райм привлек Перетти к своей работе несколько лет назад, и тот действительно проявил значительные способности в области криминалистики. Гораздо больше его таланты сказались в другой, скрытой от глаз непосвященных сфере — такой, как канцелярская работа, которую он в отличие от Райма всегда предпочитал реальной работе «в поле». Сейчас Перетти возглавлял отдел по обследованию мест преступлений.

— Как дела, Линкольн? — спросил он, когда Райм дозвонился до него.

— Хорошо, Винс. Я...

— Ты ведь занимаешься делом Кудесника, верно? Как оно продвигается?

— Помаленьку. Слушай, я вообще-то звоню по другому вопросу. У меня тут Роланд Белл. Я получил отчет о незаконном вторжении в офис Грейди...

— А, дело Эндрю Констебля. Угрозы в адрес Грейди. Понятно. Что я могу сделать?

— Я сейчас просматриваю отчет, но он лишь предварительный, а мне нужны подробности. Там найдены кое-какие волокна. Я должен знать точный состав каждого из них: длину, диаметр, цветовую температуру, использованные красители и степень износа.

— Подожди, я возьму ручку. — Наступила короткая пауза. — Продолжай.

— Мне также нужна электростатика всех следов и фотографии всех отпечатков на полу. И еще необходимо знать обо всем, что обнаружили на столе у секретаря и на книжных полках — вообще на любой поверхности, в любом ящике, на любой стене. И точное местонахождение.

— Всего, чего касался преступник? Ладно, я понял. Мы...

— Нет, Вине. Всего, что было в офисе. Всего. Я имею в виду скрепки, фотографии детей секретарши. Плесень в верхнем ящике. Меня не волнует, касался он этого или нет.

— Я позабочусь, чтобы кто-нибудь сделал это, — обиженно сказал Перетти.

Райм не понимал, почему Перетти сам этого не сделал, хотя ему, как начальнику отдела, следовало позаботиться о том, чтобы необходимую работу выполнили немедленно.

Однако в своей нынешней роли консультанта он не имел особого влияния.

— Спасибо, Вине.

— Не стоит благодарности, — холодно ответил Перетти.

— Пока мы не получим эту информацию, Роланд, я вряд ли что-нибудь смогу сделать, — обратился Райм к Беллу.

Волокна и деревенские «ополченцы»... Сплошные загадки. Но в данный момент ими должен заняться кто-то другой. У Райма были свои тайны и не слишком много времени на то, чтобы их разгадать: судя по разбитым часам, у них оставалось меньше трех часов, чтобы остановить Кудесника, прежде чем он настигнет свою следующую жертву.

* * *

КУДЕСНИК

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

• Описание преступника: каштановые волосы, фальшивая борода, без особых примет, возраст — около пятидесяти лет, среднее телосложение, средний рост. Мизинец и безымянный палец на левой руке срослись вместе. Быстро сменил одежду и стал похож на старого лысого уборщика.

• Очевидных мотивов нет.

• Жертва: Светлана Расникова.

• Студентка дневного отделения.

• Опросить родственников, подруг, студентов, знакомых в поисках возможных зацепок.

* Нет любовников, нет известных врагов. Выступала на детских праздниках.

• Монтажная плата с динамиком.

• Отправлена в лабораторию ФБР.

• Цифровой магнитофон, возможно, с записью голоса преступника. Все данные уничтожены.

• Предназначен для имитации присутствия. Собственного изготовления.

• Старые наручники типа «дарби», использованы для удержания жертвы. Британского производства. Проконсультироваться в Музее Гудини в Новом Орлеане на предмет возможных зацепок.

• Часы жертвы разбиты ровно в 8.00.

• Хлопчатобумажные веревки, которыми были связаны стулья. Самые обычные. Слишком много возможных источников: трудно выяснить их происхождение.

• Петарда для создания эффекта выстрела.

• Слишком много возможных источников: трудно выяснить происхождение.

• Фитиль. Самый обычный.

• Слишком много возможных источников: трудно выяснить его происхождение.

• Очевидцы-офицеры сообщают о вспышке света. Никаких вещественных доказательств не обнаружено.

• Пиробумага.

• Слишком много возможных источников, чтобы выяснить ее происхождение.

• Обувь преступника: ботинки фирмы «Экко» 10-го размера.

• Шелковые волокна, окрашенные в матовый серый цвет.

• От комбинезона уборщика (иллюзионная трансформация).

• Неизвестный, возможно, носил каштановый парик.

• Красный земляной каштан гикори и лишайник пармелия консперса растут в основном в Центральном парке.

• Грязь, пропитанная необычным минеральным маслом. Отправлена на анализ в ФБР.

• Черная шелковая ткань, 72x48 дюймов. Использовалась для маскировки. Происхождение установить невозможно.

• Иллюзионисты часто используют ее.

• Применяет накладки, чтобы скрыть отпечатки пальцев.

• Накладки для пальцев.

• Следы латекса, касторового масла, грима.

• Театральный грим.

• Следы альгината.

• Используется при выплавлении латексных приспособлений.

• Орудие убийства: белая шелковая веревка с черной шелковой сердцевиной.

• Веревка применяется для фокусов — «Смена цвета». Происхождение проследить невозможно.

• Необычный узел.

• Отправлено в ФБР и Морской музей — информации нет.

• Такие узлы применялись Гудини, освободиться от них почти невозможно.

• Использовал для записи в журнале регистрации исчезающие чернила.

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫЙ ВИЛЛИДЖ

• Жертва номер два: Тони Калверт.

• Гример, театральная компания.

• Известных врагов нет.

• Нет видимой связи с первой жертвой.

• Очевидных мотивов нет.

• Причина смерти: травма головы, нанесенная тупым предметом, посмертное расчленение поперечной пилой.

• Преступник сбежал, преобразившись в женщину семидесяти с лишним лет. Проверить окрестности на предмет брошенного костюма и прочих вещдоков.

• Ничего не найдено.

• Наручные часы разбиты ровно в 12.00.

• Почерк? Следующая жертва предположительно будет убита в 16.00.

• Преступник прятался за зеркалом. Происхождение проследить невозможно. Отпечатки пальцев отправлены в ФБР.

• Совпадений не обнаружено.

• Использовал игрушечную кошку («феке»), чтобы заманить жертву в проулок. Происхождение игрушки установить невозможно.

• Опять минеральное масло, идентичное тому, что было на первом месте преступления. Ожидается отчет ФБР.

• Опять латекс и грим с накладок для пальцев.

• Опять альгинат.

• Ботинки фирмы «Экко» брошены.

• На ботинках найдена собачья шерсть от трех разных пород. Найдено также собачье дерьмо.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ИЛЛЮЗИОНИСТА

• Преступник будет использовать прием отвлечения — против жертв и для того, чтобы спастись от полиции: физическое (для отвлечения внимания); психологическое (чтобы отвести подозрения).

• Бегство из музыкальной школы похоже на трюк «Исчезнувший человек». Слишком распространен, чтобы проследить.

• Преступник в первую очередь иллюзионист.

• Прекрасный манипулятор.

• Владеет также приемами протейской магии. Будет использовать костюмы для трансформации, нейлон и шелк, накладную лысину, накладки для пальцев и прочие латексные приспособления. Может выглядеть как представитель любого пола, возраста или расы.

• Убийство Калверта напоминает трюк Селбита «Распиливание женщины пополам».

• Искусен в открывании замков (возможно, владеет приемом очистки).

Глава 13

В 1900 году поголовье лошадей превышало на Манхэттене сто тысяч, а поскольку и в те дни с жизненным пространством на острове тоже были проблемы, многих животных размещали в высотных зданиях — по крайней мере тогда такими считали двух— и трехэтажные конюшни.

Одну из таких конюшен можно найти и сейчас — это знаменитая Хаммерстедская школа верховой езды в Верхнем Вест-Сайде. Здание школы, построенное еще в 1885 году, сохраняет свою первоначальную конструкцию: сотни стойл расположены над ареной, используемой как для частных уроков верховой езды, так и для представлений. В Манхэттене двадцать первого столетия такие большие конюшни кажутся аномалией, пока не вспоминаешь, что всего в нескольких кварталах отсюда Центральный парк с его дорожками для верховой езды общей протяженностью шесть миль.

В школе постоянно содержат девяносто лошадей; одни принадлежат частным владельцам, других сдают напрокат. Именно одну из таких лошадей выводил сейчас из стойла по крутому помосту работавший здесь конюх — рыжеволосая девушка-подросток.

Увидев крупное горделивое животное с темными пятнами по светлой шерсти, Черил Мерстон вновь испытала тот же восторг, что и каждую субботу.

— Привет, Донни, мой мальчик! — воскликнула она. Настоящее имя лошади было Дон Жуан де Миддлбург. Дамский угодник, часто говорила Черил; и в этой шутке, несомненно, была доля правды: когда в седло садился мужчина, конь робел и недовольно ржал, словно жалуясь на судьбу. А вот с Черил он вел себя на редкость покладисто.

— Увидимся через час, — сказала Черил рыжеволосой девушке, вскочила на Донни и, взяв гибкие поводья, ощутила под собой великолепные мускулы.

Один легкий толчок — и они двинулись в путь. Выехав на 86-ю улицу, конь и всадница медленно направились к Центральному парку. Копыта лошади звонко стучали по асфальту, привлекая всеобщее внимание — прохожие заглядывались и на великолепное животное, и на всадницу, серьезную женщину с худым лицом, одетую в бриджи для верховой езды,

красную куртку и черную бархатную шапочку, из-под которой выбивалась длинная светлая коса.

Въехав в Центральный парк, Мерстон обратила взор на юг и увидела в отдалении большое административное здание, где она пятьдесят часов в неделю занималась практическим применением корпоративного права. По идее в ее голове могли бы возникнуть тысячи мыслей, связанных с работой, особенно с теми «первоочередными проектами», о которых так часто говорил один из ее партнеров, но ничего подобного не произошло, да и не могло произойти. Восседая на одном из самых прекрасных Божьих созданий, вдыхая свежий запах земли, она была недосягаема ни для чего. Донни шел рысью по темной дорожке, окруженной ранними нарциссами и сиренью.

Первый погожий день за эту весну.

В течение получаса Черил медленно описывала круги вокруг бассейна, наслаждаясь единением с существом, отличным от нее, но таким же умным и сильным. Ненадолго пустив лошадь в галоп, она перешла на рысь, когда они приблизились к участку с крутыми поворотами, расположенному в более уединенной части парка, неподалеку от Гарлема.

Оба пребывали в полном умиротворении.

До тех пор, пока не произошло нечто ужасное.

Черил так и не поняла, как это случилось. Она уже замедлила ход, чтобы свернуть в узкий проход между двумя кустами, когда прямо в морду Донни врезался голубь. Заржав, конь так резко остановился, что Мерстон чуть не вылетела из седла. Затем он попятился, и всадница едва не съехала назад.

Схватившись за гриву и передний край седла, она все же сумела избежать падения с высоты двух с половиной метров, да еще на каменистую почву.

— Тпру, Донни! — крикнула Мерстон, похлопав коня по шее. — Все в порядке, Донни. Тпру!

Тем не менее он все еще пятился назад. Может, столкновение с птицей повредило ему глаза? К беспокойству за лошадь у всадницы присоединился страх за собственную участь. Повсюду торчали острые камни. Если Донни так и будет пятиться, на неровной почве он потеряет равновесие и упадет — причем она может оказаться под ним. Обычно

всадники получают серьезные травмы не от падения как такового, а от того, что оказываются под лошадью.

— Донни! — задыхаясь, воскликнула Мерстон. Но конь снова попятился, в панике приплясывая на месте и постепенно сдвигаясь в сторону камней. — Боже! — простонала Мерстон. — Нет, нет…

Она понимала, что он вот-вот упадет. Копыта лошади уже звякали по камням, мощные мышцы подрагивали, пытаясь удержать равновесие, конь громко ржал.

Сейчас она сломает себе ногу в нескольких местах. А может, и грудную клетку.

Мерстон уже почти чувствовала боль. И его боль тоже.

— Ой, Донни…

И тут из-за кустов появился мужчина в тренировочном костюме. Широко раскрытыми глазами он посмотрел на лошадь и, тут же прыгнув вперед, схватил ее коня за уздечку.

— Назад! — крикнула Мерстон. — Он неуправляем! Он сейчас лягнет его в голову!

— Отойдите…

Погоди-ка… Что же происходит?

Худощавый мужчина смотрел сейчас не на нее, а прямо в карие глаза лошади, произнося какие-то слова, которых Черил не слышала. Как по волшебству конь начал успокаиваться. Перестав пятиться, он теперь твердо опирался на все четыре копыта. Правда, Донни все еще нервничал и дрожал, как и сама Мерстон, но худшее, кажется, осталось позади. Пригнув книзу морду лошади, мужчина приблизил ее к своему лицу и произнес еще несколько слов.

В конце концов он отступил, окинул лошадь одобрительным взглядом и поднял глаза на всадницу:

— С вами все в порядке?

— Вроде бы да. — Положив руку на грудь, Мерстон глубоко вздохнула. — Я просто… Все произошло так быстро…

— А что случилось?

— Его испугала птица. Врезалась прямо ему в морду — между глаз.

— Да нет, с ним все в порядке. — Мужчина тщательно осмотрел морду лошади. — Можете, конечно, отвести его к ветеринару, но я не вижу никаких повреждений.

— Как же вы это сделали? — удивилась Черил. — Вы что...

— Повелитель лошадей? — засмеялся он и отвел глаза. Похоже, ему больше нравилось смотреть в глаза лошади. — Да нет, пожалуй. Просто я много езжу верхом. Наверно, я чем-то успокаиваю их.

— Я думала, он сейчас упадет.

Мужчина робко улыбнулся.

— Хотелось бы мне сказать что-то такое, что успокоило бы вас.

— Что хорошо для моей лошади, то хорошо и для меня. Не знаю, как и благодарить вас.

В этот момент появился еще один всадник, и бородатый мужчина отвел Донни в сторону, чтобы пропустить гнедую кобылу.

Сейчас он внимательно рассматривал коня.

— Как его зовут?

— Дон Жуан.

— Вы берете его напрокат в Хаммерстеде? Или он принадлежит вам?

— В Хаммерстеде. Но я отношусь к нему как к своему: я езжу на нем каждую неделю.

— Я тоже иногда беру там лошадей. Какое красивое животное!

Успокоившись, Мерстон рассмотрела спасителя подробнее. Это был симпатичный мужчина лет пятидесяти с небольшим. Аккуратно подстриженная борода, густые брови, сходящиеся на переносице. На шее и на груди старые шрамы, левая рука покалечена. Впрочем, это ничуть не обескураживало ее — все с лихвой искупала любовь незнакомца к лошадям. Тридцативосьмилетняя Черил Мерстон, уже четыре года находившаяся в разводе, чувствовала, что их явно тянет друг к другу.

Тихо засмеявшись, мужчина отвел взгляд.

— Я бы… — Он умолк и, заполняя паузу, похлопал Донни по мощной шее.

Так что же? — приободрила его Мерстон.

— Ну, поскольку вы собираетесь исчезнуть и я, вероятно, никогда не увижу вас… — Преодолев робость, он заговорил более смело: — Я подумал о том, не будет ли дурным тоном пригласить вас выпить кофе.

— Нисколько. — Мерстон понравилась его прямота. Чтобы прояснить ситуацию, она добавила: — У меня осталось минут двадцать. Нужно еще вернуться — чтобы быть, так сказать, на коне. Вас это устроит?

— Конечно. Я встречу вас на конюшне.

— Хорошо, — сказала Черил. — Кстати, я так и не спросила: вы ездите по-английски или по-западному?

— Вообще-то я езжу без седла. Когда-то я был профессионалом.

— Да неужели? И где же?

— Хотите — верьте, хотите — нет, — лукаво сказал он, — но я выступал на лошади в цирке.

Глава 14

Компьютер Купера слабо зазвонил — это означало, что по электронной почте пришло сообщение.

— От наших друзей. — Расшифровывая сообщение из ФБР, он сообщил: — Результаты по маслу. Оно есть в продаже. Торговая марка «Так-пьюар». Используется для ухода за седлами, поводьями, кожаными мешками для кормления лошадей и прочими предметами для верховой езды.

Лошади…

Райм развернул кресло и уставился на доску со списком улик.

— Нет, нет, нет…

— В чем дело? — спросила Сакс.

— Я говорю о дерьме на ботинках Кудесника.

— А что с ним такое?

— Это не собачье дерьмо. Это конский навоз! Посмотри на растения. Черт возьми, о чем только я думал! Собаки плотоядны. Они не едят траву, а все другие улики отправляют нас в Центральный парк… И шерсть. Ты знаешь этот район, где Собачий холм? Это ведь тоже в парке.

— Это как раз через улицу, — указал Селлитто. — Там, где все выгуливают собак.

— Кара! — отрывисто сказал Райм. — В «Сирк фантастик» есть лошади?

— Нет. Там вообще нет животных.

— Ладно, значит, цирк исключается… Где же еще он мог побывать? Собачий холм находится как раз возле верховой тропы, верно? Это, конечно, не слишком вероятно, но, возможно, он следил там за всадниками. Один из них и будет его мишенью. Возможно, не следующей, но это наша единственная серьезная зацепка.

— По-моему, где-то здесь есть конюшня, — сказал Селлитто.

— Я видела ее неподалеку, — сообщила Сакс. — Кажется, в районе Восьмидесятых.

— Найдите ее! — распорядился Райм. — И направьте туда людей.

Сакс посмотрела на часы: тридцать пять минут второго.

— У нас еще есть время. Два с половиной часа до следующей жертвы.

— Хорошо, — сказал Селлитто. — Я пошлю группы наблюдения в парк и к конюшне. Если они будут на месте к двум тридцати, то успеют обнаружить его.

Но тут Райм заметил, что Кара чем-то обеспокоена.

— В чем дело? — спросил он ее.

— Я не уверена, что у вас действительно столько времени.

— Почему?

— Я ведь говорила вам про отвлечение?

— Помню.

— Есть еще отвлечение по времени. Публику заставляют думать, что нечто произойдет в одно время, тогда как на самом деле оно происходит

в другое. Например, иллюзионист повторяет какой-то номер с регулярными интервалами. Публика подсознательно отмечает, что все совершаемое им происходит только в эти моменты. Но затем исполнитель сокращает интервал, и аудитория совершенно упускает из вида то, что он делает. Признак отвлечения по времени — то, что иллюзионист всегда дает публике знать, каков у него интервал.

— Например, разбив часы? — спросила Сакс.

— Именно так.

— Значит, по-вашему, мы не располагаем временем до четырех? — спросил Райм.

Кара пожала плечами:

— Может, и располагаете. Не исключено, что он планирует убить трех человек с интервалом в четыре часа, а четвертую жертву убьет всего через час. Не знаю.

— Наверняка мы здесь ничего не знаем, — твердо проговорил Райм. — Но что думаете вы, Кара? Как бы вы поступили?

Она нервно засмеялась — ведь ее просили влезть в шкуру убийцы.

— Ему известно, что вы нашли часы. Известно, что вы сообразительны. Убийце больше не нужно ничего вам внушать. На его месте я отправилась бы за очередной жертвой еще до четырех. Я бы отправилась немедленно.

— Мне этого достаточно, — заявил Райм. — Забудьте о наблюдении. Лон, позвони Хауману; пусть он направит в парк группу захвата. Задействуем их на всю катушку.

— Это может испугать его, Линк, если он под прикрытием и сам ведет наблюдение.

— Полагаю, мы должны предоставить ему этот шанс. Скажи группе захвата, что мы ищем… черт его знает, кого мы там ищем! Дай ему общее описание — какое только сможешь.

Пятидесятилетний убийца, шестидесятилетний уборщик, семидесятилетняя старушка с хозяйственной сумкой… Купер оторвался от компьютера.

— Я нашел конюшню. Это «Хаммерстедская школа верховой езды».

Белл, Селлитто и Сакс направились к двери.

— Я тоже хочу пойти, — сказала Кара.

— Нет, — отрезал Райм.

— Я могу там что-нибудь заметить. Какую-нибудь манипуляцию или иллюзионистскую трансформацию прямо в толпе. Я сразу увижу это.

— Нет. Это слишком опасно. В операции по задержанию не должны участвовать гражданские лица. Таковы правила.

— Эти правила меня не волнуют, — с вызовом отозвалась молодая женщина. — Главное — что я могу помочь.

— Кара...

Но она заставила Райма замолчать, сначала посмотрев на развешанные фотографии убитых Тони Калверта и Светланы Расниковой, а потом холодно взглянув в глаза. Тем самым Кара напомнила ему, что именно он вызвал ее сюда, именно он показал чуждый ей мир и теперь она уже без содрогания смотрит на все эти ужасы.

— Ну ладно, — согласился Райм и обратился к Сакс: — Только держись к ней поближе.

* * *

А она ведет себя осторожно, отметил Мальэрик. Как, впрочем, и подобает любой женщине, только что познакомившейся с мужчиной на Манхэттене — даже если тот робок, дружелюбно настроен и умеет справляться с упирающимися лошадьми.

Тем не менее Черил Мерстон постепенно успокаивалась, с удовольствием слушая его рассказы о тех временах, когда Мальэрик разъезжал на лошадях в цирке; все эти рассказы были, разумеется, сильно приукрашены, для того чтобы развлечь слушательницу и преодолеть ее настороженность.

Осмотрев Донни в Хаммерстедских конюшнях, конюх и ветеринар нашли его в добром здравии. Мальэрик и его очередная жертва направились в ресторан, находившийся на Риверсайд-драйв.

Черил поведала Джону (так представился ей Мальэрик) о своей жизни в городе, о давней любви к лошадям, о тех из них, на которых она ездила, о своих надеждах купить летний дом в Миддлбурге, штат Виргиния. Он же выказывал глубокие познания в искусстве обращения с лошадьми,

отчасти почерпнутые из ее рассказов, отчасти усвоенные из богатой практики иллюзиониста. В его профессии животные всегда играли важную роль: их гипнотизировали, заставляли исчезнуть, превращали в существа другого вида. Например, в 1800-х годах один иллюзионист стяжал славу, превращая цыпленка в утку (что было весьма несложно, так как утка появлялась на сцене в быстросменяемом костюме цыпленка). В другие времена пользовались популярностью фокусы, в которых животных сначала убивали, а потом воскрешали, хотя на деле им редко причиняли вред. В конце концов, только никуда не годный иллюзионист убьет животное на потеху публике. К тому же животные стоят денег.

Сегодня, во время представления в Центральном парке, предназначенном для того, чтобы заманить в ловушку Черил Мерстон, Мальэрик использовал опыт Говарда Терстона, популярного иллюзиониста начала XX века, который специализировался на трюках с животными. Правда, то, что сделал Мальэрик, вряд ли одобрил бы Терстон: знаменитый иллюзионист обращался с животными не хуже, чем со своими ассистентами. Мальэрик не отличался гуманностью. Поймав рукой голубя, он уложил его на спину и медленно поглаживал по шее и бокам до тех пор, пока не загипнотизировал птицу. Этот прием фокусники использовали много лет для того, чтобы представить ее мертвой. Когда к месту засады приблизилась Черил Мерстон, Мальэрик с силой швырнул голубя в морду лошади. Испуг Донни был, однако, вовсе не связан с птицей, а вызван воздействием ультразвукового генератора, настроенного на частоту, вызывавшую у коня болезненные ощущения в ушах. Когда Мальэрик вышел из кустов, чтобы «спасти» Черил, он уже выключил генератор, и к тому времени когда схватил Донни за уздечку, лошадь уже успокаивалась.

Теперь постепенно успокаивалась и всадница, все больше осознавая, как много у них общего.

Впрочем, это ей только казалось.

Эту иллюзию Мальэрик создал с помощью приемов мента-лизма — области, в которой, он, правда, не достиг вершин, но все же был довольно силен. Разумеется, ментализм не имеет ничего общего с телепатическим восприятием чьих-то мыслей. Это комбинация механических и психологических приемов, используемая для установления тех или иных фактов. Сейчас Мальэрик занимался тем, что делают лучшие менталисты, а именно чтением тела — в противоположность чтению мыслей. Высказав те или иные замечания, он наблюдал за чуть заметными изменениями в позе и выражении лица Черил; одни из них свидетельствовали о том, что она не слишком внимательно слушает его, другие — о том, что он попал в точку.

Например, Мальэрик упомянул об одном своем друге, пережившем развод, и легко угадал, что это касается и Черил — она внимательно слушала. Поэтому он, поморщившись, сообщил, что тоже развелся — жена изменила ему. Это подкосило его, но сейчас он постепенно приходит в себя.

— А я отдача ему лодку, — сказала Черил, — лишь бы избавиться от этого сукина сына. Семиметровую парусную шлюпку.

Использовал Мальэрик и ряд старых приемов, позволяющих показать собеседнику, что между ними потрясающе много общего. Классический пример, когда менталист серьезно заявляет, испытующе глядя на объект своего воздействия: «Я чувствую, что вы довольно общительны, но иногда испытываете робость».

Это кажется откровением, хотя применимо почти к любому человеку.

Вскоре беседа перешла на личные темы. Как оказалось, ни Джон, ни Черил не имели детей. Однако у них были кошки, разведенные родители, и оба любили теннис. Вы только посмотрите на все эти совпадения! Браки заключаются на небесах...

Пора, подумал он. Впрочем, спешить некуда. Даже если полиция имеет какое-то представление о его намерениях, они считают, что он никого не убьет до четырех часов дня, а сейчас только начало третьего. Тем не менее Мальэрик по субъективным причинам стремился поскорее перейти к следующей части своего номера.

* * *

Вам может показаться, уважаемые зрители, что мир иллюзий никогда не пересекается с реальным миром, но это не так.

Я вспоминаю Джона Малхолланда, знаменитого фокусника и редактора журнала «Сфинкс». В пятидесятых годах он внезапно заявил о том, что досрочно уходит на пенсию и перестает заниматься фокусами и журналистикой.

Никто не мог понять, почему он так поступил. Но потом поползли слухи о том, что Малхолланд начал работать на ЦРУ, обучая шпионов незаметно доставлять разного рода препараты — так, чтобы ни один, даже самый подозрительный, коммунист ни о чем не догадался.

Что вы видите в моих руках, почтеннейшая публика? Смотрите внимательнее на мои пальцы. В них ничего нет, верно? Они кажутся пустыми. И вместе с тем, как вы, вероятно, догадались, это не так...

* * *

Сейчас, используя одну из секретных методик Малхолланда, Мальэрик взял левой рукой ложку и рассеянно постучал ею по столу. Черил, естественно, посмотрела на нее. Всего лишь доля секунды — но этого хватило для того, чтобы Мальэрик, потянувшись другой рукой за сахаром, бросил в ее чашку крошечную капсулу с бесцветным порошком.

Джон Малхолланд гордился бы им.

Уже через несколько мгновений стало ясно, что наркотик начал действовать: взгляд Черил затуманился, она стала покачиваться на месте. Однако Черил совсем ничего не чувствовала. В этом и заключается главное достоинство флунит-разепама, наркотика, применяющегося для изнасилований во время свидания и известного под названием «рогипнол»: жертва не чувствует, что ее опоили. По крайней мере до следующего утра. А в случае с Черил Мерстон это уже не имеет никакого значения.

Посмотрев на нее, Мальэрик улыбнулся:

— Не хотите увидеть кое-что интересное?

— Интересное? — сонно спросила она.

— Я только что купил лодку. — Он заплатил по счету. Черил радостно засмеялась.

— Лодку? Я люблю лодки. Какая она?

— Парусная шлюпка. Тринадцать метров. У нас с женой была такая же, — грустно пояснил Мальэрик. — Досталась ей при разводе.

— Вы смеетесь надо мной, Джон! Это у нас с мужем была такая! И он ее получил при разводе.

— Да ну? — Мальэрик встал. — Пойдем прогуляемся к реке. Оттуда ее видно.

— С удовольствием. — Шатаясь, Черил поднялась и взяла его под руку.

Мальэрик повел ее к выходу. Дозировка оказалась правильной. Она будет послушной и забывчивой, но не потеряет сознание до того

момента, когда он отведет ее к растущим возле Гудзона кустам. Теперь они направлялись в Ривер-парк.

— Вы говорили о лодках, — пьяным голосом напомнила Черил.

— Да.

— У нас с моим бывшим была лодка.

— Знаю, вы мне уже говорили.

— Да неужели? — засмеялась Черил.

— Подождите, — сказал он. — Мне нужно кое-что взять. Остановившись возле машины, краденой «мазды», Мальэрик вытащил из-под заднего сиденья тяжелую спортивную сумку и запер дверцу. В сумке что-то громко лязгнуло, Черил как будто хотела спросить его об этом, но тут же забыла. — Пойдемте туда. — Мальэрик довел ее до конца улицы, по пешеходному мостику они пересекли автостраду и спустились на заросший, безлюдный участок земли, примыкающий к воде.

Освободившись от руки Черил, он крепко обнял ее за плечи. Рукой Мальэрик чувствовал ее грудь, голова Черил упиралась ему в плечо.

— Смотри, — сказала она, указывая на Гудзон, где по сверкающей водной глади скользили десятки парусников и прогулочных теплоходов.

— Моя лодка там, внизу.

— Я люблю лодки.

— И я тоже.

— Правда? — Засмеявшись, Черил пробормотала, что — подумать только — у нее с бывшим мужем тоже была лодка. Но она досталась при разводе ему.

Глава 15

Школа верховой езды была частью старого Нью-Йорка. Ощущая сильный запах конюшни, Амелия Сакс вглядывалась в интерьер старинного деревянного здания, рассматривала лошадей и всадников. Все они выглядели довольно импозантно в своих желтовато-коричневых брюках, черных или красных куртках и бархатных шапочках.

В вестибюле и возле него, снаружи, стояло с полдюжины полицейских в форме — сотрудники ближайшего, двадцатого полицейского округа. Еще

больше полицейских находилось в парке. Разместившись вдоль верховой тропы, они под руководством Лона Селлитто высматривали свою неуловимую добычу.

Когда Сакс и Белл вошли в помещение администрации, детектив показал сидевшей за стойкой женщине свой золотой значок. Увидев за его спиной толпу полицейских, она вздохнула:

— Слушаю вас. Что случилось?

— Скажите, мэм, вы используете для ухода за седлами и кожей мазь «Так-пьюар»?

Она посмотрела на помощницу, и та кивнула.

— Да, сэр. Мы широко применяем ее.

— Сегодня на месте преступления мы нашли возле тела жертвы следы этой мази и конского навоза. По нашим предположениям, подозреваемый в этом убийстве готовит нападение на одного из ваших сотрудников или наездников.

— Не может быть! На кого же?

— К сожалению, этого мы не знаем. И нам точно не известно, как выглядит подозреваемый. Можем сказать одно: он среднего телосложения, ему около пятидесяти, белый. Иногда носит бороду и каштановый парик. Пальцы левой руки деформированы. Нам нужно, чтобы вы поговорили со своими сотрудниками или постоянными клиентами, может, кто-нибудь видел кого-то, кто подпадает под это описание или выглядит опасным.

— Конечно, — нерешительно сказала она. — Я сделаю все, что смогу. Конечно.

Взяв с собой несколько патрульных, Белл вместе с ними отправился на усыпанную стружкой арену.

— Мы сейчас все осмотрим! — крикнул он Сакс. Кивнув, та посмотрела в окно, проверяя, как там Кара.

Молодая женщина сидела одна в машине Селлитто, припаркованной на обочине, рядом с «камаро» Сакс. Амелии очень не хотелось ставить ее под удар.

Робертс-Удэн показал более эффектные трюки, чем марабуты. Хотя, по-моему, они едва его не убили.

Не беспокойтесь. Мы позаботимся о том, чтобы с вами этого не случилось.

Сакс посмотрела на часы — два часа дня. Вызвав по рации Центральную, она перевела звонок на телефон Райма и услышала в трубке его голос:

— Сакс, команда Лона ничего не нашла в парке. Надеюсь, тебе повезло больше?

— Управляющая опрашивает здесь, в школе, сотрудников и наездников. Роланд и его группа осматривают конюшни. — Она бросила взгляд на управляющую, окруженную сотрудниками с озабоченными лицами. Внезапно одна из девушек — рыжая, с круглым лицом — испуганно поднесла руку ко рту и начала кивать.

— Подожди, Райм. Кажется, что-то есть.

Управляющая поманила Сакс к себе.

— Не знаю, может, это и не важно, — сказала девочка-подросток. — Но я должна кое-что сообщить.

— Как вас зовут?

— Трейси? — тоном вопроса ответила она. — Я работаю здесь конюхом.

— Продолжайте.

— Хорошо. Тут одна наездница приезжает каждую субботу. Это Черил Мерстон.

— В одно и то же время? — прокричал Райм в ухо Сакс. — Спроси, приезжает ли она в одно и то же время.

Сакс повторила его вопрос.

— Да-да, это так, — сказала девочка. — Она точная как часы. Уже несколько лет сюда приезжает.

— Людей с устойчивыми привычками легче всего взять на прицел, — заметил криминалист. — Скажи ей — пусть продолжает.

— Так что там с ней, Трейси?

— Сегодня она вернулась с прогулки примерно полчаса назад и отдала мне Дон Жуана — это ее любимая лошадь. Она попросила, чтобы мы с ветеринаром внимательно осмотрели его, потому что птица ударила

коня в лицо и испугала. Ну, мы осмотрели его, и тут она говорит мне про одного парня, который появился и успокоил Донни. Мы сказали ей, что Донни выглядит прекрасно, а она продолжает насчет этого парня — ля-ля, ля-ля — да какой он интересный, да как она рада, что пойдет пить с ним кофе, да что он, наверное, настоящий укротитель лошадей. Я видела, как он ждал ее внизу. И мне показалось, будто у него что-то с рукой; видимо, он покалечил ее. Похоже, у него всего три пальца.

— Это он! — воскликнула Сакс. — Вы знаете, куда они направились?

Девушка указала на запад — в сторону от парка.

— Думаю, сюда.

— Пусть даст описание, — распорядился Райм.

Девушка объяснила, что он носит бороду и у него странные брови.

— Совсем сросшиеся.

Для изменения внешности очень важны брови. Если изменить их, лицо процентов на шестьдесят становится другим.

— А как он одет? — спросила Сакс.

— Ветровка и кроссовки. Тренировочные брюки.

— А цвет?

— Куртка и брюки темные. Синие или черные. Его рубашку я не видела.

— Ни одной зацепки, — пробормотал вернувшийся со своей группой Белл.

— У нас тут неприятности. — Сакс рассказала ему про наездницу и бородатого мужчину. Потом спросила девушку: — А вы уверены, что она не знакома с этим типом?

— Конечно. Мы с миссис Мерстон знаем друг друга уже давно, и она говорила мне, что совсем перестала встречаться с мужчинами — не доверяет им. Бывший муж обманывал ее, а потом, при разводе, забрал лодку. Она до сих пор из-за этого огорчается.

* * *

Лучшие иллюзионисты, друзья мои, всегда тщательно планируют последовательность и темп представления — с тем чтобы сделать его как можно более впечатляющим.

Сегодня в третьем акте мы сначала увидели в Центральном парке иллюзию с животным — чудо-лошадью Донни. Затем мы замедлили темп и показали вам классическую ловкость рук в сочетании с некоторой примесью ментализма.

А теперь мы переходим к эскапизму.

То, что мы увидим, напоминает один из самых знаменитых трюков Гарри Гудини. В этом номере, им самим разработанном, великий артист был связан, подвешен за ноги и погружен в узкий бак с водой. Он имел лишь несколько минут на то, чтобы перегнуться вверх, освободить лодыжки и отпереть крышку бака, — иначе бы утонул.

Разумеется, емкость с водой была «подготовлена». Стальные прутья, предназначенные якобы для того, чтобы предохранить стекло, на деле представляли собой рукоятки, позволявшие Гудини подтянуться и достать до лодыжек. Замки на ногах и крышке бака имели скрытые защелки, позволявшие мгновенно освободить ноги и открыть крышку.

Надо ли говорить, почтеннейшая публика, что наша версия этого популярного номера великого эскаписта не предполагает подобных ухищрений! Нашей исполнительнице придется полагаться только на свои силы. Кроме того, я добавил от себя еще кое-какие вариации — разумеется, исключительно для вашего удовольствия.

А теперь, благодаря любезности мистера Гудини, представляю вам «Водяную камеру пыток»!

** * **

Без бороды, в хлопчатобумажном комбинезоне и белой рубашке поверх белой тенниски, Мальэрик деловито обматывал цепями Черил Мерстон — сначала лодыжки, затем грудь и руки.

Остановившись, он огляделся по сторонам, однако густые кусты скрывали их как со стороны дороги, так и со стороны реки. Поблизости никого не было.

Сейчас они находились у реки Гудзон, около небольшого пруда со стоячей водой, когда-то служившего стоянкой для прогулочных шлюпок. Кучи строительного и бытового мусора давно уже отрезали его от реки, превратив в дурно пахнущий пруд примерно трех метров в диаметре. С

одной стороны пруда виднелся полуразвалившийся причал с проржавевшим подъемником. С его помощью в свое время извлекали из воды лодки. Перебросив через него веревку, Мальэрик поймал конец и начал привязывать его к цепям, туго охватывавшим грудь Черил.

Эскаписты любят цепи. Они выглядят впечатляюще, с этаким садистским оттенком — не то что какие-нибудь шелковые платки или даже веревки. Кроме того, они тяжелые, а это как раз то, что надо, чтобы удержать исполнителя под водой.

— Нет, нет, не-е-ет! — бормотала одурманенная женщина.

Погладив ее по голове, Мальэрик еще раз проверил оковы. Просто и прочно. Гудини когда-то писал: «Это может показаться странным, но я обнаружил, что чем внушительнее выглядят оковы в глазах публики, тем легче выскользнуть из них».

Мальэрик по своему опыту знал, что это правда. Когда иллюзионист с ног до головы обмотан ужасающего вида цепями, от них не так уж трудно избавиться. Чем приспособления проще и меньше числом, тем сложнее от них освободиться. Как в данном случае.

— Не-е-ет! — пьяно кричала Черил. — Мне больно. Ну пожалуйста!.. Что ты...

Но договорить она не успела — Мальэрик залепил ей рот клейкой лентой. После этого он сосредоточился, как следует взялся за веревку и медленно начал ее тянуть. Ноги женщины стали подниматься вверх, а ее тело — медленно опускаться вниз, в отвратительные воды пруда.

* * *

В этот прекрасный весенний день на большой центральной площади Вест-Сайдского колледжа, расположенной между 79-й и 80-й улицами, шумела оживленная ярмарка ремесел. В плотной толпе было невозможно заметить убийцу и его жертву.

В этот прекрасный весенний день клиенты заполняли десятки близлежащих ресторанов и кафе. В любом из них Кудесник сейчас мог втолковывать Черил Мерстон, что неплохо было бы поехать куда-нибудь покататься или же отправиться к ней на квартиру.

В этот прекрасный весенний день к услугам убийцы были пятьдесят соседних проулков, погруженных в полумрак и уединенных, представлявших собой идеальное место для убийства.

Сакс, Белл и Кара бродили взад и вперед по улицам, осматривая торговые развалы, рестораны и проулки. И все прочее, что только могло показаться подозрительным.

И ничего не находили.

Они уже совсем было отчаялись, когда им вдруг повезло. Двое копов и Кара, войдя в расположенное на Риверсайд-драйв кафе «У Эльмы», рассматривали посетителей. Внезапно Сакс схватила Белла за руку и указала на кассовый аппарат. Рядом с ним лежали черная бархатная шапочка для верховой езды и кожаный хлыст.

Сакс тут же подбежала к управляющему, смуглому уроженцу Ближнего Востока.

— Это оставила женщина?

— Да, десять минут назад. Она...

— Она была с мужчиной?

— Да.

— С бородой и в спортивном костюме?

— Верно. Шляпу и этот хлыст она забыла под столом.

— Вы знаете, куда они пошли? — спросил Белл.

— А что случилось? Может...

— Куда они пошли? — настаивала Сакс.

— Ну хорошо, я слышал, как он говорил, что хочет показать ей свою лодку. Но я надеюсь, что он отвел ее домой.

— Что вы имеете в виду? — спросила Сакс.

— Женщине было плохо. Думаю, поэтому она и забыла свои вещи.

— Плохо?

— Она едва держалась на ногах — вы понимаете, что я хочу сказать? Будто пьяная, хотя они пили только кофе. А когда они сюда пришли, с ней было все нормально.

— Он ее опоил, — сказала Сакс Беллу.

— Опоил? — переспросил управляющий. — Послушайте, что случилось?

— За каким столиком они сидели? — осведомилась Сакс.

Управляющий указал на столик, за которым сейчас сидели четыре женщины — все они громко разговаривали. Извинившись перед ними, Сакс быстро осмотрела прилегающую территорию. На столе и под столом не было никаких вещественных доказательств.

— Нам надо ее искать, — обратилась она к Беллу.

— Если он говорил про лодку, следует идти на запад. К Гудзону.

— Это место преступления — не мойте его и не подметайте под ним. — Сакс кивнула в сторону столика, за которым сидели Кудесник и Черил. — И пересадите женщин в другое место! — добавила она, выбегая на улицу, под ослепительные лучи весеннего солнца.

Глава 16

Она видела, как плачет ее муж.

Проливает слезы сожаления по поводу того, что ему пришлось «покончить с этим браком».

Покончить.

Все равно что выбросить мусор.

Или выгулять собаку.

Но это же не вещь!

Однако Рой считал иначе. Он предпочел ей коренастую помощницу аналитика по вопросам безопасности, вот так все и получилось.

В нос ударила еще одна удушающая волна горячей грязной воды.

«Воздух, воздух… дайте мне воздуха!»

Теперь Черил Мерстон видела, как ее родители много лет назад с притворной скромностью выкатили велосипед, привезенный ей Сантой с Северного полюса. «Неплохо смотрится, Санта даже прислал тебе на Рождество розовый шлем, чтобы защитить эту милую головку…»

— Аааа!

Кашляя и задыхаясь, Черил, обмотанная цепями, висела вниз головой над маслянистой поверхностью грязного пруда на веревке, перекинутой через металлический кран, торчащий над водой.

Кровь стучала в висках.

«Стойте, стойте, стойте!» — беззвучно кричала она. Что происходит? Черил помнила, как Донни все пятился и пятился назад, потом ей кто-то помог — такой приятный мужчина, потом кофе в греческом ресторане, разговор, потом что-то насчет лодок, потом головокружение и глупый смех.

Потом цепи. И эта ужасная вода.

А теперь этот мужчина с любопытством наблюдает за тем, как она умирает.

Как же он может так обращаться с ней? Такой добрый с лошадьми и такой жестокий с ней. «Вы, наверно, не поняли — это же я! Мы ведь все друг о друге знаем. Разведенные, без детей, лошади, собаки, лодки... Мы родственные души!» По инерции ее тело слегка развернулось, и Мальэрик больше не видел умоляющие глаза Черил — в его поле зрения теперь появились туманные очертания далекого Нью-Джерси.

Медленно описав круг, Черил опять увидела заросли ежевики и сирени. И его.

Посмотрев на нее, он кивнул, размотал веревку и снова опустил Черил в отвратительный водоем.

Перегнувшись в талии, она отчаянно пыталась удержаться над поверхностью пруда — словно он был заполнен раскаленным металлом. Однако собственный вес и тяжесть цепей все же утянули ее под воду. Задержав дыхание, Черил бешено извивалась и трясла головой в тщетной попытке освободиться от прочного металла. Она заметила, как в зеленовато-коричневой воде снуют какие-то насекомые.

Тут перед Черил вновь появился ее муж и стал объяснять, объяснять, объяснять, почему развод для нее — наилучший вариант. Закатывая глаза, Рой вытирал крокодиловы слезы и говорил, что все замечательно. Так ей будет лучше. «Смотри, у меня кое-что есть для тебя». Он открыл дверь, и за ней оказался новенький велосипед. Наклейки на рукоятках ручного тормоза, запасное колесо сзади и шлем — розовый шлем, — чтобы защитить милую головку Черил.

И она сдалась. «Ты победил, победил! Забирай проклятую лодку, забирай свою проклятую любовницу. Только отпусти меня, оставь в покое». И Черил сделала вдох, впуская в легкие желанную смерть.

* * *

— Там! — крикнула Амелия Сакс.

Вместе с Беллом они бежали по пешеходной дорожке, ведущей к густым зарослям на берегу реки Гудзон. На полуразвалившейся стенке, которая много лет назад, пока еще существовал проход к реке, очевидно, служила причалом, стоял мужчина. Все вокруг заросло, везде валялся мусор, повсюду виднелись лужи с застойной водой.

Мужчина в хлопчатобумажном комбинезоне и белой рубашке держал в руках конец веревки, перекинутой через небольшой ржавый подъемник. Другой ее конец исчезал под водой.

— Эй, вы! — заорал Белл.

Да, у него каштановые волосы, но одежда другая. Бороды тоже нет. И брови не кажутся такими густыми. Да и пальцы на левой руке как будто не сросшиеся.

Так что же все это означает?

Кудесник может быть мужчиной, может быть женщиной.

Кудесник может быть невидимым.

Когда они подбежали поближе, мужчина взглянул на них с явным облегчением.

— Вот! — воскликнул он. — Помогите! Там женщина под водой!

Оставив Кару возле эстакады, Сакс и Белл помчались сквозь кусты к отвратительному пруду.

— Не доверяй ему! — задыхаясь, крикнула на бегу Сакс.

— Понял тебя, Амелия!

Мужчина потянул сильнее, и над водой показались ноги в желто-коричневых брюках; за ними последовало бесчувственное тело женщины, закованное в цепи. «Ох, бедняжка! — подумала Сакс. — Он подвесил ее вниз головой и опустил в воду. Господи, только бы она осталась жива!»

До пруда оставалось совсем немного. По своему переговорному устройству Белл вызвал подкрепление и медиков.

Несколько человек на пешеходном мостике остановились, недоумевая, что здесь происходит.

— Помогите! Я не могу вытащить ее один! — обращаясь к Беллу и Сакс, крикнул мужчина. Голос его был сдавленным, он задыхался от усилий. — Этот человек — он связал женщину и столкнул в воду. Он пытался убить ее!

Вытащив оружие, Сакс направила его на мужчину.

— Эй, что вы делаете? — изумился тот. — Я ведь пытаюсь спасти ее! — Он бросил взгляд на висевший у него на поясе сотовый телефон. — Это я позвонил в девять-один-один.

Его левую руку Сакс все еще не могла разглядеть — она была скрыта правой рукой.

— Не отпускайте веревку, сэр, — сказала она. — Держите руки так, чтобы я видела их.

— Я ничего не сделал! — Мужчина дышал как-то уж очень тяжело. Возможно, дело не в физических усилиях — может, у него астма.

Держась в стороне от линии огня, Белл ухватился за подъемник и развернул его к топкому берегу. Когда тело женщины было уже на расстоянии вытянутой руки, он потянул его к себе. Мужчина же ослаблял веревку до тех пор, пока Черил не оказалась на земле. Она лежала на траве, вся обмякшая, кожа ее имела синюшный оттенок. Сняв с ее рта клейкую ленту, детектив разомкнул цепи и приступил к реанимации.

— Прошу вас не подходить близко, — крикнула Сакс собравшимся вокруг зевакам, которых набралось уже не меньше десятка. — Среди вас нет врача?

Никто не откликнулся. Обернувшись к жертве, Сакс увидела, что та зашевелилась... Есть! Они успели вовремя. Через минуту она скажет, кто ее мучитель. И тут, оглядевшись по сторонам, Сакс кое-что заметила. Неподалеку валялась темно-синяя одежда. Амелия рассмотрела «молнию» и рукав. Должно быть, это и есть тот тренировочный костюм, который он снял.

Проследив за ее взглядом, мужчина тоже заметил это.

Отреагировал ли он? Кажется, поморщился, но точно сказать этого Сакс не могла.

— Сэр, — обратилась к нему Сакс, — пока мы тут во всем не разберемся, я надену на вас наручники. Протяните руки...

— Смотрите, леди! — В голосе мужчины слышались панические нотки. — Тот парень в тренировочном костюме — он справа от вас! У него пистолет!

Закричав, люди бросились на землю, а Сакс пригнулась и резко повернулась вправо.

— Роланд, смотри!

Белл тоже бросился на землю рядом с жертвой и, держа пистолет в руке, смотрел в том же направлении, что и Сакс.

Но никого одетого в спортивный костюм там не было видно. Может быть...

О нет, подумала она. Нет! Злясь на себя, Сакс уже понимала, что произошло — эти слова произнес сам Кудесник. Это называется чревовещанием.

Быстро повернувшись назад, она увидела, как из руки подозреваемого вырвался сверкающий шар и повис в воздухе, полностью ослепив ее.

— Амелия! — позвал Белл. — Я ничего не вижу! Где он?

— Я не...

С той стороны, где только что стоял Кудесник, раздалась серия выстрелов. Боясь попасть под огонь, зеваки в панике разбежались. Сакс и Белл пытались разглядеть Кудесника, но к тому времени когда к Амелии вернулось зрение, убийца уже исчез. Она обнаружила, что целится в слабое облачко — дым от очередной петарды.

Через несколько мгновений Сакс, однако, все-таки увидела Кудесника — тот был уже на другой стороне пешеходного мостика. Он бежал прямо по середине улицы, но, заметив несущуюся навстречу патрульную машину с мигалкой и сиреной, прыгнул в сторону, поднялся на крыльцо здания колледжа и скрылся в толпе покупателей ярмарки — словно мокассиновая змея, исчезающая в высокой траве.

Глава 17

Они были повсюду…

Десятки полицейских.

И все они искали именно его.

Задыхаясь от бега — легкие горели, в боку кололо, — Мальэрик прислонился к холодной стене одного из учебных корпусов колледжа.

Прямо перед ним на запруженной народом широкой площади шумела ярмарка. Он оглянулся назад, на запад, — туда, откуда пришел. Полиция уже перекрыла это направление. С северной и южной сторон площади стояли высокие бетонные здания. Окна их были закрыты ставнями, дверей Мальэрик не видел. Единственный путь, оставшийся свободным, лежал на восток — на другую сторону площади размером с футбольное поле, уставленной торговыми палатками и заполненной народом. И он неспешно направился туда. Бежать Мальэрик не смел. Потому что иллюзионисты знают: быстрые движения всегда привлекают внимание.

Двигайся медленно, и станешь невидимым.

Он разглядывал разложенные товары, одобрительно кивал гитаристу, смеялся над клоуном — в общем, делал все то же, что и другие.

Потому что необычное привлекает внимание.

Поступай как все, и ты станешь невидимым.

Постепенно продвигаясь на восток, Мальэрик размышлял о том, каким же образом полиция вычислила его. Конечно, он ожидал, что они уже сегодня найдут тело утонувшей женщины. Но полицейские все же приехали слишком быстро — словно ждали, что он кого-нибудь похитит в этой части города, возможно, даже именно в школе верховой езды. Почему это произошло?

Все дальше на восток.

Мимо палаток, буфетов, джаз-оркестра, выступающего на красно-сине-белом помосте. Впереди был выход — лестница, ведущая с площади на Бродвей. До свободы осталось пятьдесят шагов, затем сорок.

Тридцать…

Но тут Мальэрик заметил мигающие огни. Они показались ему почти такими же яркими, как вспышка, благодаря которой он ускользнул от рыжеволосой женщины-полицейского. Огни сверкали на крышах патрульных машин, остановившихся возле лестницы. Оттуда выскочило

пять полицейских в форме; осмотрев лестницу, они остались возле своих машин. В этот момент прибыли еще полицейские, уже в гражданской одежде. Поднявшись по лестнице, они смешались с толпой, внимательно разглядывая тех, кто был на ярмарке.

Окруженный со всех сторон, Мальэрик небрежно развернулся и направился к центру празднества.

Переодетые полицейские медленно продвигались на запад, останавливая всех мужчин лет пятидесяти, гладко выбритых, в светлых рубашках и желто-коричневых брюках. Именно так он и был сейчас одет.

Однако они останавливали и тех пятидесятилетних, кто носил бороды и был одет совсем иначе. Стало быть, они знают о его приемах трансформации.

И тут Мальэрик увидел то, чего больше всего страшился: в западном конце ярмарки появилась рыжеволосая женщина-полицейский со стальным взглядом, пытавшаяся арестовать его возле пруда. Она сразу смешалась с толпой.

Мальэрик повернулся к ней боком, опустил голову и начал разглядывать какую-то отвратительную керамическую скульптуру.

Что же делать? — лихорадочно думал он. Под тем, что сейчас на нем, остался еще один костюм для трансформации. Но больше у него в запасе ничего нет.

Рыжеволосая, заметив какого-то мужчину, который был одет и сложен примерно так же, как и Мальэрик, поспешно направилась к нему и вперила в него взгляд. Затем отвернулась и снова начала разглядывать людей в толпе.

На лестнице появился подтянутый коп с каштановыми волосами — тот самый, который реанимировал Черил Мерстон, и несколько минут они о чем-то совещались. С ним была еще одна женщина, явно не похожая на копа, с красновато-фиолетовыми короткими волосами и довольно худая. Оглядев толпу, она что-то прошептала женщине-полицейскому, и та направилась в сторону площади. Девушка с короткими волосами осталась с мужчиной-копом, и они тоже начали прочесывать толпу.

Мальэрик понимал, что рано или поздно его заметят. Нужно выбраться с ярмарки немедленно, пока не прибыло еще больше копов. Проходя мимо передвижного туалета, он зашел в фибергласовую кабинку и переоделся. Через тридцать секунд Мальэрик вышел наружу, вежливо придержав дверь перед женщиной средних лет. Однако та отошла в

сторону — видимо, ей не захотелось пользоваться туалетом после байкера в кепке, с «конским хвостом» и пивным животом, в засаленной хлопчатобумажной рубашке с длинными рукавами и грязных черных джинсах.

Подобрав старую газету, Мальэрик скатал ее трубочкой и сунул туда левую руку, чтобы скрыть покалеченные пальцы. После этого он снова двинулся в восточную часть ярмарки, разглядывая изделия из цветного стекла, кувшины и кубки, игрушки ручной работы, хрусталь и компакт-диски. Один из копов взглянул прямо на него, но тут же отвернулся.

Теперь Мальэрик постепенно приближался к восточной стороне площади.

На Бродвей вела лестница около тридцати метров шириной, и полицейские в форме сейчас полностью перекрыли ее. Останавливая всех идущих от парка взрослых мужчин и женщин, они просили их предъявить документы.

Мальэрик вдруг заметил поблизости мужчину-детектива. Девушка с фиолетовыми волосами что-то шептала ему на ухо. Может, она заметила его?

Мальэрика охватила неудержимая ярость. Он так тщательно спланировал свое представление — каждый номер, каждый трюк был отточен и прекрасно согласовался с завтрашним финалом! В эти выходные Мальэрик собирался представить самую идеальную иллюзию из всех, какие когда-либо показывали. Теперь все это рушилось у него на глазах. Он представил себе разочарование своего наставника, досаду почтеннейшей публики... Посмотрел на свою руку, сжимавшую сейчас небольшую картину с изображением статуи Свободы, — она дрожала.

Вот это уж совершенно неприемлемо! Мальэрик пришел в бешенство.

Положив картину на место, он обернулся...

И тут же застыл на месте.

Всего в каком-то метре от него стояла рыжеволосая. К счастью, она смотрела в сторону. Мальэрик тут же переключил внимание на украшения и с сильным бруклинским акцентом спросил продавца, сколько стоит пара серег.

Краем глаза он видел, как женщина-полицейский смотрит на него, но она быстро отвернулась и заговорила по рации:

— Пять-восемь-восемь-пять. Запрашиваю наземную линию связи с Линкольном Раймом. — И мгновение спустя: — Мы на ярмарке, Райм. Он должен быть здесь... Он не мог ускользнуть до того, как мы перекрыли все выходы. Мы найдем его, даже если придется обыскать всех.

Мальэрик поспешно ретировался. Какие же у него есть варианты?

Отвлечение — кажется, только это он и может сделать. Нужно отвлечь полицию и получить пять секунд на то, чтобы проскользнуть через оцепление и исчезнуть в толпе пешеходов на Бродвее.

Но чем отвлечь их? У него больше нет хлопушек, имитирующих выстрелы. Поджечь палатку? Но это не вызовет нужной ему паники.

Гнев и страх снова охватили его.

Но тут Мальэрик услышал донесшийся до него сквозь годы голос учителя. Тогда он допустил на сцене какую-то ошибку и едва не сорвал номер. После представления наставник отвел его в сторону. Чувствуя, как к глазам подступают слезы, мальчик уставился в пол, а учитель спросил его: «Что такое иллюзия?»

«Наука и логика», — мгновенно ответил Мальэрик (наставник усердно вбивал в него ответы на сотню подобных вопросов).

«Да, наука и логика. Если тебя постигла неудача — по твоей ли вине, по вине твоего ассистента или по воле самого Господа Бога, — ты должен использовать науку и логику, чтобы мгновенно все исправить. Между допущенной ошибкой и твоей реакцией на нее не должно пройти даже секунды. Будь смелым. Владей своей аудиторией. Пусть катастрофа сменится аплодисментами».

Услышав мысленно эти слова, Мальэрик успокоился. Встряхнув головой, он огляделся и прикинул, что можно сделать.

Будь смелым. Владей своей аудиторией.

Пусть катастрофа сменится аплодисментами.

* * *

Сакс снова окинула взглядом стоящих рядом с ней людей: мать и отец с двумя скучающими детьми, пожилая пара, байкер в рубашке с логотипом «Харлей-Дэвидсона», две дамы из Европы, торгующиеся с продавцом из-за каких-то украшений.

На той стороне площади она заметила Белла возле продовольственных рядов. А где же Кара? Молодая женщина должна была находиться рядом с одним из них. Сакс помахала детективу рукой, но тут их разделила группа людей, и она сразу потеряла его из виду. Поглядывая по сторонам, Сакс направилась к Беллу.

Сейчас Амелия ощущала такое же беспокойство, как и в музыкальной школе, хотя небо было ясное, а солнце сияло — никакого мрачного антуража, как это было в первом случае.

Нечистое место...

Она знала, в чем тут проблема. Когда ты работаешь патрульным, то либо имеешь контакт, либо нет. Полицейское выражение «иметь контакт» означало, что вы связаны со своим районом. В этом смысле нужно не просто знать географию своего участка или живущих там людей; нужно понимать, что ими движет, какие типы преступников можно там встретить, насколько они опасны, как они нападают на своих жертв — и как могут напасть на вас.

Если у вас нет контакта со своим районом, вам нечего там делать.

С Кудесником, как теперь понимала Сакс, она не имеет никакого контакта. Он может сейчас ехать в метро по маршруту номер девять или стоять рядом с ней — и она даже не догадается об этом.

Собственно, именно сейчас кто-то подошел к Сакс так близко, что она ощутила на шее его дыхание. Содрогнувшись от страха, Амелия резко обернулась и тут же ухватилась за рукоятку пистолета; она хорошо помнила, как легко Кара отвлекла ее, а сама вытащила из кобуры пистолет.

Поблизости находилось человек пять, но никто из них к ней не приближался.

Или все-таки приближался?

Вот, прихрамывая, от нее удаляется какой-то мужчина. Это не может быть Кудесник.

А почему не может?

Ведь он за считанные секунды способен изменить облик!

Сейчас рядом с ней находятся: пожилая пара, байкер с хвостиком, трое подростков и огромный мужчина в форме почтовой службы. Ее словно

бросили одну в море — не верящую в свои силы, не знающую, куда плыть.

Нет контакта…

И тут раздался женский крик:

— Вот! Смотрите! О Боже, кого-то ранили!

Вытащив пистолет, Сакс бросилась к собравшейся неподалеку группе людей.

— Вызовите доктора!

— Что случилось?

— О Боже, не смотри, милая!

Недалеко от буфета, в восточной части площади, уже собралась большая толпа. Все с ужасом разглядывали что-то, распростертое у их ног.

Вызвав по «Мотороле» медиков, Сакс начала протискиваться сквозь толпу.

— Пропустите, пропу… — Не договорив, она ахнула от удивления и ужаса. — Нет, — прошептала Сакс. — Нет, нет…

Перед Амелией Сакс предстала очередная жертва Кудесника.

Кара лежала на земле, кровь заливала ее пурпурную блузку и каменные плиты площади. Голова была запрокинута назад, в лазурное небо неподвижно смотрели мертвые глаза.

Глава 18

Онемев от горя, Сакс невольно поднесла руку ко рту.

О Боже, нет…

Роберт-Удэн показал более эффектные трюки, чем марабуты. Хотя, по-моему, они едва не убили его.

Не беспокойтесь. Я позабочусь о том, чтобы с вами этого не случилось.

И не позаботилась. Сосредоточившись на поисках Кудесника, Сакс совсем забыла о девушке.

Нет, Райм, некоторых мертвых забыть невозможно. Эта трагедия будет с ней всегда.

Впрочем, сейчас не время для скорби, подумала она. Еще будет время для выводов и взаимных упреков. Сейчас надо рассуждать только как коп. Кудесник здесь, неподалеку. И он не должен уйти. Это место преступления, и ты знаешь, что надо делать.

Шаг первый: отрезать пути к бегству.

Шаг второй: изолировать место преступления.

Шаг третий: идентифицировать, защитить и опросить свидетелей.

Сакс повернулась было к двоим патрульным, намереваясь поручить им выполнить кое-что из этого списка, но едва начала говорить, как затрещала ее рация:

— Патрульный четыре-семь ко всем свободным офицерам в районе десять-двести-четыре, что возле реки. Подозреваемый только что прорвал периметр на восточной стороне ярмарки. Сейчас он на Уэст-Энде, приближается к Семьдесят восьмой улице, пешком направляется к северу… На нем джинсы и синяя рубашка с логотипом «Харлей-Дэвидсон». Темные волосы, «конский хвост», черная бейсбольная кепка. Оружия не видно… Я теряю его из виду… Все свободные патрульные, ответьте.

Байкер! Он сбросил одежду бизнесмена и принял новое обличье. Он убил Кару, чтобы отвлечь их внимание, и проскользнул сквозь периметр, когда полицейские бросились к ней.

И Сакс была от него в каком-то метре!

Другие полицейские поспешно присоединялись к погоне, хотя убийца прилично оторвался от них. Сакс заметила Роланда Белла. Он мрачно смотрел на Кару, прижимая к уху «Моторолу» — очевидно, слушал ту же самую передачу. Их взгляды встретились, и Белл кивнул в ту сторону, куда направилась погоня. Сакс тут же велела ближайшему патрульному изолировать место убийства Кары, вызвать судебно-медицинского эксперта и найти свидетелей.

— Но… — возразил молодой лысоватый патрульный, видимо, не слишком довольный тем, что ему отдает приказы равная по званию.

— Никаких «но»! — отрезала Сакс. — Можете потом пожаловаться своему начальнику.

Если он что-то и ответил, она уже не слышала этого. Не обращая внимания на боль в суставах и перепрыгивая через две ступеньки, она вслед за Беллом сбежала по лестнице и оросилась в погоню за тем, кто только что убил ее подругу.

* * *

Он бежит быстро.

Но я еще быстрее.

Прослуживший шесть лет патрульным Лоренс Бурке выскочил из парка «Риверсайд» на Уэст-Энд-авеню, отставая лишь на семь метров от бегущего впереди преступника — какого-то гребаного байкера в рубашке «Харлей».

Лавируя между пешеходами, он «гасил поле» — точно так же, как в старших классах школы, когда преследовал принимающего.

И точно так же, как тогда, Быстроногий Ларри постепенно сокращал расстояние.

Он направлялся к Гудзону, чтобы блокировать место преступления, когда услышал сообщение о преследовании и, обернувшись, лицом к лицу столкнулся с преступником — этим грязным байкером.

— Эй, ты! Стоять!

Однако убийца не остановился. Проскользнув мимо Бурке, он продолжал свое паническое бегство, уходя все дальше и дальше на север. И точно так же, как на встрече выпускников школы имени Вудро Уильсона, когда Лоренс пробежал двадцать четыре метра за Крисом Бродериком (ухитрившись длинным броском свалить его на землю всего в полуметре от линии защиты), Быстроногий прибавил скорость и устремился за преступником.

При этом Бурке не доставал оружия. Если преступник не вооружен и нет непосредственной угрозы, что он начнет стрелять в тебя или в прохожих, ты не можешь использовать против него оружие. А если выстрелишь, за это не похвалят при расследовании инцидента, и тогда придется забыть о перспективах на повышение.

— Эй, ты, гребаный неудачник! — рявкнул Бурке.

Свернув на перекрестке на восток, байкер оглянулся и увидел, что Быстроногий все больше сокращает расстояние.

Убийца резко завернул налево, в проулок. Коп выполнил плавный поворот и почти нагнал его.

Чтобы остановить убегающего преступника, некоторые управления полиции применяют сети или оглушающие пистолеты, однако в Нью-Йорке такой передовой техники нет. Кроме того, в данном случае в этом не было никакой необходимости, поскольку Ларри Бурке умел не только бегать, но и сбивать с ног.

С расстояния в три фута он взвился в воздух, помня о том, что нужно целить повыше и при падении использовать как подушку тело этого типа.

— О Господи! — выдохнул байкер, когда они шлепнулись на асфальт и врезались в кучу мусора.

— Черт побери! — Бурке почувствовал, что ободрал локоть. — Твою мать!

— Я ничего не сделал! — воскликнул байкер. — Почему вы за мной гнались?

— Заткнись. — Бурке защелкнул на нем наручники, а поскольку этот мужик оказался неплохим бегуном, надел пластмассовые кандалы ему на ноги. Дешево и сердито. Он осмотрел кровоточащий локоть. — Черт побери, я ободрал кожу. Ох как больно! И все из-за тебя, козел!

— Я ничего не сделал. Я был на ярмарке, вот и все. Я просто...

Сплюнув на булыжники, Бурке несколько раз глубоко вздохнул.

— Что, я непонятно сказал? Заткнись! Я не собираюсь повторять тебе это снова... Черт, как жжет!

Тщательно обыскав задержанного, он нашел его бумажник, в котором не было никаких документов — только деньги. Любопытно. Оружия и наркотиков также не оказалось, что тоже довольно странно для байкера.

— Можете угрожать мне сколько угодно, но я требую адвоката. Я подам на вас в суд! Если, по-вашему, я что-то сделал, то вы глубоко ошибаетесь, мистер.

Но тут Бурке потянул вверх его рубашку и удивленно поднял брови. Грудь и живот задержанного были густо испещрены шрамами. На них страшно было смотреть. Но еще больше поразила Бурке привязанная к талии сумка — вроде тех поясных сумок, которые они с женой носили во время отпуска в Европе. Бурке ожидал найти там наркотики, но нет — этот тип прятал там лишь пару спортивных брюк, комбинезон, белую

рубашку и сотовый телефон. И — что просто невероятно — театральный грим. Все это было туго свернуто и уложено так, будто задержанный хотел выглядеть толстяком.

Неправдоподобно...

Снова глубоко вздохнув, Бурке поднял на ноги этот злосчастный кусок дерьма и нажал кнопку «Моторолы».

— Патрульный пять-два-один-два — Центральной... Я задержал преступника.

— Ранения есть?

— Нет.

Если не считать ободранного локтя.

— Где вы находитесь?

— Полтора квартала к востоку от Уэст-Энда. Подождите минуту, я сейчас выйду на поперечную улицу.

И Бурке направился к выходу из проулка, где собирался взглянуть на уличный указатель и подождать других копов. Только сейчас волнение его начало утихать, сменяясь приятной эйфорией. Ни одного выстрела. Просто сбил с ног этого пакостного неудачника... Черт побери, а ведь получилось здорово — как тогда, когда он сбил с ног Криса Бродерика, который пробежал через все поле, даже не догадываясь, что Быстроногий Ларри все время был у него на хвосте.

* * *

— Эй, ты в порядке?

Белл дотронулся до руки Амелии Сакс. Потрясенная смертью Кары, она не ответила ему и только молча кивнула.

Забыв про боль в коленях, Сакс вместе с детективом быстро шла по Уэст-Энд, направляясь к тому месту, где, как сообщил по рации патрульный Бурке, он задержал убийцу.

"Был ли у Кары приятель? — думала Сакс. — А братья или сестры? О Боже, мы ведь должны сообщить ее родителям!

Нет, не *мы*.

Я должна это сделать. Ведь это моя вина. Я сама и позвоню".

Охваченная горечью, она быстро шла к проулку. Сделав глубокий вдох, чтобы восстановить дыхание, Белл снова взглянул на нее.

Что ж, по крайней мере они взяли Кудесника.

В глубине души Сакс сожалела о том, что не она арестовала его. Ей очень хотелось бы оказаться с Кудесником один на один в проулке — с пистолетом в руке. Она сначала использовала бы «глок», а не «Моторолу», и всего одним патроном ранила бы его в плечо. В кино такие ранения выглядят пустяком, небольшим неудобством, от которого избавляются уже после первой перевязки. На деле, однако, даже маленькая пуля может надолго изменить твою жизнь. Порой — навсегда.

Тем не менее убийца пойман, и ей остается лишь удовлетвориться будущим приговором за совершение тяжкого убийства нескольких лиц.

Не беспокойтесь, не беспокойтесь, не беспокойтесь...

Кара...

Сакс вдруг поняла, что даже не знает ее настоящего имени, и это едва не повергло ее в слезы.

Это мой сценический псевдоним, но я всегда так представляюсь. Это имя звучит лучше, чем то, которым наградили меня родители.

Кажется, Белл что-то говорит ей.

— Ты здесь, Амелия?

Она коротко кивнула.

Они свернули на Восемьдесят восьмую улицу — туда, где патрульный взял преступника. Оба ее конца уже перекрыли патрульные машины. Окинув взглядом улицу, Белл заметил небольшой проулок.

— Туда. — Указав на проулок и взмахнув рукой, он предложил нескольким копам — переодетым детективам и патрульным в форме — следовать за ними.

— Ну что ж, пора заканчивать, — пробормотала Сакс. — Надеюсь, Грейди справится с этим.

Остановившись, они заглянули в темный проулок. Там никого не было.

— Может, не тот? — спросил Белл.

— Он же говорил — Восемьдесят восьмая! — воскликнула Сакс, — в квартале к востоку от Уэст-Энда. Уверена, он так и сказал.

— Я тоже.

— Значит, это здесь. — Амелия посмотрела в один конец улицы, потом в другой. — Других проулков тут нет.

К ним присоединились трое других полицейских.

— Что, ошибка? — озираясь по сторонам, спросил один из них. — Туда мы попали или нет?

— Патрульный пять-два-один-два, срочно отвечайте! — произнес Белл в свою «Моторолу».

Молчание.

— Патрульный пять-два, на какой улице вы находитесь? Подтвердите Восемьдесят восьмую.

Сакс еще раз оглядела проулок.

— Только не это! — Сердце ее упало. Пробежав вперед, она обнаружила рядом с кучей мусора расстегнутые наручники. Рядом с ними валялись перерезанные пополам пластиковые ножные кандалы. Белл тут же подскочил к ней. — Он избавился от этих проклятых наручников и перерезал кандалы. — Сакс огляделась по сторонам.

— Так где же они? — осведомился полицейский в форме.

— Где Ларри? — спросил другой.

— Может, он гонится за ним? — предположил кто-то. — И вышел из зоны приема.

— Возможно, — протянул Белл. Прозвучавшее в его голосе беспокойство объяснялось тем, что полицейские «Моторолы» редко выходили из строя, а зона покрытия у них была лучше, чем у большинства сотовых телефонов.

Позвонив в Центральную, Белл объявил код 10-39 — бегство подозреваемого, офицер пропал или преследует его. Он спросил у диспетчера, не было ли каких-то сообщений от Бурке, но ему сказали,

что сообщения не поступали. Не поступало также никаких сообщений о стрельбе в этом районе.

Сакс обошла весь проулок, стараясь отыскать хоть малейший намек на то, куда исчез убийца — и куда Кудесник дел тело патрульного, если он завладел пистолетом Бурке и убил его. Однако ни она, ни Белл так и не нашли никаких следов ни полицейского, ни преступника.

Что за ужасный день, думала Сакс, возвращаясь к стоявшей у входа в проулок группе полицейских. Двое убитых за одно утро. Плюс Кара.

А теперь еще исчез полицейский.

Она стянула с плеча переговорное устройство. Пора докладывать Райму. Ох Боже ты мой! Нет никакого желания звонить ему. Вызвав Центральную, Сакс попросила соединить ее с Раймом. Дожидаясь соединения, она вдруг почувствовала, как кто-то тянет ее за рукав.

Обернувшись, Сакс сдавленно ахнула, микрофон выпал из ее руки и закачался как маятник.

Перед ней стояли двое. Одним из них был лысоватый полицейский, которому она десять минут назад отдавала приказания на ярмарке.

А вот второй... Второй была Кара, в накинутой на плечи форменной куртке Нью-Йоркского управления полиции. Нахмурившись, молодая женщина внимательно разглядывала проулок.

— Где же он? — озабоченно спросила она.

Глава 17

— Ты в п-порядке? — Сакс заикалась от изумления. — Что... что с тобой случилось?

— Со мной? Все прекрасно... Разве ты ничего не знала?

— Я пытался сообщить вам, — доложил Сакс лысый полицейский. — Но вы убежали прежде, чем я успел что-то сказать.

— Сообщить?.. — От удивления и облегчения язык не повиновался ей.

— Ты думала, что я действительно пострадала? — спросила Кара. — О Боже! Она ничего не знала, — пояснила Кара подошедшему Беллу.

— О чем?

— О нашем плане. О липовом нападении.

Лицо Белла выразило неподдельное изумление.

— Господи, так ты думала, что она действительно убита?

— Я пытался дать ей знать, — обратился к Беллу патрульный. — Но сначала не мог найти ее, а потом, когда нашел, она велела мне изолировать место преступления и вызвать «скорую», после чего убежала.

— Помнишь, как мы разговаривали с Роландом, — начала Кара, — и пришли к выводу, что Кудесник собирается что-то совершить — поджечь палатку, выстрелить или на кого-нибудь напасть. В общем, устроить отвлечение, чтобы уйти. Поэтому мы решили сами выполнить свое собственное отвлечение.

— Заставить этого парня убежать, — вставил Белл. — Кара купила в буфете кетчуп, вылила на себя и начала кричать. — Расстегнув синюю ветровку, Кара показала красное пятно на блузке. — Она беспокоилась, — продолжал детектив, — что посетители ярмарки будут из-за этого очень переживать. Да уж, можно себе представить... Но мы рассудили, что это все-таки лучше, чем если Кудесник в самом деле кого-нибудь убьет. — И он с гордостью добавил: — Это была ее идея. Честное слово.

— Я начинаю понимать, как он думает, — сказала Кара.

— Господи Исусе! — Сакс осознала, что все еще дрожит.

— Это было так реально! — Белл кивнул. — Она хорошо прикинулась мертвой.

Сакс обняла Кару.

— Но с этого момента, пожалуйста, больше не отходи от меня. Или держи меня в курсе. Мне еще рано умирать от сердечного приступа.

Они подождали еще немного, однако никаких сообщений о подозрительных лицах так и не поступало. В конце концов Белл сказал:

— Ты пока осмотри это место, Амелия, а я допрошу жертву. Может, она нам что-нибудь расскажет. Встретимся на ярмарке.

На Восемьдесят восьмой улице был припаркован автобус экспертной службы. Подойдя к нему, Сакс стала собирать оборудование, необходимое для осмотра места преступления. Увлеченная этим занятием, она вздрогнула, услышав раздавшийся в переговорнике голос.

— Пять-восемь-восемь-пять, — приладив висевшие на поясе наушники, отозвалась Амелия. — Повторите сообщение.

— Сакс, что за чертовщина у вас там творится? Я слышал, его взяли, а теперь он уже сбежал?

Она рассказала Райму о случившемся, особенно подробно описав эпизод на ярмарке.

— Это Кара придумала притвориться мертвой? Гм! — Для Линкольна Райма это «гм!» было наивысшим комплиментом.

— Но теперь он исчез, — добавила Сакс. — И мы также не можем найти офицера. Возможно, он преследует его, но точно мы ничего не знаем. Роланд сейчас допрашивает женщину, которую мы спасли. Посмотрим, не даст ли она какие-нибудь зацепки.

— Ладно, занимайся тогда местом преступления, Сакс.

— Местами преступления, — мрачно уточнила она. — Кафе, пруд и здешний проулок. Их слишком много.

— И вовсе не слишком! — возразил Райм. — Напротив, в три раза больше шансов найти неплохие улики.

* * *

Райм оказался прав: три места преступления дали немало вещественных доказательств.

Правда, работать было трудно, хотя и по необычной причине — Кудесник все время находился неподалеку, по крайней мере его фантом. Сакс постоянно останавливалась, хваталась за пистолет и оглядывалась по сторонам, опасаясь, как бы убийца не материализовался у нее за спиной.

Осматривай все как следует, но следи за тем, что творится у тебя за спиной.

На самом деле Амелия никого не видела, но ведь Светлана Расникова тоже не заметила своего убийцу, замаскированного черной тканью и прокравшегося к ней из темноты.

И Тони Калверт, когда подходил к фальшивой кошке, тоже не видел спрятавшегося за зеркалом Кудесника.

И даже Черил Мерстон не разглядела Кудесника, хотя находилась с ним лицом к лицу. Она видела совсем другого человека и не подозревала о том, какую ужасную смерть он ей готовит.

Сакс сделала цифровые снимки мест преступления и передала их фотографам и службе скрытых улик. После этого она вернулась на ярмарку ремесел, где снова встретилась с Роландом Беллом. Он уже допросил находившуюся в больнице Черил Мерстон. Конечно, они не могли полагаться на то, что сообщил ей убийца («Сплошная ложь» — так с горечью охарактеризовала это сама Мерстон), но она дала хорошее описание его внешности, включая несколько заметных шрамов. Черил также вспомнила, что убийца останавливался возле своей машины, и сообщила ее марку и первые цифры номера. Это была отличная новость. Существуют сотни возможностей для того, чтобы с помощью машины выйти на преступника или на кого-нибудь из свидетелей. Райм даже называл машины генераторами улик.

Управление автомобильного транспорта сообщило, что данному описанию соответствует машина, угнанная неделю назад из аэропорта Уайт-Плейнс, — желто-коричневая «Маз-да-626» 2001 года выпуска. Селлитто сразу же разослал всем городским правоохранительным органам запрос на задержание машины, одновременно направив полицейских проверить прилегающие к месту нападения кварталы на предмет ее поиска, хотя никто особенно не верил, что она все еще там.

Белл уже заканчивал свой рассказ о злоключениях Черил Мерстон, когда его прервал один из патрульных:

— Детектив Белл! Так что там была за машина? Ну, на которой ездил преступник?

— Желто-коричневая «мазда». Модель шесть два шесть. Номер FET два три семь.

— Это она, — сказал в микрофон патрульный и пояснил, обращаясь уже к Беллу и Сакс: — Только что получил сообщение. Передвижная патрульная группа увидела преступника у Центрального парка. Они начали преследование, но он заметил это и, перевалив через бордюрный камень, въехал в парк. Мобильная группа пыталась последовать за ним, но их машина застряла.

— Наверное, он ушел, — сказал Белл.

— Он уйдет, — подтвердила Сакс. — Но сначала ему придется преодолеть некоторое расстояние. — Она кивнула в сторону коробок с вещдоками. —

Отвези все это Райму! — крикнула Амелия и десять секунд спустя уже завела мотор и пристегнула ремень безопасности.

— Амелия, подожди! — закричал Белл. — Группа захвата уже в пути!

Однако единственным ответом ему были визг шин и быстро таявшее облачко синего дыма.

* * *

Въехав в Центральный парк, Сакс сосредоточила внимание на том, чтобы избежать столкновения с пешеходами, медленно двигавшимися машинами, велосипедистами и роллерами.

А еще с детскими колясками. Они были повсюду. Господи, ну неужели эти младенцы не могут спать дома?

Поставив на приборную доску голубой проблесковый маячок, Сакс подключила его к прикуривателю. Маячок начал крутиться. Рванувшись дальше, она поймала себя на том, что подает звуковые сигналы в такт огоньку.

Впереди мелькнуло что-то серое.

Черт... Резко притормозив, Сакс остановилась в нескольких сантиметрах от машины, стоящей ее двухгодичной зарплаты. Затем вновь нажала на газ, и лошадиные силы компании «Дженерал моторс» мгновенно откликнулись на этот призыв. Сакс удерживала скорость на уровне пятидесяти миль в час вплоть до того момента, когда в районе Девяностой улицы движение стало менее оживленным; лишь тогда она вдавила педаль до самого пола.

Через несколько секунд она уже шла со скоростью семьдесят миль.

В наушниках лежавшей на пассажирском сиденье «Моторолы» послышался шум. Схватив ее, Сакс приладила наушники.

— Да! — сказала она, пренебрегая правилами ведения радиопереговоров.

— Амелия, это Роланд. — Он также игнорировал правила.

— Продолжай.

— Машины уже вышли.

— Где он? — пытаясь перекричать рев двигателя, спросила Сакс.

— Минутку... Ага, он выехал из Центрального парка, задел грузовик, но продолжает движение.

— Куда он направляется?

— Ну... это случилось меньше минуты назад. Пока он движется на север.

— Поняла.

На север, в Гарлем? — размышляла Сакс. Конечно, есть несколько возможностей выехать из города, но она сомневалась, что Кудесник воспользуется каким-либо из обычных маршрутов, поскольку все они проходят через мосты или контролируемые автострады, где убийца легко угодит в ловушку.

Скорее всего он бросит машину в каком-нибудь относительно спокойном месте и угонит другую.

В наушниках зазвучал голос Райма:

— Сакс, мы нашли его!

— Где?

— Он свернул на запад по Сто двадцать пятой улице, возле Пятой авеню.

— Я сейчас на углу Сто двадцать пятой и Пауэлл-стрит. Попытаюсь блокировать его, но мне нужно подкрепление, — сказала Сакс.

— Мы все сделаем. Ты быстро едешь?

— Даже не смотрю на спидометр.

— Может, это и к лучшему. Все-таки следи за дорогой.

То и дело подавая гудки, Сакс миновала оживленный перекресток Сто двадцать пятой улицы и, повернув, припарковалась, перекрыв при этом два уходящих к западу проулка. Держа в руке «глок», она выскочила из машины и крикнула водителям автомобилей, остановившихся в противоположных проулках:

— Выходите! Полицейская операция! Выходите из машин и ищите укрытие.

Водители — рассыльный и женщина в форменной одежде «Макдоналдса» — мгновенно повиновались. Теперь на Сто двадцать пятой улице были перекрыты все проулки.

— Все в укрытие! — крикнула Сакс. — Сейчас же!

— Да пошла ты!

Посмотрев налево, она увидела прислонившихся к изгороди четверых праздношатающихся подростков. С ленивым интересом они рассматривали австрийский пистолет, детройтскую машину и их рыжеволосую хозяйку.

Большинство других прохожих поспешили укрыться от стрельбы, но эти четверо остались на месте. Зачем куда-то двигаться? В их квартале не так уж часто разыгрываются сцены из полицейских сериалов.

В отдалении уже виднелась «мазда», стремительно мчавшаяся на запад, в направлении импровизированной баррикады. Кудесник заметил заграждение, лишь подъехав вплотную к нему. Он резко затормозил, разворачивавшийся за ним водитель мусоровоза также надавил на тормоза. Увидев, что происходит, мусорщики немедленно дали тягу, заблокировав Кудеснику путь к отступлению.

Сакс снова взглянула на подростков.

— Ложись! — крикнула она.

Презрительно фыркнув, они проигнорировали ее распоряжение.

Пожав плечами, Сакс перегнулась через капот «камаро» и прицелилась в ветровое стекло.

Ну вот он наконец, этот Кудесник! Она видела его лицо и синюю рубашку. «Конский хвост» метался из стороны в сторону — убийца вертел головой, пытаясь найти путь к бегству.

И не находил.

— Эй вы, в «мазде»! Выходите из машины и ложитесь на землю!

Никакого ответа.

— Сакс! — раздался в наушниках голос Райма. — Ты можешь...

Сорвав наушники, она вновь прицелилась в голову убийцы.

Если у тебя есть пистолет, ты можешь им воспользоваться...

Вспомнив слова детектива Мэри Шенли, Сакс глубоко вздохнула, успокоилась и покрепче взялась за пистолет, направляя его чуточку

левее и выше цели, чтобы компенсировать силу тяготения и приятный апрельский ветерок.

Когда ты стреляешь, для тебя ничего не должно существовать: только ты и цель, связанные невидимой нитью, какой-то скрытой энергией. Твоя способность поразить цель зависит лишь от того, где возникает эта энергия. Если ее источник находится в твоем мозгу, ты вполне можешь попасть туда, куда целишься. Но если эта энергия рождается в твоем сердце, тогда ты попадешь почти обязательно. Жертвы Кудесника — Тони Калверт, Светлана Расникова, Черил Мерстон, патрульный Ларри Бурке — жгли ее сердце, и Сакс знала, что не промахнется.

«Ну давай, — думала она, — сукин ты сын. Поезжай, да побыстрее. Дай мне повод...»

Машина подалась чуть-чуть вперед. Палец Сакс лег на спусковой крючок.

Словно почувствовав это, Кудесник притормозил.

— Ну давай! — шептала Амелия.

Если он попытается проскользнуть мимо, она будет стрелять по покрышкам и постарается оставить его в живых. Но если он поедет прямо на нее или свернет на тротуар, поставив под угрозу жизнь других людей, она пристрелит его.

— Эй! — крикнул один из стоявших на тротуаре подростков. — Стреляй, твою мать! Возьми его за задницу, сука!

«Вам не надо убеждать меня, ребята. Готова, могу и хочу...»

Если он приблизится еще на три метра, решила Сакс — на любой скорости, — она пристрелит его. Двигатель машины, напоминавшей по цвету бактерицидный пластырь, внезапно взревел, и Сакс увидела — или только вообразила, — что автомобиль содрогнулся.

«Три метра. Это все, что я прошу».

Двигатель вновь заворчал. «Ну давай!» — молча молила она. И тут Сакс заметила, что за «маздой» медленно движется что-то желтое.

Это был школьный автобус церкви Пророчества Сиона, набитый детьми. Ни о чем не подозревавший водитель остановил его между мусоровозом и «маздой».

Только не это...

Даже поразив мерзавца насмерть, пуля может попасть в автобус.

Сняв палец со спускового крючка, Сакс подняла кверху ствол пистолета. Пристально вглядываясь в ветровое стекло «мазды», она видела, как Кудесник посмотрел назад и вправо и, очевидно, заметил автобус в зеркало заднего вида.

Затем он снова посмотрел на Сакс и, как ей показалось, широко улыбнулся, поняв, что теперь она не выстрелит.

Передние покрышки «мазды» дико завизжали, когда Кудесник вдавил в пол кабины педаль газа и понесся вперед со скоростью двадцать, тридцать, сорок миль в час. Он мчался прямо на полицейскую машину, а автобус церковной школы как будто окружал Кудесника аурой святого покровительства.

Глава 20

Когда «мазда» понеслась прямо на нее, Сакс отскочила на тротуар в надежде выстрелить сбоку.

Подняв пистолет, она не меньше метра «вела» голову Кудесника, однако позади него находились окна магазинов и жилых домов, а также скорчившиеся на тротуарах люди. Сакс не могла сделать ни одного выстрела, не подвергая никого опасности.

Подростков это ничуть не волновало.

— Ну ты, сука, не можешь, что ли, попасть, твою мать!

— Чё ты ждешь?

Опустив пистолет и понурившись, Сакс смотрела, как «мазда» несется на ее «камаро».

Господи, только не это!

«Камаро». Отец купил ей эту рухлядь 69-го года выпуска, они вместе перебрали двигатель и подвеску, добавили новую трансмиссию и отрегулировали все так, что мощность двигателя взлетела до небес. Эта машина, как и любовь к полицейской службе, были важнейшей частью оставленного отцом наследия.

Однако в десяти метрах от «камаро» Кудесник резко повернул руль вправо — туда, где находилась Сакс. Она успела отскочить, и тогда он дал задний ход. «Мазду» занесло, и она по касательной врезалась в правое

крыло «камаро», отбросив машину в дальний проулок, откуда четверо подростков наконец скрылись.

Ахнув от боли, Сакс упала на колени. «Камаро» находился в нескольких метрах от нее, задняя часть машины приподнялась. Ее удерживал старый оранжевый мусорный ящик, который она перевернула по дороге.

Заехав в дальний проулок, «мазда» вновь вернулась на улицу, свернула вправо и направилась к северу. С трудом поднявшись на ноги. Сакс даже не стала направлять оружие в сторону удалявшейся машины. Она бегло осмотрела свой «камаро». Крыло всмятку, вся передняя часть тоже, оторванная решетка как будто не мешает колесам. Ну, может быть, она и догонит его. Сакс вскочила в машину и включила двигатель. Первая передача. Мотор ревет, тахометр показывает пять тысяч, а машина не двигается с места. Что случилось? Лопнула трансмиссия?

Выглянув в окно, она увидела, что задние — ведущие — колеса из-за мусорного бака крутятся в воздухе. Вздохнув от огорчения, Сакс изо всей силы хлопнула по рулю. Проклятие! Она еще видела «мазду», находившуюся всего в трех кварталах отсюда. Кудесник ехал не слишком быстро — столкновение сказалось и на его машине. Все еще остается шанс его догнать.

Но только не на машине, которую подпирает этот чертов насест.

Нужно...

«Камаро» внезапно стал раскачиваться взад и вперед.

Посмотрев в зеркало заднего вида, Сакс увидела, что трое из юнцов сбросили куртки и теперь стараются столкнуть «камаро» с возвышения. Четвертый — крупнее остальных, видимо, лидер этой группировки — не спеша подошел к окну машины. Нагнувшись, он улыбнулся, и на его темном лице ярко сверкнули золотые зубы.

— Привет!

Сакс кивнула в ответ.

— Эй вы, ниггеры! — обернувшись к друзьям, крикнул подросток. — Да толкайте же вы эту гребаную машину! Хватит дрочить!

— Пошел ты! — сдавленно прорычали ему в ответ.

Он снова нагнулся к машине.

— Эй, леди, мы собираемся опустить вас на землю. И чем вы намерены стрелять в этого козла?

— У меня «глок». Сороковой калибр.

Он взглянул на ее кобуру.

— Здорово. Я думал, двадцать третий. Хорошая пушка. А у меня «смитти». — Приподняв рубашку, он с гордостью и вызовом продемонстрировал ей начищенную до блеска серебряную рукоятку автоматического пистолета «смит-вессон». — Но я бы предпочел «глок» — как у вас.

Ну вот, уныло подумала Сакс, теперь еще и вооруженный подросток. Как должен реагировать на эту ситуацию сержант полиции?

Тем временем машина наконец соскользнула с мусорного ящика, ее задние колеса вновь были готовы вращаться.

Что бы ни сказал на это образцовый сержант, решила Сакс все это в нынешних обстоятельствах не имеет никакого значения. А вот она...

Сначала торжественно кивнула:

— Спасибо, ребята! — А потом угрожающим тоном добавила: — Смотри не застрели никого, чтобы мне потом не пришлось за тобой гоняться. Усек?

Широкая, сияющая золотом улыбка.

Затем — раз, первая передача, и покрышки прожигают дыры в асфальте. За каких-то восемь секунд Амелия Сакс набрала шестьдесят миль в час.

— Давай, давай, давай! — бормотала она про себя, глядя на видневшийся в отдалении желто-коричневый силуэт. Машина виляла как сумасшедшая, но в целом слушалась руля. С трудом дотянувшись до наушников, Сакс прицепила их на голову и вызвала Центральную, чтобы сообщить о преследовании и направить подмогу на нужный маршрут.

Быстрое ускорение, резкое торможение — многолюдные улицы Гарлема не предназначены для погони. С другой стороны, у Кудесника те же трудности, а по сравнению с ней водитель он никудышный. Разрыв между ними постепенно сокращался. И тут преследуемый резко свернул на школьный двор, где дети играли в баскетбол. Правда, их было не слишком много — на воротах висел пудовый замок, поэтому каждый желающий поиграть должен был либо на манер человека-змеи

протискиваться через ворота, либо перелезать через шестиметровую ограду.

Кудесник, однако, поступил иначе — он увеличил скорость и протаранил ворота. Дети кинулись врассыпную; устремившись к расположенным в дальнем конце двора вторым воротам, Кудесник едва не сбил по дороге одного из подростков.

Секунду поколебавшись, Сакс решила не преследовать его — кругом дети, а машину швыряет из стороны в сторону. Молясь о том, чтобы перехватить Кудесника на другой стороне, она объехала квартал и остановилась.

Нигде никаких признаков преследуемого.

Сакс не понимала, как ему удалось улизнуть — ведь она потеряла его из виду всего секунд на десять. Преступник мог направиться только в этот короткий тупик, заканчивающийся живой изгородью из кустарников и молодых деревьев. За ней возвышалась Гарлем-Ривер-драйв, а дальше начинался грязный, болотистый спуск к реке.

Итак, он улизнул. Столько сил потрачено, и все впустую. Черт...

В наушниках вдруг раздался чей-то голос:

— Всем подразделениям в районе Адам-Клейтон-Пауэлл и улицы Один пять три — у нас десять пять четыре.

Дорожная авария с возможными ранениями.

— Машина упала в Гарлем. Повторяю — машина в воде. «Может, это он?» — подумала Сакс.

— Говорит пять-восемь-восемь-пять. Подробности насчет этого десять пять четыре. Дайте описание машины. Как поняли?

— Желто-коричневая «мазда» или «тойота». Последняя модель.

— Хорошо, Центральная, кажется, это машина преступника, которого преследовали от Центрального парка. Я на месте десять-восемь-четыре. Конец связи.

— Принято, пять-восемь-восемь-пять. Конец связи.

Направив свой «камаро» в самый конец тупика, Сакс остановила машину у тротуара. Она выбралась наружу в тот момент, когда неподалеку показались машина «скорой помощи» и грузовик группы захвата.

Покачиваясь, они медленно продвигались сквозь кустарник, смятый промчавшейся здесь «маздой». Сакс направилась за ними, осторожно ступая по камням. Выбравшись из зарослей, она увидела множество обветшалых лачуг, где обитали десятки бездомных — в основном мужчины. Повсюду валялись кучи мусора, обломки мебели, ржавые остовы машин.

Очевидно, Кудесник, надеясь найти дорогу, пытался поскорее проскочить сквозь кустарник. Судя по следам, убийца был близок к панике, так как машина плохо слушалась его. Вот машину развернуло на скользкой грязи, вот он разнес в клочья одну из лачуг, после чего «мазда» рухнула в реку с полуразвалившегося причала.

Двое спецназовцев помогали выбраться из лачуги ее обитателям, как ни странно, целым и невредимым. Другие осматривали реку в поисках водителя. Позвонив Райму и Селлитто, Сакс рассказала им о том, что произошло, и попросила поскорее прислать из отдела криминалистики машину быстрого реагирования.

— Его взяли, Амелия? — спросил Селлитто. — Скажи мне, что его взяли.

— Пока нет, — ответила она, глядя на растекающееся по воде маслянистое пятно.

Миновав неказистый туалет и благоухающий мешок для мусора, Сакс подошла к группе мужчин, оживленно разговаривавших по-испански. Все они держали в руках удочки — здесь на дождевых червей или наживку ловили голубую рыбу и мелкую треску. Рыбаки, хоть и подвыпившие, связно рассказали о случившемся. Машина на большой скорости промчалась сквозь кустарник и съехала прямо в реку. Все видели на водительском сиденье мужчину в шляпе, и все были уверены, что он не успел выпрыгнуть.

Сакс также потолковала с Карлосом и его другом — двумя бездомными, жившими в разрушенной Кудесником хижине. Оба были пьяны, а поскольку в момент наезда на них «мазды» находились внутри, ничего не видели и ничего полезного не рассказали. Карлос, настроенный агрессивно, считал, что город должен выплатить ему компенсацию за утрату имущества. Двое других свидетелей, во время инцидента обыскивавших мешки для мусора в поисках пустых бутылок, подтвердили сообщение рыбаков.

К этому моменту прибыли еще полицейские машины, а также телевизионные съемочные группы. Они зафиксировали то, что осталось от лачуги, и полицейский катер, с кормы которого готовились спуститься в воду аквалангисты, облаченные в специальные костюмы.

Теперь, когда спасательные операции переместились к реке, наземные действия перешли под командование Амелии Сакс. В «камаро» было не так уж много криминалистического оборудования, зато хватало желтой ленты, которой Сакс огородила большой участок берега. Пока она этим занималась, прибыл автомобиль быстрого реагирования. Надев наушники, Сакс вызвала Центральную, и ее снова соединили с Раймом.

— Мы следили за этим, Сакс. Аквалангисты ничего не нашли?

— Думаю, нет.

— Он улизнул?

— Свидетели утверждают, что нет. Сейчас я хочу осмотреть место происшествия, Райм. Нам обязательно должно повезти.

— Повезти?

— Конечно! Как только я начну осматривать место происшествия, водолазы наверняка найдут тело, так что все мои усилия будут напрасны. Это все равно что брать с собой зонтик — тогда дождя не будет.

— Но ведь расследование продолжится и...

— Я пошутила, Райм.

— С этим преступником что-то не слишком хочется смеяться. Давай пройдись по сетке.

Сакс открыла один из чемоданчиков с оборудованием и уже собиралась работать, как вдруг услышала взволнованный мужской голос с сильным испанским акцентом.

— Боже мой, что случилось? Никто не пострадал?

Неподалеку от телевизионщиков сквозь толпу поспешно пробирался аккуратно подстриженный латиноамериканец в Джинсах и спортивной куртке. С тревогой посмотрев на разрушенную лачугу, он тут же бросился к ней.

— Эй! — позвала Сакс, но мужчина не слышал ее.

Нырнув под желтую ленту, он прямиком направился к хижине, затаптывая следы от покрышек «мазды», а также то, что Кудесник мог выбросить из машины и что могло выпасть само. Не исключено, что и следы самого убийцы, если тот действительно бежал, хотя рыбаки и утверждали обратное. Подозревая теперь всех и каждого, Сакс

присмотрелась к его левой руке — пальцы были нормальными. Стало быть, это не Кудесник, но тогда кто он, черт побери? И что делает на месте происшествия, которое осматривает она, Сакс?

Теперь мужчина разгребал обломки хижины, лихорадочно хватая куски дерева и проржавевшего металла и отбрасывая их в сторону.

— Эй, вы! — позвала Сакс. — Немедленно убирайтесь оттуда!

— Кто-нибудь мог остаться внутри! — не отрываясь от своего занятия, крикнул он.

— Это место происшествия! — разозлившись, рявкнула она. — Вам нельзя здесь находиться.

— Кто-нибудь мог остаться внутри! — снова повторил он.

— Нет, нет! Там никого нет. Все выбрались, они в порядке. Эй, вы слышите меня?.. Извините, приятель, вы слышите меня?

Слышал он Сакс или нет, ее слова явно не имели для него значения. Мужчина продолжал яростно разгребать обломки. Зачем он это делает? Хорошо одетый мужчина с золотым «Ролексом» на руке, конечно, не имел отношения к наркоману Карлосу.

Повторяя про себя знаменитую молитву всех копов: «Господи, избавь нас от сознательных граждан!» — Сакс махнула рукой двум стоявшим неподалеку патрульным:

— Уберите его отсюда.

— Нужны еще медики! — кричал мужчина. — Там могут быть дети.

Сакс с негодованием наблюдала, как ноги патрульных окончательно уничтожают остатки улик. Схватив нарушителя, полицейские рывком подняли его на ноги. Но он вырвался и обратился к Амелии:

— Послушайте, офицер! Меня зовут Виктор Рамос — это мой округ, не ваш. Возможно, вам все это безразлично, но я...

— Наденьте на него наручники, — распорядилась она. — И выведите отсюда к чертовой матери. — В данном случае отношения с населением должны отойти на второй план, решила Сакс.

Надев наручники на побагровевшего мужчину, патрульные вывели его, громко протестующего, за желтую линию.

— Завести на него дело? — спросил один из них.

— Нет, просто дайте ему тайм-аут! — крикнула Сакс, заставив рассмеяться зевак.

Через несколько секунд патрульные уже усаживали в полицейскую машину латиноамериканца, невольно создавшего еще одно препятствие для поимки неуловимого убийцы.

Надев на себя комбинезон, вооружившись фотокамерой и сумками для сбора вещдоков, нацепив на ноги резиновые ленты, Сакс наконец начала осмотр места происшествия. Прежде всего она тщательно исследовала остатки дома Карлоса. После сегодняшней гонки Амелия Сакс уже ничего не принимала на веру. Возможно, Кудесник сейчас плавает под водой, однако нельзя исключить и того, что он благополучно выбрался на берег.

Сакс даже не удивилась бы, узнав, что убийца уже находится во многих милях отсюда и, приняв новое обличье, выслеживает следующую жертву.

* * *

Преподобный Ральф Свенсен провел здесь уже несколько дней — это был его первый визит в Нью-Йорк — и пришел к выводу, что к этому городу никогда не привыкнет.

Худой, лысоватый и чуть застенчивый священник руководил своей паствой в городе, который находился в сотнях миль от Манхэттена, был в тысячу раз меньше его. А уклад жизни в этом городе соответствовал совсем другой исторической эпохе.

Выглянув из окна своей церкви, Ральф Свенсен видел простирающиеся вокруг поля и луга с безмятежно пасущимися стадами, здесь же сквозь зарешеченное окно дешевого гостиничного номера он видел лишь глухую кирпичную стену с нарисованной на ней бесстыдной надписью.

Прогуливаясь по улицам своего города, Ральф Свенсен слышал, как люди говорят ему: «Привет, преподобный», или: «Прекрасная проповедь, Ральф», здесь же он слышал только: «Дай мне доллар», или: «У меня СПИД», или же: «Пососи у меня».

Однако, находясь здесь совсем недолго, преподобный Свенсен предполагал, что способен выдержать этот культурный шок еще некоторое время.

Последние несколько часов он упорно пытался читать древнюю, разваливающуюся в руках Библию, которой снабдила его гостиница, но в конце концов ему все же пришлось бросить это занятие. Евангелие от Матфея не сочеталось с доносящимися из-за стенки звуками совокупления продажного гея со своим клиентом — оба громко постанывали от боли или от удовольствия, а скорее всего от того и другого.

Преподобный понимал, что должен считать за честь данное ему поручение, однако чувствовал себя как апостол Павел во время одного из скитаний, когда неверующие в Греции и Малой Азии встречали его насмешками и издевательствами.

А-а-а-а... Сюда, сюда... О да, да, да, вот так, вот так...

Ну ладно, что уж тут поделаешь. Даже святой Павел не выдержал бы подобной безнравственности. Концерт начинался только через несколько часов, но преподобный Свенсен решил уйти отсюда пораньше. Он причесался, нашел свои очки и положил в дипломат Библию, карту города и проповедь, над которой работал. По лестнице он спустился в вестибюль, где сидела еще одна проститутка. На сей раз это была женщина — или подобие женщины.

Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя...

Чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота, он опустил глаза и поспешно прошел мимо, ожидая, что сейчас ему предложат свои услуги. Однако она — или, может быть, он — только улыбнулась и сказала:

— Прекрасный вечер, не правда ли, святой отец?

Преподобный Свенсен заморгал от неожиданности и тоже улыбнулся.

— Да, верно, — ответил он, с трудом подавляя в себе желание добавить «дитя мое», чего, кстати, никогда не делал за все годы службы. — До свидания, — выдавил из себя Свенсен.

И вот он уже на мощеных улицах Нижнего Ист-Сайда, неподалеку от китайского квартала.

Мимо проносились такси, спешили по своим делам молодые азиаты и латиноамериканцы, автобусы исторгали из себя горячие металлические газы, по тротуару на велосипедах проезжали рассыльные-китайцы. Наблюдать за всем этим было чрезвычайно утомительно. Расстроенный, Свенсен решил, что пешая прогулка до церкви, где должен был состояться концерт, успокоит его нервы. Заглянув в карту, он увидел, что

путь предстоит неблизкий, значит, нужно что-то делать, чтобы избавиться от снедавшего его беспокойства. Можно поглазеть на витрины, зайти куда-то поужинать, поработать над проповедью.

Прикидывая, в какую сторону ему надо идти, преподобный вдруг почувствовал, что за ним следят. Он посмотрел налево — в прилегающий к гостинице проулок. За мусорным баком стоял худой мужчина в комбинезоне с каштановыми волосами. В руках он держал небольшой чемоданчик с инструментами. Смерив священника, как тому показалось, пристальным взглядом, мужчина повернулся и быстро исчез в проулке.

Преподобный Свенсен крепче ухватился за свой кейс, думая о том, что, вероятно, ему все же стоило остаться в номере, несмотря на его отвратительную атмосферу. Свенсен слабо рассмеялся. «Успокойся, — сказал он себе. — Это всего-навсего уборщик или даже работник гостиницы, удивленный тем, что видит священника в таком неподобающем месте».

Кроме того, размышлял Свенсен, неспешно двигаясь на север, он все же духовное лицо, что дает ему некоторую неприкосновенность даже в этом современном Содоме.

Глава 21

Прошла одна секунда, наступила следующая.

Красный шарик никак не мог вырваться из протянутой руки Кары и переместиться к уху.

Однако он сделал это.

А когда она схватила его и подбросила в воздух, шарик никак не мог исчезнуть, а потом вновь оказаться у изгиба ее левого локтя.

Однако это он тоже сделал.

Каким же это образом? — гадал Райм.

Он и Кара находились сейчас в нижней лаборатории его городского дома, где дожидались Амелию Сакс и Роланда Белла. Пока Мел Купер раскладывал на смотровых столах вещественные доказательства, а компьютер наигрывал джазовую композицию, Райму демонстрировали персональное шоу.

Кара стояла перед окном, в черной тенниске Сакс, которую извлекли из чулана наверху. Том стирал блузку Кары, удаляя пятно «крови»,

продемонстрированное ею во время импровизированного представления на ярмарке ремесел.

— Откуда вы их берете? — Райм кивком указал на шарики. Он так и не заметил, чтобы она доставала их из сумочки или из кармана.

Кара с улыбкой ответила, что «материализовала» их.

— А где вы живете? — спросил он.

— В Виллидже.

Райм кивнул, предавшись воспоминаниям.

— Когда мы с женой были вместе, большинство наших друзей жили там. А еще в Сохо, в Трибеке.

— Я не слишком часто бываю к северу от Двадцать третьей, — сказала она.

Криминалист засмеялся.

— В мое время с Четырнадцатой начиналась демилитаризованная зона.

— Кажется, наши победили, — пошутила Кара. Красные шарики появились и вновь исчезли, перешли из одной руки в другую, затем начали циркулировать в воздухе.

— А откуда ваш акцент?

— У меня есть акцент? — удивилась она.

— Ну, интонация, модуляции... тон.

— Наверное, из Огайо. Средний Запад.

— У меня тоже, — сказал Райм. — Иллинойс.

— Но здесь я живу с восемнадцати лет. Училась в Бронксвилле.

— Колледж драматического искусства имени Сары Лоуренс, — предположил Райм.

— Английская литература.

— И вам здесь понравилось, поэтому вы остались.

— Мне понравилось здесь сразу, как только я перебралась в город. А потом мой отец умер, и мать переехала сюда, чтобы быть поближе ко мне.

Дочь овдовевшей матери… Как и Сакс, подумал Райм. Возможно, у Кары те же проблемы с матерью. В последние годы установился мир, но до этого мать Амелии была несдержанна и непредсказуема. Роуз не понимала, почему ее муж всего-навсего коп, а дочь не желает быть тем, кем она хотела бы видеть ее. Это сближало отца с дочерью, что только ухудшало обстановку в семье. Сакс рассказывала Райму, что в трудные времена им с отцом служил убежищем гараж, где все было вполне предсказуемо: к примеру, карбюратор не работал лишь вследствие незыблемых законов физики, а не из-за чьей-то прихоти.

Двигатели, подвески и трансмиссии не подвержены колебаниям настроения и даже в самом худшем случае никогда не обвинят тебя за совершенные ошибки.

Райм несколько раз встречался с Роуз Сакс, приятной, говорливой, несколько эксцентричной женщиной, гордившейся дочерью. Однако в прошлом все было иначе.

— Ну и как сказывается то, что она находится неподалеку? — поинтересовался Райм.

— Думаете, это не слишком здорово? Нет, моя мама замечательная. Она… ну, в общем, настоящая Мать. С большой буквы.

— И где она живет?

— В одном медицинском учреждении, в Верхнем Ист-Сайде.

— Она очень больна?

— Нет, ничего серьезного. Она выздоровеет. — Кара рассеянно катала шарики по ладони. — Как только ей станет лучше, мы поедем в Англию — только вдвоем. В Лондон, в Стратфорд, в Котсуолд. Один раз я уже ездила туда с родителями. Это был наш лучший отпуск. Теперь я буду ездить по левой стороне дороги и пить теплое пиво. В прошлый раз мне этого не разрешали. Тогда мне было всего тринадцать лет. Вы были там когда-нибудь?

— Конечно. Иногда мне приходилось сотрудничать со Скотленд-Ярдом. А еще я читал там лекции. Я там уже не был с… ну, в общем, немало лет.

— В Англии фокусы и иллюзия всегда пользовались большей популярностью, чем здесь. Там все овеяно историей. В Лондоне я хочу

показать маме Египетский зал. Сто лет назад для фокусников это был своего рода центр вселенной. Знаете, для меня это нечто вроде паломничества.

Райм посмотрел на дверь — Тома не было видно.

— Сделайте мне одолжение, — попросил он.

— Пожалуйста.

— Мне нужно принять лекарство. — Кара оглядела стоящие возле стены пузырьки с лекарствами. — Нет, на книжной полке.

— Понятно. Какое из них? — спросила Кара.

— То, что в самом конце. «Макаллан», восемнадцатилетней выдержки. — Райм шепотом добавил: — И чем незаметнее вы его нальете, тем лучше.

— О, я именно та, кто вам нужен. Роберт-Удэн говорил, что хороший иллюзионист должен обладать тремя навыками: ловкостью, ловкостью и еще раз ловкостью.

Кара налила в стакан приличную порцию виски — бесшумно и почти незаметно. Даже если бы Том стоял рядом, он все равно ничего бы не заметил. Сунув в стакан соломинку, она поставила его в фиксатор кресла.

— Угощайтесь! — предложил Райм.

Покачав головой, Кара указала на кофейник, который почти полностью опустошила:

— А это моя отрава.

Отхлебнув шотландского виски, Райм откинул голову, чтобы ощутить в горле приятное тепло. Понаблюдав за невероятным поведением красных шаров, он сделал еще один глоток.

— Мне это нравится.

— Что?

— Такого рода иллюзии. — «Не раскисай, — сказал он себе. — Напившись, ты начинаешь раскисать». Но эта трезвая мысль не остановила его. — Знаете, иногда реальность трудна для восприятия. — Сделав еще один глоток, Райм печально посмотрел на свое неподвижное тело.

Об этом своем замечании и о взгляде он тут же пожалел и уже собирался сменить тему, но Кара не стала выражать ему сочувствие.

— Я уверена, что реального вообще не так уж много. — Райм нахмурился, не понимая, что она имеет в виду. — Разве большая часть нашей жизни это не иллюзия? — продолжала Кара.

— Как так?

— Ну, прошлое — это ведь воспоминания, верно?

— Да.

— А будущее — игра воображения. И то и другое — иллюзии. Воспоминания ненадежны, а о будущем мы можем только фантазировать. Абсолютно реален только миг в настоящем, и тот постоянно изменяется соответственно воображению и воспоминанию. Ну вот видите? Большая часть нашей жизни — иллюзия.

Райм тихо засмеялся. Как ученый он пытался найти противоречие в ее рассуждениях, но не мог. А ведь она права, заключил он. Райм много времени прожил с воспоминаниями о том, что было *до,* то есть до катастрофы. И много размышлял о том, как изменилась его жизнь *после*. Еще он думал о том, нужно ли делать операцию, о которой говорили уже несколько лет. Сможет ли он когда-нибудь снова ходить? Или хотя бы двигать рукой? Как это повлияет на его отношения с Сакс?

Опять же профессиональный аспект: расследуя какое-нибудь дело, Райм постоянно обращался к своему обширному банку памяти и вместе с тем пытался представить, где находится подозреваемый и что собирается сделать.

Все прошлое — воспоминания, а будущее — игра воображения...

— Раз уж мы растопили лед, — сказала Кара, положив сахар в кофе, — я должна кое в чем признаться.

Еще один глоток.

— Да?

— Когда я впервые увидела вас, мне пришла в голову одна мысль. — Да, Райм помнил это. *Взгляд*. Назойливый взгляд, который стараются поскорее отвести от калеки. *Взгляду* сопутствует *улыбка*. Но хуже всего, когда за *взгляд* и *улыбку* пытаются неуклюже извиниться. Смущенно замолчав, Кара все же добавила: — Я подумала о том, что вы могли бы быть прекрасным иллюзионистом.

— Я? — изумился Райм.

Кара кивнула:

— Ну да. Люди смотрят на вас и видят, что вы страдаете физическими недостатками... Вы так это называете?

— Деликатные люди называют это нетрудоспособностью. Сам я говорю, что влип.

Кара засмеялась:

— Ну вот, видя, что вы не можете двигаться, они, вероятно, задумываются, нет ли у вас проблем с психикой и хорошо ли вы соображаете. Так? — Это была правда. Незнакомые люди часто говорили с Раймом медленно и громко, пытались объяснять очевидные вещи в самых простых выражениях (к неудовольствию Тома, Райм иногда отвечал им тем, что начинал невнятно бормотать или изображать синдром Туретта, после чего испуганные посетители спешили ретироваться). — Публика мгновенно составила бы о вас определенное мнение, считая, что вы полностью соответствуете той иллюзии, которую она видит. Одних угнетали бы мысли о вашем состоянии, другие даже не взглянули бы на вас. И вот тут-то вы и поймали бы их... Так или иначе, когда я увидела вас, вы сидели в этой инвалидной коляске и было ясно, что вы пережили трудные времена. Так вот, я не стала выражать сочувствие или спрашивать, как дела. Я даже не сказала, как мне жаль. Я просто подумала о том, что вы, черт возьми, могли бы стать прекрасным исполнителем. Это было очень невежливо, и мне показалось, что вы заметили это.

— Поверьте, мне не слишком приятно, когда начинают выражать сочувствие, — заверил ее обрадованный Райм. — Невежливость куда лучше.

— Да ну?

— Точно.

Кара приподняла чашку.

— За знаменитого иллюзиониста — Неподвижного Человека!

— Вот с ловкостью рук могли бы возникнуть проблемы, — заметил Райм.

— Как говорит мистер Бальзак, гораздо важнее ловкость ума.

Тут они услышали, как открылась входная дверь; послышались голоса Сакс и Селлитто. Приподняв бровь, Райм склонился к торчавшей из стакана соломинке.

— А теперь следите за мной, — прошептал он. — Я называю этот номер «Исчезновение уличающих доказательств».

* * *

— Прежде всего, — начал Лон Селлитто, — давайте определимся: считаем ли мы, что он мертв? Что он утонул?

— Нет! — переглянувшись, ответили Сакс и Райм.

— А вы знаете, какое там бешеное течение? — спросил грузный детектив. — Если дети пытаются плавать там, то уже не выплывают.

— Принесите мне его труп, — сказал Райм, — и тогда я поверю в это.

Правда, его несколько успокаивало одно: сейчас уже больше четырех, то есть после последнего покушения прошло два с лишним часа, а новых сообщений об убийствах или исчезновениях пока не поступало. То, что его едва не поймали, а также купание в реке могло испугать убийцу. Возможно, теперь, зная, что полиция висит у него на хвосте, преступник или вовсе прекратит нападения, или по крайней мере затаится, дав Райму и его команде возможность вычислить, где он скрывается.

— Как насчет Ларри Бурке? — спросил Райм.

Селлитто покачал головой.

— Мы направили на его поиски десятки людей. Его ведь ищут и добровольцы, в том числе полицейские и пожарные, которые сейчас не на службе. А возглавляет поиски священник с женой и детьми. Мэр предложил награду... Но должен сказать, что скорее всего дело плохо. Он, наверное, находится в багажнике автомобиля, упавшего в реку.

— Машину еще не достали?

— Пока не нашли. Вода черна как ночь, а по словам водолазов, течение могло отнести машину на полмили в сторону.

— Значит, нам следует учесть, — заметил Райм, — что у преступника есть машина Бурке и его радио. Лон, мы должны сменить частоту, иначе он будет слышать, что мы затеваем.

— Конечно. — Позвонив в город, детектив договорился о том, чтобы все передачи, касающиеся Кудесника, переводили на другую частоту, предназначенную для специальных операций.

— Теперь вернемся к вещественным доказательствам. Чем мы располагаем, Сакс?

— В греческом ресторане ничего, — поморщилась она. — Я говорила хозяину, чтобы он все сохранил в неприкосновенности, но почему-то он этого не понял. Или же не захотел понять. К моменту нашего возвращения стол уже вымыли, а пол подмели.

— А что насчет пруда? Того, где вы взяли его.

— Там мы кое-что нашли, — сказала Сакс. — Кудесник ослепил нас еще одним комплектом горючего хлопка, а затем взорвал несколько петард. Сначала мы даже решили, что он стреляет.

— Все точно такое же, — взглянув на обгоревшие остатки, заметил Купер. — Источник определить невозможно.

— Верно, — вздохнул Райм. — Что еще?

— Цепи. Два отрезка. Он обмотал их вокруг рук и ног Черил Мерстон и скрепил защелками вроде тех, что применяют для собачьих поводков.

Купер и Райм внимательно осмотрели все это. Ни на одной из цепей не было клейма изготовителя. То же относилось к веревке и ленте, которой Кудесник заклеил ей рот.

Спортивная сумка, извлеченная убийцей из машины, где он, видимо, хранил цепи и веревку, была сделана в Китае и не имела торговой марки. Имея в распоряжении много сотрудников, иногда все же возможно проследить происхождение даже весьма распространенных вещей, ибо эти люди последовательно обходят уличных торговцев и магазины уцененных товаров. В данном же случае речь идет о сумке массового производства, поэтому область поиска невероятно расширяется.

Опрокинув сумку вверх дном на фарфоровый смотровой поднос, Купер несколько раз постучал по ней: вдруг оттуда что-нибудь высыплется. Из сумки действительно высыпалось немного белого порошка. Эксперт быстро сделал анализ — вещество оказалось флунитразепамом.

— Самый эффективный из наркотиков, которые применяются для изнасилований во время свиданий, — пояснила Сакс Каре.

В сумке также оказались крошечные катышки из липкого полупрозрачного материала. Похожее вещество в небольших количествах было найдено на «молнии» и на ручке.

— Не знаю, что это такое, — признался Купер.

Однако Кара, взглянув на вещество, сразу сказала:

— Это клейкий воск. Мы используем его для того, чтобы на время склеивать предметы. Возможно, он приклеил к ладони раскрытую капсулу с наркотиком. Когда Кудесник протянул руку над чашкой Черил Мерстон, наркотик туда высыпался.

— И где же можно взять такой воск? — осведомился Райм. — Позвольте, я угадаю — в любом магазине театрального реквизита.

Кара кивнула.

Увы!

В сумке Купер также обнаружил крошечные металлические стружки и круглую черную отметину, словно оставшуюся от небольшой бутылочки с краской.

Под микроскопом удалось определить, что металл, из которого состоит стружка, предположительно является медью; кроме того, он носил на себе специфические следы механической обработки. Однако все это уже находилось вне компетенции Линкольна Райма.

— Отправьте снимки нашим друзьям в бюро, — распорядился он.

Сделав снимки, Купер заархивировал их и закодированным электронным письмом отправил в Вашингтон.

Черные пятна были не от краски, а от постоянных, не исчезающих, чернил, однако конкретный сорт их определить не удалось.

— А это что такое? — Райм разглядывал пластиковый мешок в котором лежала синяя ткань.

— С этим нам повезло, — ответила Сакс. — Это ветровка: она была на Кудеснике, когда он подцепил Мерстон. При бегстве ему не удалось забрать ее с собой.

— Индивидуальные особенности есть? — Райм надеялся, что на ткани остались какие-то инициалы или метки прачечной.

— Никаких, — отозвался Купер. — И все ярлыки удалены.

— Тем не менее, — вставила Сакс, — мы кое-что нашли в карманах.

Их внимание сразу же привлекло удостоверение одного из сотрудников крупной кабельной телесети. Репортера Си-ти-эн звали Стэнли Саферштейн. На фотографии был изображен худой мужчина с бородой и каштановыми волосами. Позвонив на телеканал, Селлитто переговорил с тамошним руководителем службы безопасности. Как выяснилось, Саферштейн, один из ведущих репортеров, много лет проработал в службе городских новостей. Удостоверение у него украли на прошлой неделе во время проходившей в центре города пресс-конференции или после нее. Репортер ничего не заметил. Вор, очевидно, перерезал шнурок, на котором висело удостоверение.

Как предположил Райм, удостоверение Саферштейна преступник выбрал потому, что репортер немного походил на него самого — пятьдесят с небольшим, узкое лицо и темные волосы.

Украденное удостоверение было аннулировано, однако, как объяснил начальник службы безопасности, «этот тип все еще может, размахивая им, проходить через посты. Видя нашу эмблему, охранники и полиция не слишком пристально рассматривают фотографии».

Как только разговор закончился, Райм предложил Куперу:

— Пропусти Стэнли Саферштейна через базы данных, Мел.

— Ладно. Но зачем?

— На всякий случай, — ответил Райм.

Он не удивился, что результаты оказались отрицательными. Райм не думал, что репортер связан с Кудесником, но с этим преступником не хотел упускать ни одного шанса.

В куртке также находилась серая пластиковая карточка-ключ. Этой находке Райм очень обрадовался, хотя название гостиницы на ней отсутствовало: там было только изображение ключа и стрелка, показывающая, какой стороной вставлять карточку в замок. Коды на магнитной полоске должны были подсказать, к какому номеру и какой гостиницы этот ключ подходит.

На обратной стороне карточки Купер увидел название производителя: «АПК инкорпорейтед», Акрон, штат Огайо". Просмотрев базу данных по торговым маркам, он выяснил, что это сокращенное название фирмы

«Американ пластик кардз» — компании, производящей десятки типов пластиковых карт.

Через несколько минут команда уже разговаривала по громкоговорящей связи с самим президентом «АПК» — как представилось Райму, этаким рубахой-парнем, который работает по субботам и сам берет телефонную трубку. Объяснив ему ситуацию, Райм описал карточку и спросил, сколько гостиниц в Нью-Йорке закупили подобные ключи.

— А, это «АПК-42», наша самая популярная модель. Мы делаем их для всех больших замковых систем: «Илко», «Сафолк», «Теза», «Сарджент» и так далее.

— Можно ли сузить этот круг, чтобы определить, какой отель использует эту карточку?

— Боюсь, вам придется просто обзвонить все гостиницы и спросить, кто из них использует серые «АПК-42». Эта информация у нас где-то есть, но я не знаю, как до нее докопаться. Я, конечно, попытаюсь найти заведующего отделом сбыта или его заместителя, но на это может понадобиться день или два.

— Ой! — сказал Селлитто.

Вот именно — ой.

Закончив разговор, Райм решил не дожидаться информации от «АПК», Селлитто должен направить карточку Беддингу и Солу, поручить им обойти все манхэттенские гостиницы и выяснить, кто использует эту популярную модель «АПК-42». Райм также велел снять отпечатки пальцев с журналистского удостоверения и с карточки-ключа, однако и это не дало результата. Удалось обнаружить только смазанные пятна и еще два отпечатка все тех же пальцевых накладок.

В спортивной куртке Кудесника находилось кое-что еще, а именно чек из ресторана «Риверсайд-инн», находящегося в местечке Бедфорд-Джанкшен, штат Нью-Йорк. Судя по этому чеку, в субботу, 12 апреля, то есть две недели назад, за столиком номер 12 обедали четверо. Ленч состоял из индейки, куска мяса, бифштекса и фирменного блюда. Спиртного никто не пил — только прохладительные напитки.

Сакс покачала головой:

— И где же этот чертов Бедфорд-Джанкшен?

— Думаю, в северной части штата, — сказал Мел Купер.

— На счете есть телефонный номер, — заметил Белл. — Давайте позвоним. Спросим Дебби, Таню или другую очаровательную официантку, есть ли люди, постоянно занимающие столик... — он посмотрел на счет, — номер двенадцать. Или по крайней мере помнит ли она, кто заказывал эти блюда. Шансов мало, но как знать?

— Какой там номер? — спросил детектив.

Белл продиктовал.

Шансов действительно было мало — даже слишком мало. Управляющий и официантка понятия не имели, кто был у них в ту субботу.

— Это бойкое место. — Селлитто вытаращил глаза. — Так они сказали.

— Мне это не нравится, — заметила Сакс.

— Что именно?

— Почему он обедал сразу с тремя людьми?

— Верно подмечено, — сказал Белл. — Думаешь, это было общественное мероприятие? Или же он с кем-то работает?

— Сомневаюсь, — нахмурился Селлитто. — Серийные убийцы почти всегда одиночки.

— Не уверена! — возразила Кара. — Престидижитаторы, салонные маги — да, они работают одни. Но ведь он же иллюзионист! А они всегда работают с другими людьми. Добровольцы из публики. Ассистенты на сцене, о которых публика знает, что они работают с исполнителем. А ведь есть еще конфедераты — люди, работающие на иллюзиониста втайне от публики. Они маскируются под рабочих сцены, зрителей, добровольцев. На хорошем представлении вы никогда не скажете, кто есть кто.

О Господи, подумал Райм, и одного такого преступника вполне достаточно — с его навыками в области транформации, эскапизма и иллюзии. С помощниками он становится в сто раз опаснее.

— Отметь это, Том! — распорядился он. — Давайте посмотрим, что ты нашла в проулке — когда Бурке взял его.

Прежде всего это были полицейские наручники.

— Он освободился от них за считанные секунды, — пояснила Сакс. — Видимо, у него был ключ. — К стыду всех копов, большая часть

наручников открывается с помощью универсальных ключей, которые можно за несколько долларов получить с полицейского склада.

Подъехав к смотровому столу, Райм внимательно оглядел наручники.

— Переверни их… Подними вверх… Да, он мог воспользоваться ключом, но я вижу вот здесь свежие царапины. По-моему, замок открыли без ключа…

— Но ведь Бурке должен был обыскать его, — заметила Сакс. — Где же он взял отмычку?

— Он мог где-то спрятать ее. В волосах, во рту.

— Во рту? — удивился Райм. — Пропусти наручники через АИС, Мел.

Надев специальные очки, Купер направил на наручники альтернативный источник света.

— Да, вокруг замочной скважины просматриваются крошечные мазки и точки.

— Это означает, — объяснил Каре Райм, — наличие телесной жидкости, скорее всего слюны.

— Гудини постоянно это проделывал. Иногда он даже разрешал кому-нибудь из зрителей проверить его рот и подтвердить, что там ничего нет. Потом, непосредственно перед исполнением трюка, жена целовала его. Он говорил, что на счастье, но на самом деле она передавала ему ключ изо рта в рот.

— Но ведь у Кудесника руки были скованы за спиной, — заметил Селлитто. — Как же он мог дотянуться туда ртом?

— О, — засмеялась Кара, — любой эскапист способен за три или четыре секунды перевести скованные руки из-за спины вперед.

Тем временем Купер изучал следы слюны — у некоторых лиц во всех телесных жидкостях есть специфические антитела, позволяющие определить группу крови. Кудесник, однако, к таковым не относился.

Сакс также обнаружила маленький кусок металла с зазубренным краем.

— Ага, это тоже принадлежит ему, — сказала Кара. — Еще один инструмент эскаписта. Бритвенная пилка. Вероятно, именно ею он перерезал пластиковые путы у себя на ногах.

— Она тоже была у него во рту? Разве это не опасно?

— Многие из нас во время представления держат во рту иголки и бритвенные лезвия. При определенных навыках это вполне безопасно.

Изучив последнее из найденных в проулке вещественных доказательств, они обнаружили кусочки латекса и следы грима, идентичного тому, что был найден раньше. И вновь масло «Так-пьюар».

— А возле реки, Сакс, там, где он съехал в воду, ты что-нибудь нашла?

— Только тормозные полосы. — Она приколола цифровые фотографии, распечатанные Купером. — Некоторые граждане затоптали все место происшествия. Тем не менее я полчаса ползала по этой грязи. Уверена, он не ронял никаких вещдоков и сам не выпрыгнул из машины.

— А как насчет жертвы — этой Мерстон? — спросил у Белла Селлитто. — Она что-нибудь сообщила?

Уроженец Северной Каролины кратко пересказал содержание своего разговора с Мерстон.

Она ведь адвокат, недоумевал Райм. Что за странный выбор? По какому принципу преступник выбирал свои жертвы? Музыкант, гример и адвокат.

— Мерстон разведена, — добавил Белл. — Бывший муж уехал в Калифорнию. Это был не самый тихий развод, но я не думаю, что он причастен к преступлению. Но все равно надо позвонить в управление полиции Лос-Анджелеса и проверить, где он был сегодня и во время того ленча в Бедфорде. По полицейской базе данных на него ничего нет. — Черил Мерстон описывала Кудесника как стройного сильного бородатого мужчину со шрамами на шее и груди. — Кстати, она подтвердила, что у него деформированные пальцы, как мы и предполагали. Сросшиеся вместе, по ее словам. Преступник не упоминал о том, где живет. Назвал себя Джоном. Как видите, он сообразительный парень.

Пока ничего полезного, подумал Райм.

Далее Белл рассказал, как Кудесник подцепил Мерстон и что случилось потом.

— Что-нибудь вам знакомо? — спросил Райм у Кары.

— Вероятно, он загипнотизировал голубя или чайку, направил птицу на лошадь, а потом использовал какое-то устройство, для того чтобы

лошадь вела себя беспокойно. Затем он отключил то, что использовал, и создал впечатление, будто сам успокоил лошадь.

— Какой-нибудь свисток? — спросил Райм. — Вы знаете, кто их делает?

— Нет, скорее всего это сделано кустарным способом. Раньше фокусники использовали электроды или шило для того, чтобы заставить льва рычать в нужный момент. Но сейчас борцы за права животных не допускают ничего подобного.

Белл рассказал, как Мерстон и Кудесник отправились пить кофе.

— Она упомянула одну странную вещь — по мнению Мерстон, он читал ее мысли. Мерстон показалось, будто он очень многое о ней знает.

— Чтение тела, — пояснила Кара. — Он что-то скажет и пристально наблюдает за ней, проверяет ее реакцию. Это позволяет ему узнать о ней очень многое. Это называется «продавать лекарство». В ходе самой невинной беседы хороший менталист может выяснить весьма интимные подробности.

— Когда Мерстон почувствовала себя с ним свободно, преступник опоил ее наркотиком, отвел к пруду и подвесил там вниз головой.

— Это вариация на тему фокуса «Водяная камера пыток», — сообщила Кара. — Гудини. Один из его самых знаменитых номеров.

— А бегство Кудесника с пруда? — спросил Райм у Сакс.

— Сначала я не была уверена, что это он, — ведь Кудесник переоделся. У него была другая одежда и, — Амелия бросила взгляд на Кару, — другие брови. Я так и не увидела его руки. Он отвлек меня с помощью чревовещания. Я смотрела ему прямо в лицо — и ничего не заметила.

— Наверняка он подобрал такие слова, в которых нет звуков "б", "м" или "п", — сказала Кара, — чтобы не было заметно движений губ. А может, и звуков "ф" или "в".

— Ты права — так оно и было. Получился самый настоящий негритянский диалект. — Сакс поморщилась. — Я посмотрела туда, куда он указал, и все посмотрели туда же. Тут Кудесник поджег этот хлопок и ослепил меня. Когда преступник поджег петарды, я решила, что он стреляет, и здорово испугалась.

Райм заметил, что Сакс раздражена. Больше всего она злилась на себя.

— Не огорчайтесь. — Кара взглянула на Амелию. — Слух легче всего обмануть. Во время представлений мы не слишком нажимаем на звуковые иллюзии — это ведь просто дешевка.

Сакс пожала плечами.

— Пока мы с Роландом были ослеплены, преступник сбежал, проскользнул на ярмарку ремесел. Через пятнадцать минут я снова увидела его — в образе байкера, с эмблемой «Харлей» на рубашке. Боже мой, он ведь был прямо передо мной!

— Да, — покачала головой Кара, — монеты у него явно не звенели.

— Что это значит? — спросил Райм. — Какие монеты?

— Это профессиональное выражение. Оно означает, что при выполнении трюка с монетой не слышно никакого позвякивания, но в более широком смысле так говорят, когда кто-то здорово исполняет номер. Еще это называют аккуратной работой. — Подойдя к белой доске, зарезервированной для составления профессионального профиля Кудесника, Кара взяла маркер и дописала несколько фраз. — Итак, он может исполнять фокусы крупным планом, владеет техникой ментализма и даже чревовещанием. Умеет проделывать трюки с животными. Мы также знаем, — добавила она вслух, — что он, судя по второму убийству, открывает замки. Теперь выясняется, что он еще и эскапист. Есть ли такой вид магии, которым не владеет Кудесник?

Пока Райм наблюдал за тем, как она пишет, Том принес большой конверт и подал его Беллу.

— Это вам.

— Что такое? — Вытащив из конверта бумаги, Белл начал читать их, время от времени кивая головой. — Эй, Линкольн! Это отчет о дополнительном осмотре в офисе Грейди. Тот, который ты просил сделать Перетти. Не хочешь взглянуть? — Вверху стояла короткая пометка: «ЛР — Как ты просил — ВП».

Райм читал отчет, кивком давая знать Тому, что пора переворачивать очередную страницу. Как и просил Райм, криминалисты провели подробную инвентаризацию приемной, идентифицировали и нанесли на план комнаты все следы. Эту часть Райм внимательно прочитал несколько раз, периодически закрывая глаза, чтобы представить себе всю сцену.

После этого он обратился к анализу найденных волокон. Большая часть белых волокон относилась к полиэстру и вискозе. Некоторые были скреплены с толстыми хлопчатобумажными волокнами — тоже белыми. В основном эти волокна тусклые и грязные. Черные волокна оказались шерстяными.

— Мел, что можно сказать о черных волокнах? Эксперт слез с табурета и осмотрел снимки.

— Качество съемки не слишком хорошее. Какая-то плотная ткань типа саржи.

— Габардин? — спросил Райм.

— Не могу утверждать этого, пока не увижу рисунка, но похоже на габардин.

Дочитав страницу, Райм обнаружил, что единственное красное волокно, найденное в приемной, относилось к атласной ткани.

— Ну-ну, — закрыв глаза, пробормотал он.

— Чарлз Грейди и его семья сегодня вечером отправляются на одно мероприятие, — сказал ему Белл, — и я хотел бы до их отъезда проверить, как там дела. Я должен что-нибудь сказать им в связи с этим отчетом?

— Задержись еще на секунду, Роланд. До твоего ухода я должен выяснить кое-что еще.

— Хорошо.

— Что ты знаешь относительно тканей и одежды, Мел? — спросил криминалист у Купера.

— Немного. Позволь, однако, процитировать тебя, Линкольн: вопрос заключается не в том, что ты *знаешь* о чем-то, а в том, известно ли тебе, где это можно *найти*. А вот этого я как раз не знаю.

* * *

КУДЕСНИК

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

• Описание преступника: каштановые волосы, фальшивая борода, без особых примет, возраст — около пятидесяти, среднее телосложение,

средний рост. Мизинец и безымянный палец на левой руке срослись. Быстро сменил одежду и стал похож на старого лысого уборщика.

• Очевидных мотивов нет.

• Жертва: Светлана Расникова.

• Студентка дневного отделения.

• Опросить родственников, подруг, студентов, знакомых в поисках возможных зацепок.

• Нет любовников, нет известных врагов. Выступала на детских праздниках.

• Монтажная плата с динамиком.

• Отправлена в лабораторию ФБР.

• Цифровой магнитофон, возможно, с записью голоса преступника. Все данные уничтожены.

• Предназначен для имитации присутствия. Собственного изготовления.

• Старые наручники типа «дарби», использованы для удержания жертвы. Британского производства. Проконсультироваться в Музее Гудини в Новом Орлеане на предмет возможных зацепок.

• Часы жертвы разбиты ровно в 8.00.

• Хлопчатобумажные веревки, которыми были связаны стулья. Самые обычные. Слишком много возможных источников: трудно выяснить их происхождение.

• Петарда для создания эффекта выстрела.

• Слишком много возможных источников: трудно выяснить ее происхождение.

• Фитиль. Самый обычный.

• Слишком много возможных источников: трудно выяснить его происхождение.

• Очевидцы-офицеры сообщают о вспышке света. Никаких вещественных доказательств не обнаружено.

• Пиробумага.

• Слишком много возможных источников, чтобы выяснить ее происхождение.

• Обувь преступника: ботинки фирмы «Экко» 10-го размера.

• Шелковые волокна, окрашенные в матовый серый цвет.

• От комбинезона уборщика (иллюзионная трансформация).

• Неизвестный, возможно, носил каштановый парик.

• Красный земляной каштан гикори и лишайник пармелия консперса растут в основном в Центральном парке.

• Грязь, пропитанная необычным минеральным маслом. Отправлена на анализ в ФБР.

• Масло «Так-пьюар» для седел и кожаных изделий.

• Черная шелковая ткань, 72x48 дюймов. Использовалась для маскировки. Происхождение установить невозможно.

• Иллюзионисты часто используют ее.

• Применяет накладки, чтобы скрыть отпечатки пальцев.

• Накладки для пальцев.

• Следы латекса, касторового масла, грима.

• Театральный грим.

• Следы альгината.

• Используется при выплавлении латексных приспособлений.

• Орудие убийства: белая шелковая веревка с черной шелковой сердцевиной.

• Веревка применяется для фокусов — «Смена цвета». Происхождение проследить невозможно.

• Необычный узел.

• Отправлено в ФБР и Морской музей — информации нет.

• Такие узлы применялись Гудини, освободиться от них почти невозможно.

• Использовал для записи в журнале регистрации исчезающие чернила.

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫЙ ВИЛЛИДЖ

• Жертва номер два: Тони Калверт.

• Гример, театральная компания.

• Известных врагов нет.

• Видимой связи с первой жертвой нет.

• Очевидных мотивов нет.

• Причина смерти: травма головы, нанесенная тупым предметом, посмертное расчленение поперечной пилой.

• Преступник сбежал, преобразившись в женщину семидесяти с лишним лет. Проверить окрестности на предмет брошенного костюма и прочих вещдоков.

• Ничего не найдено.

• Наручные часы разбиты ровно в 12.00.

• Почерк? Следующая жертва предположительно будет убита в 16.00.

• Преступник прятался за зеркалом. Происхождение проследить невозможно. Отпечатки пальцев отправлены в ФБР.

• Совпадений не обнаружено.

• Использовал игрушечную кошку («феке»), чтобы заманить жертву в проулок. Происхождение игрушки установить невозможно.

• Опять минеральное масло, идентичное тому, что было на первом месте преступления. Ожидается отчет ФБР.

• Масло «Так-пьюар» для седел и кожаных изделий.

• Опять латекс и грим с накладок для пальцев.

• Опять альгинат.

• Ботинки фирмы «Экко» брошены.

• На ботинках найдена собачья шерсть от трех разных пород. Найдено также собачье дерьмо.

• Навоз конский, а не собачий.

РЕКА ГУДЗОН И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

• Жертва — Черил Мерстон.

• Адвокат.

• Разведена, но муж вне подозрений.

• Мотивов нет.

• Преступник представился как Джон. Его шрамы на шее и груди. Подтверждается деформированная рука.

• Преступник выполнил трансформации и принял вид безбородого бизнесмена в хлопчатобумажных брюках и белой рубашке, затем байкера в хлопчатобумажной майке фирмы «Харлей».

• Машина упала в реку Гарлем. Преступник предположительно сбежал.

• Рот жертвы был заклеен клейкой лентой. Происхождение установить невозможно.

• Петарды точно такие же, как и прежде. Происхождение установить невозможно.

• Цепи и защелки обычные, происхождение проследить невозможно.

• Веревка обычная, происхождение не прослеживается.

• Снова грим, латекс и «Так-пьюар».

• Спортивная сумка, сделанная в Китае, происхождение проследить невозможно. Содержимое:

• Следы наркотика, применяемого при изнасилованиях во время свиданий, — флунитразепама;

• Применяемый фокусниками клейкий воск, происхождение установить невозможно;

• Медные (?) стружки. Отправлено в ФБР;

• Постоянные, неисчезающие, чернила — черные.

• Найдена синяя ветровка, без инициалов или меток из прачечной. В ней находились:

• Удостоверение кабельной телесети Си-ти-эн на имя Стэнли Саферштейна (к числу подозреваемых не относится — полицейские базы данных дали отрицательный результат).

• Пластиковая гостиничная карточка-ключ производства «Америкой пластик кардз», Акрон, штат Огайо. Модель «АПК-42», отпечатков нет.

• Генеральный директор просматривает документацию по продажам.

• Беддинг и Сол опрашивают служащих гостиницы.

• Счет из ресторана «Риверсайд-инн» (Бедфорд-Джанкшен, штат Нью-Йорк), свидетельствующий о том, что две недели назад, в субботу, за столиком номер 12 обедали четыре человека. Индейка, мясо, бифштекс, фирменное блюдо. Прохладительные напитки. Служащие не знают, кто там обедал (сообщники?).

• Проулок, где был арестован Кудесник.

• Взломал замки.

• Слюна (отмычка была спрятана во рту).

• Группу крови установить не удалось.

• Маленькая бритвенная пилка, чтобы перепилить путы.

• Место происшествия на реке Гарлем. Никаких улик, только в грязи остались следы от колес.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ИЛЛЮЗИОНИСТА

• Преступник будет использовать прием отвлечения — против жертв и для того, чтобы спастись от полиции: физическое (для отвлечения внимания); психологическое (чтобы отвести от себя подозрения).

• Бегство из музыкальной школы похоже на трюк «Исчезнувший человек». Слишком распространен, чтобы установить личность подозреваемого.

• Преступник в первую очередь иллюзионист.

• Прекрасный манипулятор.

• Владеет также приемами протейской магии. Будет использовать костюмы для трансформации, нейлон и шелк, накладную лысину, накладки для пальцев и прочие латексные приспособления. Может выглядеть как представитель любого пола, возраста или расы.

• Убийство Калверта напоминает трюк Селбита «Распиливание женщины пополам».

• Искусен в открывании замков (возможно, владеет приемом очистки).

• Владеет техникой эскапизма.

• Имеет опыт обращения с животными.

• Для получения информации от жертвы использует приемы ментализма.

• Чтобы опоить жертву, использовал приемы манипулирования.

• Пытался убить третью жертву, имитируя эскапистский фокус Гудини «Водяная камера пыток».

• Чревовещание.

Глава 22

Именно Гарри Гудини получил всемирную известность как эскапист, хотя в этом жанре выступали многие другие выдающиеся исполнители — и до него, и одновременно с ним.

От всех прочих Гудини отличало одно — вызов. Самым главным в его представлении было то, что он предлагал всем жителям того города, где собирался выступать, показать ему приспособление или помещение, не позволяющее освободиться или убежать — будь то наручники полицейского или же камера в городской тюрьме.

Этот состязательный элемент и прославил Гудини, обеспечил ему известность и процветание.

«И мне тоже», — думал Мальэрик, направляясь в свое жилище после того, как выбрался из реки Гарлем и произвел рекогносцировку. События сегодняшнего вечера все же потрясли его. До пожара, когда Мальэрик выступал регулярно, в его номера часто входил элемент риска. Настоящего риска. В свое время наставник убедил Мальэрика в том, что без риска нельзя удержать внимание публики. А для Мальэрика не было более тяжкого греха, чем наскучить тем, кто пришел к тебе, желая развлечься. Однако нынешнее представление оказалось более опасным,

чем он предполагал; полиция действовала весьма эффективно. Каким образом они узнали, что Мальэрик выбрал своей жертвой женщину из школы верховой езды? И как выяснили, где именно он собирается ее утопить? На ярмарке ремесел его обложили со всех сторон. Потом, разыскав его «мазду», полицейские вновь стали преследовать его — причем подобрались так близко, что ему пришлось столкнуть машину в воду. Чтобы выбраться, Мальэрик совершил очень сложный трюк. Вызов вызовом, но сейчас его одолевала мания преследования. Кое-какие приготовления к следующему номеру он уже сделал, но вообще-то стоило бы подготовиться к нему более тщательно. Тем не менее Мальэрик решил до последней минуты оставаться у себя на квартире.

Кроме того, ему нужно было сделать кое-что еще. Не для почтеннейшей публики, а для себя. Задернув шторы, он поставил свечу на каминную полку рядом с небольшой инкрустированной деревянной коробкой. После этого Мальэрик зажег свечу и присел на дешевую софу, обитую грубой тканью. Медленно сделал вдох, затем выдох. Вдох, выдох.

Медленно-медленно...

Сосредоточив внимание на пламени свечи, он начал погружаться в медитацию.

Искусство магии всегда разделялось на две школы. К первой принадлежали престидижитаторы, жонглеры, иллюзионисты — люди, которые развлекали аудиторию, демонстрируя физическую сноровку.

Второе направление магии более неоднозначно — его можно назвать оккультным. Даже в нынешнюю эпоху торжества науки некоторые исполнители утверждали, что они действительно обладают сверхъестественными способностями — умеют читать мысли, усилием воли передвигать предметы, предсказывать будущее и общаться с духами.

Тысячи лет шарлатаны, называвшие себя колдунами и медиумами, заявляли о том, что способны вызывать дух умерших к их обезумевшим от горя родственникам. Еще до того как правительство начало бороться с подобного рода жульничеством, сами фокусники защищали легковерных, публично демонстрируя методы, с помощью которых достигаются «оккультные эффекты». Гарри Гудини потратил значительную часть жизни и состояния, сражаясь с теми, кто называл себя медиумами. По иронии судьбы одной из причин, побудившей его к этому, были безуспешные поиски настоящего медиума, способного установить контакт с духом его матери, с чьей смертью он так до конца и не смирился.

Сейчас Мальэрик смотрел на пламя свечи. Смотрел и молился о том, чтобы родственная душа явилась ему и подала соответствующий знак. Свечу как средство общения он использовал потому, что именно огонь когда-то отнял у него любовь.

Погоди-ка, кажется, пламя дрогнуло! Впрочем, может быть, и нет — точно этого сказать нельзя.

Он пытался примирить оба направления магии. Талантливый иллюзионист, Мальэрик, разумеется, знал, что его фокусы — всего лишь искусное использование законов физики, химии и психологии. Тем не менее в глубине его сознания постоянно гнездилась мысль о том, что, возможно, магия все же таит в себе ключ к сверхъестественному: Бог словно иллюзионист заставляет исчезнуть наши слабеющие тела, а затем прячет души тех, кого мы любим, трансформирует их и возвращает нам, его печальной и все же на что-то надеющейся публике.

Это не столь уж невероятно, сказал себе Мальэрик. Он...

И тут пламя свечи затрепетало! Да, он видел это.

Пламя на миллиметр сдвинулось к инкрустированной шкатулке. Вполне возможно, это знак того, что душа любимого человека витает сейчас где-то неподалеку, вызванная не механическими ухищрениями, а благодаря той связи, которую помогает установить магия, если не закрывать свою душу. — Ты здесь? — прошептал он. — Это ты? Он сдерживал дыхание, боясь, как бы оно не достигло пламени свечи и заставило его трепетать. Мальэрик желал точно знать, что он здесь не один.

В конце концов свеча догорела, и Мальэрик долго сидел, задумчиво глядя, как серый дымок поднимается к потолку и там исчезает.

Он взглянул на часы.

Пора готовиться к следующему номеру. Мальэрик отобрал костюмы и приспособления, упаковал их и тщательно оделся. Нанес грим.

Зеркало сообщило ему, что он «в роли».

Выйдя в подъезд, Мальэрик выглянул в окно. Улица была пуста. И он по вечерним улицам отправился исполнять очередной номер, который будет еще более захватывающим, нежели предыдущий.

* * *

Огонь и иллюзия — вещи родственные.

Вспышки осветительной смеси, блеск свечей, газовые огни, над которыми раскачиваются эскаписты...

Огонь, почтеннейшая публика, — это забава дьявола, а дьявол был всегда связан с магией. Огонь освещает, и огонь затеняет, он разрушает и создает.

Огонь трансформирует.

Именно это и лежит в основе нашего следующего номера, который я называю «Обугленный человек».

* * *

Школа в Гринвич-Виллидже, возле Пятой авеню, расположена в старомодном, сложенном из известняка здании и внешне выглядит так же скромно, как и называется. Трудно даже представить, что именно здесь учатся читать, писать и считать дети богатейших семей Нью-Йорка, связанных с большой политикой.

Однако эта школа не только первоклассное образовательное учреждение (если так можно называть начальную школу), но и важный культурный центр района — например, она славится своими музыкальными концертами, проходящими по субботам в восемь вечера.

Именно на этот концерт и направлялся сейчас преподобный Ральф Свенсен.

Свой долгий путь через китайский квартал и «маленькую Италию» он проделал без всяких приключений — если не считать периодических приставаний уличных попрошаек, на которые преподобный почти не обращал внимания. По дороге он зашел поужинать в маленький итальянский ресторан, где съел тарелку спагетти (кроме них и равиоли, Ральф Свенсен не нашел в меню знакомых названий). А так как сейчас рядом с ним не было жены, преподобный заказал еще и бокал красного вина. Пища оказалась чудесной, поэтому он просидел в ресторане еще некоторое время, отхлебывая запретный напиток и наблюдая за беспечно играющими детьми.

Испытывая чувство вины за то, что тратит на спиртное церковные средства, преподобный оплатил счет и продолжил свой путь. Через некоторое время он достиг места, называвшегося Вашингтон-сквер. Сначала оно показалось ему еще одной разновидностью Содома, однако, углубившись в этот хаотично расположенный парк, преподобный обнаружил, что грешниками здесь были только юнцы, запускающие чересчур громкую музыку, да взрослые, пьющие вино и пиво из

бумажных пакетов. Хотя он считал, что нарушители моральных запретов должны отправляться прямиком в ад (например, шумные проститутки-гомосексуалисты, мешавшие спать), здешние грешники были явно не из тех, кому гарантирован бесплатный проезд в большую печь.

Однако, пройдя по парку еще немного, Свенсен вдруг начал нервничать. Он снова вспомнил встреченного им у гостиницы мужчину в комбинезоне и с инструментами. Преподобному показалось, что он видел мужчину еще раз, вернее, его отражение в витрине магазина неподалеку от отеля. Чувство, что за ним кто-то следит, снова охватило Свенсена. Он быстро обернулся. Людей в спецовке преподобный не обнаружил, но заметил элегантного мужчину в серой спортивной куртке, явно наблюдавшего за ним. Небрежно отвернувшись, мужчина направился к общественному туалету.

Паранойя?

Наверное, да. Этот человек ничем не напоминал того рабочего. Но когда преподобный вышел из сквера и по Пятой авеню направился дальше на север, то снова почувствовал, что за ним следят. Он снова обернулся. На сей раз за ним наблюдая блондин в толстых очках, тенниске и коричневой спортивной куртке. Преподобный Свенсен также заметил, что блондин последовал за ним на другую сторону улицы.

Теперь Свенсен уже не сомневался, что страдает манией преследования. Три *разных* человека никак не могли следить за ним. Успокоившись, он шел по Пятой авеню, где сейчас гулял народ, наслаждавшийся прекрасным весенним вечером.

К школе преподобный Свенсен подошел ровно в семь вечера — за полчаса до того, как должны были открыться ее двери. Опустив свой кейс, он скрестил на груди руки, но тут же снова поднял его. Прислонившись к окружавшей школьный сад кованой ограде, Свенсен с беспокойством посмотрел в ту сторону, откуда пришел.

Никого. Ни рабочих с инструментами. Ни мужчин в спортивных куртках. Должно быть...

— Прошу прощения, отец!

Вздрогнув, Свенсен быстро обернулся и увидел перед собой крупного смуглого мужчину с двухдневной щетиной на лице.

Да?

— Вы пришли на концерт? — Мужчина кивнул в сторону школы.

— Вы угадали, — ответил преподобный, стараясь, чтобы его голос не дрожал от напряжения.

— Когда начало?

— В восемь. Двери открываются в семь тридцать.

— Спасибо, отец.

— Не за что.

Улыбнувшись, мужчина направился к школе. А Свенсен нервно сжал ручку кейса. Он взглянул на часы: 7.15.

И тут, после бесконечных пяти минут ожидания, преподобный наконец увидел то, ради чего прошел все эти мили, — черный «линкольн» с правительственными номерами. Не доехав до школы одного квартала, машина остановилась. Прищурившись, священник с трудом разобрал в сумерках номер машины. Все верно... Спасибо тебе, Господи!

Из передних дверец вылезли двое молодых людей в темных костюмах. Оглядевшись по сторонам и бросив взгляд также на Свенсена, они явно обрадовались тому, что улица безопасна.

Затем один из них нагнулся и что-то сказал через приспущенное заднее окно.

Преподобный прекрасно знал, что тот говорил с прокурором Чарлзом Грейди, ведущим дело против Эндрю Констебля. Грейди вместе с женой приехал на концерт, в котором должна участвовать его дочь. Именно из-за прокурора Свенсен и появился в этом Содоме. Подобно святому Павлу, преподобный Свенсен пришел в мир безбожников, дабы указать им ошибочность их пути и принести правду. Но в отличие от апостола он собирался сделать это более решительным образом: выстрелив в Чарлза Грейди из тяжелого пистолета, лежавшего в его кейсе.

Глава 23

Наблюдая за улицей, преподобный тщательно изучал возможные пути отхода, количество идущих по тротуару пешеходов, интенсивность движения транспорта по Пятой авеню. Он не должен провалиться. От его успеха зависит многое; он лично заинтересован в том, чтобы Чарлз Грейди умер.

В прошлый вторник, около полуночи, на пороге дома, служившего преподобному Свенсену и жилищем, и церковью, появился Джедди Барнс, местный «ополченец». После полицейских рейдов, проведенных несколько месяцев назад, Барнс, по слухам, скрывался в каком-то трейлере, в самой гуще лесов.

— Приготовьте мне кофе! — Барнс посмотрел своими горящими глазами на испуганного священника. — Мне нужно, чтобы вы кое-что для меня сделали, Ральф, — подавшись вперед, сказал под стук дождя Барнс — тощий, стриженный под ежик мужчина с холодным взглядом.

— Что именно?

Вытянув ноги, Барнс посмотрел на изготовленный Свенсеном алтарь из клееной фанеры, густо покрытый лаком.

— Есть человек, который охотится за нами. Подвергает нас гонениям. Он один из них.

Свенсен знал, что под «ними» Барнс имеет в виду не совсем четко определенный нечестивый союз федеральных и местных властей, средств массовой информации, нехристиан членов любой организованной политической партии и интеллигенцию — это для начала (к «нам» относились все, кто не подпадал ни под одну из вышеуказанных категорий, но только белые). Преподобный не был таким фанатиком, как Барнс, а его неистовые дружки-"ополченцы" вызывали у Свенсена страх. Тем не менее, преподобный полагал, что в их словах есть немалая доля истины.

— Мы должны остановить его.

— Кто он?

— Прокурор из Нью-Йорка.

— А, тот, кто преследует Эндрю?

— Он самый. Чарлз Грейди.

— И что же я должен сделать? — спросил преподобный Свенсен, думая, что от него ждут писем протеста или гневной проповеди.

— Убить его, — сказал Барнс.

— Что?

— Я хочу, чтобы вы поехали в Нью-Йорк и убили его.

— О Боже! Да не могу я этого сделать! — Преподобный старался, чтобы голос звучал твердо, хотя руки у него дрожали так, что расплескался кофе. — Прежде всего какой смысл в убийстве? Эндрю этим не поможешь. Черт побери, да они сразу поймут, кто за этим стоит, и Эндрю придется еще…

— Констебль не имеет к этому отношения. Дело не в нем. Тут более важные вопросы — нам нужно сделать заявление. Знаете, как все эти задницы в Вашингтоне всегда говорят на своих пресс-конференциях: «Нам надо подать знак».

— Забудьте об этом, Джедди. Я не могу этого сделать. Это безумие.

— Думаю, можете.

— Но я же священник!

— Вы каждое воскресенье охотитесь — это тоже своего рода убийство. И потом, вы были в Наме[16]. Вы там снимали скальпы, если ваши рассказы достоверны.

— Это было тридцать лет назад, — избегая взгляда «ополченца», пробормотал Свенсен. — Сейчас я никого не убиваю.

— Уверен, Клара Сэмпсон хотела бы этого. — Наступило тяжелое молчание. — Содеянное зло к тебе же и возвратится — так вот, Ральф.

Год назад Джедди Барнс убедил Уэйна Сэмпсона не обращаться в полицию, после того как фермер застал преподобного со своей тринадцатилетней дочерью на спортивной площадке за церковью. Только сейчас Свенсен понял, что Барнс вмешался тогда исключительно по одной причине: рассчитывая его шантажировать.

— Послушайте…

— Клара написала тогда любопытное письмо: оно сейчас у меня. Надо ли говорить, что в прошлом году я сам попросил ее об этом? Ну так вот, она согласилась и описала ваш детородный орган в таких деталях, что лично мне не слишком хотелось читать; а вот жюри присяжных, полагаю, оценит…

— Вы не можете так со мной поступить. Нет, нет, нет…

— Не хотелось бы спорить с вами на эту тему, Ральф. В общем, ситуация такова: если не согласитесь, то через месяц ниггеры будут делать с вами в тюрьме то же самое, что вы делали с Кларой Сэмпсон. Ну так как же?

— Черт побери!

— Считаю, что вы сказали «да». А теперь я посвящу вас в наши планы.

Барнс дал ему пистолет, сообщил адрес гостиницы и офиса Грейди, а затем переправил в Нью-Йорк.

Приехав туда несколько дней назад, преподобный Свенсен сначала занялся разведкой. В четверг, в конце рабочего дня, он зашел в здание правительственных учреждений штата и в своем потертом облачении священника, с недоуменным выражением лица беспрепятственно бродил по коридорам, пока наконец не нашел какой-то чулан для метел, где и просидел до полуночи. После чего проник в офис Грейди и узнал, что тот со своей семьей отправляется вечером на концерт в школу. Там, среди исполнителей, будет и его дочь.

Сейчас вооруженный священник стоял, трепеща, перед школой и смотрел, как охранники Грейди разговаривают с сидящим на заднем сиденье прокурором. Свенсену предстояло убить Грейди и его охранников из бесшумного пистолета, потом упасть на землю и в ужасе закричать, что кто-то стрелял из проезжавшей машины. Воспользовавшись паникой, священник должен был убежать. Свенсен пытался молиться, но, даже считая Грейди пособником дьявола, преподобный не мог просить Господа о помощи в убийстве безоружного белого христианина. Поэтому он ограничился тем, что читал про себя цитаты из Библии:

После сего увидел я иного Ангела, сходящего с небес и имеющего силу великую; земля осветилась от славы его...

Преподобный Свенсен переминался с ноги на ногу, думая о том, что ждать больше не может. Нервы, нервы... Ему страшно хотелось вернуться к своим овцам, к земле, к церкви, к своим всегда популярным проповедям.

И к Кларе Сэмпсон, которой скоро исполнится пятнадцать лет... Во всех отношениях это было бы только справедливо.

И воскликнул он сильно, громким голосом: пал, пал Вавилон, великая блудница, стал жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу...

Свенсен подумал о судьбе семьи Грейди. Жена прокурора не сделала ничего дурного. Быть замужем за грешником — отнюдь не то же самое, что быть грешницей или работать на нечестивца. Нет, он пощадит миссис Грейди.

Если только она не заметит, что стрелял именно он.

Что же касается дочери, о которой ему говорил Барнс, Крисси... Интересно, сколько ей лет и как она выглядит? Может, Крисси понравилось бы жить в Кантон-Фоллзе?

И плодов, угодных для души твоей, не стало у тебя, и все тучное и блистательное удалилось от тебя — ты уже не найдешь его...

Сейчас, решил Свенсен. Пора. Давай, давай, давай!

И один сильный Ангел взял камень, подобный большому жернову, и поверг в море, говоря: с таким стремлением повержен будет Вавилон, великий город, и уже не будет его...

Только вот сейчас камень возмездия — это хороший швейцарский пистолет, а вестник не ангел с небес, а представитель всех разумно мыслящих людей Америки.

Преподобный двинулся вперед.

Охранники все еще смотрели в сторону.

Открыв кейс, Свенсен вытащил оттуда большую цветную карту и тяжелый пистолет. Прикрыв картой оружие, преподобный направился к машине. Телохранители Грейди стояли на тротуаре, повернувшись к нему спиной. Один из них нагнулся, чтобы открыть дверцу выходящему из машины прокурору.

Осталось пять метров...

Пусть Господь пошлет благословение на твою...

И тут небо обрушилось ему на голову.

— На землю, на землю, сейчас же, сейчас же, сейчас же! — С полдесятка мужчин и женщин — сотня демонов — схватили преподобного Свенсена за руки и потащили на тротуар. — Не двигаться, не двигаться, не двигаться!

Один из них схватился за пистолет, другой вырвал у него кейс, третий навалился ему на шею с такой силой, словно олицетворял собой все грехи этого города. Лицо священника вдавилось в бетон, на запястьях стиснули наручники, карманы вывернули наружу.

Прижатый к бетону, преподобный Свенсен увидел, как дверца автомобиля Грейди открылась и оттуда выскочили три полисмена в защитных шлемах и пуленепробиваемых жилетах.

— Лежать, голову вниз!

Господь наш на небесах...

Тут к нему подошли чьи-то ноги. По контрасту с грубым давлением руки другого копа и вульгарными голосами прочих полицейских голос этого человека звучал вполне вежливо.

— А теперь, сэр, — с южным акцентом произнес он, — мы перевернем вас на спину, и я зачитаю вам ваши права. А вы дадите мне знать, поняли их или нет.

Несколько копов перевернули Свенсена и подняли на ноги.

Преподобный вздрогнул от удивления.

Говоривший оказался тем самым мужчиной, который следил за ним на Вашингтон-сквер. Рядом с ним стоял блондин в очках: тот тоже вел наблюдение. Неподалеку находился третий — смуглый тип, спросивший у Свенсена, когда начнется концерт.

— Сэр, меня зовут детектив Белл. Сейчас я зачитаю вам ваши права. Готовы? Хорошо. Поехали!

* * *

Белл быстро просматривал содержимое кейса Свенсена.

Дополнительный боезапас для пистолета. Желтый блокнот с записями, смахивающими на очень плохую проповедь. Путеводитель «Нью-Йорк за пятьдесят долларов вдень». Очень потрепанная Библия со штампом гостиницы «Адельфи», 232, Боуэри, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк.

«Гм... Похоже, мы можем приплюсовать еще и обвинение в краже Библии», — с мрачным юмором подумал Белл.

Тем не менее не просматривается прямой связи между этим покушением на жизнь Грейди и Эндрю Констеблем. Разочарованный, Белл попросил упаковать вещественные доказательства и, позвонив Райму, сообщил ему, что импровизированная операция спецназа прошла успешно.

Велев Беллу задержаться на месте еще несколько минут, криминалист продолжил изучение обновленного отчета об осмотре места

преступления, а Мел Купер — исследование волокон, найденных в офисе Грейди. В конце концов Райм пришел к довольно неприятным выводам. Анализ следов показал, что взломщик несколько минут простоял на одном месте — возле секретарского стола. Опись имущества свидетельствовала о том, что в этой части стола находился только ежедневник, куда была внесена лишь одна запись на эти выходные: о предстоящем выступлении Крисси Грейди.

Таким образом, проникший в приемную нарушитель, несомненно, знал о выступлении. Райм пришел к выводу, что нападавший будет маскироваться под священника. С помощью базы данных ФБР Купер нашел по черным волокнам и красителю фирму-производителя из Миннесоты. Как выяснили Купер и Райм на ее сайте, она специализировалась на выпуске черного габардина для пошива облачения священников. Само по себе это ничего не доказывало, однако Райм заметил, что некоторые из белых волокон представляли собой полиэстр и накрахмаленный хлопок. Последнее указывало на то, что неизвестный носит легкую белую рубашку со стоячим воротником — как у священника.

Единственное волокно из красного атласа относилось к разновидности, применяемой для изготовления закладок в старинных книгах — например Библиях. Много лет назад Райм расследовал дело, где наемный убийца прятал наркотики в обложке из-под Библии; нечто подобное могло быть и сейчас.

Семейству Грейди Белл приказал оставаться дома — их место в служебной машине заняла группа захвата. Группы наблюдения расположились к северу от Пятой авеню, на перекрестке к западу от Шестой авеню, к востоку от Юниверсити-плейс и к югу от Вашингтон-сквер.

Неудивительно, что именно Белл, находившийся в парке, заметил там встревоженного священника, который направлялся к школе. Белл начал следить за ним, но, поняв, что его заметили, сразу отстал. Другой офицер спецгруппы сменил Белла и проводил священника до самой школы. Третий детектив из группы Белла подошел к Свенсену и спросил насчет концерта, визуально проверив, нет ли у того оружия. Полагая, что оружия нет, он не имел оснований для обыска и задержания.

Тем не менее подозреваемый находился под непрерывным наблюдением. Едва он достал из кейса пистолет и направился к устроенной ему западне, его тотчас повергли на землю.

Ожидая встретить лжесвященника, Белл удивился, что они схватили настоящего. Это подтверждалось содержимым бумажника Свенсена.

Правда, внушал сомнение конспект совершенно бездарной проповеди. Вынув из пистолета обойму. Белл оттянул затвор и вытащил патрон.

— Для попа это слишком большая пушка, — заметил он.

— Я священник.

— Это я и хотел сказать.

— Посвященный в духовный сан.

— Рад за вас. Я сейчас вот о чем думаю. Ну зачитал я вам эти права, а воспользуетесь ли вы правом хранить молчание? Расскажите о том, что вы сделали, и это облегчит вашу участь. Признайтесь, сэр, кто велел вам убить мистера Грейди.

— Бог.

— Гм! Понятно. А может, кто-то еще?

— Это все, что я могу сказать вам и любому другому. Таков мой ответ: Бог.

— Ну что ж, понятно. Поедем теперь в город и посмотрим, вступится ли он за вас.

Глава 24

И это называют музыкой?

До Райма донесся барабанный бой, после чего раздался душераздирающий вопль какого-то духового инструмента. Все это исходило из расположившегося через дорогу «Сирк фантастик». Звуки были резкими и неприятными. Пытаясь не обращать на них внимания, Райм вернулся к телефонному разговору с Чарлзом Грейди. Тот благодарил за то, что схватили священника, намеревавшегося убить его.

Белл только что допросил находившегося в следственном изоляторе Констебля. Заключенный заявил, что знает Свенсона, но уже больше года назад выгнал его из Ассамблеи патриотов за «нездоровый интерес» к дочерям прихожан. После того Констебль не имел с ним никаких дел, и Свенсен как будто присоединился к каким-то захолустным «ополченцам».

Констебль категорически отрицал свою причастность к покушению.

Грейди отправил Райму вещественные доказательства с места преступления возле школы и из гостиничного номера преподобного Свенсена. Быстро просмотрев их, Райм не нашел ничего указывающего на связь с Констеблем, о чем и сообщил Грейди.

— Нужно связаться с криминалистами в этом… как его?

— Кантон-Фоллз.

— Пусть проведут там сравнительный анализ почвы или следов. Может, выяснят, что связывает Свенсена с Констеблем. У меня оттуда нет никаких образцов.

— Спасибо за проверку, Линкольн. Кто-нибудь быстро доставит это туда.

— Если хотите, чтобы я написал экспертное заключение, буду рад сделать это. — Криминалисту пришлось повторить последнюю часть фразы, поскольку за окном послышалось особенно громкое соло на трубе. «Да, я уж точно мог бы написать музыку получше этой», — подумал Райм.

Объявив тайм-аут, Том измерил давление подопечному и нашел его слишком высоким.

— Мне это не нравится, — заявил он.

— Строго говоря, мне совсем не нравится многое, — раздраженно ответил Райм, недовольный тем, что дело продвигается чересчур медленно. Из Вашингтона только что звонил фэбээровский эксперт, который сообщил, что информация по найденным в сумке Кудесника стружкам будет только завтра. Беддинг и Сол обзвонили более пятидесяти гостиниц Манхэттена, но ни в одной из них не использовались карточки «АПК» вроде той, что нашли в спортивной куртке Кудесника. Селлитто сменил людей на посту возле «Сирк фантастик», но и свежие наблюдатели не заметили ничего подозрительного.

Хуже всего было то, что до сих пор не обнаружили следов Ларри Бурке, патрульного, который взял Кудесника возле ярмарки ремесел. Десятки полицейских продолжали обыскивать Вест-Сайд, но ни улик, ни свидетелей не нашли. Обнадеживало лишь то, что в угнанной «мазде» его тела не было.

Машину еще не подняли, но один из водолазов сообщил, что ни в салоне, ни в багажнике тел нет.

— Ну где же еда? — выглянув в окно, нетерпеливо осведомился Селлитто. Сакс и Кара уже давно ушли, пообещав принести что-нибудь из

близлежащего кубинского ресторана (молодую иллюзионистку волновал не ужин; она мечтала отведать кубинский кофе, услышав от Тома, что это «наполовину эспрессо, наполовину сгущенное молоко и наполовину сахар» такой состав, несмотря на довольно сомнительные пропорции, ее весьма устраивал).

— Ты когда-нибудь ел эти кубинские сандвичи? — спросил Райма грузный детектив. — Они лучшие из всех.

Однако ни пища, ни расследование не значили для Тома ровным счетом ничего.

— Пора спать.

— Сейчас девять тридцать восемь, Том, — возразил Райм. — Практически конец дня. Так что... — Он сощурил глаза. — Еще. Не. Пора. Спать. У нас тут бегает по городу гребаный убийца, постоянно меняющий свои планы: то ему хочется убивать каждые четыре часа, то каждые два. — Райм посмотрел на часы. — Возможно, сейчас он как раз кого-то убивает — ради разнообразия в девять тридцать восемь. Мне приятно, что тебе это не нравится. Но я должен работать.

— Нет, не должны! Если не хотите называть это время вечером — не называйте. Но сейчас мы отправимся наверх, сделаем кое-какие процедуры, а потом вы уснете. На пару часов.

— Ха-ха! Ты просто надеешься, что я просплю до утра. Нет, не просплю. Я буду бодрствовать всю ночь.

Помощник гневно сверкнул глазами.

— Ближайшие несколько часов Линкольн проведет наверху! — твердо заявил он.

— Не боишься остаться без работы? — бросил Райм.

— А вы не боитесь впасть в кому? — парировал Том.

— Нельзя так издеваться над калекой, — пробормотал криминалист. Но он уже уступал, хорошо понимая грозящую ему опасность. Если инвалид слишком долго сидит в одном положении, сильно устал или, как выражался при незнакомых людях Райм, ему нужно пописать или покакать, а он почему-либо не может этого сделать, существует риск автономной дисрефлексии, резкого повышения кровяного давления что чревато параличом или смертью. Дисрефлексия случается редко, но уж если случается, то весьма быстро отправляет вас в больницу или прямиком в могилу. Поэтому Райм в конце концов согласился отбыть

наверх. Подобные отклонения от нормальной жизни бесили его и, хотя Райм отказывался это признать, приводили в уныние.

— Хорошо, — сказал Том, проделав необходимые процедуры. — Теперь два часа отдыха. Поспите немного.

— Один час! — отрезал Райм.

Помощник собирался возразить, но, заметив, что Райм в гневе, вдруг ощутил тревогу за будущих жертв Кудесника.

— Один, — согласился Том. — При условии, что вы заснете.

— Ладно, — сказал Райм. — И добавил: — Мне приснятся чудеснейшие сны… Если немного выпью.

— Хорошо. — Том налил в стакан немного старого «Макаллана» и вставил в губы Райма соломинку.

Криминалист сделал глоток.

— Какое блаженство… — Он посмотрел на пустой стакан. — Когда-нибудь я научу тебя наливать как следует.

— Я вернусь через час, — сказал Том.

— Приказываю — будильник, — распорядился Райм. На плоском мониторе появилось изображение часов, и Райм велел, чтобы будильник прозвенел ровно через час.

— Я бы разбудил вас. — Помощник пожал плечами.

— Это на тот случай, если ты будешь чем-то занят и забудешь меня разбудить.

Том вскоре ушел, закрыв за собой дверь, и Райм устремил взгляд на окно, где сидели два сокола-сапсана, как-то странно и вместе с тем элегантно повернув головы. Одна из птиц — самка, более чуткая охотница — коротко взглянула на Райма, сузив щелочки глаз так, словно только сейчас заметила его. Затем она склонила голову набок и вновь прислушалась к шуму, доносящемуся из Центрального парка.

Райм закрыл глаза, но мозг его продолжал анализировать вещественные доказательства. Криминалист силился понять мотивы Кудесника, постичь, что означают найденные улики: медь, ключ от гостиничного номера, журналистское удостоверение, чернила. Все таинственнее и таинственнее… Внезапно его глаза широко открылись. Какой абсурд!

Ничуть он не устал. Ему хотелось одного — спуститься вниз и вернуться к работе. Нет, о сне не может быть и речи.

Почувствовав дуновение воздуха, Райм еще больше разозлился на Тома, который оставил кондиционер включенным. Когда у калеки начинает течь из носа, чертовски пригодился бы тот, кто может его вытереть. Райм вызвал на монитор панель управления климатической установкой, со злорадством думая о том, как скажет Тому, что с удовольствием заснул бы, если бы в комнате не было так холодно. Однако, взглянув на экран, Райм понял, что кондиционер выключен. Откуда же ветер?

Дверь была по-прежнему закрыта.

Вот оно! Райм снова почувствовал дуновение воздуха, теперь на правой щеке. Не дует ли от окна? Нет, оно тоже закрыто. Ну, тогда, возможно...

И тут он обратил внимание на дверь.

Господи! Он похолодел. Засов на двери спальни можно было задвинуть только изнутри, но никак не снаружи.

Теперь задвижка была заперта.

Снова прикосновение воздуха к его коже. На сей раз горячее. Значит, это совсем близко. Райм даже услышал слабое дыхание.

— Где вы? — прошептал Райм.

Прямо перед его лицом появилась рука с двумя сросшимися пальцами. Рука сжимала бритвенное лезвие, острый край которого был нацелен ему в глаза.

— Если позовете на помощь, — с придыханием прошептал Кудесник, — если издадите хоть малейший звук, я ослеплю вас. Понятно?

Линкольн Райм кивнул.

Глава 25

Лезвие тут же исчезло.

Кудесник не убрал его и не спрятал. Только что металлический квадратик находился у него в руке, и вот он исчез.

Убийца — с каштановыми волосами, без бороды и в полицейской форме — прошелся по комнате, молча разглядывая книги, компакт-диски, плакаты и одобрительно кивая каким-то своим мыслям. Некоторое

время он рассматривал одну любопытную вещицу: маленькую красную раку, в которой находилось изображение китайского бога войны и полицейских расследований — Гуан Ди. Похоже, Кудесник не усомнился в том, уместен ли здесь такой предмет.

Он повернулся к Райму.

— Ну, — хриплым шепотом начал преступник, окидывая взглядом специальную кровать, — вы совсем не то, чего я ожидал.

— Машина, — сказал Райм. — В реке. Как вы из нее выбрались?

— Ах это! — небрежно отозвался он. — Трюк с затонувшей машиной? Меня в ней и не было. Я сбежал до того, как она оказалась в воде... Очень простой трюк: закрытое окно, чтобы свидетели видели в основном отражение, и шляпа на подголовнике. Публика видела меня только в своем воображении. Гудини вовсе и не был в тех сундуках, из которых якобы выбирался.

— Значит, то были не следы торможения. — Райм злился, что допустил ошибку. — Это были следы ускорения. Вы подложили кирпич под акселератор.

— Кирпич выглядел бы неестественно — ведь водолазы в конце концов нашли бы машину. Я подложил камень. — Окинув Райма внимательным взглядом, он добавил свистящим шепотом: — Но вы никогда не верили в то, что я умер.

— Как вы вошли в комнату и почему я вас не слышал?

— Я уже был здесь. Я проскользнул наверх десять минут назад. Я также побывал в вашей штабной комнате, или как вы это называете, и никто меня не заметил.

— Так это вы принесли вещественные доказательства? — Райм смутно помнил, как какой-то патрульный привез коробку с вещественными доказательствами, собранными возле школы и в номере преподобного Свенсена.

— Верно. Я ждал снаружи. Тот коп подошел с парой коробок, я поздоровался и предложил ему помощь. Никто не остановит вас, если вы в форме и при деле.

— И вы спрятались здесь, накрывшись куском шелка под цвет стен.

— Вы раскусили этот трюк, не так ли?

Нахмурившись, Райм посмотрел на его форму. Она казалась настоящей, однако в нарушение всех правил на груди отсутствовала табличка с именем и фамилией. Сердце его упало. Райм догадался, откуда взялась эта форма — ее сняли с Ларри Бурке, который арестовал Кудесника возле уличной ярмарки.

— Вы убили его... Убили и украли его одежду.

Кудесник пожал плечами.

— Напротив. Сначала украл одежду, — прошептал бесплотный голос. — Я убедил полицейского в том, что хочу раздеть его и бежать. Я застрелил его уже потом.

Вздрогнув от отвращения, Райм вспомнил, как опасался того, что Кудесник завладеет рацией и оружием Бурке. Тем не менее ему не приходило в голову, что преступник использует полицейскую форму и атакует своих преследователей.

Где его тело? — тихо спросил он.

— Вест-Сайд.

— Где именно?

— Пожалуй, я промолчу. Кто-нибудь все равно найдет его через день или два. Погода нынче теплая.

— Сукин сын! — рявкнул криминалист. Сейчас ему следовало держаться повежливее, однако в душе Линкольн Райм всегда оставался копом. А нет связи теснее, чем между сослуживцами-полицейскими.

Погода нынче теплая...

И все же Райм постарался вновь овладеть собой.

— Как вы меня нашли? — небрежно спросил он.

— На ярмарке ремесел я стоял рядом с вашей напарницей — рыжеволосой. Очень близко. Так же, как стою сейчас перед вами. Я буквально дышал ей в затылок — и не знаю, что мне больше нравилось... В любом случае я слышал, как она разговаривала по радио. Она называла вас по имени. Понадобилось совсем немного времени, чтобы найти вас. О Линкольне Райме упоминают газеты. Вы знаменитость.

— Знаменитость? Такой калека, как я?

— Несомненно.

— Это старая новость. — Райм покачал головой. — Я уже давно никому ничего не приказываю.

Через смонтированный в изголовье микрофон слово «приказываю» немедленно поступило в компьютерную систему распознавания речи. Именно это слово говорило компьютеру о том, что он должен быть готов к выполнению дальнейших команд. На мониторе открылось окно, которое Райм видел, а Кудесник — нет. Каковы инструкции? — молча спрашивало оно.

— Приказываете? — переспросил Кудесник. — Что вы имеете в виду?

— Когда-то я был начальником отдела. Сейчас молодые офицеры иногда даже не утруждают себя тем, чтобы сделать телефонный звонок.

Уловив два последних слова, компьютер написал:

Кому вы желаете позвонить?

Райм вздохнул.

— Я расскажу вам одну историю. Однажды мне нужно было связаться с одним офицером. Лейтенантом Лоном Селлитто.

Набираю Лона Селлитто.

— И вот я сказал ему...

Кудесник внезапно нахмурился.

Сделав шаг вперед, он отвернул монитор от лица Райма и быстро окинул взглядом экран. Поморщившись, убийца вырвал из стены телефонные провода и отключил компьютер от сети.

Когда убийца вновь повернулся к Райму, тот вжал голову в подушку, ожидая появления ужасного бритвенного лезвия. Однако Кудесник отступил на шаг, дыша тяжело, как астматик. То, что пытался сделать криминалист, скорее произвело на него впечатление, нежели разозлило.

— Вы ведь понимаете, что это такое? — холодно улыбаясь, спросил он. — Иллюзия в чистом виде. Вы отвлекли меня, проведя классическое словесное отвлечение. Мы называем это уловкой. У вас получилось неплохо. То, что вы говорили, звучало вполне натурально, пока вы не упомянули имя своего друга. Конкретное имя все и погубило. Видите ли,

это было неестественно и вызвало у меня подозрения. Но вплоть до этого момента вы проделали все неплохо.

Неподвижный Человек...

— Хотя и я кое в чем силен. — Кудесник протянул вперед открытую ладонь. Когда его пальцы оказались возле глаз Райма, тот сжался, но почувствовал лишь слабое прикосновение к своему уху. Секунду спустя рука Кудесника вновь появилась перед его лицом уже с четырьмя зажатыми между пальцами двусторонними бритвенными лезвиями. Убийца сжал руку в кулак, и четыре лезвия мгновенно превратились в одно, которое он теперь держал большим и указательным пальцами.

О Боже, нет... Больше самой боли Райм боялся того, что его лишат еще одного органа чувств. Приблизив лезвие к его глазам, убийца быстро двигал его взад и вперед.

Но затем он улыбнулся и отступил назад.

— А теперь, уважаемая публика, давайте начнем наш номер с некоторой престидижитации. В этом мне будет помогать мой коллега-исполнитель. — Эти слова Кудесник произносил неестественно приподнятым, театральным тоном.

Он поднял руку и продемонстрировал воображаемой аудитории сверкающее лезвие. Плавным движением оттянув резинку спортивных брюк и нижнего белья Райма, Кудесник поднес лезвие к его обнаженному паху.

Криминалист поморщился.

— Что он должен чувствовать, — обращаясь к воображаемой публике, спросил Кудесник, — зная, что это лезвие прижимается к его коже, разрезает кожу, гениталии, какую-нибудь вену или артерию? А он при этом ничего не испытывает! — Райм пристально смотрел на свои брюки, ожидая появления крови. Но тут Кудесник улыбнулся. — Но возможно, лезвия здесь нет... Возможно, оно где-то в другом месте. Может быть, здесь? — Он засунул пальцы себе в рот, вытащил оттуда маленький прямоугольник и поднял его вверх. Затем нахмурился. — Подождите! — И вытащил изо рта еще одно лезвие. Потом еще одно. Теперь Кудесник снова держал в руке четыре лезвия. Помахав ими словно веером, он сделал выпад по направлению к Райму, который ахнул и сжался, полагая, что лезвия вот-вот вонзятся в него. Однако ничего подобного не произошло. Лезвия исчезли.

В висках Райма стучало, лоб покрылся испариной. Криминалист взглянул на будильник. Ему казалось, что прошло несколько часов, но нет — Том ушел отсюда всего пятнадцать минут назад.

— Зачем вы это делаете? — спросил Райм. — Зачем вы убили этих людей? В чем тут смысл?

— Я убил не всех! — гневно возразил Кудесник. — Вы помешали моему номеру с наездницей у реки Гудзон.

— Ну ладно, вы нападали на них. Зачем?

— Здесь не было ничего личного. — Кудесник закашлялся.

— Ничего личного? — недоверчиво переспросил Райм.

— Главное то, что они представляли, а не то, кем они были.

— Что значит — представляли? Объясните.

— Нет, пожалуй, я не стану этого объяснять, — прошептал Кудесник. — У нас не так уж много времени. — Тяжело дыша, он медленно обошел вокруг кровати Райма. — Знаете, о чем думает публика? В какой-то мере она надеется, что иллюзионист не сможет вовремя ускользнуть, что он утонет, упадет на шипы, сгорит. Есть один трюк, который называется «Пылающее зеркало». Мой любимый. Он начинается с того, что иллюзионист самодовольно всматривается в зеркало и вдруг видит по другую сторону стекла красивую женщину. Она манит его к себе, и в конце концов он уступает искушению и перешагивает барьер. Внезапно они меняются местами — теперь женщина стоит по эту сторону зеркала. Появляется облако дыма, происходит трансформация, и она становится Сатаной.

Иллюзионист оказывается в аду, прикованный к полу. Вокруг него поднимаются языки пламени, пламя горит и перед зеркалом, закрывая единственный путь к отступлению. Стены огня сдвигаются. В тот момент, когда пламя приближается вплотную к нему, иллюзионист освобождается от оков и сквозь огонь прыгает к задней стороне зеркала. Дьявол бежит к нему, взлетает в воздух и исчезает. Иллюзионист разбивает зеркало молотком. Затем он проходит по сцене, вдруг останавливается и щелкает пальцами. Видна вспышка света, и, как вы, вероятно, догадались, он сам становится дьяволом... Публике это нравится... Но я хорошо знаю: подсознательно каждый хочет, чтобы огонь победил, а исполнитель погиб. — Кудесник сделал паузу. — И конечно, такое время от времени действительно происходит.

— Кто вы? — в отчаянии прошептал Райм.

— Я? — Нагнувшись к нему, Кудесник хрипло зашептал: — Я Северный Чародей. Я величайший иллюзионист всех времен. Я Гудини. Человек, способный выскользнуть из пылающего зеркала. Избавиться от наручников, цепей, кандалов, веревок — от всего. — Он пристально взглянул на Райма. — Кроме... кроме вас. Боюсь, что только от вас мне не удалось бы ускользнуть. Вы слишком умны. Я должен остановить вас до полудня завтрашнего дня...

— Почему? Что должно произойти завтра днем?

Кудесник молча всматривался в темноту.

— А теперь, уважаемая публика, наш главный номер — «Обугленный человек». Посмотрите на нашего исполнителя — ни цепей, ни наручников, ни веревок. И тем не менее ему не ускользнуть отсюда. Сделать это ему труднее, чем первому на свете эскаписту — святому Петру. Тот был брошен в тюремную камеру, закован в кандалы, находился под стражей. И тем не менее бежал. Конечно, у него был очень сильный помощник — Бог. А вот наш нынешний исполнитель сегодня вечером должен полагаться только на самого себя.

В руке Кудесника появился небольшой серый предмет. Прежде чем Райм успел отвернуться, убийца нагнулся и залепил ему лентой рот.

После этого он погасил в комнате весь свет за исключением ночника. Вернувшись к постели Райма, Кудесник щелкнул большим и указательным пальцами, и на конце указательного появилось пламя высотой в семь-восемь сантиметров.

— Вижу, вы вспотели... — Он поднес огонь к лицу Райма. — Огонь... Разве это не прекрасно? В иллюзионизме это, вероятно, самая захватывающая вещь. Огонь идеально подходит для отвлечения. Все смотрят на огонь и не сводят с него глаз. Другой рукой я могу делать что угодно, и вы не обратите на это никакого внимания. Например... — В его руке появилась бутылка скотча Райма. Сделав глоток, убийца поднес к своим губам пылающий палец. При этом он пристально смотрел на жертву. Потом улыбнулся, отвернул голову в сторону и выдохнул пылающую смесь к потолку, чуть отступив назад, когда стрела огня исчезла в темноте.

Райм метнул взгляд в угол.

— Вспомнили о детекторе дыма? — засмеялся Кудесник. — Об этом я уже позаботился. Там нет батарейки. — Выдохнув к потолку еще одну струю огня, он поставил бутылку.

В руке у него внезапно очутился белый носовой платок, и Кудесник помахал им перед носом Райма. В глаза и нос криминалисту ударило резким запахом бензина. Свернув носовой платок в трубочку, Кудесник распахнул верхнюю часть пижамы Райма и обмотал получившийся жгут вокруг его шеи.

Подойдя к двери, убийца неслышно отодвинул засов, открыл дверь и выглянул наружу.

Помимо вони бензина, Райм чувствовал еще какой-то запах. Что бы это могло быть? Густой, отдающий дымом аромат... А, это виски. Очевидно, убийца оставил бутылку открытой.

Этот аромат вскоре перебил запах бензина. Он распространился повсюду, он заполонил собой все. И тут Райм с ужасом осознал, что делает Кудесник. Он лил виски на пол, протягивая дорожку от двери до кровати. Проделав эту операцию, Кудесник щелкнул пальцами, и из его руки прямо в лужицу жидкости вылетел белый огненный шар.

Жидкость вспыхнула, по полу заплясали голубоватые языки пламени. Вскоре огонь перекинулся на картонную коробку и стопку журналов на полу возле кровати. Загорелось и плетеное кресло.

Вскоре огонь вскарабкается вверх по кровати и начнет пожирать тело Райма, чего он не почувствует, затем лицо и голову, и это он почувствует очень сильно. Райм повернулся к Кудеснику, но тот уже исчез, дверь была закрыта. Дым жег глаза, затруднял дыхание. Пламя подбиралось все ближе, сжигая коробки и книги, расплавляя компакт-диски.

Менее чем через минуту голубые и желтые языки пламени уже начали лизать одеяло в ногах у Райма.

Глава 26

Какой-то бдительный полицейский шагнул в один из вест-сайдских проулков — то ли заслышав подозрительный звук, то ли завидев незапертую дверь. Пятнадцать секунд спустя оттуда появился совсем другой человек — легкомысленный мужчина в бейсбольной кепке, в легком красно-коричневом свитере и облегающих джинсах.

Выйдя из роли патрульного Ларри Бурке, Мальэрик направился вдоль Бродвея. Судя по выражению его лица, по тем кокетливым взглядам, которые он бросал по сторонам, Кудесник явно вышел на охоту. Сейчас он зайдет в какой-нибудь вест-сайдский бар и сбросит там напряжение.

Остановившись возле полуподвального коктейль-бара, убийца заглянул внутрь и решил, что это место вполне для него подходит. Можно переждать здесь, пока не придет время ненадолго вернуться к Линкольну Райму и посмотреть, какой ущерб причинил пожар.

Найдя в дальнем конце бара, возле кухни, свободный табурет, Мальэрик заказал порцию спрайта и сандвич с индейкой, после чего огляделся. Игровые автоматы с характерными для них электронными звуками, темнота и табачный дым, запах пота, духов и дезинфекции, пьяный смех и гул бессмысленных разговоров. Все это вернуло Мальэрика в мир его юности, в город, построенный на песке.

Лас-Вегас — это зеркало, окруженное сверкающими огнями; можно смотреть в него часами, но не увидеть ничего, кроме самого себя — со всеми своими оспинками и морщинами, со всем своим тщеславием и неуверенностью. Это пыльное, суровое место, где веселые огни гаснут в одном-двух кварталах от центра, не проникая в другие районы города — к трейлерам, покосившимся бунгало, эфемерным стриптиз-барам, ломбардам, торгующим обручальными кольцами, свадебными костюмами, протезами для рук — всем, что только можно превратить в горстку мелочи.

И повсюду пыльная, бесконечная, серая пустыня.

Именно здесь Мальэрик и появился на свет. Родители его — служащий казино и официантка (позднее она располнела и ее перевели на кассу) — принадлежали к той бесчисленной армии обслуживающего персонала, который администрация и клиенты вообще не считали за людей. Двое из тех, через чьи руки проходят огромные деньги, но задерживаются в них лишь на долю секунды.

Как и многие другие предоставленные самим себе лас-вегасские мальчишки, чьи родители работали подолгу и в разных сменах, Мальэрик тянулся туда, где мог найти хоть какую-то отдушину.

Для него таким местом была Полоса.

Я уже рассказывал вам, уважаемая публика, об отвлечении — о том, как мы, иллюзионисты, отвлекаем ваше внимание от нашего метода с помощью движений, цвета, звуков, света, внезапности. Положим, отвлечение — это не просто прием, а образ жизни. Все мы отчаянно стремимся к блеску и празднику, держась подальше от скуки, рутины, семейных ссор, от гнетущей жары на самом краю пустыни, от насмешливых подростков, дразнящих тебя за то, что ты худой и робкий, а потом обрушивающих на тебя свои кулаки, твердые, как панцирь скорпиона...

Да, Полоса была для него отдушиной, особенно расположенные на ней магазины, которых здесь было великое множество. Лас-Вегас славился во всем мире как столица магии. Причем эти магазины были не просто торговыми точками. Чтобы поболтать и обсудить трюк, здесь собирались как опытные фокусники, так и начинающие.

Именно здесь мальчик узнал о себе кое-что важное. Пусть он худой, робкий и плохо бегает, но вместе с тем он необычайно, фантастически ловок. Продавцы магазинов — а обычно в магазинах для иллюзионистов работают или отставные маги, или те, что сами стремятся стать фокусниками, — нередко показывали ему разные трюки, и мальчик мгновенно перенимал их. Когда ему было тринадцать, один из продавцов удивленно приподнял бровь и сказал: «Прирожденный престидижитатор».

Мальчик недоуменно нахмурился — он никогда не слышал этого слова.

— Один французский фокусник придумал это в восемнадцатом веке, — пояснил тот. — «Прести» — от слова «престо», что значит «быстро». «Дижит» означает «палец». Престидижитация — это «быстрые пальцы». Ловкость рук.

Значит, он что-то собой представляет! Значит, он не просто мальчик для битья!

Каждый день, в три часа десять минут, Мальэрик покидал школу и направлялся в свой любимый магазин, где как губка впитывал в себя метод. Дома он постоянно практиковался. Один из управляющих периодически нанимал его для проведения небольших представлений перед клиентами в «Магической пещере», находящейся в задней части магазина.

Мальэрик до мельчайших подробностей помнил свое первое выступление. С этого дня Юный Гудини — таким был его сценический псевдоним — всеми силами старался проложить себе путь на настоящую сцену. Какая это радость — гипнотизировать аудиторию, развлекать, обманывать. А еще пугать. Ему нравилось пугать публику.

В конце концов Мальэрика ограбила собственная мать. Когда до нее дошло, что сын почти не бывает дома, она обыскала его комнату, надеясь узнать почему.

— Я нашла деньги! — однажды вечером резко сказала она, оторвавшись от ужина, когда ее сын вошел через черный ход. — Откуда они?

— Из «Абракадабры».

— Это еще что?

— Магазин. Возле «Тропиканы». Я говорил тебе о нем...

— Больше ты не будешь ходить на Полосу!

— Мама, это всего лишь магазин. Магазин для иллюзионистов.

— Где ты был? Пил? Ну-ка дыхни!

— Нет, мама, не пил. — У полной женщины в залитом соусом переднике было весьма несвежее дыхание.

— Если тебя застанут в казино, я лишусь работы. И твой отец — тоже.

— Я был только в магазине. Я устраиваю там небольшие представления. И люди иногда дают мне чаевые.

— Для чаевых это слишком много. Работая официанткой, я никогда не имела таких чаевых.

— У меня хорошо получается, — сказал мальчик.

— У меня тоже... Говоришь, представление? Какое еще представление?

— Фокусы. — Мальэрик был в отчаянии. Он уже говорил ей об этом несколько недель назад. — Смотри! — И он показал один из карточных фокусов.

— Неплохо, — кивнула она. — Но деньги я все равно заберу — за то, что ты обманул меня.

— Я тебя не обманывал!

— Ты не сказал мне, чем занимаешься. А это все равно что солгал.

— Мама, это мое!

— Обманул — заплати. — С усилием она засунула деньги в карман джинсов — мешал большой живот. — Ладно, вот тебе десятка, возьми. Если скажешь мне кое-что.

— Что скажу?

— Кое-что. Ты когда-нибудь видел своего отца с Тиффани Лоум?

— Не знаю... Кто это?

— Знаешь — не прикидывайся. Это официантка из «Песков». Пару месяцев назад она приходила к нам на обед вместе с мужем. Была в такой желтой блузке.

— Я...

— Ты видел их? Они ездили вчера в пустыню?

— Я не видел их.

Бросив на сына испытующий взгляд, она поверила.

— Если когда-нибудь увидишь их, обязательно скажи мне. — И она отправилась к своим спагетти, остывавшим перед телевизором в гостиной.

— А мои деньги, мама?

— Заткнись! Сейчас идет очень интересный фильм.

В один прекрасный день, выступая с небольшим представлением в «Абракадабре», мальчик с удивлением заметил, как в магазин вошел стройный неулыбчивый мужчина. Пока он проводил к «Магической пещере», все фокусники и продавцы хранили молчание. Это был знаменитый иллюзионист — он работал еще с Блэкстоуном, Крескином и Воскити Рэнди, а теперь выступал в «Тропикане». Все знали, что у него скверный характер и мрачные, устрашающие иллюзии.

После представления иллюзионист подозвал к себе мальчика и указал на афишу, написанную от руки.

— Ты называешь себя Юным Гудини?

— Ага.

— Думаешь, ты достоин этого имени?

— Не знаю. Мне просто так нравится.

— Сделай что-нибудь еще. — И мужчина кивнул в сторону бархатного стола.

Мальчик, нервничая, выполнил его указание, тогда как живая легенда молча наблюдал за ним.

Еще один кивок, на сей раз похожий на знак одобрения. То, что четырнадцатилетний мальчик удостоился такого поощрения, поразило собравшихся.

— Хочешь получить урок?

Взволнованный мальчик кивнул.

— Позволь предложить тебе монеты.

Иллюзионист протянул к нему руку, но вдруг, опустив взгляд, нахмурился.

— Где же они?

Ладонь его была пуста. Иллюзионист уже сбросил монеты, и сейчас они находились в руке мальчика. Тот пришел в изумление — он ничего не почувствовал.

— А теперь я подниму это в воздух…

Мальчик посмотрел вверх, но внезапно интуиция подсказала ему: «Сожми сейчас же ладонь!» Он собирается вернуть монеты. Повергнуть его в смущение перед всеми фокусниками. «Сожми ладонь».

Неожиданно иллюзионист, не глядя вниз, прошептал:

— Ты уверен, что хочешь это сделать?

Мальчик растерялся.

— Я…

— Подумай еще раз. — И фокусник посмотрел на его ладонь.

Едва подавляя желание схватить за руку великого иллюзиониста, Юный Гудини тоже посмотрел на свою ладонь и, к своему ужасу, обнаружил, что там лежат не монеты, а нечто другое: пять двусторонних бритвенных лезвий. Если бы он сжал свою ладонь, пришлось бы наложить не один шов.

— Позволь мне взглянуть на твои руки. — Иллюзионист забрал свои лезвия, и они тут же бесследно исчезли. Юный Гудини протянул к нему ладони, и фокусник дотронулся до них, поглаживая большими пальцами. Мальчику показалось, что между ними пробежал электрический ток. — Для того чтобы стать великим, у тебя есть руки, — прошептал иллюзионист. — Ты также настойчив и — я уверен — жесток…

Но ты плохо видишь. Пока плохо. — Лезвие появилось снова, и великий фокусник разрезал им листок бумаги, который тут же начал кровоточить. Затем он скомкал бумагу и снова развернул ее. Ни разреза, ни крови не было видно. Он подал листок мальчику, и тот заметил написанный красными чернилами адрес. — Приходи ко мне, — шепнул иллюзионист; коснувшись губами уха Юного Гудини. — Ты должен многому научиться. А мне нужно многому научить тебя.

Адрес иллюзиониста мальчик сохранил, но никак не мог отважиться пойти к нему. Празднование пятнадцатилетия Юного Гудини изменило его судьбу. Мать закатила скандал и запустила тарелкой в голову мужа — она что-то узнала насчет миссис Лоум.

Мальчик решил, что с него достаточно. На следующий день он отправился к иллюзионисту, и тот согласился стать его наставником. Момент оказался очень удачным. Через два дня великий фокусник отправлялся в большой тур по Соединенным Штатам, и ему нужен был ассистент. Юный Гудини снял все деньги со своего тайного банковского счета и поступил так же, как когда-то его знаменитый тезка — сбежал из дому, чтобы стать фокусником. Однако ими руководили разные побуждения: Гарри Гудини покинул свою нищую семью ради того, чтобы заработать деньги, а потом вернуться к ней. Юный Мальэрик больше никогда не увидел своих родных.

— Эй, как дела?

Хриплый женский голос отвлек его от воспоминаний. Наверное, она из числа постоянных посетителей, решил он. Пятидесятилетняя молодящаяся дама явно выбрала это место из-за тусклого освещения. Взгромоздившись на соседний табурет, она подалась вперед — так, чтобы открылась грудь.

— Прошу прощения?

— Просто спросила, как дела. По-моему, я тебя тут раньше не видела.

— Я приехал в город день или два назад.

— А! — отозвалась она. — Слушай, мне надо прикурить. — Она сказала это таким тоном, словно оказывала ему любезность.

— Конечно! — Щелкнув зажигалкой, Мальэрик поднес ее к даме. Пламя затрепетало, пока она прикуривала, обхватив его руку своими костлявыми пальцами.

— Спасибо. — Женщина выпустила к потолку узкую струйку дыма. Когда она взглянула на Мальэрика, тот уже засунул деньги под край тарелки и собирался отойти от бара. Она нахмурилась.

— Мне нужно идти. — Мальэрик улыбнулся. — А это можешь оставить себе. — Он подал ей маленькую металлическую зажигалку. Взяв ее, она удивленно подняла брови. Эта зажигалка принадлежала ей. Мальэрик выудил ее из сумочки женщины в тот момент, когда она наклонилась к нему.

— По-моему, она была тебе не нужна, — холодно заметил Мальэрик.

Оставив женщину в баре, он подумал о том, что из всех садистских иллюзий, исполненных или запланированных на эти выходные — кровь, разрезание плоти, огонь, — последняя оказалась самой удачной.

* * *

Она услышала сирены, находясь в двух кварталах от Райма.

В последнее время электронные сигналы аварийной службы почему-то заставляли Амелию Сакс предположить, что они доносятся со стороны дома Райма.

Да нет, этого не может быть, подумала она.

Слишком невероятное совпадение.

Но красные с голубым проблесковые огни действительно направились в сторону Центрального парка, где находился его дом.

«Ну перестань, — урезонивала себя Сакс. — Это лишь игра воображения, спровоцированная воспоминаниями о зловещем Арлекине на плакате „Сирк фантастик“, об исполнителях в масках, о жертвах Кудесника. Все это может свести с ума».

Чертовщина...

Не стоит об этом думать.

Перехватив другой рукой сумку с кубинской едой, она вместе с Карой шла по запруженному людьми тротуару. Они говорили о родителях, о карьере, о «Сирк фантастик». И о мужчинах.

Бац, бац...

Кара на ходу пила двойной кубинский кофе, понравившийся ей с первого же глотка. Он не только стоит вдвое дешевле «Старбакса», но еще и вдвое крепче.

— Я не слишком сильна в математике, но, по-моему, получается, что этот кофе в четыре раза лучше, — заметила она. — Мне нравятся такие находки. Они немного скрашивают жизнь, верно?

Однако Сакс уже потеряла нить разговора. Мимо промчалась еще одна машина «скорой помощи». Хоть бы миновали дом Райма! — молча взмолилась она. Но машина резко притормозила на ближайшем углу.

— Нет! — выдохнула Сакс.

— Что там такое? — поинтересовалась Кара. — Авария?

Поставив на тротуар сумку с едой, Сакс бросилась к зданию.

— Линкольн…

Кара побежала за ней, уронив стакан.

— Что происходит?

Завернув за угол, Сакс насчитала с полдесятка пожарных машин и карет «скорой помощи».

Сначала она решила, что у Райма приступ дисрефлексии, но тут же поняла: дело связано с огнем. Взглянув на второй этаж, Сакс ахнула от ужаса — из спальни Райма вырывались клубы дыма.

Господи Иисусе!

Нырнув под полицейское ограждение, Сакс устремилась к стоявшей в дверях группе пожарных. Перепрыгивая через несколько ступеней, она взлетела на крыльцо и проскочила в дверь. Прихожая и лаборатория выглядели как обычно, однако воздух был слегка задымлен.

По лестнице спускались двое пожарных. Как показалось Сакс, их лица выражали покорность судьбе.

— Линкольн! — закричала она и бросилась к лестнице.

— Не надо, Амелия! — послышался хриплый голос Лона Селлитто.

Сакс в панике обернулась: значит, он не хочет, чтобы она увидела обгоревший труп Райма. Если Кудесник забрал у нее Линкольна, он умрет, и ничто в мире не остановит ее. .

— Лон!

Он подозвал ее к себе и осторожно обнял.

— Его там нет, Амелия.

— А...

— Нет-нет, все в порядке. С ним все хорошо. Том отнес его в комнату для гостей.

— Слава Богу! — воскликнула Кара, увидев, как сверху спускаются пожарные.

К ним подошел мрачный Том.

— С ним все в порядке, Амелия. Ожогов нет, только наглотался дыма. Повысилось давление. Но сейчас он получает лекарства, так что все будет хорошо.

— Что случилось? — спросила у детектива Амелия.

— Это Кудесник, — вздохнул Селлитто. — Он убил Ларри Бурке, надел его форму, вошел в дом и каким-то образом проник в комнату Райма. Там мерзавец разжег огонь возле кровати. Мы тут внизу даже ничего не почувствовали: кто-то увидел дым с улицы и позвонил в Службу спасения. А диспетчер позвонил мне. Мы с Томом и Мелом почти все погасили еще до того, как приехали пожарные.

— А Кудесник? — спросила она. — Как я понимаю, его опять упустили?

Селлитто горько засмеялся:

— Он исчез. Растворился в воздухе.

* * *

После несчастного случая, превратившего Райма в паралитика, он долго не мог преодолеть отчаяния и проводил многие месяцы в тщетных мечтах о том, как снова встанет на ноги. Потом смирился с неизбежным и направил все свои помыслы на достижение более реальной цели.

Научиться самостоятельно дышать.

Став полным инвалидом, со сломанным четвертым позвонком, он нуждался в аппарате искусственной вентиляции легких, ибо нервы, соединяющие мозг с диафрагмой, не функционировали. Легкие Райма сначала работали не в полную силу, и его подключили к аппарату, а в грудь ему вставили шланг. Райм ненавидел это устройство с его механическими хрипами: оно вызывало странное ощущение, что самостоятельное дыхание не нужно (к тому же аппарат временами останавливался).

Но потом его легкие спонтанно заработали, и Райма отсоединили от дыхательного аппарата. Врачи сказали, что улучшение связано с естественным процессом посттравматической стабилизации, но Райм знал истинную причину. Он добился этого сам, усилием воли заново научился дышать, и это было одним из величайших достижений в его жизни. Сейчас он напряженно выполнял упражнения, надеясь, что они повысят чувствительность тела и даже позволят ему двигать конечностями. Однако какие бы успехи ни ожидали Райма в будущем, ничто не сравнится с той гордостью, которую он испытал в тот момент, когда впервые отключили дыхательный аппарат.

Теперь, лежа в маленькой комнате для гостей, Райм вновь вспоминал окружавшие его в спальне облака дыма, горящие ткань, бумагу и пластик. В тот момент он думал не столько о том, что сгорит заживо, а об ужасном дыме, занозой проникающем в легкие и отнимающем единственную победу, одержанную им в борьбе с собственной беспомощностью. Пожалуй, Кудесник нанес ему удар в самое уязвимое место.

Когда в комнату ворвались Том, Селлитто и Купер, внимание Райма сосредоточилось не на огнетушителях в руках двоих копов, а на зеленом баллончике с кислородом, который принес Том. «Боже, спаси мои легкие», — взмолился он.

Еще до того как пламя сбили, Том надел ему на лицо кислородную маску, и Райм с жадностью вдыхал живительный газ. Потом его отнесли вниз, и врач «скорой помощи» вместе с личным врачом Райма осмотрели его, обработали незначительные ожоги и занялись поисками бритвенных лезвий (в пижаме Райма никаких лезвий так и не нашли). Специалист по спинному мозгу заявил, что с легкими все в порядке, но Том должен поворачивать больного чаще, чем обычно, чтобы улучшить процесс вентиляции.

Мало-помалу Райм успокаивался, но напряжение все еще не спадало. Убийца поступил более жестоко, чем если бы причинил ему физическую боль: нападение напомнило Райму о том, как хрупка его жизнь и как неопределенно его будущее.

Сейчас он ненавидел это ужасное ощущение уязвимости и беспомощности.

— Линкольн! — Быстро войдя в комнату, Сакс села на старую кровать и прижалась к груди Райма. Он прильнул к ее волосам. Амелия плакала. За все время их знакомства Райм видел ее плачущей не более двух раз.

— Не называй меня по имени! — прошептал он. — Это плохая примета. А нам уже и так сегодня досталось.

— С тобой все в порядке?

— Да, я чувствую себя хорошо, — тихо ответил Райм, охваченный иррациональным страхом — а вдруг, если он заговорит громче, частички дыма повредят его легким? — Как там птицы? — спросил Райм, надеясь, что с соколами все благополучно. Он не имел ничего против того, чтобы они улетели в другое место, но страшно расстроился бы, если бы с ними что-то случилось.

— Том сказал, что с ними все в порядке. Сидят на другом подоконнике.

Сакс обнимала Райма, когда в дверях появился Том.

— Я должен повернуть вас.

Обняв Райма еще раз, Сакс отошла.

— Осмотри место преступления, — сказал Райм. — Преступник, возможно, что-то оставил. Там был платок, который он обернул вокруг моей шеи, и бритвенные лезвия.

Пообещав все осмотреть, Амелия вышла из комнаты, а Том начал искусно вентилировать легкие Райма.

Сакс вернулась через двадцать минут. Сняв комбинезон, она аккуратно уложила его в чемоданчик.

— Удалось найти не слишком много, — сообщила она. — Забрала тот носовой платок и сняла несколько следов. Кудесник надел новую пару «экко». Но больше ничего нет. Да, там еще была бутылка шотландского виски, но, кажется, твоя.

— Моя, — прошептал Райм. В обычном состоянии он пошутил бы, что за использование при поджоге виски восемнадцатилетней выдержки положено серьезное наказание. Но сейчас Райм не был расположен к шуткам.

Он понимал, что улик скорее всего немного. В местах поджога обычно выясняют лишь, откуда и как начался пожар. Но это они уже и так знали. Тем не менее Райм все же надеялся на большее.

— А как насчет клейкой ленты? Том оторвал ее и бросил на пол.

— Ее там нет. Наверное, сгорела.

— Поищи у изголовья кровати. Кудесник стоял там и мог...

— Я смотрела.

— Посмотри еще раз. Ты явно что-то упустила.

— Нет. Забудь о месте преступления.

— Черт побери, но нам нужно продвигаться вперед!

— Мы и продвигаемся, Райм. Я хочу допросить свидетеля.

— Там был свидетель? — удивился он. — Никто не говорил мне об этом.

— Был. — Подойдя к двери, Сакс подозвала Лона Селлитто. Тот вошел, понюхал свой пиджак и нахмурился.

— М-да! Черт побери! Этот костюм обошелся мне в сто сорок долларов. Так что там, офицер?

— Да вот собираюсь допросить свидетеля, лейтенант. У вас есть магнитофон?

— Конечно. — Лон подал ей магнитофон. — И где же свидетель?

— Забудь о свидетелях, Сакс, — сказал Райм. — Ты же знаешь, какие они ненадежные. Напирай больше на вещдоки.

— Нет, на этот раз мы получим надежную информацию, уверена.

Райм посмотрел в сторону двери.

— И кто же это?

— Ты — Сакс придвинула кресло к кровати.

Глава 2?

— Я? Это же смешно!

— Ничуть.

— Даже и не думай! Снова пройдись по сетке. Ты наверняка что-то упустила. Слишком быстро все осмотрела. Если бы ты была новичком...

— Я не новичок. Я умею быстро осматривать место преступления и знаю, когда нужно прекратить осмотр и заняться более продуктивными делами. — Взглянув на маленький магнитофон Селлитто, Сакс проверила пленку и включила запись.

— Говорит патрульный Нью-Йоркского управления полиции Амелия Сакс, значок номер пятьдесят восемь восемьдесят пять. Допрашивается Линкольн Райм, свидетель нападения категории десять двадцать четыре и поджога категории десять двадцать девять в доме номер три четыре пять, Центральный парк. Сейчас суббота, семнадцатое апреля. — Она поставила магнитофон на столик возле Райма. — Теперь давай описание.

— Я уже говорил Лону...

— А теперь скажи мне.

Саркастический взгляд, устремленный в потолок.

— Мужчина среднего телосложения, лет пятидесяти или пятидесяти пяти, в полицейской форме. На сей раз без бороды. Шрам и обесцвеченная кожа на шее и груди.

— Его рубашка была расстегнута? Ты видел его грудь?

— Прошу прощения! — иронически отозвался Райм. — Шрам у основания шеи предположительно продолжается на груди. Мизинец и безымянный палец левой руки срослись. У него... с виду карие глаза.

— Это хорошо, Райм. До сих пор мы не знали цвет его глаз.

— Возможно, не знаем и сейчас, если он носит контактные линзы! Пожалуй, одна вещь освежила бы мою память. — Он выразительно посмотрел на Тома.

— Какая вещь?

— Думаю, где-нибудь на кухне осталась несгоревшая бутылка «Макаллана».

— Потом, — сказала Сакс. — Сейчас тебе нужна ясная голова.

— Но...

— А пока, — почесывая затылок, продолжала она, — я хочу тщательно проанализировать все, что случилось. Так что он сказал?

— Я мало что помню. В основном Кудесник нес какую-то безумную несуразицу. И я был не в том настроении, чтобы обращать на нее внимание.

— Может, для тебя это и звучало как полное безумие. Но я убеждена, для нас там отыщется что-нибудь полезное.

— Сакс, неужели ты полагаешь, что я был смущен и напуган? То есть сбит с толку?

Она прикоснулась к его руке:

— Я знаю, ты не доверяешь свидетелям. Но иногда они кое-что видят... Это моя специальность, Райм. Я проведу тебя через это. Как ты проводишь меня по сетке. И мы обязательно найдем что-нибудь важное. — Встав, Сакс подошла к двери и крикнула: — Кара!

Да, он действительно не доверяет свидетелям, даже тем, кто наблюдал с выгодной позиции и сам не участвовал в событиях. Все, кто так или иначе вовлечен в преступление, особенно жертвы насилия, абсолютно ненадежны. Даже сейчас, размышляя о визите убийцы, Райм вспоминал лишь случайные эпизоды: вот Кудесник стоит позади него, вот наклоняется над ним, вот зажигает огонь. Запах скотча, клубы дыма. Райм не мог восстановить хронологию событий.

Как говорила Кара, память — это всего лишь иллюзия.

— С вами все в порядке, Линкольн? — спросила, войдя, девушка.

— Прекрасно, — пробормотал он.

Как пояснила Сакс, она хочет, чтобы Кара выслушала его рассказ. В словах убийцы она может уловить нечто полезное. Амелия снова села и придвинула поближе к кровати свое кресло.

— Давай вернемся назад, Райм. Расскажи нам, что случилось, — хотя бы в самом общем плане.

Он секунду помолчал, глядя на магнитофон, затем начал рассказывать то, что запомнил. Кудесник вошел, признался, что украл форму, убив полицейского.

Погода нынче теплая...

— Он делал вид, что разыгрывает представление, в котором я участвую вместе с ним. Я сейчас вспомнил кое-что, — добавил Райм. — У Кудесника астма. Или по крайней мере одышка. Он чуть присвистывал, когда шептал.

— Хорошо, — кивнула Сакс. — Я совсем забыла, как он разговаривал после нападения на Мерстон. Что еще он сказал?

Взглянув на темный потолок гостевой комнаты, Райм покачал головой.

— Только одно. Что он или сожжет меня, или разрежет на куски… Кстати, ты нашла в комнате бритвенные лезвия?

— Нет.

— Ну вот! Об этом я и твержу — о вещественных доказательствах. Я знаю, что он засунул лезвие в мои тренировочные штаны. Доктора его не нашли — наверное, оно выпало. Вот что тебе следует искать!

— Возможно, его там и не было, — вставила Кара. — Я знаю этот трюк. Он пальмировал лезвие.

Может быть, вы медленно кастрируете себя…

— Я имею в виду то, что трудно внимательно прислушиваться к чьим-то словам, когда тебя пытают.

— Подожди, Райм, давай опять начнем сначала. Сегодня вечером мы с Карой отправились за едой, а ты изучал вещественные доказательства. Потом Том отправил тебя наверх. Ты ведь чувствовал себя усталым, верно?

— Нет. Усталым я себя не чувствовал, но Том все равно меня отвез.

— Думаю, ты был не слишком этим доволен.

— Не слишком.

— Итак, ты оказался наверху.

Силуэты птиц, затем Том закрыл дверь.

— Было тихо… — продолжала Сакс.

— Нет, вовсе не было тихо. Там же через улицу этот проклятый цирк. Так или иначе, я установил будильник…

— На какое время?

— Не знаю. Да какая разница?

— Одна деталь может породить две другие.

Мрачный взгляд.

— И откуда же взялся сей афоризм?

Сакс улыбнулась:

— Сама придумала. А ведь звучит неплохо, правда? Используй его в новом издании своей книги.

— Я не пишу книги о свидетелях, — огрызнулся Райм, — пишу о вещественных доказательствах.

— А откуда ты узнал, что он в комнате? Ты что-то услышал?

— Нет, я почувствовал сквозняк. Сначала решил, что это кондиционер. Но это был он. Он дул мне на щеку и на шею.

— Зачем?

— Думаю, для того чтобы испугать. Между прочим, это ему удалось. — Райм закрыл глаза, затем кивнул, словно что-то вспомнив. — Я попытался позвонить Лону, но он... — Райм посмотрел на Кару. — Он понял, что я хочу сделать. До этого он угрожал убить меня — нет, угрожал ослепить, если я попытаюсь позвать на помощь. Я решил, что он так и сделает, но, как ни странно, мои действия на него произвели впечатление. Он даже похвалил меня за попытку отвлечения... — Райм умолк — воспоминания истощились.

— Как же он вошел?

— Вместе с офицером, который принес вещдоки по делу Грейди.

— Черт! — воскликнул Селлитто. — Теперь мы будем проверять удостоверения личности у всех, кто сюда входит.

— Он говорил об отвлечении, — напомнила Сакс. — Похвалил тебя. Что еще он сказал?

— Не знаю. Ничего не сказал.

— Совсем ничего?

— Не знаю! — Райма охватило бешенство. Он злился на Сакс за то, что она наседает на него и не позволяет выпить: это помогло бы ему забыть о пережитом ужасе.

Злился на себя за то, что не оправдывает ее ожиданий. Должна же она понимать, как трудно ему снова возвращаться туда — к языкам пламени, к клубам дыма, проникающим в нос и угрожающим его драгоценным легким...

Минуточку! Дым...

— Огонь, — сказал Линкольн Райм.

— Что?

— Кажется, больше всего он говорил именно об огне. Похоже, это у него навязчивая идея. Он упоминал о какой-то иллюзии. О... о «Пылающем зеркале». Да, точно. Огонь по всей сцене, а иллюзионист выбирается из него. А потом вроде бы превращается в дьявола. Или кто-то другой превращается в дьявола.

Райм и Сакс одновременно посмотрели на Кару. Она кивнула.

— Я слышала об этом. Редкая вещь. Требует много декораций и довольно опасная. В наши дни большинство владельцев театров не позволяют ее ставить.

— Потом он продолжал говорить об огне. Что это та вещь, которую нельзя подделать на сцене. О том, как публика видит огонь и втайне надеется, что иллюзионист на самом деле сгорит. Потом он говорил о чем-то еще. Он...

— Давай, Райм, дело у тебя идет.

— Не прерывай меня! — огрызнулся он. — Я уже упоминал о том, что Кудесник вел себя так, будто дает представление? Он словно бредил. Все время смотрел на пустую стену и с кем-то разговаривал. Какая-то там публика — не помню точно, как он называл ее. Он вел себя как маньяк.

— Воображаемая аудитория.

— Ну да. Подождите-ка... Кажется, он говорил «уважаемая публика». Ну да, именно так: «уважаемая публика».

Нахмурившись, Сакс взглянула на Кару, но та лишь пожала плечами.

— Мы всегда разговариваем с публикой. Это называется паттером. Прежде исполнители говорили «почтеннейшая публика» или «уважаемые леди и джентльмены». Но теперь все считают это вычурным и надуманным. В наши дни паттер стал более неформальным.

— Давай дальше.

— Не знаю, Сакс. Кажется, это все. Остальное представляется мне сплошным неясным пятном.

— Уверена, это не все. Это как вещдок на месте преступления. Он здесь; возможно, это ключ ко всему делу. Нужно просто взглянуть как-то по-другому, чтобы найти его. — Она наклонилась к Райму: — Допустим, это твоя спальня. Ты лежишь в своей кровати. Где он стоял?

Криминалист кивнул.

— Там. В ногах кровати, лицом ко мне. С левой стороны от меня, ближе к двери.

— В какой он стоял позе?

— В какой позе? Не знаю.

— Подумай.

— Наверное, лицом ко мне. Он постоянно двигал руками, словно говорил на публике.

Встав, Сакс приняла ту позу, о которой говорил Райм.

— Так?

— Подойди ближе. — Она подошла. — Встань сюда.

Это снова пробудило в нем воспоминания.

— Еще один момент... Он говорил насчет жертв. Сказал, что тут нет ничего личного.

— Ничего личного?

— Он убивал их... да, теперь помню точно — убивал за то, что они собой *представляли*.

Сакс кивнула, дополняя магнитофонную запись письменными заметками.

— Представляли! — задумчиво повторила она. — Что бы это могло значить?

— Понятия не имею. Музыкант, адвокат, гример. Разный возраст, пол, разные профессии, разные места жительства, никакого отношения друг к другу они не имеют. Что именно они могут представлять собой? Верхушку среднего класса, жителей мегаполиса, лиц с высшим образованием… Может, ключ к разгадке в одном из этих параметров — рационалистическое обоснование принципа, по которому он отбирал их. Кто знает?

— Тут что-то не так, — нахмурилась Сакс.

— Что именно?

— Что-то в твоих воспоминаниях, — поколебавшись, ответила она.

— Ну я же не могу дословно передать все, что он сказал. У меня ведь не было под рукой стенографистки!

— Нет, я не это имею в виду. — Помолчав, Сакс кивнула. — Ты *восстанавливаешь* то, что он сказал. Ты пересказываешь это *своим* языком. Жители мегаполиса, рационалистическое обоснование… Мне нужны *его* слова.

— Я просто не помню его слов, Сакс. Он сказал, что против жертв у него нет ничего личного, и точка.

Она покачала головой:

— Не так.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Преступники никогда не называют жертвами тех, кого они убивают. Это невозможно. Они никогда не очеловечивают их. По крайней мере такие серийные убийцы, как Кудесник.

— Только не корми меня всякой чепухой из того курса психологии, что преподают в школе полиции.

— Да нет, Райм, так все обстоит на самом деле. Это мы считаем их жертвами, а преступники убеждены, что они по той или иной причине заслуживают смерти. Подумай об этом. Он ведь не употреблял слово «жертва»?

— Ну и в чем же здесь разница?

— Смысл в том, что, по его словам, они что-то собой представляли, и мы должны выяснить, что именно. Как он называл их?

— Не помню.

— Ну, жертвами он их точно не называл, уверена. Может, он говорил о ком-нибудь из них конкретно? О Светлане, о Тони… А как насчет Черил Мерстон? Не называл ли он ее блондинкой? Или же адвокатессой? Или женщиной с большими сиськами? Даю гарантию, что он не говорил про «жителей мегаполиса».

Райм закрыл глаза, пытаясь вернуться в совсем недалекое прошлое. В конце концов он покачал головой:

— Я не… — И тут он вспомнил нужное слово. — Наездница!

— Что?

— Ты права. Жертвой он ее не называл. Он называл ее наездницей.

— Превосходно! — воскликнула Сакс. Райм почувствовал прилив гордости. — А как насчет остальных?

— Нет, он говорил только о ней одной. — Райм не сомневался в этом.

Значит, он рассматривает их как людей, занимающихся какими-то определенными делами — причем это может и не совпадать с их основной профессией, — заметил Селлитто.

— Верно, — согласился Райм. — Исполняют музыку. Гримируют. Ездят на лошадях.

— Но что же нам с этим делать? — спросил Селлитто.

— Мы пока этого не знаем, детектив. — Сакс повторила слова Райма: он часто именно так отвечал ей на тот же вопрос. — Мы сделали еще один шаг к тому, чтобы понять убийцу. — Она сверилась со своими записями. — Ну ладно, он проделал фокусы с бритвенными лезвиями, упомянул о «Пылающем зеркале». Говорил про свою уважаемую публику. Он помешался на огне. Он убил гримера, музыканта и наездницу из-за того, что они что-то собой представляют. Но что? Не вспомнишь что-нибудь еще?

Райм вновь закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Но он по-прежнему видел бритвенные лезвия, языки пламени, чувствовал запах дыма.

— Нет, — наконец сказал Райм. — Думаю, это все.

— Ладно. Что ж, неплохо, Райм. — Сакс произнесла эти слова таким же тоном, каким часто говорил он. Это означало, что она еще не закончила. — Ты всегда цитируешь Локара, — заметила Сакс, оторвавшись от своих записей.

Услышав упоминание о французском детективе и криминалисте, авторе концепции, позднее названной его именем, Райм кивнул. Концепция заключалась в том, что на каждом месте преступления происходит, пусть бесконечно малый, физический обмен между преступником и жертвой, а также между преступником и окружающей местностью. — Так вот, я думаю, что происходит не только физический, но и психологический обмен.

Услышав эту безумную идею, Райм засмеялся. Локар был настоящим ученым и наверняка выступил бы против распространения своей концепции на такую неопределенную субстанцию, как человеческая душа.

— К чему ты клонишь?

— У тебя же не все время был заклеен рот? — спросила Сакс.

— Нет, только в конце.

— Значит, и ты что-то сообщил ему. Ты принял участие в обмене.

— Я?

— А разве нет? Разве ты ничего не говорил ему?

— Конечно, говорил. Ну и что с того? Важно то, что говорил он.

— Полагаю, он что-то ответил на твои слова.

Райм внимательно посмотрел на Сакс. Сажа на щеке, капельки пота, проступившие над вздернутой верхней губой. Она сидела, подавшись вперед, и, хотя голос звучал спокойно, во всем ее облике ощущалось напряжение. Конечно, Амелия этого не знает, но сейчас, похоже, испытывает те же эмоции, что и он, когда заочно проводит ее по месту преступления.

— Подумай об этом, Райм. Представь себе, что ты наедине с преступником. Не обязательно с Кудесником — с любым преступником. Что бы ты сказал ему? Что бы ты захотел узнать?

Райм устало вздохнул, но тут же оживился:

— Я вспомнил! Я спросил его, кто он такой.

— Хороший вопрос. И что же он ответил?

— Сказал, что он чародей… Нет, не просто чародей, а что-то особенное… — Райм прищурился. — Что-то вроде Волшебника Изумрудного города… Или Западной Ведьмы. — Он нахмурился. — А, вот оно! Он назвал себя Северным Чародеем. Теперь я в этом уверен.

— Это о чем-нибудь тебе говорит? — спросила Сакс у Кары.

— Нет.

— Он сказал, что может ускользнуть откуда угодно — только не от нас. Точнее, не от меня. Он боялся, что мы остановим его. Вот почему он сюда пришел. Он считал, что должен остановить меня до полудня завтрашнего дня. Именно тогда он собирался снова убивать. Нет, подождите — это уже моя интерпретация. Он не говорил, что собирается убивать.

Все равно это имеет смысл, — отозвался Селлитто. — Он убивал каждые четыре часа, потом каждые два. А после полудня, кроме Бурке, новых жертв не было. Кудесник сделал перерыв и завтра снова вернется к работе.

— Я тоже так подумал, Лон.

— Северный Чародей, — просматривая свои записи, пробормотала Сакс. — А теперь…

Райм вздохнул:

— Думаю, это действительно уже все. Колодец пуст.

Выключив магнитофон, Сакс наклонилась к Райму и вытерла пот с его лба.

— Догадываюсь. Я как раз собиралась сказать, что мне надо выпить. Как ты насчет этого?

— Если только нальешь ты или Кара. Ему не давай. — Райм бросил взгляд на Тома.

— Хотите что-нибудь? — спросил у Кары Том.

— Готов поспорить, что ей нужен ирландский кофе... И почему только «Старбакс» его не продает?

Отказавшись от спиртного, Кара попросила обычный «Максвелл хаус» или «Фолджерс».

Селлитто же попросил принести хоть что-нибудь поесть, так как предназначенный для него сандвич не выдержал путешествия.

Когда помощник Райма удалился на кухню, Сакс подала Каре свои записи и предложила выписать на доску все, что относится к профилю Кудесника. Девушка встала и отправилась в лабораторию.

— Неплохо у тебя получилось, — обратился Селлитто к Сакс. — Я имею в виду этот допрос. Не знаю сержанта, который сделал бы это лучше.

Сакс кивнула, но Райм понял, что она довольна комплиментом.

Через несколько минут вошел Мел — его лицо тоже было измазано сажей.

— Здесь все вещдоки с «мазды». — Он поднял вверх пластмассовый пакет. В нем лежала сложенная вчетверо страница из «Нью-Йорк таймс». Стало очевидно, что место происшествия осматривала не Сакс: мокрые вещественные доказательства должны быть упакованы в бумажные или ячеистые пакеты — но только не в пластиковые, ибо плесень быстро все уничтожит.

— И это все, что они нашли? — спросил Райм.

— Пока да. Они ведь не подняли еще машину. Это слишком опасно.

— Ты видишь дату? — обратился к Куперу Райм.

Тот внимательно осмотрел промокшую бумагу.

— Двухдневной давности.

— Значит, это принадлежит Кудеснику, — заметил Райм. — Машина угнана еще раньше. В каких случаях хранят только одну страницу, а не вкладыш? — Этот вопрос носил чисто риторический характер, ответа Райм не ждал. — Когда на ней напечатана какая-то важная статья. А раз она важна для него, то важна и для нас. Конечно, нельзя исключить, что он просто распутный старикашка и обожает пикантные объявления. Но даже это может оказаться полезной информацией. Тебе удастся что-нибудь прочитать на ней?

— Нет. И пока я вообще не хочу ее разворачивать — бумага слишком сырая.

— Ладно, передай газету в лабораторию документации. Если там не смогут ее развернуть, то хотя бы прочитают заголовки в инфракрасном свете.

Купер вызвал курьера и поручил ему отвезти образец в криминалистическую лабораторию в Куинсу, после чего позвонил домой ведущему эксперту по работе с документами. Затем удалился, чтобы обеспечить для газеты наилучшие условия транспортировки.

В этот момент в комнате появился Том с напитками и тарелкой сандвичей, на которые сразу накинулся Селлитто.

Через несколько минут вернулась Кара и с благодарностью взяла кофейник из рук помощника.

— Я начала записывать на доску то, что мы узнали о нем, и тут у меня появилась идея. Тогда я сделала один звонок и, кажется, выяснила его настоящее имя.

— Чье? — спросил Райм, глотнув своего божественного виски.

— Кудесника.

Наступила мертвая тишина — лишь слабо позвякивала ложка, которой Кара помешивала кофе.

Глава 28

— Вы узнали его имя? — спросил Селлитто. — И кто же он?

— Думаю, его зовут Эрик Вейр.

— А по буквам? — спросил Райм.

— В-е-й-р. — Добавив в чашку еще сахару, она продолжила: — Несколько лет назад он был иллюзионистом. Я позвонила мистеру Бальзаку, ибо никто лучше его не знает эту профессию, сообщила ему профиль и передала кое-что из того, что Кудесник говорил сегодня Линкольну. Мистер Бальзак повел себя очень странно — если не сказать больше. — Кара посмотрела на Сакс. — В общем, так же, как сегодня утром. Сначала вообще не хотел помогать, но потом успокоился и сказал мне, что это очень похоже на Вейра.

— Почему? — спросила Сакс.

— Он примерно того же возраста — пятидесяти с небольшим. К тому же Вейр был известен своими опасными трюками. Манипуляции с бритвенными лезвиями и ножами. Он также один из немногих, кто когда-либо исполнял «Пылающее зеркало». А еще — помните, я говорила, что иллюзионисты всегда на чем-то специализируются? Очень трудно найти исполнителя, который хорошо справляется с различными трюками — иллюзия, эскапизм, протейская магия и ловкость рук, даже чревовещание и ментализм. Так вот, Вейр исполнял все это. И еще он был экспертом по Гудини. Кое-что из тою, что сегодня делал Кудесник, — это фокусы Гудини или те, что на них основаны. Теперь насчет того, что он назвал себя Чародеем. В девятнадцатом веке был один фокусник, Джон Генри Андерсон. Он именно так себя и называл — Северный Чародей. Андерсон был очень талантлив, но ему не везло с огнем. Пару раз огонь почти полностью уничтожил все его оборудование. По словам Дэвида, Вейр сильно обгорел во время пожара в цирке.

— Шрамы, — кивнул Райм. — И помешательство на огне.

— Возможно, такой голос у него не из-за астмы, — предположила Сакс. — Огонь мог повредить легкие.

— Когда с Вейром произошел несчастный случай? — спросил Селлитто.

— Три года назад. Цирк шапито, в котором он репетировал, сгорел, жена Вейра погибла. Тогда они только что поженились. Больше никто серьезно не пострадал.

Это была хорошая зацепка.

— Мел! — крикнул Райм, забыв о тревоге за свои легкие. — Мел!

Через секунду в комнате появился Мел.

— Судя по голосу, ты чувствуешь себя лучше.

— Обыщи все базы данных. Нужна подробная информация на Эрика Вейра. В-е-й-р. Артист, иллюзионист, фокусник. Возможно, он и есть наш преступник.

— Вы узнали его имя? — удивился эксперт. Райм указал на Кару:

— Это она узнала.

— Поразительно! — Через несколько минут Купер вернулся, держа в руках несколько распечаток. — Тут не слишком много, — пролистав их, сказал он. — Похоже, он держит в тайне все, что касается его жизни. Эрик Альберт Вейр. Родился в Лас-Вегасе в октябре 1950 года. О детстве

почти ничего не известно. Учился у Рэндольфа Шлегера, выступавшего под псевдонимом Сатани…

— Его все знают, — вставила Кара. — Он исполнял много мрачных иллюзий. Возможно, он как раз и приобрел известность с этим «Пылающим зеркалом».

— Шлегер жив?

— Нет, давно умер.

— Вейр работал ассистентом в различных цирках, казино и зрелищных предприятиях, — продолжал Купер, — потом стал выступать самостоятельно как иллюзионист и актер-трансформатор. Три года назад женился на Мэри Косгроув.

Вскоре после этого объявился в Кливленде, в цирке «Томас Хасбро и братья Келлер». Однажды во время репетиции вспыхнул пожар. Передвижной цирк сгорел, Вейр получил ожоги третьей степени, а жена его погибла. После этого о нем нет никаких упоминаний.

— Найди его родственников.

Селлитто обещал найти. Поскольку Беддинг и Сол были заняты, детектив позвонил в отдел убийств Большого дома и подключил к работе тамошних оперативников.

— Есть кое-что еще, — просматривая распечатки, добавил Купер. — За два года до пожара Вейр был арестован и осужден за неосторожное поведение, угрожающее жизни и здоровью людей. Отсидел тридцать суток. Кто-то из зрителей получил серьезные ожоги, когда на сцене что-то пошло не так. Было еще несколько гражданских исков к Вейру со стороны дирекции театров за нанесенный ущерб и полученные служащими телесные повреждения и несколько исков со стороны Вейра за нарушение условий контракта. Во время одного представления директор цирка обнаружил, что Вейр использует настоящий пистолет с настоящими патронами. Вейр не отказался от фокуса, и директор уволил его. — Пробежав глазами еще несколько страниц, эксперт продолжал: — В одной из статей я обнаружил фамилии двух ассистентов, которые работали с ним в момент пожара. Один сейчас в Рино, другой — в Лас-Вегасе. В полиции штата Невада я получил их номера телефонов.

— По тамошнему времени сейчас только девять. — Райм взглянул на часы. — Подключи громкоговорящую связь, Том.

— Нет, после всего, что случилось, вам нужно отдохнуть.

— Всего два звонка, а потом я пойду спать. Обещаю. — Помощник задумался. — Заранее благодарен.

Кивнув, Том удалился, но почти сразу вернулся с телефоном в руках. Подключив его, он установил аппарат на прикроватный столик.

— Через десять минут я все отключу. — Том произнес это так твердо, что Райм ему поверил.

— Ладно.

Покончив со вторым сандвичем, Селлитто набрал номер. Записанный на пленку голос жены Артура Лессера предложил оставить сообщение. Селлитто так и сделал, после чего набрал номер второго ассистента.

Джон Китинг ответил сразу, и Селлитто объяснил, что ведется расследование и ему хотят задать несколько вопросов. После паузы мужской голос нервно спросил:

— Вы о чем? Это нью-йоркская полиция?

— Да.

— Хорошо. Тогда все в порядке.

— Вы работали когда-то на человека по имени Эрик Вейр? — осведомился Селлитто.

— На мистера Вейра? Ну да, работал. А что?

— Вы, случайно, не знаете, где он?

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Мы хотим поговорить с ним по поводу нашего расследования.

— О Господи... О чем? О чем вы хотите поговорить с ним?

— Мы хотим задать ему несколько общих вопросов. В последнее время вы не имели с ним никаких контактов? — Опять пауза. — Сэр! — позвал Селлитто.

— Это забавно. Забавно, что вы спрашиваете меня о нем. — Голос Китинга звенел. — Что ж, я скажу вам. О мистере Вейре я не слышал много лет. Я даже считал, что он умер. В Огайо, когда мы в последний раз работали с ним, случился пожар. Он сильно обгорел — очень сильно.

Потом мистер Вейр исчез, и все мы решили, что он умер. Но шесть или семь недель назад он позвонил.

— Откуда? — спросил Райм.

— Не знаю. Он не говорил, а я не спрашивал. Зачем спрашивать, откуда вам звонят? Об этом просто не думаешь. Вы сами-то об этом когда-нибудь спрашивали?

— И чего же он хотел? — полюбопытствовал Райм.

— Он хотел знать, поддерживаю ли я отношения с кем-нибудь из того цирка, где случился пожар, — цирка «Хасбро». Но ведь это было в Огайо три года назад. «Хасбро» больше не существует. После пожара владелец закрыл его, и теперь там совсем другое шоу. Да и почему я должен поддерживать отношения с кем-то из этого цирка? Я ведь живу здесь, в Рино. Я так ему и сказал. И тут он взвился.

— Разозлился? — догадалась Сакс.

— О, еще как!

— Продолжайте, — еле сдерживая нетерпение, попросил Райм. — Что еще он сказал?

— Так это все. Остальное мелочи. О, он, конечно, насмехался надо мной. Выпускал когти, как в старые добрые времена... Вы знаете, что он сделал, позвонив?

— И что же он сделал? — поощрил его Райм.

— Он только сказал: «Это Эрик». И все. Ни «Здравствуйте», ни «Привет, Джон! Ты помнишь меня?» Нет — «Это Эрик». После пожара я ни разу не говорил с ним, и что же он сказал? «Это Эрик». Все эти годы — после того как я избавился от него... я так старался от него избавиться... и вот получается, что я от него вовсе не избавился. Я знаю, что не сделал ничего плохого, а он говорит со мной так, будто я во всем виноват. Это все равно что получить заказ от клиента, принести ему еду и услышать от него, будто он совсем не то заказывал. Но ведь все знают, что произошло — он сам передумал, а тебя обвиняет, словно это твоя вина и именно ты учинил все эти неприятности.

— И больше ничего? Он больше ничего не говорил? — допытывался Селлитто.

Ответом ему был вздох.

— А вы можете просто рассказать нам о нем? — вступила в разговор Сакс. — Где он любит бывать, кто его друзья, какие у него увлечения?

— Конечно, — мгновенно ответил Китинг. — Все, о чем вы спрашиваете, — иллюзия и еще раз иллюзия.

— В каком смысле? — спросил Райм.

— В том смысле, что это и есть его друзья, увлечения и все прочее. Вы понимаете меня? Ничего другого у него нет. Вейра интересует только его профессия.

— Ну а какой у него склад ума? Как он относится к жизни? — спросила Сакс.

Долгая пауза.

— Все эти три года я дважды в неделю по пятьдесят минут пытался понять его, но так и не смог. Три года. И он все еще мучит меня. Я... — Китинг разразился странным резким смехом. — Вы слышали? Я сказал «мучит». А хотел сказать «преследует». Он все еще *преследует* меня. Как там по Фрейду? Я должен кое-что пережить в следующий понедельник, в 9 часов утра.

Райм заметил, что членов группы все больше раздражала беспорядочная речь Китинга.

— Мы слышали, что при пожаре погибла его жена. Вы что-нибудь знаете о ее родственниках?

— О родственниках Мэри? Нет, они поженились за неделю или две до пожара. У них действительно была любовь. Мы думали, она хоть немного успокоит его. Заставит меньше преследовать нас. Мы на это надеялись. Но так и не успели толком ее узнать.

— Можете ли вы назвать имена тех, кто хоть что-нибудь о нем знает?

— Арт Лессер был его первым ассистентом. Я — вторым. Мы были его ребятами. Нас так и называли — «ребята Эрика». Все называли.

— Лессеру мы уже звонили, — сказал Райм. — Может, кто-то еще?

— Помню только тогдашнего управляющего цирком «Хасбро». Его зовут Эдвард Кадески. Сейчас он, кажется, работает продюсером в Чикаго.

— Вейр больше не звонил? — уточнив написание фамилии продюсера, спросил Селлитто.

— Нет. Он ведь сделал все, что собирался сделать. Выпустил когти Мучил и преследовал.

Это Эрик...

— Послушайте, я должен идти. Мне нужно погладить униформу. Я работаю в воскресной утренней смене, а это нелегкая смена.

Когда разговор закончился, Сакс подошла к аппарату и нажала кнопку разъединения.

— Коллега! — пробормотала она.

— Ему надо лечиться, — заметил Селлитто.

— Ну, по крайней мере у нас теперь есть зацепка, — сказал Райм. — Посмотри данные на этого Кадески.

На несколько минут исчезнув, Мел Купер вновь появился с распечаткой базы данных театральных компаний. «Кадески продакшнз» находилась в Винди-сити на Саут-Уэлс-стрит. Селлитто сразу позвонил туда, но — что для позднего вечера субботы было совсем неудивительно — услышал только голос автоответчика. Детектив все же оставил свое сообщение.

— Вейр испортил жизнь своему ассистенту, — заметил Селлитто. — Он непостоянен. Он мучает людей. Но что им движет?

— Давайте позвоним Терри, — предложила Сакс.

В Нью-Йоркском управлении полиции Терри Добинс работал психологом. Вообще в управлении было несколько психологов, но только Добинс специализировался на составлении профилей поведения преступника — это искусство он освоил во время службы в отделении ФБР в Куонтико, штат Виргиния. Из прессы и художественной литературы публика уже почерпнула информацию о психологических профилях преступников и о том, насколько они полезны. Райм, однако, считал, что полезны они далеко не всегда, а лишь при расследовании определенных видов преступлений. Обычно в мышлении преступника нет ничего загадочного, и только в тех случаях, когда мотив неизвестен, а следующую жертву трудно вычислить, психологический профиль преступника может принести определенную пользу. Он помогает следствию находить информаторов или тех, кто что-либо знает о подозреваемом, предвидеть его дальнейшие шаги, расставлять в соответствующих местах ловушки, организовывать наблюдение, искать совершенные в прошлом аналогичные преступления.

Просмотрев справочник управления полиции, Селлитто нашел домашний телефон Добинса.

— Терри!

— Лон? В трубке слышно эхо от громкоговорящей связи. Следовательно, Линкольн Райм тоже здесь.

— Да, — подтвердил Райм. Он питал особую слабость к Добинсу — первому, кого увидел после того, как сломал позвоночник. Райму казалось, что Добинс с одинаковой страстью относится к футболу, опере и загадкам человеческого мышления.

— Извини, что так поздно, — сказал Селлитто, — но нам нужна твоя помощь по одному серийному убийце.

— Это тот, о ком сообщалось в новостях? Который убил студентку музыкальной школы? И возможно, патрульного офицера?

— Верно. Он также убил гримера и пытался убить наездницу. Две женщины традиционной ориентации, один мужчина гомосексуалист. Никаких сексуальных действий. Мы теряемся в догадках. К тому же он сообщил Линкольну, что завтра днем собирается продолжить свою деятельность.

— Он сообщил Линкольну? По телефону? В письме?

— Лично, — ответил Райм.

— Гм! Вероятно, это была интересная беседа.

— Ты даже не представляешь себе, насколько интересная!

Селлитто и Райм кратко описали преступления Вейра и сообщили Добинсу то, что узнали о нем.

Добинс задал им множество вопросов, потом ненадолго умолк и наконец сказал:

— Похоже, в нем существуют две силы. Они взаимно усиливают друг друга и ведут к одному и тому же результату… Он все еще выступает?

— Нет, — сказала Кара. — После пожара он не выступал. По крайней мере об этом никто не слышал.

— Выступления на публике, — пояснил Добинс, — настолько захватывают, что, когда карьера удачливого исполнителя почему-либо

заканчивается, он испытывает тягостное чувство утраты. Актеры и музыканты — думаю, и фокусники тоже — полностью отождествляют себя со своей карьерой. Таким образом, получается, что пожар уничтожил этого человека.

«Исчезнувший человек», вспомнил Райм.

— Это, в свою очередь, означает, что сейчас им руководит не стремление к успеху, не желание доставить удовольствие публике и не привязанность к профессии, а гнев. И это усугубляется второй силой — огонь изуродовал его и повредил ему легкие. Как человек, привыкший выступать перед публикой, он должен особенно стесняться этого. Таким образом, его гнев возрастает. Пожалуй, это можно назвать синдромом «фантома оперы». Самому себе он кажется уродом.

— Значит, он хочет свести счеты?

— Да, но не обязательно в буквальном смысле: пожар убил этого человека, уничтожил его прежнюю личность, и, убивая кого-то, он чувствует себя лучше; это уменьшает беспокойство, порождаемое в нем гневом.

— Но почему он выбрал именно эти жертвы?

— Пока не знаю. «То, что они представляли собой». Скажи еще раз, чем они занимались.

— Студентка музыкальной школы, гример и адвокатесса, хотя он идентифицировал ее как наездницу.

— Что-то в них питало его гнев. Не знаю, что именно, — пока не хватает данных. Как пишут в учебнике, каждый убийца зациклен на том, что можно назвать критическими моментами. Моментами, круто изменяющими судьбу. Возможно, его жена была музыкантом или же они встретились на концерте. Гример, возможно, соотносится с его матерью. Например, с ней связано счастливое воспоминание детства о том, как он маленьким мальчиком сидел в ванной и наблюдал за матерью, накладывающей косметику. Лошади? Не исключено, что когда-то он с отцом ездил на лошади, и ему это очень понравилось. Подобные моменты счастья у него отнял огонь, и теперь он предназначает в жертвы людей, напоминающих ему об этих временах. Возможно и другое: жертвы ассоциируются с тем, о чем у него остались дурные воспоминания. Ты говорил, что его жена погибла во время репетиции. Быть может, в тот момент звучала музыка.

— И только из-за этого он тщательно разрабатывает свои планы, наблюдает за потенциальными жертвами и убивает их? — спросил Райм. — На это же нужны месяцы!

— Рассудок должен удовлетворять его желания, — ответил Добинс.

— Еще одно, Терри. Он словно обращается к воображаемой аудитории... Погоди, мне казалось, что он называет ее «уважаемой» публикой, но сейчас я вспомнил — это «почтеннейшая» публика. Он разговаривает с ней так, будто она реально существует. «А теперь, почтеннейшая публика, мы сделаем то-то и то-то».

— Почтеннейшая? Это важный момент. После того как погибли его карьера и возлюбленная, он перенес свое обожание, свою любовь на публику — некую обезличенную массу. Люди, почитающие группы или толпы, порой жестоко относятся к отдельно взятой личности. И не только к незнакомым, но и к своим партнерам, женам, детям, другим членам семьи. — Джон Китинг, вспомнил Райм, говорил точно так, как ребенок, которого обидел отец. — А в случае с Вейром, — продолжал Добинс, — такой склад ума особенно опасен, поскольку он обращается не к реальной аудитории, а лишь к воображаемой. Это наводит на мысль о том, что реальные люди вообще не представляют для него никакой ценности. Вейру ничего не стоит убивать многих. Это очень опасный парень.

— Спасибо, Терри.

— Когда посадите его в банку, дайте мне знать. Я с удовольствием проведу с ним некоторое время.

— Может, мы должны... — начал Селлитто, когда разговор закончился.

— Ложиться спать, — сказал Том.

— А? — переспросил детектив.

— И никаких «может». Вы сейчас же отправитесь в постель, Линкольн. И все уйдут. Вы бледный, и у вас усталый вид. Я не хочу иметь дело ни с сердечно-сосудистыми, ни с неврологическими осложнениями. Если помните, я хотел отправить вас спать еще несколько часов назад.

— Ладно, ладно! — уступил Райм. Он действительно устал. К тому же (хотя в этом он не признался никому) пожар сильно испугал его.

Команда начала расходиться. Кара взяла свою куртку. Когда она надела ее, Райм заметил, что девушка расстроена.

— У тебя все нормально? — спросила Сакс.

Кара неопределенно пожала плечами.

— Я сказала мистеру Бальзаку, зачем мне понадобился Вейр. Это взбесило его. Так что меня ждет расплата.

— Мы напишем ему записку, — пошутила Сакс, — что освобождаем тебя от занятий.

Кара вяло улыбнулась.

— К черту записку! — воскликнул Райм. — Если бы не вы, мы так и не узнали бы, кто преступник. Попросите Бальзака позвонить мне. Я ему все объясню.

— Спасибо, — без особого энтузиазма сказала Кара.

— Но сейчас ведь ты не собираешься в магазин? — спросила Сакс.

— Ненадолго забегу. Мистер Бальзак совершенно беспомощен в практических делах. Я должна записать выручку и показать ему свой завтрашний номер.

Райм не удивился тому, что Кара пойдет туда; он уже знал, какую власть имеют наставники над иллюзионистами. Она сказала «мистер Бальзак». Иногда Кара называла его Дэвидом, но только не сейчас. Вот и Джон Китинг, несмотря на то что Кудесник разрушил его жизнь, относится к нему с тем же почтением.

— Иди домой! — попросила Сакс. — Господи, ты же сегодня совсем измучилась.

Кара снова пожала плечами.

— Я не задержусь. — В дверях она остановилась. — У меня днем представление, но если хотите, я могу зайти завтра утром.

— Мы были бы очень признательны вам, — ответил Райм. — Мы попытаемся взять его за задницу еще до ленча, так что вам не придется надолго задерживаться.

Том проводил Кару до двери.

Сакс вдохнула в себя пропитанный дымом воздух.

— Фу! — сказала она и быстро пошла вверх по лестнице. — Я в душе! — крикнула она.

Через десять минут Райм услышал, как Сакс спускается. Но в спальню она направилась не сразу. До него доносились стук и скрип, приглушенный разговор с Томом. Наконец она вернулась в комнату для гостей в своей любимой одежде для сна — черной тенниске и шелковых боксерских трусах. Этот наряд дополняли еще два предмета: пистолет и фонарик.

И то и другое она положила на прикроватный столик.

— Этот парень слишком легко проникает повсюду, — заметила Амелия, устраиваясь на кровати рядом с Раймом. — Я проверила в доме каждый дюйм, закрыла все двери и велела Тому, если он что-нибудь услышит, кричать, но оставаться на месте. Сейчас мне ужасно хочется кого-нибудь застрелить, но все же пусть лучше это будет не он.

Часть II

Метод

Воскресенье, 18 апреля

Магический эффект подобен обольщению. И то и другое зиждется на мелких подробностях, тщательно внедренных в сознание определенного субъекта.

Сол Штейн

Глава 29

Утро воскресенья принесло только разочарования, поскольку поиски Эрика Вейра зашли в тупик.

Удалось, правда, выяснить, что после пожара в Огайо иллюзионист несколько недель провел в ожоговом отделении местной больницы, а затем ушел оттуда самовольно, официально не выписавшись. Вскоре после этого он продал свой дом в Лас-Вегасе, однако сейчас за ним не числилась никакая недвижимость. Райм подозревал, что в этом своеобразном городе, где деньги текут рекой, за толстую пачку «зеленых» вполне можно купить небольшой домик где-нибудь в пустыне — без лишних вопросов и не обращаясь в официальные органы.

Беддинг и Сол смогли отыскали мать покойной жены Вейра — миссис Косгроув, но та ничего не знала о том, где находится ее зять. После несчастья он ни разу не общался с ней, даже не выразил свои

соболезнования по поводу смерти Мэри. Впрочем, это не удивляло ее. Миссис Косгроув считала, что Вейр был эгоистичный и жестокий человек, увлекся Мэри и, загипнотизировав ее, заставил выйти за него замуж. Другие родственники вообще не имели никаких контактов с Вейром.

Купер благодаря компьютеру отыскал еще кое-какие данные о Вейре, но их оказалось совсем немного — по федеральному розыску он не проходил. Больше о нем ничего не сообщалось. Сотрудники, пытавшиеся найти его семью, выяснили, что родители Вейра умерли, а так как он был единственным ребенком, другой родни не нашли.

Ближе к полудню из Лас-Вегаса позвонил второй ассистент Вейра — Арт Лессер. Он не слишком удивился, узнав, что его бывшего наставника разыскивают в связи с совершенными им преступлениями, и лишь повторил то, о чем они уже знали: Вейр был одним из величайших иллюзионистов, но относился к своей профессии слишком серьезно; он показывал опасные номера и был очень вспыльчив. Лессеру все еще снились кошмары о том, как он проходит у него обучение.

Я сказал «мучит». А хотел сказать «преследует». Он все еще преследует меня.

— Все молодые помощники находятся под влиянием своего наставника, — через громкоговоритель сообщил команде Лессер. — Однако мой врач сказал, что Вейр нас просто гипнотизировал. — Примерно то же самое говорил и Китинг, подумал Райм. И оба нуждаются в лечении. — По словам врача, пребывание в обществе Вейра вызывает «стокгольмский синдром». Вы знаете, что это такое?

Райм ответил, что знаком с этим понятием, означающим, что заложники отождествляют себя с похитителями и даже испытывают к ним привязанность.

— Когда вы в последний раз видели его? — спросила Сакс. Итоговые учения уже кончились, и сегодня она была в гражданской одежде — джинсах и зеленой вязаной кофточке.

— В больнице, в ожоговом отделении, примерно три года назад. Сначала я навещал Вейра регулярно, но он говорил лишь о своем желании свести счеты с теми, кто когда-нибудь навредил ему либо не одобрял его профессиональные методы. Потом Вейр исчез, и больше я его никогда не видел.

Однако два месяца назад Вейр вдруг вернулся из небытия, позвонив своему бывшему протеже. Примерно в то же время, отметил Райм, когда он звонил другому ассистенту. Трубку сняла жена Лессера.

— Вейр не оставил своего номера, сказав, что еще позвонит, но так и не позвонил. И слава Богу. Не знаю, смог бы я общаться с ним или нет.

— Известно ли вам, откуда он звонил?

— Нет. Я спрашивал Кэти, опасаясь, что Вейр вернулся в город. Кэти сказала, что он этого не говорил, а на определителе высветилось, что звонок поступил «из-за пределов зоны обслуживания».

— Он не объяснил вашей жене, зачем звонит? Не намекнул ли, где находится?

— По словам Кэти, голос его звучал странно: Вейр был возбужден. Он говорил шепотом, так что его трудно было понять. Я помню, что во время пожара у него пострадали легкие. После этого Вейр стал еще ужаснее. — «Вот об этом мне напоминать не надо», — подумал Райм. — Он спрашивал, известно ли нам что-нибудь об Эдварде Кадески, продюсере цирка «Хасбро», где вспыхнул пожар. Это все.

Больше Лессер ничего полезного не сообщил, и они закончили разговор.

В этот момент Том впустил в лабораторию двух женщин-полицейских. Приветственно кивнув, Сакс представила их Райму: Диана Францискович и Нэнси Аусонио.

Именно они, вспомнил Райм, сразу оказались на месте преступления после первого убийства. Потом им поручили выяснить происхождение старых наручников.

— Мы поговорили со всеми торговцами, которых рекомендовал нам директор музея, — сообщила Францискович. Форма на них выглядела идеально, но сами они — и блондинка и брюнетка — были явно измучены. Судя по всему, к данному им поручению женщины отнеслись очень серьезно и ночью, вероятно, не спали.

— Это действительно наручники «дарби» — как вы и предполагали, — сказала Аусонио. — Они очень редкие — и очень дорогие. Но у нас есть список из двенадцати человек, которые…

— Боже мой, ты только посмотри! — Францискович указала на доску, где рукой Тома было выведено:

Личность преступника — Эрик А. Вейр.

Аусонио быстро пролистала бумаги, которые держала в руках.

— Эрик Вейр месяц назад заказал по почте пару наручников в Сиэтле, в «Риджуэй антик вепенз».

— На какой адрес? — взволнованно спросил Райм.

— На абонентский ящик в Денвере. Мы проверяли, но срок аренды ящика истек и никаких записей не осталось.

— А форма оплаты? — поинтересовалась Сакс.

— Наличными, — сразу отозвались Аусонио и Райм, который после этого добавил: — Он не станет допускать глупых ошибок. Ни в коем случае. Это пустой след. Но по крайней мере мы получили подтверждение, что это наш парень.

Райм поблагодарил полицейских, и Сакс проводила их до двери.

Зазвонил телефон. Междугородный код на определителе показался Райму знакомым, но он так и не вспомнил, откуда звонят.

— Приказываю — ответить на звонок. Алло!

— Здравия желаю, сэр! Это лейтенант Лансинг из полиции штата. Я хочу поговорить с детективом Роландом Бел-лом. Мне сказали, что это номер его временного командного пункта.

— Привет, Харв! — Белл придвинулся к телефону. — Я здесь. — И тихо пояснил Райму: — Наш связной по делу Констебля из Кантон-Фоллза.

— Мы получили вещдоки, которые вы послали нам сегодня утром, — продолжал Лансинг. — Наши криминалисты сейчас исследуют их. Мы отправили пару детективов поговорить с женой Свенсена — того священника, которого ваши ребята взяли вчера вечером. Она не сообщила ничего полезного, а детективы не нашли в доме ничего, что связывало бы его с Констеблем или с кем-нибудь из «Ассамблеи патриотов».

— Ничего? — вздохнул Белл. — Очень плохо. Я-то считал, что он человек довольно беспечный.

— Возможно, «патриоты» попали туда раньше нас и все вычистили.

— Весьма вероятно. Черт, должно же нам хоть чуточку повезти. Ну ладно, продолжай копать, Харв. Спасибо.

— Мы дадим вам знать, если отыщем что-то новое, Роланд.

Они разъединились.

— Это дело Констебля — такой же крепкий орешек, как и нынешнее. — Белл указал на белые доски.

Во входную дверь снова постучали.

В комнату вошла Кара с большой чашкой кофе. Она выглядела усталой, измученной и словно постаревшей. Очевидно, мистер Бальзак наложил на нее серьезное взыскание за помощь, оказанную Райму и его группе.

Селлитто пустился в рассуждения о новой методике похудания, но его монолог прервал еще один телефонный звонок.

— Линкольн? — сказал мужской голос. — Это Беддинг. Думаю, мы сузили круг до трех гостиниц. Причина задержки в том...

— ...что такими ключами пользуются во многих гостиницах длительного проживания, — докончил за него напарник.

— Не говоря уже о тех, которые сдают номера на час и больше. Но это уже совсем другая история.

— Нам пришлось их все проверить. Вот что мы нашли. Вероятно — я говорю, вероятно, — это или «Челси-Лодж», или «Бекман», или... как это называется?

— "Лэнхем армз", — подсказал его напарник.

— Правильно. Только они используют сорок вторую модель этой расцветки. Сейчас мы в «Бекмане» — угол Тридцать четвертой и Пятой. Собираемся начать проверку.

— Что значит начать проверку? — спросил Райм.

— Как бы поточнее сказать? — задумчиво ответил не то Беддинг, не то Сол. — Ключи работают только так, а не иначе.

— Что это значит? — полюбопытствовал Райм.

— Видите ли, считать ключ может только одно замковое устройство. Машина у администратора, наносящая коды на пустую карточку, не прочитает уже нанесенную надпись и не скажет вам, какой это номер.

— Почему? Это же безумие.

— Потому что никому не нужно этого знать.

— Кроме нас, конечно. Поэтому нам придется ходить от одной двери к другой и пробовать каждую по очереди.

— Черт побери! — возмутился Райм.

— Мы тоже так считаем, — отозвался один из детективов.

— Ладно, — сказал Селлитто. — Вам нужны еще люди?

— Нет. У нас ведь только одна карточка, так что больше одной двери за раз не проверишь.

— Привет, джентльмены! — вступил в разговор Белл.

— Привет, Роланд.

— Мы узнали акцент.

— Вы сказали — «Лэнхем армз». Это где?

— Восточная Семьдесят пятая. Возле Лекса.

— Это название мне что-то напоминает, но не пойму что.

— Она следующая в нашем списке.

— После «Бекмана».

— С его шестьсот восьмьюдесятью двумя номерами. Пора за них приниматься.

И близнецы приступили к выполнению своей утомительной задачи.

Компьютер Купера внезапно подал звуковой сигнал — пришло сообщение по электронной почте.

— Это лаборатория ФБР в Вашингтоне… Наконец прислали информацию о медной стружке, найденной в спортивной сумке Кудесника. Полагают, что она от какого-то часового механизма.

— Думаю, часы здесь ни при чем, — сказал Райм. — Явно ни при чем.

— Откуда ты знаешь? — спросил Белл.

— Это детонатор, — мрачно вставила Сакс.

— Именно это я и хотел сказать, — подтвердил Райм.

— От зажигательной бомбы? — Купер кивнул в сторону оставленного вчера Вейром «сувенира» — носового платка, пропитанного бензином.

— Вероятно.

— У него есть запас горючего вещества, и он помешан на огне. Вейр собирается сжечь следующую жертву.

Как это чуть не случилось вчера с ним самим.

Пожар убил этого человека — уничтожил его прежнюю личность, и, убивая кого-то, он чувствует себя лучше; это уменьшает беспокойство, порождаемое в нем гневом.

Время приближается к двенадцати, отметил Райм. Почти полдень... Скоро должна умереть следующая жертва. Но когда это произойдет — в 12.01 или в 16.00? Надо действовать. Нужно найти Вейра до того, как он нанесет новый удар. У них осталось очень мало времени.

Или совсем не осталось.

Но пока на основании имеющихся улик ни к каким выводам прийти нельзя. А день движется бесконечно медленно — как жидкость в капельнице.

В этот момент пришел факс.

— От эксперта по документам из Куинса, — прочитал вслух Купер.

Они развернули газету, которая была в «мазде». Нигде никаких пометок, никаких подчеркиваний. Заголовки Мел перевел на доску.

ИЗ-ЗА ОТКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА В ТЕЧЕНИЕ ЧЕТЫРЕХ ЧАСОВ БЫЛ ЗАКРЫТ ПОЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК

НЬЮ-ЙОРК ГОТОВИТСЯ К СЪЕЗДУ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ

РОДИТЕЛИ ВОЗМУЩЕНЫ ПЛОХОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ОХРАНЫ В ШКОЛЕ ДЛЯ ДЕВОЧЕК

В ПОНЕДЕЛЬНИК ОТКРЫВАЕТСЯ СУД ПО ОБВИНЕНИЮ «ОПОЛЧЕНЦЕВ» В ЗАГОВОРЕ С ЦЕЛЬЮ УБИЙСТВА

ВОСКРЕСНЫЙ ГАЛА-КОНЦЕРТ В ЧЕСТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ВЕСЕННЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ — МАЛЕНЬКИХ И ВЗРОСЛЫХ

ГУБЕРНАТОР И МЭР СОБИРАЮТСЯ ОБСУДИТЬ НОВЫЙ ПЛАН ПО ВЕСТ-САЙДУ

— Один из них очень важен для нас, — сказал Райм. Вот только какой? Нацеливается ли убийца на школу для девочек? Или на гала-концерт? А может, он испытывал какое-то устройство, отключившее свет в полицейском участке? То, что новая важная улика не внесла никакой определенности, еще больше расстроило его.

Зазвонил телефон Селлитто. Когда он взял трубку, все пристально посмотрели на него, ожидая сообщения о новой жертве.

Было 13.03.

День уже давно начался, наступил и срок, указанный убийцей.

Однако новость оказалась отнюдь не страшной.

— Верно... — Селлитто приподнял бровь, что означало приятное удивление. — В самом деле? Ну, это совсем недалеко. Вы можете сюда подъехать? — Назвав адрес Райма, он повесил трубку.

— Кто это?

— Эдвард Кадески. Управляющий цирком в Огайо — тем, в котором обгорел Вейр. Кадески сейчас в городе. Он получил сообщение от своей службы в Чикаго и теперь направляется сюда.

* * *

КУДЕСНИК

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

• Описание преступника: каштановые волосы, фальшивая борода, без особых примет, возраст — около пятидесяти, среднее телосложение, средний рост. Мизинец и безымянный палец на левой руке срослись. Быстро сменил одежду и стал похож на старого лысого уборщика.

• Очевидных мотивов нет.

• Жертва: Светлана Расникова.

• Студентка дневного отделения.

• Опросить родственников, подруг, студентов, и знакомых в поисках возможных зацепок.

• Нет любовников, нет известных врагов. Выступала на детских праздниках.

• Монтажная плата с динамиком.

• Отправлена в лабораторию ФБР.

• Цифровой магнитофон, возможно, с записью голоса преступника. Все данные уничтожены.

• Предназначен для имитации присутствия. Собственного изготовления.

• Старые наручники типа «дарби», использованы для удержания жертвы. Британского производства. Проконсультироваться в Музее Гудини в Новом Орлеане на предмет возможных зацепок.

• Проданы Эрику Вейру месяц назад. Отправлены на абонентский ящик в Денвер. Больше никаких зацепок.

• Часы жертвы разбиты ровно в 8.00.

• Хлопчатобумажные веревки, которыми были связаны стулья. Самые обычные. Слишком много возможных источников: трудно выяснить их происхождение.

• Петарда для создания эффекта выстрела.

• Слишком много возможных источников: трудно выяснить ее происхождение.

• Фитиль. Самый обычный.

• Слишком много возможных источников, чтобы выяснить происхождение.

• Очевидцы-офицеры сообщают о вспышке света. Никаких вещественных доказательств не обнаружено.

• Пиробумага.

• Слишком много возможных источников, чтобы проследить ее происхождение.

• Обувь преступника: ботинки фирмы «Экко» 10-го размера.

• Шелковые волокна, окрашенные в матовый серый цвет.

• От комбинезона уборщика (иллюзионная трансформация).

• Неизвестный, возможно, носил каштановый парик.

• Красный земляной каштан гикори и лишайник "пармелия консперса растут в основном в Центральном парке.

• Грязь, пропитанная необычным минеральным маслом. Отправлена на анализ в ФБР.

• Масло «Так-пьюар» для седел и кожаных изделий.

• Черная шелковая ткань, 72х48 дюймов. Использовалась для маскировки. Происхождение установить невозможно.

• Иллюзионисты часто используют ее.

• Применяет накладки, чтобы скрыть отпечатки пальцев.

• Накладки для пальцев.

• Следы латекса, касторового масла, грима.

• Театральный грим.

• Следы альгината.

• Используется при выплавлении латексных приспособлений.

• Орудие убийства: белая шелковая веревка с черной шелковой сердцевиной.

• Веревка применяется для фокусов — «Смена цвета». Происхождение проследить невозможно.

• Необычный узел.

• Отправлено в ФБР и Морской музей — информации нет.

• Такие узлы применялись Гудини, освободиться от них почти невозможно.

• Для записи в журнале регистрации использовал исчезающие чернила.

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫЙ ВИЛЛИДЖ

• Жертва номер два: Тони Калверт.

• Гример, театральная компания.

• Известных врагов нет.

• Видимой связи с первой жертвой нет.

• Очевидных мотивов нет.

• Причина смерти: травма головы, нанесенная тупым предметом, посмертное расчленение поперечной пилой.

• Преступник сбежал, преобразившись в женщину семидесяти с лишним лет. Проверить окрестности на предмет брошенного костюма и прочих вещдоков.

• Ничего не найдено.

• Наручные часы разбиты ровно в 12.00.

• Почерк? Следующая жертва предположительно будет убита в 16.00.

• Преступник прятался за зеркалом. Происхождение проследить невозможно. Отпечатки пальцев отправлены в ФБР.

• Совпадений не обнаружено.

• Использовал игрушечную кошку («феке»), чтобы заманить жертву в переулок. Происхождение игрушки установить невозможно.

• Опять минеральное масло, идентичное тому, что было на первом месте преступления. Ожидается отчет ФБР.

• Масло «Так-пьюар» для седел и кожаных изделий.

• Опять латекс и грим с накладок для пальцев.

• Опять альгинат.

• Ботинки фирмы «Экко» брошены.

• На ботинках найдена собачья шерсть от трех разных пород. Найдено также собачье дерьмо.

• Навоз конский, а не собачий.

РЕКА ГУДЗОН И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

• Жертва — Черил Мерстон.

• Адвокат.

• Разведена, но муж вне подозрений.

• Мотивов нет.

• Преступник представился как Джон. Есть шрамы на шее и груди. Подтверждается деформированная рука.

• Преступник выполнил трансформации и принял вид безбородого бизнесмена в хлопчатобумажных брюках и белой рубашке, затем байкера в хлопчатобумажной майке фирмы «Харлей».

• Машина упала в реку Гарлем. Преступник предположительно сбежал.

• Рот жертвы был заклеен клейкой лентой. Происхождение установить невозможно.

• Петарды точно такие же, как и прежде. Происхождение установить невозможно.

• Цепи и защелки обычные, происхождение проследить невозможно.

• Веревка обычная, происхождение не прослеживается.

• Снова грим, латекс и «Так-пьюар».

• Спортивная сумка, сделанная в Китае, происхождение проследить невозможно. Содержимое:

• Следы наркотика, применяемого при изнасилованиях во время свиданий, — флунитразепама.

• Применяемый фокусниками клейкий воск, происхождение установить невозможно.

• Медные (?) стружки. Отправлено в ФБР.

• От часового механизма — возможно таймсра бомбы.

• Постоянные, неисчезающие, чернила — черные.

• Найдена синяя ветровка, без инициалов или меток из прачечной. В ней находились:

• Удостоверение кабельной телесети Си-ти-эн на имя Стэнли Саферштейна (к числу подозреваемых не относится — полицейские базы данных дали отрицательный результат).

• Пластиковая гостиничная карточка-ключ производства «Америкой пластик кардз», Акрон, штат Огайо. Модель «АПК-42», отпечатков нет.

• Генеральный директор просматривает документацию по продажам.

• Беддинг и Сол опрашивают служащих гостиницы.

• Круг сузился до «Челси-Лодж», «Бекман» и «Лэнхем армз». Проверка продолжается.

• Счет из ресторана «Риверсайд-инн» (Бедфорд-Джанкшен, штат Нью-Йорк), свидетельствующий о том, что две недели назад, в субботу, за столиком номер 12 обедали четыре человека. Индейка, мясо, бифштекс, фирменное блюдо. Прохладительные напитки. Служащие не знают, кто там обедал (сообщники?).

• Проулок, где был арестован Кудесник.

• Взломал замки.

• Слюна (отмычка была спрятана во рту?).

• Группу крови установить не удалось.

• Маленькая бритвенная пилка, чтобы перепилить путы.

• Место происшествия на реке Гарлем. Никаких улик, только в грязи остались следы от колес.

• В машине найдена газета. Заголовки статей:

ИЗ-ЗА ОТКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА В ТЕЧЕНИЕ ЧЕТЫРЕХ ЧАСОВ БЫЛ ЗАКРЫТ ПОЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК

НЬЮ-ЙОРК ГОТОВИТСЯ К СЪЕЗДУ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ

РОДИТЕЛИ ВОЗМУЩЕНЫ ПЛОХОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ОХРАНЫ В ШКОЛЕ ДЛЯ ДЕВОЧЕК

В ПОНЕДЕЛЬНИК ОТКРЫВАЕТСЯ СУД ПО ОБВИНЕНИЮ «ОПОЛЧЕНЦЕВ» В ЗАГОВОРЕ С ЦЕЛЬЮ УБИЙСТВА

ВОСКРЕСНЫЙ ГАЛА-КОНЦЕРТ В ЧЕСТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ВЕСЕННЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ МАЛЕНЬКИХ И ВЗРОСЛЫХ

ГУБЕРНАТОР И МЭР СОБИРАЮТСЯ ОБСУДИТЬ НОВЫЙ ПЛАН ПО ВЕСТ-САЙДУ

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДОМ ЛИНКОЛЬНА РАЙМА

• Жертва — Линкольн Райм.

• Личность преступника — Эрик А. Вейр.

• Уроженец Лас-Вегаса.

• Обгорел во время пожара в Огайо, три года назад — в цирке «Томас Хасбро и братья Келли». После этого исчез. Ожоги третьей степени. Продюсером был Эдвард Кадески.

• Осужден в Нью-Джерси за неосторожное поведение, представляющее угрозу для жизни и здоровья людей.

• Помешан на огне.

• Маньяк. Все время обращается к «почтеннейшей публике».

• Исполнял опасные трюки.

• Был женат на Мэри Косгроув, погибшей во время пожара.

• Родители Вейра умерли, наследников у него нет.

• В федеральном розыске не был.

• Называл себя Северным Чародеем.

• Напал на Райма потому, что должен был остановить его до полудня воскресного дня (следующая жертва?).

• Цвет глаз — карий.

• Психологический профиль (составлен Терри Добинсом, Управление полиции Нью-Йорка): Вейром движет месть, хотя он может этого и не сознавать. Он хочет свести счеты. Все время разгневан. Убивая, он

облегчает боль, вызванную смертью жены и утратой возможности выступать.

• Вейр недавно контактировал со своими ассистентами: Джоном Китингом и Артуром Лессером, проживающими в штате Невада. Спрашивал о пожаре и связанных с ним людях. Они характеризуют Вейра как властного, безумного, опасного маньяка и вместе с тем выдающегося иллюзиониста.

• Пытаемся связаться с директором цирка (на момент пожара) — Эдвардом Кадески.

• Выбирает жертвы в зависимости от того, что они собой представляют — возможно, ассоциируются с какими-то счастливыми или трагическими моментами его жизни до пожара.

• Пропитанный бензином платок, происхождение установить невозможно.

• Туфли фирмы «Экко», происхождение установить не удалось.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ИЛЛЮЗИОНИСТА

• Преступник будет использовать прием отвлечения — против жертв и для того, чтобы спастись от полиции: физическое (для отвлечения внимания); психологическое (чтобы отвести от себя подозрения).

• Бегство из музыкальной школы похоже на трюк «Исчезнувший человек». Слишком распространено, чтобы установить личность подозреваемого.

• Преступник в первую очередь иллюзионист.

• Прекрасный манипулятор.

• Владеет также приемами протейской магии. Будет использовать костюмы для трансформации, нейлон и шелк, накладную лысину, накладки для пальцев и прочие латексные приспособления. Может выглядеть как представитель любого пола, возраста или расы.

• Убийство Калверта напоминает трюк Селбита «Распиливание женщины пополам».

• Искусен в открывании замков (возможно, владеет приемом очистки).

• Владеет техникой эскапизма.

• Имеет опыт обращения с животными.

• Для получения информации от жертвы использует приемы ментализма.

• Чтобы опоить жертву, использовал приемы манипулирования.

• Пытался убить третью жертву, имитируя эскапистский фокус Гудини «Водяная камера пыток».

• Чревовещание.

• Бритвенные лезвия.

• Знаком с (исполнял) номером «Пылающее зеркало» — очень опасным.

* * *

Посетитель оказался коренастым мужчиной среднего роста, с серебристой бородой и вьющимися волосами.

Райм, очень настороженный после вчерашнего визита Вейра, не поздоровавшись с Кадески, спросил у него документы.

— Вы уж извините. — Селлитто пояснил, что у них только что были неприятности с преступниками, выдававшими себя за других лиц.

Кадески, не привыкший к тому, чтобы его не узнавали, а тем более требовали документы, был явно недоволен, но все же предъявил Селлитто водительские права, выданные в Иллинойсе. Быстро взглянув на фотографию и продюсера, Селлитто кивнул Райму, Тем временем эксперт уже связался по Интернету с Управлением автомобильного транспорта штата Иллинойс и вывел на экран данные удостоверения и фотографию ее владельца. Все совпадало.

— В вашем сообщении говорится, что это связано с Эриком Вейром? — спросил Кадески, пожирая Райма ястребиным взглядом.

— Верно.

— Так он еще жив?

Подобный вопрос весьма огорчил криминалиста; это означало, что Кадески, вероятно, знает еще меньше, чем они.

— Даже очень. Он подозревается в серии убийств, совершенных здесь, в Нью-Йорке.

— Не может быть! И кого же он убил?

— Нескольких местных жителей и полицейского, — объяснил Селлитто. — Мы надеялись, что вы дадите информацию о том, как его найти.

— Я не слышал о нем со времен пожара. Вы знаете об этом пожаре?

— Немного, — сказала Сакс. — Расскажите подробнее.

— Он обвинил в этом меня... Это было три года назад. Вейр и его ассистенты исполняли в нашем представлении иллюзию и иллюзионную трансформацию. О, это было великолепно! Просто изумительно. Однако на него поступало много жалоб. Со стороны персонала и публики. Вейр пугал людей. Он напоминал маленького диктатора. А его ассистенты — мы называли их лунатиками — полностью находились под его влиянием. Иллюзия была для Вейра чем-то вроде религии. Иногда люди получали травмы во время репетиций или во время представления, даже добровольцы, а Вейра это не слишком волновало. Он считал, что лучше всего фокусы с элементом риска. Как он говорил, фокусы должны, как расплавленное железо, оставлять отпечаток в вашей душе. — Продюсер невесело засмеялся. — Для развлекательных мероприятий это не годилось. Поэтому я поговорил с Сидни Келлером, владельцем цирка, и мы решили уволить Вейра. В одно воскресное утро, перед дневным выступлением, я велел администратору передать ему, что он у нас больше не работает.

— Это было в день пожара? — спросил Райм.

Кадески кивнул.

— Администратор увидел, что Вейр оборудует арену газовыми трубами для своей иллюзии «Пылающее зеркало». Он сообщил ему о нашем решении, но Вейр послал его к черту и продолжал готовить свой трюк. Тогда я сам отправился на арену, и тут он набросился на меня. По-настоящему мы не дрались, скорее просто боролись, однако газовые трубы так и остались нескрепленными. Мы упали на какие-то металлические стулья, и, вероятно, от случайной искры вспыхнул газ. Вейр обгорел, а его жена погибла. Сгорело и все сооружение. Мы подумывали о том, чтобы предъявить ему иск, но он улизнул из больницы и исчез.

— Мы обнаружили в Нью-Джерси заведенное на него дело. Неосторожное поведение, представляющее угрозу для жизни и здоровья людей. Не знаете, его не арестовывали где-нибудь еще? — спросил Райм.

— Не имею понятия. — Кадески покачал головой. — Я не должен был нанимать Вейра, но если бы вы когда-нибудь видели его представление, то поняли бы меня. Он был лучше всех. Публика ужасалась, даже страдала от действий Вейра, но неизменно раскупала билеты на его представления. Вы бы только слышали, какие были овации! — Продюсер посмотрел на часы. 13.45. — Через пятнадцать минут начинается мое шоу… Думаю, было бы неплохо поставить там еще несколько полицейских машин. Учитывая все, что произошло между мной и Вейром.

— Где «там»? — спросил Райм.

— Возле нашего цирка. — И Кадески кивнул в сторону Центрального парка.

— Так «Сирк фантастик» ваш?

— Конечно. Я думал, вы знаете об этом. Вы ведь уже отправляли туда полицейскую машину… «Сирк фантастик» — это бывший цирк «Томас Хасбро и братья Келлер».

— Что? — спросил Селлитто.

Райм посмотрел на Кару, и та покачала головой.

— Мистер Бальзак не сказал мне об этом, когда я звонила ему вчера вечером.

— После пожара, — пояснил Кадески, — мы купили новое оборудование. «Сирк дю солей» имел такой успех, что я рекомендовал Сиду Келлеру заняться тем же, чем и они. Получив страховку, мы открыли «Фантастик».

— Значит, по сути дела, это то же самое шоу, откуда выгнали Вейра? — спросил Райм.

— В какой-то мере. Номера сильно отличаются, но многие люди остались. Я…

— Не может быть! — глядя на доску, прошептал Райм.

— Что такое, Линк? — обратился к нему Селлитто.

— Так вот что здесь делает Вейр! — воскликнул Райм. — Его цель — ваше шоу. «Сирк фантастик».

— Что?

Райм снова пробежал глазами список улик, сопоставляя факты со своими выводами, и утвердительно кивнул.

— Собаки!

— Какие собаки? — удивилась Сакс.

— А ты посмотри на список. Посмотри! Собачья шерсть и навоз — они же с Собачьего холма. А этот холм прямо у нас под окнами. И Вейр там выслеживал отнюдь не Черил Мерстон — он следил за цирком. В газете, найденной в «мазде», есть заголовок: «Представление для детей — маленьких и взрослых». Позвоните в газету и проверьте, не идет ли там речь о цирке. Том — звони Питеру! Скорей!

Помощник Райма был в добрых отношениях с репортером «Таймс» — молодым человеком, который иногда помогал им. Питер Ходдинс работал в международном отделе, но на вопрос Тома ответил через минуту.

— Статья посвящена цирку, — выслушав его, сообщил Том. — Там приведены все подробности — указано, когда начинаются представления, перечислены номера, даны биографии участников. Даже упомянуто о принятых мерах безопасности.

— Черт! — рявкнул Райм. — Вейр все подробно разузнал... А журналистское удостоверение? Оно дало бы ему доступ за кулисы. — Райм мельком взглянул на список улик. — Все! Теперь я понял. Что представляют собой жертвы? Это работники цирка. Гример. Наездница... А первая жертва? Да, она была студенткой, но кем работала? Она пела и развлекала детей — как это делают клоуны на арене.

— А сами методы убийства? — вмешалась Сакс. — Все они пародируют фокусы.

— Да. Ему нужно ваше шоу. Терри Добинс сказал, что им движет месть. Дьявол! Он собирается подложить зажигательную бомбу.

— Боже мой! — воскликнул Кадески. — Там же две тысячи человек! А представление начнется через десять минут.

В два часа дня...

— Дневное воскресное представление, — добавил Райм. — В точности как в Огайо три года назад.

Схватив «Моторолу», Селлитто стал вызывать полицейских, направленных им в цирк. Ответа не последовало. Нахмурившись, детектив позвонил с телефона Райма.

— Офицер Козловски слушает, — прозвучал мужской голос.

— Почему у вас не включена рация, офицер? — назвав себя, рявкнул Селлитто.

— Рация? Ну мы же не на дежурстве, лейтенант.

— Не на дежурстве? Да вас только что назначили на дежурство!

— Да нет же, нас отпустили.

— Кто отпустил?

— Полчаса назад пришел какой-то детектив и сказал, что мы больше здесь не нужны. Сказал, что до конца дня мы можем отдыхать. Я сейчас еду с семьей на Рокуэй-Бич. Я могу...

— Опишите его внешность.

— Лет пятьдесят. Борода, каштановые волосы.

— Куда он направился?

— Не знаю. Он подошел к машине, показал значок, и мы сразу уехали.

Селлитто в ярости нажал на рычаг.

— Началось... Боже, началось! Звони в Шестой, вызови оттуда взрывотехников! — крикнул он Сакс. После этого Селлитто позвонил в Центральную и направил к цирку группу захвата и пожарных.

Кадески бросился к двери.

— Я эвакуирую зрителей.

Белл сказал, что он уже звонит в «Скорую помощь», чтобы оттуда прислали ожоговые бригады.

— Нужно послать в парк побольше переодетых полицейских, — сказал Райм. — Как можно больше. Полагаю, Кудесник будет там.

— Там? — переспросил Селлитто.

— Чтобы понаблюдать за пожаром. Он будет поблизости. Я помню глаза Вейра, когда он смотрел на огонь в моей комнате. Нет, Вейр ни за что на свете не упустит этого.

Глава 30

Больше всего его волновал не сам пожар.

Стремительно преодолевая короткую дистанцию между квартирой Линкольна Райма и шапито «Сирк фантастик», Эдвард Кадески думал о том, что благодаря новым пожарным нормам и применяемым материалам даже в самом плохом цирке пожар будет распространяться относительно медленно. Нет, реальная опасность — это паника, когда тонны человеческих мускулов крушат все на своем пути. Сломанные кости, раздавленные легкие, удушье...

Если в цирке случается какое-то несчастье, то для спасения людей необходимо вывести их наружу до возникновения паники. По традиции, для того чтобы предупредить клоунов, акробатов и прочих работников цирка о начале пожара, инспектор манежа подает дирижеру оркестра незаметный сигнал, и музыканты начинают играть энергичный марш Джона Филиппа Соусы «Да здравствуют звезды и полосы!»[17]. Работники цирка должны тогда занять свои посты и спокойно провести публику к заранее намеченным выходам (если, конечно, они еще не сбежали с тонущего корабля).

За прошедшие годы эта процедура сменилась более эффективными мероприятиями по эвакуации зрителей, но что произойдет, если зажигательная бомба взорвется, разбрызгивая во все стороны пылающую жидкость?

Толпа тут же ринется к выходу, задавив насмерть не одну сотню людей.

Вбежав в палатку, Эдвард Кадески увидел две тысячи шестьсот человек, которые, сидя на своих местах, с нетерпением ожидали начала представления.

Его представления.

Шоу, которое *он* создал. Много лет Кадески выступал в интермедиях, поднимал и опускал занавес во второразрядных театрах, торговал билетами в пропахших потом провинциальных цирках. Он всю жизнь боролся за то, чтобы создать такое шоу, которое поднимется выше среднего уровня, превзойдет привычную рутину. И однажды он этого добился — в цирке Хасбро и братьев Келли, уничтоженном Эриком Вейром. Потом Кадески проделал это снова с «Сирк фантастик», создав

прославленное шоу, которое серьезно повысило престиж его профессии, до недавнего времени игнорируемой даже зрителями телеканалов «Е!» и Эм-ти-ви, не говоря уже о тех, кто любит ходить в театр или в оперу.

Ему вдруг вспомнилась волна обжигающего жара во время того пожара в Огайо. Зола, похожая на хлопья смертоносного серого снега. Чудовищный гул пламени, на глазах пожирающего его творение.

Существовало, правда, одно отличие — три года назад палатка была пуста. Сегодня же тысячи мужчин, женщин и детей могли оказаться в самом очаге сильнейшего пожара.

Его ассистентка, молодая брюнетка Кэтрин Танни, до того как попала к Кадески, сделала неплохую карьеру в системе диснеевских тематических парков. Заметив своего начальника, она сразу подошла к нему. Одно из достоинств Кэтрин состояло в том, что она каким-то образом угадывала его мысли.

— Что случилось? — шепотом спросила Кэтрин.

Кадески рассказал ей о том, что узнал от Линкольна Райма и полиции. Глаза Кэтрин мгновенно обшарили сооружение, выискивая бомбу и ее жертв.

— Что же мы должны делать? — спросила она.

С секунду подумав, Кадески отдал ей точные инструкции, после чего добавил:

— А потом ты уйдешь.

— Но вы-то останетесь? Почему вы...

— Приступай! — отчеканил он, но тут же сжал ее ладонь и уже более мягким тоном сказал: — Встретимся снаружи. Все будет хорошо.

Кадески чувствовал, что Кэтрин хочет обнять его. Но его взгляд предупредил, чтобы она не делала этого. Их было видно почти отовсюду, и Кадески опасался, как бы кто-то из публики не заподозрил, будто что-то не так.

— Двигайся не спеша. Все время улыбайся. Помни, что мы прежде всего актеры.

Кивнув, Кэтрин направилась к осветителю, затем к дирижеру оркестра и передала им инструкции Кадески. После этого она встала возле главного входа.

Поправив галстук и расстегнув пиджак, Кадески посмотрел в сторону оркестра и кивнул. Раздался барабанный бой.

Представление начинается, подумал он.

Пока Кадески, широко улыбаясь, выходил на середину арены, публика постепенно замолкала. Когда он оказался в центре манежа, барабаны умолкли. Мгновение спустя его ярко осветили два луча прожектора. И хотя Кадески велел Кэтрин передать осветителю соответствующее распоряжение, он все же невольно ахнул, когда на него упал яркий свет — ему показалось, будто вспыхнула зажигательная бомба.

Однако улыбка Кадески не погасла, и он быстро овладел собой. Поднеся к губам беспроволочный микрофон, Кадески заговорил.

— Добрый день, леди и джентльмены, добро пожаловать в «Сирк фантастах». — Спокойно, любезно, повелительно. — Сегодня мы покажем вам замечательное представление. Но сначала прошу вашего снисхождения. Не хотелось бы причинять вам неудобства, но надеюсь, результат стоит того. Сейчас мы покажем вам один уникальный номер, но для этого вам придется выйти из палатки. Приношу вам свои извинения... Мы хотели поместить сюда отель «Плаза», но его дирекция нам отказала, опасаясь, что постояльцы будут недовольны.

Пауза для смеха.

— Итак, прошу вас, сохранив свои билеты, выйти в Центральный парк.

Публика перешептывалась, недоумевая, что представляет собой этот странный номер.

— Найдите место неподалеку, — улыбнулся Кадески. — Если перед вами будут здания, находящиеся к югу от Сентрал-парк, то вы прекрасно увидите представление. — До него донесся смех радостно возбужденных людей. Что же все это значит? Может, какие-то бесшабашные смельчаки решили пройтись по проволоке между небоскребами? — А теперь, пожалуйста, выходите по рядам, начиная с самых нижних. Используйте для этого ближайший выход.

Огни прожекторов поднялись вверх. Кадески увидел стоящую возле выхода Кэтрин, с улыбкой приглашающую зрителей выходить на улицу. Ну пожалуйста, подумал он, выходи. Беги!

Поднявшись с мест, зрители громко переговаривались друг с другом — в ослепительных лучах прожекторов Кадески едва мог разглядеть их. Сначала люди осматривались по сторонам, прикидывая, куда лучше

идти. Потом взяли детей, подобрали сумочки и мешочки с воздушной кукурузой, проверили наличие билетов.

Улыбаясь, Кадески наблюдал, как зрители устремляются к выходам — туда, где они будут в безопасности. Однако его не покидали тяжелые мысли.

Чикаго, штат Иллинойс, декабрь 1903 года. Во время дневного представления в Театре ирокезов, при исполнении Эдди Фойем знаменитого номера, внезапно загорелся один из прожекторов; огонь быстро распространился с арены в зрительный зал. Находившиеся в помещении две тысячи человек бросились к выходам, при этом так плотно закупорив их, что пожарные не могли пробиться внутрь. Более шестисот человек погибли ужасной смертью.

Хартфорд, штат Коннектикут, июль 1944 года. Еще одно дневное представление. В цирке «Братья Ринглинг, Барнум и Бейли» как раз в тот момент, когда знаменитая семья Уол-ленд начала ходить по проволоке, в юго-восточной части палатки возник небольшой пожар, который, однако, быстро добрался до тента, пропитанного водоотталкивающими веществами: газолином и парафином. За считанные минуты 167 человек сгорели заживо, задохнулись или были задавлены насмерть.

Чикаго, Хартфорд и множество других городов, тысячи ужасных смертей во время пожаров в театрах и цирках. Что же будет теперь? Чем запомнится «Сирк фантастик», чем запомнится его шоу?

Палатка постепенно пустела. Тем не менее внутри находилось еще много людей. А некоторые, похоже, вообще собирались остаться и пропустить представление в парке. Когда большинство зрителей выйдут, придется сообщить оставшимся о том, что происходит на самом деле.

На какое время поставлена бомба? Возможно, не на самое начало представления. Вейр даст опоздавшим шанс добраться до своих мест, чтобы пострадавших было как можно больше. Сейчас 14.10. Может быть, он установил взрыватель на круглую цифру: на 14.15 или 14.30.

И где, интересно, он заложил бомбу?

Сам Кадески не имел представления о том, в каком месте такая бомба нанесет наибольший ущерб.

Посмотрев в сторону главного входа, он увидел там силуэт Кэтрин. Она махала ему рукой, призывая уйти.

Но Кадески остался. Он сделает все, чтобы эвакуировать зрителей, даже если придется выводить их за руку или выталкивать силой. Он будет возвращаться за ними и тогда, когда все вокруг запылает. Он выйдет отсюда последним.

Широко улыбаясь, Кадески покачал головой, поднес к губам микрофон и вновь начал рассказывать публике о том, какое замечательное представление ждет всех снаружи. Внезапно его речь перебила громкая музыка. Он посмотрел на оркестровую эстраду. Все музыканты ушли, как и приказывал Кадески, однако дирижер все еще стоял возле компьютерной консоли, иногда проигрывавшей заранее записанную музыку. Их глаза встретились, и Кадески одобрительно кивнул. Дирижер, старый ветеран цирка, прибавил громкости. Под куполом цирка гремело «Да здравствуют звезды и полосы!»

* * *

Пробившись сквозь толпу зрителей, покидающих «Сирк фантастик», Амелия Сакс выбежала на арену, где ревела маршевая музыка, а Эдвард Кадески с микрофоном в руках призывал всех выйти наружу и посмотреть какое-то необыкновенное представление — как поняла Сакс, для того, чтобы избежать паники.

Прекрасная мысль, решила она, вообразив ужасную давку, которая начнется в том случае, если публика беспорядочно устремится к выходу.

Из всех полицейских Сакс явилась сюда первой. Приближающийся вой сирен свидетельствовал о том, что на подходе спасательные службы, но она, не дожидаясь других, немедленно начала осмотр помещения. Куда же Вейр мог поместить зажигательную бомбу? Пожалуй, для нанесения максимального ущерба он должен был оставить ее на трибуне, где-нибудь поближе к выходу.

Устройство — или устройства должны быть объемистыми. В отличие от динамитных шашек или пластиковой взрывчатки зажигательную бомбу изготавливают большой — иначе она не причинит особого ущерба. Ее можно спрятать в картонной коробке или же в бочке для нефтепродуктов. Вот стоит пластмассовый мусорный ящик, довольно большой; такой, пожалуй, вместит около пятидесяти галлонов[18] зажигательной смеси. Находится он как раз возле главного входа, и сейчас мимо него медленно проходят десятки людей.

Таких темно-зеленых контейнеров в палатке штук двадцать или двадцать пять, и все они представляют собой идеальное место для размещения бомб.

Подбежав к ближайшему ящику, Сакс остановилась. Эксперты уже дали заключение, согласно которому Вейр собирался использовать часовой механизм, так что от простого механического воздействия бомба не должна сработать. Достав из заднего кармана небольшой фонарик, Сакс осветила им дурно пахнущее содержимое ящика. Он уже был почти до половины заполнен газетами, обертками от воздушной кукурузы и пустыми чашками; дно не просматривалось. Сакс слегка подвинула ящик; судя по весу, он не мог вмещать даже одного галлона газолина.

Она снова осмотрелась. В помещении все еще находились сотни людей, медленно двигавшихся к выходу.

И десятки других мусорных ящиков, которые предстояло проверить. Сакс направилась к следующему.

Внезапно она остановилась. Под главной трибуной, немного правее южного выхода, находился какой-то предмет площадью около четырех квадратных футов, прикрытый черным брезентом. Сакс сразу вспомнила о том, как Вейр использовал кусок ткани для того, чтобы спрятаться. То, что находилось под тканью, было почти незаметно, но этот предмет мог вместить сотни галлонов бензина.

Большая толпа была от него всего в шести метрах.

Снаружи вой сирен усилился, а затем постепенно стих — очевидно, машины одна за другой остановились возле палатки. В помещение начали входить пожарники и полицейские. Сакс показала свой значок тому, кто оказался к ней ближе всех.

— Взрывотехники еще не приехали?

— Должны быть через пять-шесть минут.

Кивнув, она велела полицейским тщательно осмотреть мусорные ящики, после чего направилась к покрытой брезентом коробке.

Тут все и произошло.

Нет, бомба не взорвалась. Возникла паника, распространившаяся быстрее пожара.

Сакс не знала, что ее вызвало — возможно, кого-то встревожили стоящие снаружи машины аварийных служб и пробирающиеся в помещение пожарники. Затем Сакс услышала, как возле главного входа раздались хлопки; она сразу узнала звук — это хлопал на ветру плакат с Арлекином из комедии дель арте.

Однако зрители приняли это за выстрелы и сразу же повернули назад в поисках другого выхода. Внезапно послышался глухой шум, все ахнули от испуга.

А потом накатился настоящий мощный вал.

Закричав, зрители бросились к дверям. Крики нарастали, до Сакс доносились возгласы о пожаре, бомбах, террористах.

— Не толкайтесь! — воскликнула она, но никто не слышал ее. Натиск толпы было невозможно остановить. Сотни человек стали одним целым. Кое-кто пытался сопротивляться, но под нажимом сзади они снова сливались с толпой, которая превратилась в многоликого зверя, отчаянно рвавшегося к выходу.

Сакс с усилием вырвала руку, зажатую между двумя подростками, чьи лицах отражали страх. Чуть подавшись вперед, она увидела на полу что-то раздавленное. Вскрикнув от ужаса, Сакс решила, что это ребенок, но нет — это были остатки лопнувших воздушных шариков. Под ногами толпы превращались в труху обрывки зеленой ткани, бутылочки с детским питанием, хлопья воздушной кукурузы, маска Арлекина... Если бы сейчас кто-нибудь упал, он умер бы за считанные секунды. Сама Сакс, едва держась на ногах, опасалась свалиться на пол.

И тут ее ноги вдруг оторвались от пола, зажатые между мужчиной, держащим на плечах плачущего мальчика, и потерявшей сознание женщиной. Вопли стали громче, паника нарастала. Было нестерпимо жарко, дышать становилось все труднее. Грудь сжало так, что казалось, будто сердце вот-вот остановится. Клаустрофобия — то, чего боялась Амелия, охватила ее. Со всех сторон Сакс сжимали влажные тела, уже не вполне человеческие. Они сдавливали ее все сильнее, не позволяя дышать.

«Пожалуйста, не надо! Ну пожалуйста, дайте мне высвободить руку. Дайте сделать хоть один вдох».

Сакс казалось, что она видит кровь и чью-то разодранную плоть.

Возможно, это были ее собственные кровь и плоть.

От страха, боли и удушья сознание Амелии Сакс помутилось.

"Нет! Не падай им под ноги. Не падай!

Ну пожалуйста!"

Но она уже совсем не могла дышать. Воздух не поступал в ее легкие. В нескольких сантиметрах от своего лица она увидела чье-то колено, которое в следующую секунду вдавилось ей в щеку. Амелия чувствовала запах грязных джинсов, видела стоптанный ботинок.

Только бы не упасть!

Но тут она поняла, что, вероятно, уже упала.

Глава 31

Иллюзия, почтеннейшая публика, старается идти в ногу с техническим прогрессом.

Часовые механизмы, магниты, порох включались в представления сразу, как только становились общедоступными — иногда даже еще раньше. Великий иллюзионист Роберт-Удэн использовал в своих фокусах электрический свет еще до того, как Томас Эдисон довел до совершенства свою лампу накаливания.

Вскоре после изобретения огнестрельного оружия иллюзионисты начали использовать его в своих фокусах. Самым популярным и душераздирающим был номер, в котором ассистент стрелял из ружья в исполнителя, а тот ловил пулю руками или зубами.

В Европе этот весьма распространенный трюк исполняли в различных вариациях: когда ружей было несколько, в исполнителя стреляли добровольцы из публики.

Сейчас мы попробуем воссоздать номер Уильяма Элсуорта Робинсона — когда-то всемирно известного иллюзиониста, выдававшего себя за китайца и выступавшего под сценическим псевдонимом Чун Лин Су. Именно этот трюк с пулями и вознес его на вершину славы.

Существует много методов, позволяющих обмануть публику, заставить ее поверить в подлинность трюка. Наиболее смелые исполнители используют настоящие ружье и пулю: лишь после проверки кого-то из зрителей они заменяют настоящий патрон холостым. В XIX веке иллюзионисты-индейцы использовали настоящие ружья, а пули делали из сушеного ила, окрашивая их серебристой краской. Элсуорт предпочитал заранее подготовленные ружья, заряжающиеся с дула. Это были двустволки, и в одном из стволов действительно находилась настоящая пуля. Однако использовали не ее, а холостой патрон в потайном стволе, что производило большой шум.

О, почтеннейшая публика, кажется, я вижу на ваших лицах недоумение? Вы не понимаете, с чего это я вдруг проболтался, как сказали бы иллюзионисты. Я ведь рассказал вам, как сделан трюк Робинсона, то есть раскрыл метод.

Так можно ли ожидать чего-то интересного от нынешнего представления? Где же тут тайна?

Так вот, 23 марта 1918 года, в самый разгар представления, один из ассистентов Робинсона нацелил на исполнителя два мушкета и выстрелил. Иллюзионист схватился за грудь и упал на сцену. Вскоре после этого он умер. Оказалось, что в одном из ружей порох по ошибке засыпали в настоящий ствол, в результате чего ассистент выстрелил, поразив пулей незадачливого иллюзиониста.

Как видите, почтеннейшая публика, в этом и заключается один из самых захватывающих аспектов нашей профессии: даже сами иллюзионисты никогда точно не знают, чем закончится представление.

* * *

В одежде посыльного, в такой, какую носили служащие отеля «Лэнхем армз», находящегося в Верхнем Ист-Сайде, Мальэрик не спеша шел по коридору пятнадцатого этажа. В руках он нес тяжелый поднос, на котором возвышалась куполообразная металлическая крышка и стояла ваза с большим красным тюльпаном.

Ничто в облике Мальэрика не вызывало подозрений. Напротив, он ничем не отличался от хорошо вышколенного, исключительно любезного посыльного. Опущенный взгляд, полуулыбка, скромная походка, безупречный поднос.

Различие состояло только в одном: на подносе под металлической крышкой стояла не тарелка с яичницей, а лежал заряженный автоматический пистолет с глушителем марки «Беретта», а также кожаная сумка с отмычками и другими инструментами.

— Ну как, нравится вам у нас? — спросил Мальэрик у встретившейся ему по пути пары.

Да, здесь им нравилось, и они с удовольствием пожелали ему всех благ.

Двигаясь по коридору, он кланялся и улыбался постояльцам, которые после воскресного обеда возвращались к себе в номер или отправлялись на прогулку.

За окнами виднелся зеленый Центральный парк. Трудно даже представить, что творится сейчас под белым куполом «Сирк фантастик» — ведь все последние дни Мальэрик оставлял возле убитых зацепки, которые направляли полицию именно туда.

По ложному следу.

Отвлечение — залог удачной иллюзии, и никто лучше не владеет этим ремеслом, чем Мальэрик, человек с миллионом лиц, который мгновенно возникает, словно пламя зажженной спички, и исчезает, как задутый огонь.

Человек, который сам заставляет себя исчезнуть. Полиция, конечно, будет рьяно искать газолиновую бомбу, убежденная в том, что она может вспыхнуть в любой момент. Но там нет никакой бомбы, и ничто не угрожает двум тысячам зрителям, собравшимся в «Сирк фантастик» (кроме риска быть затоптанными насмерть из-за внезапной паники).

Дойдя до конца коридора, Мальэрик оглянулся и с удовлетворением отметил, что сзади никого нет. Он быстро поставил поднос на пол и снял крышку. Взяв с подноса черный пистолет, Мальэрик опустил его в карман служебной куртки, после чего открыл кожаный мешочек, достал оттуда отвертку, а мешочек тоже спрятал в карман.

Ловкими движениями он отвернул металлическое ограждение, не позволяющее окну открываться больше чем на несколько сантиметров (кажется, чтобы покончить с собой, люди готовы воспользоваться любой возможностью, подумал он), и поднял его до упора. Положив отвертку в кожаный мешочек, Мальэрик застегнул карман на «молнию». Подтянувшись на руках, он вскочил на подоконник и осторожно ступил на карниз.

Карниз, сантиметров пятьдесят шириной, находился в сорока пяти метрах над землей — Мальэрик измерил точно такой же карниз из окна номера, который занимал несколько дней назад. И хотя он мало занимался акробатикой, как и все великие иллюзионисты, умел превосходно сохранять равновесие, поэтому по известняковому карнизу передвигался не менее уверенно, чем по тротуару. Пройдя пять метров, Мальэрик завернул за угол и остановился, глядя на соседнее здание.

Этот многоквартирный дом, выходивший на Семьдесят пятую улицу, не имел карнизов, но пожарная лестница находилась всего в двух метрах от того места, где сейчас стоял Мальэрик. Зацепив стопорный крюк за ржавый каркас лестницы, он обвязал веревку вокруг пояса, присел на корточки и перепрыгнул через бездонную пропасть. Прыжок был таким

мощным, что Мальэрик, перемахнув через перила, опустился на лестничную площадку, не потеряв при этом равновесия.

Развязав веревку, он поднялся на два пролета и остановился у окна семнадцатого этажа. В коридоре было пусто. Положив на подоконник пистолет и инструменты, Мальэрик сбросил с себя форму коридорного и остался в сером костюме, белой рубашке и галстуке. Засунув пистолет под ремень, он снова пустил в ход инструменты, открыл окно и спрыгнул внутрь.

Постояв неподвижно и восстановив дыхание, Мальэрик направился по коридору к нужной ему квартире. Подойдя к двери, он опустился на колени и снова открыл мешочек с инструментами. Сначала он вставил в замочную скважину небольшой стержень, потом, поверх него, отмычку. Через три секунды открылся замок, через пять — дверной засов. Чуть-чуть приоткрыв дверь, Мальэрик спрыснул дверные петли машинным маслом — чтобы не скрипели. Мгновение спустя он уже находился в длинной темной прихожей.

Осторожно закрыв за собой дверь, он огляделся.

На одной из стен висели картины: бесконечно тиражируемые сюрреалистические пейзажи Сальвадора Дали, семейные портреты и нечто самое заметное — простодушный детский рисунок, акварель с изображением Нью-Йорка (художник подписался на ней: «Крисси»). Возле двери стоял дешевый столик, под одну из его коротких ножек была подсунута сложенная бумага. В углу виднелась одна лыжа со сломанным креплением. Обои везде были старыми и грязными.

Мальэрик двинулся было вперед по коридору, на звук работающего в гостиной телевизора, но, сделав шаг в сторону, очутился в небольшой темной комнате, значительную часть которой занимал черный кабинетный рояль фирмы «Кавай». На нем лежал учебник музыки с пометками на полях. Имя «Крисси» было написано на обложке. Мальэрик не слишком хорошо разбирался в музыке, но, просматривая учебник, понял, что напечатанные в нем пьесы довольно сложны.

Хотя эта Кристина Грейди, дочь окружного прокурора Чарлза Грейди, плохая художница, подумал Мальэрик, но у нее музыкальный талант.

Дочь человека, в чьей городской квартире он сейчас находился. Человека, за убийство которого ему заплатят сто тысяч долларов.

* * *

Амелия Сакс сидела на траве возле «Сирк фантастик» и морщилась от боли в правом боку. Она уже помогла вынести из давки несколько десятков человек и теперь пыталась перевести дух.

Сверху, с огромного плаката, все так же громко хлопающего на ветру, на нее по-прежнему смотрел гигантский Арлекин. Уже вчера он выглядел очень мрачно, но сегодня, после паники, им же спровоцированной, Арлекин казался Амелии особенно отталкивающим и нелепым.

К счастью, ее не затоптали — поразившие ее колено и ботинок принадлежали какому-то мужчине, который пытался пробраться к выходу буквально по головам других зрителей. Тем не менее спина, бока и лицо все еще саднили. Возле палатки она просидела уже пятнадцать минут, страдая от тошноты и слабости, отчасти вызванных давкой, отчасти — чудовищным приступом клаустрофобии. Обычно Сакс спокойно переносила пребывание в небольших комнатах, даже в лифтах. Однако давка в цирке, когда Амелию стиснули так, что она не могла даже пошевелиться, повергла ее в панику и физически измотала.

Повсюду оказывали медицинскую помощь пострадавшим. Как сообщил Сакс руководитель бригады медиков, травмы были несерьезными — в основном порезы и ушибы, несколько вывихов и один перелом.

Саму Амелию вместе со всей толпой вынесло наружу из южного входа в палатку. На свежем воздухе она быстро пришла в себя и на коленях отползла подальше от толпы. Впрочем, как только люди поняли, что им не угрожают зажигательные бомбы и вооруженные террористы, они сразу преисполнились христианского милосердия и начали помогать пострадавшим.

Подозвав к себе одного из взрывотехников, Сакс рассказала ему про укрытый брезентом объект под южной трибуной. Тот сразу вернулся к своим коллегам, оставшимся внутри.

Гремевшая в палатке бодрая музыка внезапно смолкла, и оттуда появился Эдвард Кадески.

Понаблюдав за работой взрывотехников, многие зрители осознали, что угроза была вполне реальной и лишь сообразительность Кадески спасла их от еще большей паники. Раздались аплодисменты. Директор цирка, скромно поклонившись, пошел проверить состояние дел. Однако не все зрители проявили такое великодушие. Одни требовали объяснить, что именно случилось. Другие говорили, что эвакуацию могли организовать и получше.

Тем временем взрывотехники вместе с дюжиной пожарных обыскали всю палатку и не нашли никаких следов бомбы. В накрытом брезентом ящике были лишь рулоны туалетной бумаги. Обыскали также трейлеры и грузовики с оборудованием, но и там ничего не обнаружили.

Узнав о результатах, Сакс недоуменно нахмурилась. Неужели они ошиблись? Как же такое случилось? — гадала она. Ведь все было слишком очевидно. Конечно, смелые умозаключения Райма иногда приводили к ошибкам, но в деле Кудесника все указывало на «Сирк фантастик».

Знает ли Райм о том, что бомбу не нашли? С трудом поднявшись на ноги, она отправилась на поиски рации; ее собственная «Моторола», части которой валялись возле южного входа в палатку, кажется, стала единственной жертвой паники.

* * *

Осторожно ступая, Мальэрик вышел из комнаты для занятий музыкой и остановился в коридоре, прислушиваясь к голосам, доносившимся из гостиной и кухни.

Насколько все это опасно? — думал он.

Мальэрик замедлил шаги, опасаясь, как бы телохранители Грейди не запаниковали и не застрелили его. Две недели назад, за обедом в Бедфорд-Джанкшене, Мальэрик изложил свой план Джедди Барнсу и другим «ополченцам», предложив, чтобы кто-то осуществил покушение на прокурора до того, как он сам проникнет в городскую квартиру Грейди. Все сошлись на том, что сделать это должен Ральф Свенсен, священник-извращенец из Кантон-Фоллза. Барнс имел на него компромат, но все же не доверял ему, поэтому Мальэрик, выбравшись вчера из реки Гарлем и переодевшись дворником, проводил преподобного от гостиницы до музыкальной школы, желая убедиться, что этот бездельник не струсит в последнюю минуту.

Мальэрик предвидел, что покушение Свенсена провалится (пистолет, которым снабдил его Барнс, имел неисправный боек). Мальэрик также считал, что, поймав одного убийцу, телохранители Грейди станут менее бдительными.

Ну, пока это лишь теория, подумал Мальэрик.

Он бесшумно двигался мимо семейных портретов, мимо сложенных пачками журналов — солидных изданий по юриспруденции и легкомысленных «Вог» и «Нью-йоркер», — мимо купленной Грейди

старинной мебели, которую тот, видимо, собирался отреставрировать, но пока не успел.

Мальэрик знал, как пройти через апартаменты, поскольку недавно побывал здесь под видом сантехника, но у него не хватило времени, чтобы изучить расположение комнат, а также путь к выходу. Сейчас он видел висящие на стене дипломы Грейди и его жены, тоже адвоката, фотографии родственников и сокровища, принадлежавшие их девятилетней дочери.

Мальэрик вновь вспомнил встречу с Барнсом и его помощниками. «Ополченцы» хладнокровно обсуждали, стоит ли убивать жену и дочь Грейди. Мальэрик считал, что пожертвовать Свенсеном, конечно, стоит, но зачем убивать семью Грейди? Этот вопрос Мальэрик и задал Барнсу.

— Это хороший вопрос, — сказал Джедди Барнс. — По-моему, вы должны убить их просто так.

Мальэрик кивнул — он никогда не унижался до того, чтобы спорить с публикой или с коллегами-исполнителями.

— Не возражаю, — наконец ответил он. — Но может, лучше не трогать их, если это не будет сопряжено с риском — ну, например, в том случае, если они смогут меня опознать? Или если девочка бросится к телефону, чтобы вызвать полицию? Вероятно, среди ваших людей есть и такие, кто не хочет убивать женщин и детей.

— Это ведь ваш план, мистер Вейр, — ответил Барнс, — и мы готовы согласиться с вашим мнением. — Между тем предложение Мальэрика явно вызвало недовольство Барнса и его спутников.

Остановившись возле двери в гостиную, Мальэрик повесил на шею фальшивый значок Нью-Йоркского управления полиции и посмотрел на себя в старое зеркало.

Да, сейчас он вполне похож на детектива, появившегося здесь, чтобы защитить прокурора от угрожающей ему насильственной смерти.

Мальэрик глубоко вздохнул. Только бы сдержать нервную дрожь.

А теперь, почтеннейшая публика, прожектора загораются, занавес поднимается.

Сейчас начнется настоящее представление...

Стараясь держаться как можно естественнее, Мальэрик завернул за угол и вошел в гостиную.

Глава 32

— Ну, как тут дела? — спросил человек в сером костюме, и Луис Мартинес, спокойный крупный детектив из группы Роланда Белла, вздрогнул от неожиданности.

Телохранитель сидел на кушетке перед телевизором, держа на коленях воскресный выпуск «Нью-Йорк таймс».

— Ну, парень, ты меня напугал! — Он приветственно кивнул, бросил взгляд на значок и документы вошедшего, после чего внимательно всмотрелся в его лицо. — Ты пришел сменить меня?

— Так точно.

— Как же ты вошел? Тебе дали ключ?

— Дали — тут, в городе. — Он говорил хриплым шепотом, словно ему было холодно.

— Счастливчик! — пробормотал Луис. — У нас тут один на всех — вот и мучаемся.

— А где мистер Грейди?

— На кухне. С женой и Крисси. Почему ты так рано?

— Не знаю, — ответил человек в сером костюме. — Меня просто наняли помочь. Назвали именно это время.

— Вот так всегда, — нахмурился Луис. — По-моему, я тебя не знаю.

— Меня зовут Джо Дэвид, — ответил мужчина. — Обычно я работаю в Бруклине.

Луис кивнул.

— Ага, именно там я сломал зуб.

— Это мое первое дежурство в качестве охранника.

По телевизору началась шумная реклама.

— Извини, — сказал Луис. — Я не расслышал тебя. Говоришь, первое дежурство?

— Да.

— И последнее! — воскликнул детектив. Луис вскочил с кресла, выхватил пистолет и нацелил его на того, кто, как он знал, и есть Эрик Вейр. Обычно спокойный, сейчас Луис заорал в микрофон: — Он здесь! В гостиной!

Во вторую дверь вбежали двое дежуривших на кухне полицейских — детектив Белл и Лон Селлитто. Лица у обоих выражали неописуемое удивление. Схватив Вейра за руки, они выхватили у него из-за пояса бесшумный пистолет.

— Ложись, ложись, ложись! — прижав пистолет к лицу Кудесника, нервно кричал Селлитто. А Луис заметил, что Вейр ошеломлен. За годы службы он перевидал множество удивленных преступников, но этот парень наверняка получил бы первый приз. Он разинул рот и не мог вымолвить ни слова.

— Откуда, черт возьми, он взялся? — задыхаясь, спросил Селлитто. Белл недоуменно покачал головой.

Пока Луис защелкивал на руках Кудесника две пары наручников, Селлитто нагнулся к Вейру:

— Вы один? Снаружи никого нет?

— Нет.

— Не морочьте нам голову!

— Мои руки, мне больно! — возмутился Вейр.

— С вами кто-то есть?

— Нет, нет — клянусь.

Белл уже вызывал подмогу по переговорному устройству.

— Господь нам помог — он проник внутрь... Уж и не знаю как.

В квартиру вбежали двое полицейских в форме, до сих пор прятавшиеся за лифтом.

— Кажется, он взломал окно, — сказал один из них. — То, которое выходит на пожарную лестницу.

Белл посмотрел на Вейра и все понял.

— Вы перепрыгнули с того карниза, что на «Лэнхеме»?

Вейр промолчал, но все было и без того ясно. Они расставили полицейских в проходе между зданиями и на крышах, но никому и в голову не пришло, что преступник может пройти по карнизу и спрыгнуть на пожарную лестницу.

— Больше никого не видно? — спросил у вошедших Белл.

— Никого. Похоже, он один.

Надев латексные перчатки, Селлитто обыскал задержанного и сразу же нашел воровские приспособления и различные принадлежности для проведения фокусов. Самыми необычными из них были прочно приклеенные пальцевые накладки с фальшивыми отпечатками пальцев. Оторвав их, Селлитто поместил накладки в пластмассовый мешочек для вещественных доказательств. Если бы ситуация не была столь неприятной — ведь наемный убийца проник в квартиру семьи, которую они должны защищать, — эти десять одинаковых накладок рассмешили бы их.

Пока Селлитто продолжал обыск, другие молча разглядывали преступника. Вейр был мускулистый и в прекрасной физической форме, хотя пожар нанес ему серьезные увечья — множество шрамов на лице и шее.

— Документы есть? — спросил Белл.

Селлитто покачал головой.

— Только фальшивки низкого качества — полицейский значок и удостоверение. Больше похожи на игрушечные.

Взглянув в сторону кухни, где никого не было, Вейр удивленно нахмурился.

— А Грейди здесь нет, — сказал Белл таким тоном, словно это не вызывало сомнений.

Кудесник закрыл глаза и опустил голову на потертый ковер.

— Как? Как вы все это вычислили?

— Есть один человек, который любит сам отвечать на такие вопросы, — проговорил Селлитто. — Вставайте, сейчас мы немного прокатимся.

* * *

— С возвращением! — Линкольн Райм смотрел на стоящего в дверях лаборатории скованного убийцу.

— Но ведь был… пожар. — Вейр удивленно взглянул на ведущую в спальню лестницу.

— Простите, что испортили вам представление, — холодно отозвался Райм. — Думаю, теперь вам не удастся ускользнуть от меня, Вейр.

— Я уже не Вейр, — вновь повернувшись к криминалисту, прошипел тот.

— Вы сменили фамилию?

Вейр покачал головой:

— Юридически — нет. Но теперь я стал другим. Вейр — это тот, кем я был прежде. — Райм припомнил слова психолога Терри Добинса о том, что огонь убил прежнюю личность Вейра и теперь он стал кем-то еще. — Уж вы-то меня понимаете, не так ли? — окинув взглядом парализованного Райма, заметил убийца. — Думаю, вы тоже хотели бы забыть о прошлом и стать кем-нибудь еще.

— И как же теперь вы себя называете?

— Об этом знаем только я и моя публика.

Ах да, его почтеннейшая публика.

Вейр был в сером деловом костюме. Вчерашний парик исчез, его настоящие волосы оказались длинными, густыми и светлыми. При свете дня Райм хорошо разглядел шрам, начинавшийся над воротником, — он выглядел просто ужасающе.

— Как вы меня нашли? — своим свистящим голосом спросил Кудесник. — Я ведь направил вас в…

— В «Сирк фантастик»? Верно. — Когда Райму удавалось перехитрить преступника, его настроение заметно улучшалось, и он любил поболтать. — Вы хотите сказать, что это было отвлечение. Видите ли, просмотрев улики, я пришел к выводу, что все складывается слишком легко.

— Легко? — Вейр закашлялся.

— На месте преступления бывают два типа улик. Одни преступник оставляет неумышленно, а другие подбрасывает. Последние и должны ввести нас в заблуждение. Когда все побежали искать зажигательные

бомбы, у меня возникло ощущение, что некоторые улики нам подбросили. Они были слишком очевидны — на туфлях, оставленных вами в квартире второй жертвы, мы обнаружили собачью шерсть, землю и растения, характерные именно для Центрального парка. И я подумал: сообразительный преступник может специально пройтись в нужном месте и затем оставить туфли так, чтобы мы обязательно нашли их и сразу вспомнили о собачьей площадке возле цирка. Ну и еще разговоры о пожаре, которые вы вели со мной прошлой ночью. — Райм посмотрел на Кару. — Словесное отвлечение, не так ли?

Вейр смерил молодую женщину настороженным взглядом.

— Да, — сказала Кара, насыпая сахар в кофе.

— Но я же пытался убить вас, — просвистел Вейр. — Если бы я рассказал вам все это для того, чтобы увести в сторону, мне нужно было бы обязательно оставить вас в живых.

Райм засмеялся:

— Да вы и не пытались меня убить! У вас никогда не было подобных мыслей. Вы хотели, чтобы все выглядело так, будто вы намерены убить меня: это придало бы убедительности вашим намекам. После того как разожгли огонь у меня в комнате, вы сразу позвонили из автомата по девять-один-один. Я проверил это сообщение. Звонивший утверждал, что видит огонь из телефонной будки. Однако она находится за углом, и оттуда вы не могли видеть мою комнату. Кстати, Том проверил это, так что спасибо тебе, Том, — сказал Райм своему помощнику.

— Пустяки, — беззаботно ответил тот.

Вейр закрыл глаза и покачал головой с таким видом, будто только что осознал непоправимость своей ошибки.

Прищурившись, Райм посмотрел на доску с перечнем улик.

— Все жертвы по роду занятий или по своим увлечениям были связаны с определенными цирковыми профессиями — музыкант, гример, наездник. А методы убийства представляли собой модифицированные трюки. Но если бы вы действительно хотели уничтожить Кадески, то уводили бы нас от «Сирк фантастик». Следовательно, вы уводили нас от чего-то другого. От чего? Я снова просмотрел улики. В третьем эпизоде, у реки, мы застали вас врасплох — вы не успели забрать свой пиджак с журналистским удостоверением и гостиничной карточкой-ключом, а это означало, что данные улики не подброшены. Таким образом, они имели реальное отношение к тому, чем вы занимаетесь. Такие карточки

используются в трех гостиницах — одна из них называется «Лэнхем армз». Детективу Беллу это название показалось знакомым, и он проверил свою записную книжку. Выяснилось, что неделю назад он пил в этой гостинице кофе с Чарлзом Грейди, обсуждая с ним, как организовать охрану его семьи. Роланд сообщил мне, что «Лэнхем» находится рядом с квартирой Грейди. А удостоверение? Я позвонил репортеру, у которого вы украли его. Он освещал суд над Эндрю Констеблем и несколько раз брал интервью у Чарлза Грейди... Найдя медные стружки, мы заподозрили худшее: что они от часового механизма бомбы. Однако с тем же успехом они могли остаться от какого-нибудь ключа или инструмента.

— Еще мы нашли страницу из «Нью-Йорк таймс» — она была в вашей машине, которую выудили из реки, — вмешалась в разговор Сакс. — Там помещена статья о цирке и еще одна — насчет суда над Констеблем. — Она кивнула в сторону доски с уликами.

В ПОНЕДЕЛЬНИК ОТКРЫВАЕТСЯ СУД ПО ОБВИНЕНИЮ «ОПОЛЧЕНЦЕВ» В ЗАГОВОРЕ С ЦЕЛЬЮ УБИЙСТВА

— Плюс счет из ресторана, — продолжил Райм. — Вам следовало выбросить его.

— Какой счет? — нахмурился Вейр.

— Который был в вашем пиджаке. Он датирован позапрошлой субботой.

— Но в те выходные я был... — Вейр внезапно замолчал.

— За городом? — спросила Сакс. — Ну да, мы это знаем. Счет был из ресторана, который находится в Бедфорд-Джанкшен.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Полицейский, расследующий в Кантон-Фоллзе деятельность группы «Ассамблея патриотов», позвонил мне и спросил Роланда, — пояснил Райм. — Я узнал высветившийся на определителе код региона — тот же самый, что и на счете из ресторана. — Вейр и глазом не моргнул. — Оказывается, Бедфорд-Джанкшен находится рядом с Кантон-Фоллзом, где живет Констебль.

— Кто этот Констебль, о котором вы все время упоминаете? — осведомился Вейр, однако Райм понял, что он знает, о ком идет речь.

— Барнс был одним из тех, с кем вы обедали? — вступил в разговор Селлитто. — Джедди Барнс?

— Впервые слышу это имя.

— А как насчет «Ассамблеи патриотов»?

— Знаю только то, что прочитал в газетах.

— Мы вам не верим, — отрезал Селлитто.

— Верьте во что хотите! — огрызнулся Вейр. Райм видел, что в его глазах вспыхнул гнев; это и предсказывал Добинс. — Как вы узнали мое настоящее имя? — помолчав, спросил убийца. Никто не ответил, но глаза Вейра впились в последние записи на доске с уликами. Лицо его потемнело. — Меня кто-то предал? Вам сообщили о пожаре и о Кадески. Кто же? — Вейр злобно ухмыльнулся. Он переводил взгляд с Сакс на Кару, но в конце концов остановил его на Райме. — Это Джон Китинг? Это он сказал вам, что я звонил ему? Бесхребетная тварь! Он всегда казался мне ненадежным. И Арт Лессер тоже, да? Гребаные иуды! Я им это припомню. Я не забываю тех, кто меня предает. — Он снова закашлялся. Когда приступ закончился, Вейр уже смотрел в другой конец комнаты. — Кара... Так, кажется, он вас назвал? Кто же вы такая?

— Иллюзионистка! — с вызовом ответила она.

— Стало быть, одна из нас! — насмешливо сказал Вейр. — Девушка-иллюзионист. А здесь вы, очевидно, консультант. Возможно, освободившись, я нанесу вам визит. Возможно, заставлю вас исчезнуть.

— Вы никогда не освободитесь, Вейр! — воскликнула Сакс.

Кудесник холодно засмеялся:

— А может, я сбегу! В конце концов, стены — всего лишь иллюзия.

— Сбежать вам вряд ли удастся, — возразил Селлитто.

— На вопрос «как» я ответил вам, Вейр, — сказал Райм. — Может, вы ответите мне зачем? Мы думали, что вы собираетесь отомстить Кадески, а между тем вы пришли за Грейди, превратившись в своего рода иллюзиониста-убийцу.

— Отомстить? — в бешенстве переспросил Вейр. — Да что мне даст эта месть? Разве она излечит мои шрамы и легкие? Разве она вернет мне жену?.. Ничего вы не понимаете! Для меня имело значение одно: возможность выступать. Иллюзия, фокусы. Мой наставник — Сатани — готовил меня к блестящей карьере. Пожар все у меня отнял. Я больше не могу выступать. Мои руки изуродованы, голос пропал. Кто теперь придет на мое выступление? Я больше не в состоянии реализовать тот

единственный талант, которым наградил меня Господь. Выступать я теперь могу, только нарушая закон, — вот почему и делаю это.

Синдром «фантома оперы»...

Вейр снова окинул взглядом неподвижное тело Райма.

— А что вы испытывали после катастрофы, осознав, что больше никогда не будете копом?

Райм молчал, но слова убийцы попали в цель. Что он тогда испытывал? Пожалуй, такой же гнев, какой переполнял и Эрика Вейра. К тому же после несчастного случая грань между добром и злом для него полностью исчезла. «Почему бы мне не стать преступником? — в отчаянии думал Райм. — Я нахожу улики лучше любого из смертных, а значит, могу и манипулировать людьми. Я способен совершить идеальное преступление...»

В конце курса лечения благодаря Терри Добинсу, другим докторам и коллегам-полицейским, благодаря непрестанной работе его собственной души эти мысли постепенно исчезли. Тем не менее Райм хорошо понимал, о чем говорит Вейр. Впрочем, даже в самые тяжелые моменты ему никогда не приходило в голову начать другую жизнь.

— Значит, вы продали свой талант из корыстных соображений?

Поняв, что на миг потерял контроль над собой и сказал слишком много, Вейр промолчал.

Разгневанная, Сакс подошла к белой доске, сорвала с нее фотографии первых двух жертв и швырнула их в лицо Вейру.

— Стало быть, вы убили этих людей просто для того, чтобы отвлечь наше внимание? Все это так мало значило для вас?

Вейр поднял на нее усталый взгляд.

— Вы действительно полагаете, что вам удастся держать меня в тюрьме? — усмехнулся он. — Да знаете ли вы, что однажды Гарри Гудини заявил, будто без проблем выберется из вашингтонской тюрьмы? Его раздели донага и поместили в камеру смертников. Он выбрался из своей камеры так быстро, что открыл все двери в этом блоке и поменял осужденных местами, пока оценивавшее его действия жюри обедало.

— Это было очень давно, — заметил Селлитто. — Сейчас все стало несколько сложнее. — Он повернулся к Райму и Сакс: — Я заберу его в

город. Может, Вейр все же захочет поделиться с нами какой-нибудь информацией.

— Подождите! — воскликнул Райм, когда они двинулись к двери. Глаза его не отрывались от списка улик.

— В чем дело? — спросил Селлитто.

— Сбежав после ярмарки от Ларри Бурке, Вейр сбросил с себя наручники.

— Верно.

— Помнишь, мы нашли на них слюну? Осмотри его рот. Может, у него там спрятаны ключ или отмычка.

— Я ничего не прятал. Правда! — быстро сказал Вейр. Селлитто натянул на руки латексные перчатки, предложенные ему Купером.

— Откройте рот. Если укусите меня, разобью вам яйца. Понятно? Одни укус — и яиц нет.

— Понятно. — Кудесник раскрыл рот, и Селлитто осмотрел его, подсвечивая себе фонариком.

— Ничего нет.

— Нужно проверить еще одно место, — напомнил Райм.

— Я приму меры к тому, чтобы это проделали в городе, Линк, — фыркнул Селлитто. — За те деньги, что мне платят, я не готов это делать.

— Подождите, — сказала Кара, когда детектив снова повел Вейра к двери. — Проверьте его зубы. Покачайте их — особенно коренные.

Вейр замер.

— Вы не имеете права!

— Открой рот! — рявкнул Селлитто. — Угроза насчет яиц остается в силе.

Кудесник вздохнул.

— Верхний коренной справа. Я имею в виду — справа, если смотреть от меня.

Взглянув на Райма, Селлитто засунул пальцы в рот Вейра и вытащил фальшивый зуб. В нем оказался небольшой кусочек металла. Положив его на смотровой стол, Селлитто вставил зуб на место.

— Он очень маленький, — сказал детектив. — Неужели Вейр и вправду может использовать его?

— Пару обычных полицейских наручников он открыл бы этим ключом секунды за четыре, — осмотрев найденный предмет, заявила Кара.

— Ну, ты даешь, Вейр! — воскликнул Селлитто. — Пошли.

Кудесник не спускал глаз с Кары.

— Я запомню вас, — сказал он. — Обещаю. Вы знаете фокусы Селбита? Я обожаю их. Возможно, вам удастся сыграть в одном из моих частных представлений, когда я освобожусь.

Селлитто засмеялся.

— Вот именно — когда. — У Райма был задумчивый вид. — Послушай, Лон! — Детектив бросил на него взгляд. — Тебе не кажется, что Вейр опять устроил нам небольшой отвлекающий маневр?

— Вы правы, — кивнула Кара.

Поняв, что Селлитто решил повторить обыск, Вейр посмотрел на него с ненавистью. На сей раз детектив проверил все зубы, и слева, в нижней челюсти, нашел вторую отмычку.

— Я позабочусь о том, чтобы тебя поместили в какое-нибудь особо уютное местечко! — пригрозил детектив. Он вызвал в комнату еще одного полицейского, и они сковали ноги Вейра двумя парами кандалов.

— Так я не могу ходить, — свистящим шепотом сказал Вейр.

— А ты потихонечку, — холодно посоветовал Селлитто. — Потихонечку, помаленечку.

Глава 33

Этот человек получал все сообщения в закусочной, находившейся возле шоссе номер 244. В его трейлере не было телефона — телефонам Хоббс не доверял, поэтому звонил именно из этой закусочной.

Иногда проходило несколько дней, прежде чем поступала нужная информация, но так как сегодня он ждал очень важного звонка, то сразу

после занятий в библейской школе Хоббс Уэнтворт поспешил — насколько это слово вообще было применимо к нему — в закусочную «У Эльмы».

Хоббс был здоровенный мужчина с жиденькой рыжей бородой и более светлым вьющимися волосами. В городишке Кантон-Фоллз никому не пришло бы в голову сказать, что Уэнтворт «делает карьеру», хотя все признавали: работы он не чурается. Главное, чтобы работа была на открытом воздухе и не требовала сложных расчетов, а нанимателем был белый христианин.

Хоббс был женат на тихой серенькой женщине по имени Синди. Она посещала библейскую школу, шила, готовила и наносила визиты подругам, занимавшимся тем же самым. Сам Хоббс большую часть времени работал и охотился, а вечерами общался с друзьями, выпивая и споря (хотя спорами это назвать было трудно, поскольку и Хоббс, и его дружки ко всему относились почти одинаково).

В Кантон-Фоллз, где Хоббс прожил всю жизнь, ему очень нравилось. Здесь было много охотничьих угодий, как правило, не огороженных; жители, люди основательные и добронравные, умели отличить зерно от плевел (упомянутое выше единомыслие распространялось почти на всех обитателей Кантон-Фоллза). Хоббс мог заниматься здесь всем, что ему нравилось. И в первую очередь преподавать в воскресной школе. Имея за плечами всего восемь классов, Хоббс вряд ли предположил бы раньше, что кому-нибудь захочется видеть его в роли учителя. Тем не менее это случилось.

Нет, он не читал проповедей и не распевал псалмы вроде «Я знаю, что Иисус любит меня». Хоббс просто рассказывал детям библейские истории. Но уж в этом деле он был неподражаем — прежде всего потому, что не желал покорно следовать традиции. Например, вместо того, чтобы поведать несмышленышам о том, как Иисус накормил толпу одной рыбой и двумя хлебами, Хоббс говорил им, как Сын Божий отправился на охоту и с расстояния в сто ярдов подстрелил из лука оленя. Потом, прямо на городской площади, выпотрошил и приготовил его и таким образом накормил голодных, (Чтобы проиллюстрировать свой рассказ, Хоббс принес в класс арбалет марки «Клируотер MX Флекс» и — вжик! — к удовольствию деток, на целых три дюйма вогнал в стену закаченный наконечник.)

Сейчас, закончив занятия, он направлялся к «Эльме».

— Привет, Хоббс, — сказала официантка. — Принести пирог?

— Нет, сделай омлет с сыром. И что-нибудь молочное. Да, мне должны были позвонить...

Не успел он договорить, как официантка подала ему листок бумаги, на котором было написано: «Позвони мне. Дж.Б.»

— Это Джедди? — спросила она. — Голос похож на него. С тех пор как здесь побывала полиция, я чтой-то его не видела.

— Придержи на минуту заказ, — не отвечая на ее вопрос, сказал Хоббс. Подойдя к телефону-автомату, он лихорадочно искал в кармане монеты, тогда как мысли его вернулись к обеду, который состоялся две недели назад в «Риверсайд-инн». Там были, кроме него, Фрэнк Стемпл, Джедди Барнс из Кантон-Фоллза и мужчина по имени Эрик Вейр. Последнего Барнс называл Волшебником, потому тот был профессиональным фокусником.

Барнс чрезвычайно польстил Хоббсу, встав при его появлении и сказав Вейру:

— Вот, познакомьтесь, мистер Вейр, это лучший стрелок в округе. И прекрасный водитель.

Сидя за шикарной едой в шикарном ресторане, Хоббс очень гордился собой, хотя немного нервничал (до этого он и не мечтал попасть в «Риверсайд»). Ковыряя вилкой фирменное блюдо, он слушал рассказ Барнса и Стемпла о том, как они познакомились с Вейром. Тот был чем-то вроде наемника — о таких делах Хоббс знал все, поскольку выписывал журнал «Солдат удачи». Заметив у Вейра шрамы и покалеченные пальцы, Хоббс размышлял, что вызвало подобные повреждения. Может, напалм?

Сначала, подозревая ловушку, Барнс не хотел встречаться с Вейром. Однако Волшебник отмел все его подозрения, велев им в определенный день посмотреть по телевизору новости. Главным в них был сюжет об убийстве мексиканца-садовника — нелегального эмигранта, который работал в соседнем городе на одну богатую семью. Вейр принес тогда Барнсу бумажник убитого. Своего рода трофей — как оленьи рога.

Вейр был откровенен с ними. Он сказал Барнсу и другим, что выбрал мексиканца, зная их взгляды на иммигрантов, хотя сам в их дело не верит — его интересует лишь возможность заработать деньги, используя свои особые таланты. За обедом Волшебник изложил план, после чего пожал им руки и уехал. Несколько дней назад они доставили в Нью-Йорк преподобного Свенсена, большого любителя маленьких

девочек, поручив ему убить Грейди в субботу вечером. Он, как и предполагалось, провалил свое задание.

Хоббс должен был оставаться на связи, как сказал мистер Вейр, на тот случай, если понадобится.

И теперь, очевидно, Хоббс понадобился. Набрав номер Джедди Барнса, он услышал в ответ отрывистое «Да!».

— Это я.

Так как полиция штата разыскивала Барнса по всему округу, они условились свести к минимуму все телефонные разговоры.

— Тебе придется сделать то, о чем мы говорили за ленчем, — сказал Барнс.

— Да. Поехать к озеру.

— Верно.

— Поехать к озеру и взять с собой рыболовные снасти.

— Точно.

— Есть, сэр. Когда?

— Немедленно.

— Еду.

Барнс тут же повесил трубку, и Хоббс изменил свой заказ: вместо омлета взял кофе, сандвич с беконом и яйцами, а также пакет молока — в дорогу. Если Джедди Барнс говорит «немедленно», нужно все делать быстро — что бы это ни было.

Получив заказ, Хоббс вышел, завел пикап и выехал на шоссе. Остановился он только один раз — возле своего трейлера. Там он пересел в старый проржавевший «додж», зарегистрированный на несуществующее лицо, и на полной скорости помчался к «озеру», которое на самом деле вовсе не было никаким озером, а означало определенное место в Нью-Йорке.

Точно так же, как «рыболовные снасти» вовсе не были спиннингом и удочкой.

* * *

Действие снова переместилось в Гробницы.

По одну сторону прикрученного к полу стола сидел очень серьезный Джо Рот, низенький и толстый адвокат Эндрю Констебля.

По другую сторону, рядом со своим телохранителем, Роландом Беллом, сидел Чарлз Грейди. Сакс стояла. Комната для допросов, с желтовато-белыми стеклами, вызывала у нее клаустрофобию — последствие давки в «Сирк фантастик». Нервничая, Амелия постоянно покачивалась на каблуках.

Дверь внезапно открылась, и охранник ввел в комнату Констебля. Защелкнув на нем наручники спереди, он вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

— Это не сработало, — сказал Грейди. Как отметила Сакс, прокурор говорил совершенно спокойно, даже бесстрастно.

— Что не сработало? — начал Констебль. — Вы про этого дурака Ральфа Свенсена?

— Нет, про Эрика Вейра, — ответил Грейди.

— Про кого? — Заключенный недоуменно нахмурился.

Грейди объяснил, что бывший фокусник, а ныне профессиональный убийца Эрик Вейр пытался осуществить покушение на членов его семьи.

— Нет, нет, нет... Я не имею никакого отношения к Свенсену. И к этому тоже я не имею никакого отношения.

Заключенный выглядел совершенно беспомощным. Возле его руки на серой поверхности стола были нацарапаны какие-то надписи. Явственно различались А, С и что-то похожее на К.

— Я постоянно твержу вам, Чарлз, что многие из тех, с кем я был некогда знаком, ушли от меня. Вас и государство они считают врагами, продавшимися евреям, афроамериканцам и бог знает кому еще. Они-то и искажают мои слова, используя это дело как предлог для того, чтобы убить вас. — И тихо добавил: — Я готов повторить это. Заверяю вас, что не имею к этому никакого отношения.

— Давайте не устраивать здесь игры, Чарлз, — сказал Рот. — Если у вас есть что-то, позволяющее связать моего клиента с незаконным проникновением...

— Этот Вейр вчера убил двоих — и еще полицейского. За это полагается высшая мера.

Констебль поморщился.

— Я сожалею об этом, — проговорил его адвокат. — Но кажется, вы не обвиняете в этом моего клиента. Наверное, потому, что не можете связать его с Вейром, не так ли?

— Мы предложили Вейру стать свидетелем обвинения, — не ответив Роту, продолжил Грейди.

Констебль беспомощно посмотрел на Сакс. Его взгляд взывал о помощи. Видимо, он полагал, что она проявит женскую снисходительность. Но Сакс хранила молчание — так же как и Белл. Споры с подозреваемыми не входили в их обязанности. Детектив находился здесь, чтобы охранять Грейди и узнать как можно больше об уже состоявшемся покушении на жизнь прокурора и других возможных нападениях. Сакс пришла сюда для того, чтобы получить информацию о Констебле и его соратниках, которая укрепила бы обвинения против Вейра.

Кроме того, Констебль вызывал у нее любопытство — о нем говорили, что он дьявол, однако этот заключенный производил впечатление разумного человека, искренне удрученного последними событиями. Райм обычно ограничивался одними уликами; ему не хватало терпения для того, чтобы исследовать моральное состояние и внутренний мир преступников. Сакс, напротив, чрезвычайно интересовали вопросы добра и зла. Кто сейчас перед ней — невиновный человек или новый Гитлер?

Констебль покачал головой:

— Послушайте, какой мне смысл убивать вас? Государство назначит нового прокурора, суд продолжится, только на мне повиснет еще и обвинение в убийстве. Зачем мне это? По какой причине я захотел бы убить вас?

— Потому что вы слепой фанатик, убийца и...

— Мне уже многое пришлось испытать, сэр! — горячо возразил Констебль. — Меня арестовали, унизив перед моей семьей, меня унижали здесь и в прессе. Знаете, в чем состоит мое единственное преступление? — Он устремил взгляд на Грейди. — В том, что я задаю неприятные вопросы.

— Эндрю! — Рот взял его за руку, но заключенный отдернул ее. Он кипел от негодования, и теперь его нельзя было остановить. — Здесь, в этой комнате, сейчас, я вновь совершу то единственное преступление, в котором повинен. Нарушение первое: я спрашиваю, согласны ли вы с тем, что правительство, наделенное слишком большими полномочиями, теряет контакт с народом? Именно тогда копы получают право засовывать ручку от швабры в задний проход заключенного — между прочим, ни в чем не повинного.

— Их схватили, — вяло заметил Грейди.

— То, что их отправили в тюрьму, не вернет достоинство этому бедняге. А скольких еще не поймали?.. Посмотрите, что творится в Вашингтоне. Террористам позволяют свободно въезжать в нашу страну с намерением убить нас, а мы не смеем их оскорбить, -выдворив отсюда или заставив оставлять отпечатки пальцев и носить с собой удостоверения личности... А вот еще один вопрос, который я задавал: считаете ли вы, что правительство вправе отдавать деньги налогоплательщиков художникам? Вроде того типа, который сделал статуи Иисуса, Марии и Иосифа из коровьего навоза. Признаться, я не думаю, что это произошло вопреки воле Бога — ведь это он создал и скульптора, и коров. Но почему правительство тратит на подобную чепуху мои деньги, заработанные тяжким трудом? — Полицейские и Грейди молчали. — А вот еще одно правонарушение. Позвольте спросить вас, почему мы не признаем различий между расами и культурами? Я никогда не утверждал, что какая-то раса или культура лучше или хуже других. Я только говорю, что нельзя смешивать их.

— Мы уже давно избавились от сегрегации, — протянул Белл. — Это, знаете ли, считается преступлением.

— Продажа спиртного в свое время тоже считалась преступлением, детектив. Считалось преступлением и работать по воскресеньям. С другой стороны, считалось законным, когда десятилетние дети вкалывали на фабриках. А потом люди поумнели и изменили эти законы, потому что они не соответствуют природе человека. — Подавшись вперед, Констебль посмотрел сначала на Белла, потом на Сакс. — Здесь находятся мои друзья полицейские... Позвольте задать вам еще один неудобный вопрос. Вот вы получили сообщение, что какой-то человек или испано-язычный черный совершил преступление. Вы видите его в переулке. Признайтесь, разве ваш палец не более уверенно чувствует себя на спусковом крючке, чем в том случае, когда перед вами белый? Или же если он белый и выглядит прилично, если у него все зубы целы и одежда не воняет вчерашней мочой — разве в таком случае вы не помедлите, прежде чем нажать на этот самый крючок? Разве вы не станете обыскивать его чуточку поспокойнее? Вот в этом и заключаются

мои преступления. — Констебль откинулся назад и покачал головой. — В этом они и заключаются.

— Прекрасно исполнено, Эндрю, — процедил Грейди.

— Но прежде чем разыгрывать карту мученика, может, поразмыслите над тем, что Эрик Вейр две недели назад обедал с тремя людьми в ресторане «Риверсайд-инн», находящемся в Бедфорд-Джанкшене — в двух шагах от места заседаний «Ассамблеи патриотов» в Кантон-Фоллзе и в пяти — от вашего дома.

— В «Риверсайд-инн»? — удивился Констебль. Он посмотрел в окно — такое мутное, что невозможно было сказать, какого цвета сейчас небо.

Глаза Грейди сузились.

— Что? Вы что-то знаете об этом месте?

— Я...

Адвокат коснулся руки заключенного, заставив замолчать. Они недолго пошептались, после чего Констебль кивнул.

— Вы знаете кого-то из тамошних завсегдатаев? — продолжал нажимать Грейди.

Констебль взглянул на Рота, но тот покачал головой, и заключенный ничего не ответил.

— Как вам нравится ваша камера, Эндрю? — немного помолчав, спросил Грейди.

— Моя...

— Ну да, ваша камера здесь, в тюрьме.

— А какой же она должна быть? Я ведь все-таки подозреваемый.

— Она самая плохая из всех. А потом вам придется перейти в одиночку, потому что черные из числа заключенных захотят...

— Ближе к делу, Чарлз, — устало сказал Рот. — Не надо нас пугать.

— Хорошо, Джо, перехожу прямо к делу. Все, что я до сих пор слышал, — «я не делал того, не делал этого». Что кто-то его подставил, кто-то использовал. Если так и есть, — Грейди взглянул на Констебля, — докажите мне это. Докажите, что вы не имеете ничего общего с теми, кто

пытался убить меня и мою семью, и назовите мне их имена. Вот тогда и поговорим.

Заключенный и адвокат снова начали шептаться.

— Мой клиент хочет сделать несколько телефонных звонков, — наконец объявил Рот. — В зависимости от того, что мы выясним, он, возможно, согласится сотрудничать.

— Этого недостаточно. Назовите несколько имен сейчас же.

— Есть только одна возможность, — глядя в глаза Грейди, сказал Констебль. — Мне нужно во всем убедиться.

— Боитесь выдать своих друзей? — осведомился прокурор. — Что ж, мой друг, по вашим словам, вы любите задавать неприятные вопросы. Тогда позвольте мне задать вам один из таких вопросов: что же это за друзья, если они хотят до конца жизни отправить вас в тюрьму? — Грейди поднялся. — Если мы ничего не услышим от вас до девяти вечера, завтра состоится суд, как и планировалось.

Глава 34

Это не совсем походило на сцену.

Когда десять лет назад Дэвид Бальзак вышел на пенсию и купил «Зеркала и дым», в задней части помещения он устроил небольшой театр. Не имея лицензии, Бальзак не брал входной платы, однако давал рекламу и проводил представления — в воскресенье днем и в четверг вечером. Его ученики, выступая на сцене, могли получить хоть какой-то опыт.

И чем эта сцена отличается от других?

Кара уже знала, что домашние тренировки и выступления перед публикой разнятся между собою как день и ночь. Когда ты оказываешься перед зрителями, происходит нечто необъяснимое. Невероятные трюки, которые дома никак не удавались, здесь проходят на удивление легко благодаря какому-то таинственному адреналину, заставляющему тебя чувствовать, что ты можешь все.

С другой стороны, во время выступления очень просто провалить какой-нибудь второстепенный трюк вроде «французского сброса»[19] одной монеты — движение столь обычное, что тебе и в голову не придет запланировать какие-то действия на тот случай, если монета исчезнет в неизвестном направлении.

Деловую часть магазина отделял от театра высокий черный занавес: он колыхался на сквозняке, когда открывалась входная дверь.

Сейчас время приближалось к четырем часам дня, зрители один за другим входили в театр и постепенно заполняли последние ряды (на таких представлениях в первом ряду сидеть никто не хочет, опасаясь, как бы не пришлось «добровольно» выйти на сцену).

Стоя за занавесом, Кара смотрела на сцену. Обшарпанные черные стены, неровный дубовый пол. Задником служила замызганная красная шаль. Да и сама сцена была совсем крошечной — три на четыре метра.

Тем не менее это была сцена, и Кара, стоя под лучами прожектора, чувствовала себя так, словно находилась в «Карнеги-холл».

Подобно эстрадным артистам или салонным магам, большинство иллюзионистов исполняют серию не связанных между собой трюков. Конечно, они вольны при этом регулировать темп, добиваясь эффектного финала, но, как считала Кара, это все равно что смотреть на огонь — каждая вспышка впечатляет, но эмоционально такое зрелище не удовлетворяет из-за отсутствия общей темы. Представление иллюзиониста должно быть некоей историей, где все трюки связаны между собой и вытекают один из другого. Только при этом условии очарованная публика будет смотреть на все затаив дыхание.

В театр входили все новые зрители. Интересно, сколько их будет сегодня, подумала Кара, хотя это не имело для нее особого значения. Она любила историю о Роберт-Удэне, который однажды, выйдя на сцену, увидел в зале всего трех зрителей. Он показал свое обычное представление так, словно зал был полон, вот только конец оказался другим: фокусник пригласил публику к себе домой, на ужин.

В своем номере Кара была уверена — мистер Бальзак заставлял ее неделями репетировать выступление. И теперь, в последние несколько минут перед тем, как поднимут занавес, она не думала о трюках, а просто рассматривала публику, наслаждаясь кратким моментом душевного покоя. Вероятно, она не имела права испытывать такой покой; существовало множество причин, препятствующих подобной безмятежности: состояние здоровья матери, проблемы с деньгами, наконец, то, что, по мнению мистера Бальзака, ее обучение продвигается слишком медленно. Ко всему прочему, парень, который бросил ее три недели назад, обещал позвонить на следующий день: «Обязательно позвоню. Обещаю».

Однако трюк с исчезнувшим любовником, так же как и номера под названием «Испаряющиеся деньги» и «Увядающая мать», сейчас не волновали Кару.

До тех пор, пока она на сцене.

Сейчас ее тревожило только одно — увидит ли она на лицах зрителей определенное выражение. Кара ясно представляла себе это выражение: губы слегка улыбаются, глаза широко раскрыты от удивления, брови сдвинуты. Человек словно молча задает самый приятный для любого иллюзиониста вопрос: как же он это сделал? В удачный вечер Кара видела много таких лиц; в неудачный — хотя бы несколько.

В фокусах «крупным планом» эффект трансформации объекта достигается тем, что вы незаметно убираете оригинал и заменяете его другим предметом, тогда как публике кажется, будто оригинал превращается в нечто совсем иное. Именно так и поступала Кара. Она изгоняла скуку, печаль или гнев, заменяя их радостью, интересом к жизни, душевным покоем, и тем самым превращала своих зрителей в довольных и веселых людей.

Кажется, уже пора. Кара выглянула из-за занавеса. К ее удивлению, почти все места в зале были уже заняты. Когда стоит такая хорошая погода, зрителей обычно бывает немного. Кара обрадовалась, увидев, что на представление приехала Джейнин из дома престарелых — ее массивная фигура мгновенно перегородила дверной проем. С ней прибыли еще несколько медсестер. Найдя свободные места, они сели. Пришли подруги Кары из журнала, а также соседи по дому на Гринвич-стрит.

Ровно в четыре занавес поднялся, и тут в зале появился последний зритель — тот, кого она совсем не ожидала.

— А тут все очень демократично, — заметил Линкольн Райм, подъехав на своей коляске поближе к сцене. — Вечерний костюм совсем не обязателен.

Час назад он сильно удивил Сакс и Тома, предложив им отправиться на представление Кары.

— Просто преступление сидеть дома в такой чудный весенний день, — добавил Райм. Оба с недоумением уставились на него — даже до катастрофы Линкольн не отличался особым пристрастием к прогулкам. — Шучу, шучу! — поспешно сказал он. — Подготовь, пожалуйста, фургон, — попросил Райм помощника.

— Надо же — он даже сказал «пожалуйста», — удивленно заметил Том.

Оглядевшись в зале, Райм заметил, что на него смотрит крупная негритянка. Неспешно поднявшись, она пересела к Сакс, пожала ей руку и приветливо кивнула Райму, после чего спросила, не они ли те самые полицейские, которым помогала Кара. Райм ответил утвердительно, и они представились друг другу.

Выяснилось, что негритянка по имени Джейнин — медсестра из дома престарелых, в котором живет мать Кары.

При упоминании о доме престарелых Райм бросил на Джейнин взгляд.

— Ой! — спохватилась та. — Я что, и вправду так сказала? Я имела в виду — дом для пожилых людей.

— Я ведь выпускник ЦОПТИ, — сообщил криминалист.

Джейнин покачала головой:

— Не слышала о таком.

— Центр по оказанию помощи при травматических инцидентах, — пояснил Том.

— Я называл его гостиницей для калек, — уточнил Райм.

— Это он специально вас провоцирует, — добавил Том.

— Я работала со спинальниками. Нам всегда больше нравились пациенты, говорившие гадости. Веселые и тихие пугали нас.

Наверное, потому, подумал Райм, что эти последние заставляют друзей насыпать им в питье по сотне таблеток снотворного. Или, в том случае если могут сами пользоваться руками, заливают водой горелки газовой плиты и открывают газ.

«Четырехконфорочная смерть» — вот как это называется.

— Вы без «вентилятора», — заметила Джейнин. — Ну вы молодец!

— Мать Кары здесь? — оглядываясь, поинтересовалась Сакс.

— Нет, — нахмурившись, ответила Джейнин.

— Она когда-нибудь приезжает посмотреть на нее?

— Мать Кары не знает о ее карьере, — осторожно сказала женщина.

— Кара говорила мне, что ее мать больна, — сказал Райм. — Она выздоравливает?

— Разве что чуть-чуть.

Райм почувствовал, что за этими словами скрывается какая-то история, однако, судя по тону медсестры, она не считала возможным обсуждать с посторонними проблемы своих пациентов.

Тут свет в зале погас, и все сразу замолчали.

На сцену вышел седой мужчина. Несмотря на возраст и нездоровый образ жизни, о чем свидетельствовали нос пьяницы и пожелтевшая от табака борода, взгляд его был острым, осанка величественной и на сцену он поднялся легко. Сейчас он стоял рядом с единственным предметом театрального реквизита — деревянным подобием римской колонны. Окружающая обстановка казалась весьма убогой, но мужчина был в безукоризненном сером костюме, словно подчинялся неписаному правилу: выходя на сцену, надо выглядеть наилучшим образом.

А, догадался Райм, так это и есть тот самый пресловутый ментор Дэвид Бальзак. Он не представился, но, обведя глазами публику, задержал свой взгляд на Райме. Что он при этом подумал, так и осталось неизвестным.

— Сегодня, леди и джентльмены, — начал Бальзак, — я с удовольствием представляю вам одну из моих лучших учениц. Кара занимается у меня уже больше года. Сейчас она покажет вам самые невероятные иллюзии. Одни из них — мое изобретение, другие — ее. Не удивляйтесь, — Бальзак устремил на Райма демонический взгляд, — и не возмущайтесь тем, что сегодня увидите. А теперь, леди и джентльмены, перед вами... Кара.

Райм решил провести этот час как ученый. Он с удовольствием будет разгадывать механизм ее иллюзий, подмечать, как она делает трюки, как прячет в руке карты и монеты, куда девает костюмы для иллюзионной трансформации. Пока Кара на несколько очков опережала его в этой игре под названием «Улови движение», о которой, несомненно, даже не подозревала.

На сцену вышла молодая женщина в черном облегающем трико с аппликацией на груди в виде полумесяца и в блестящей накидке, напоминающей полупрозрачную римскую тогу. Райм не считал Кару ни привлекательной, ни сексуальной, однако сейчас, в облегающей одежде, она выглядела весьма чувственно. У нее была походка танцовщицы — плавная и гибкая. Наступила длинная пауза: Кара не спеша оглядывала

аудиторию. Казалось, будто она старается заглянуть в глаза каждому. Напряжение в зале нарастало.

— Превращение, — наконец сказала она театральным тоном. — Превращение... Как оно пленяет нас. Когда-то алхимики превращали в золото свинец и олово... — Кара подняла вверх серебряную монету, сжала ее в кулаке, а когда мгновением позже разжала кулак, на свет появилась золотая монета, которую она подбросила в воздух и та обернулась ливнем золотистых конфетти.

Публика ответила аплодисментами и шепотом удовольствия.

— Превращение... Ночь... — освещение в зале внезапно погасло, но спустя несколько секунд зажглось вновь, — превращается в день. — Теперь на Каре была уже другая одежда — того же покроя, но только золотистая, с аппликацией на груди в форме звезды. Быстрота, с которой совершилось переодевание, невольно вызвала у Райма смех. — Жизнь, — в руке Кары появилась красная роза, — сменяется смертью... — Она обхватила розу руками, и та превратилась в засохший желтый цветок. — И опять сменяется жизнью. — Мертвый стебелек внезапно сменился букетом живых цветов, и Кара вручила его одной из зрительниц. Райм услышал, как та с удивлением шепчет:

«Они настоящие!»

Опустив руки, Кара вновь оглядела аудиторию. Лицо ее было серьезным.

— Есть одна книга, — звучным голосом сказала она, — которая написана тысячи лет назад римским писателем Овидием. Эта книга называется «Метаморфозы». От слова «метаморфозис» — когда гусеница превращается... — Кара раскрыла ладонь, и оттуда вылетела бабочка, сразу же скрывшаяся за сценой.

В свое время Райм четыре года учил латынь, и ему приходилось переводить Овидия. Помнится, это было тринадцать или четырнадцать коротких мифов, изложенных в поэтической форме. С чего это Кара вдруг вспомнила о них? Читать лекцию о классической литературе перед аудиторией, состоящей из мам-адвокатесс и их деток, думающих только о своих «нинтендо» и музыкальных центрах, — это, пожалуй, чревато (правда, легкий облегающий костюм Кары явно привлекает внимание всех подростков).

— "Метаморфозы", — продолжала между тем Кара, — это книга о превращениях. О том, как люди превращаются в других людей, в животных, в деревья, в неодушевленные предметы. Одни рассказы Овидия трагичны, другие увлекательны, но все они имеют между собой

нечто общее. — Выдержав паузу, она громко произнесла: — Это магия! — и исчезла в облаке светящегося дыма.

В течение следующих сорока минут Кара очаровывала аудиторию серией иллюзий и манипуляций — все они были тематически связаны с той или иной поэмой из «Метаморфоз» Овидия. Райм вскоре отказался от попыток уловить движения ее рук. Конечно, он был увлечен драматизмом ее историй, но даже когда криминалисту удавалось избавиться от чар и следить за движениями рук Кары, он не мог понять ее метод. После долгих оваций и вызова на бис, когда Кара превращалась в пожилую женщину, а затем в молодую («молодой становится старым... старый — молодым»), она наконец покинула сцену. Через пять минут Кара, в джинсах и белой блузке, вышла в зал, чтобы поздороваться с друзьями.

Продавец бальзаковского магазина выставил на стол кувшин с вином, булочки, кофе и прохладительные напитки.

— А скотча нет? — спросил Райм, окинув взглядом скромное угощение.

— Простите, нет, сэр, — ответил бородатый молодой человек.

Сакс, уже державшая в руках бокал с вином, приветственно кивнула присоединившейся к ним Каре.

— Как здорово! — воскликнула та. — Я и не думала вас здесь увидеть.

— Ну что сказать? — улыбнулась Сакс. — Это просто фантастика.

— Великолепно, — подтвердил Райм, поглядывая в сторону бара. — Может, там где-нибудь есть виски, а, Том?

— А характер вы можете менять? — поинтересовался Том. Взяв два бокала шардонне, он опустил в один соломинку и подал Райму. — Или это, Линкольн, или вообще ничего.

— Мне понравилась концовка молодость — старость, — сделав глоток, сказал Райм. — Этого я не ожидал. Боялся, что в конце вы сами превратитесь в бабочку.

— Такое не исключено. Со мной можно ожидать чего угодно. Помните, мы говорили о ловкости ума?

— Кара, — сказала Сакс, — ты обязательно должна устроиться в «Сирк фантастик».

Та только засмеялась.

Как показалось Райму, она не хотела касаться этой темы.

— Я иду по графику. Здесь не должно быть спешки. Многие допускают ошибку, пытаясь слишком быстро вырваться вперед.

— Давайте пойдем куда-нибудь поедим, — предложил Том. — А то я просто умираю от голода. Джейнин, вы тоже пойдете с нами.

Толстушка ответила, что будет очень рада, и предложила одно место возле Джефферсон-маркет на углу Шестой и Десятой.

Кара, однако, отказалась, сославшись на то, что должна поработать над теми номерами, которые не удались ей во время выступления.

— Да ты с ума сошла, девушка! — нахмурилась Джейнин. — Это тебе-то нужно еще поработать?

— Всего пару часов. Друг мистера Бальзака устраивает вечером частное представление, поэтому мэтр рано закроет магазин, чтобы посмотреть его. — Обменявшись номерами телефонов и пообещав не терять связь, Кара и Сакс обнялись. Райм еще раз поблагодарил Кару.

— Без вас мы бы его не поймали.

— Мы еще приедем к вам в Лас-Вегас, — засмеялся Том.

Райм направил свою коляску к выходу из магазина. Посмотрев налево, он увидел, что Бальзак наблюдает за ним. Затем иллюзионист повернулся к подошедшей к нему Каре, и с ним та держалась совсем по-другому — робко и застенчиво.

Метаморфозы, подумал Райм, глядя, как Бальзак закрывает дверь, изолируя от обычного мира волшебника и его ученицу.

Глава 35

— Повторяю: если вам нужен адвокат, вы получите его.

— Я понимаю, — пробормотал Эрик Вейр.

Сейчас они находились в кабинете Селлитто — небольшой комнате, украшенной, как написал бы в рапорте сам детектив, «фотографией младенца, фотографией мальчика, женской фотографией, картиной с изображением какого-то озера и мертвым растением».

В этом кабинете Селлитто допросил уже сотни подозреваемых. Единственное различие между ними и Эриком Вейром состояло в том,

что убийца был прикован двумя парами наручников к стоящему перед столом серому стулу, а за его спиной находился вооруженный патрульный.

— Вам это понятно?

— Я уже сказал: да, — объявил Вейр.

Допрос начался.

В отличие от Райма, специализировавшегося на вещественных доказательствах, детектив первого класса Лон Селлитто был универсальным копом — детективом в полном смысле слова. Он «выявлял» правду, используя ресурсы Нью-Йоркского управления полиции и сопредельных служб, собственную хватку и знание законов улицы. Быть копом — это лучшее в мире занятие, говаривал Селлитто. Эта работа заставляет вас превращаться в актера, политика, шахматного игрока, а иногда — в гангстера или громилу.

Одной из самых привлекательных сторон работы было то, что она давала возможность вести допрос, заставляя подозреваемых сознаться в совершенном преступлении, называть имена сообщников, сообщать местонахождение добычи или тела жертвы.

На сей раз, однако, с самого начала стало ясно, что этот преступник не собирается ни о чем рассказывать.

— Итак, Эрик, что вы знаете об «Ассамблее патриотов»?

— Ничего. Я только читал о них, — ответил Вейр, пытаясь почесать нос о плечо. — Не могли бы вы хоть на минуту снять с меня наручники?

— Нет. Так вы только читали об этой «Ассамблее»?

— Верно.

— Где?

— Кажется, в журнале «Тайм».

— Вы же образованный человек, у вас хорошая речь. Не думаю, что вы разделяете их философию.

— Конечно, нет, — просвистел тот. — По-моему, они сумасшедшие фанатики.

— Поскольку вы не разделяете их политическую линию, единственная причина, побудившая вас убить по заказу «Ассамблеи» Чарлза Грейди, — это деньги. Мы хотим точно знать, кто вас нанял.

— Я вовсе не собирался убивать его, — прошептал задержанный.

— Но вы же проникли в его квартиру с заряженным оружием.

— Я люблю сложные задачи. Например проникнуть туда, куда никто не может попасть. Я никому не причинил вреда. — Последние слова лишь отчасти предназначались Селлитто. Вейр говорил все это, видя, что на него направлена видеокамера.

— А как вам понравилось жареное мясо? Или вы предпочли индейку?

— О чем это вы?

— О ленче в Бедфорд-Джанкшене. В «Риверсайд-инн». Скорее всего вы ели индейку, а ребята Констебля — жареное мясо, бифштекс и фирменное блюдо. Так что все-таки ел Джедди?

— Кто? А, тот человек, о котором вы меня спрашивали! Барнс. Так вы говорите о том самом счете! Да я просто нашел его. Мне нужно было что-то записать, и я поднял первый попавшийся клочок бумаги.

— Так вам понадобилось что-то записать?

Вейр кивнул.

— И где же вы тогда были? — раздраженно осведомился Селлитто. — Когда вам понадобился этот листок?

— Не помню. Кажется, в «Старбаксе».

— В котором из них?

Вейр покачал головой:

— Не помню.

Обычно преступники вспоминают про «Старбакс» гораздо позднее, когда начинают придумывать себе алиби. По мнению Селлитто, это происходило потому, что кафе, входящих в эту сеть, очень много, и все они выглядят одинаково. Преступникам легко сделать вид, будто они точно не знают, в каком из них были в то или иное время.

— А почему же там пусто? — спросил Селлитто.

— Где пусто?

— На обороте счета. Если вы взяли его, собираясь что-то записать, почему же не записали?

— Наверное, не мог найти ручку.

— В «Старбаксах» есть ручки. Там их полно. Они нужны для того, чтобы подписывать квитанции при оплате по кредитной карточке.

— Продавщица была занята, а мне не хотелось беспокоить ее.

— И что же вы хотели записать?

— Гм! Время начала киносеанса.

— Где тело Ларри Бурке?

— Кого?

— Полицейского, который арестовал вас на Восемьдесят восьмой улице. Вчера вечером вы сказали Линкольну Райму, что убили его и спрятали тело где-то на Вест-Сайде.

— Я просто пытался убедить его, будто решил напасть на цирк, чтобы увести в сторону. Я дал ему ложную информацию.

— А когда вы вчера признались в убийстве других жертв, это тоже была ложная информация?

— Конечно. Я никого не убивал. Это сделал кто-то другой, и теперь он пытается повесить все на меня.

Ах вот оно что! Самый старый способ защиты. Самый неубедительный и самый нелепый.

— И кому же понадобилось вас подставлять?

— Понятия не имею. Очевидно, тому, кто меня знает.

— Тому, кто имеет доступ к вашей одежде, парикам и вещам, а значит, может оставить их на месте преступлений.

— Именно.

— Хорошо. Тогда список будет коротким. Назовите мне хоть какие-то имена.

Вейр закрыл глаза.

— Ничего не приходит на ум. — Его голова поникла. — Все это так ужасно.

Селлитто и сам не смог бы сформулировать это точнее.

За этой утомительной игрой прошло еще полчаса. В конце концов детектив сдался. Его приводила в бешенство мысль о том, что, тогда как он скоро отправится к своей подружке, приготовившей ему ужин, патрульный Ларри Бурке уже никогда не вернется к своей жене.

— Глаза в мои тебя больше не видели, — с ненавистью бросил Селлитто.

Вместе с другими полицейскими он доставил арестованного в находящийся в двух кварталах от управления мужской Центр предварительного заключения. Вейра должны были содержать под стражей по обвинению в убийстве, покушении на убийство, угрозе физическим насилием и поджоге. Детектив особо предупредил сотрудников центра, что преступник обладает большими способностями и может попытаться бежать. Они заверили его в том, что поместят Вейра в специальный блок, откуда сбежать невозможно.

— Детектив Селлитто! — хриплым шепотом окликнул его Вейр, когда тот собрался уходить. Детектив обернулся. — Клянусь Богом, я не делал этого! — Казалось, в голосе Вейра звучит искреннее отчаяние. — Возможно, отдохнув, я вспомню что-то полезное для вас, и вы найдете настоящего убийцу. Я действительно хочу вам помочь.

* * *

Внизу, в Гробницах, двое сотрудников Управления исправительных учреждений, крепко держа арестованного за руки, вели его в отдел регистрации.

А он не кажется таким уж опасным, думала Линда Уэллес. Да, Вейр довольно сильный, но ему далеко до скотов из «Алфавита» или Гарлема, с которыми им приходится иметь дело. У них такие мышцы, что им не могут повредить ни спиртное, ни наркотики.

Она не понимала, к чему такая суматоха вокруг этого тощего и немолодого Эрика Вейра.

Не отпускайте преступника, постоянно следите за его руками. Не снимайте оков.

Арестованный выглядел грустным и усталым, ему было трудно дышать. Любопытно, что с его руками и шеей — это от огня или от кипящего масла? При мысли о том, какую боль испытал тогда Вейр, Линда содрогнулась.

Она помнила, что сказал заключенный детективу Селлитто: «Я действительно хочу помочь вам». Вейр походил на школьника, огорчившего родителей.

Несмотря на все страхи детектива Селлитто, фотографирование и снятие отпечатков пальцев прошли без всяких инцидентов, и вскоре арестованный снова был в двойных наручниках и ножных кандалах. Крепко взяв Вейра за руки, Уэллес и ее напарник Хенк, мужчина-охранник, двинулись по длинному коридору к лифту, ведущему на особо охраняемые этажи.

За время своей службы Уэллес имела дело с сотнями преступников и считала, что не реагирует на их мольбы, протесты и слезы. Однако обещание, которое Вейр дал детективу Селлитто, чем-то тронуло ее. Может, он и вправду невиновен. На убийцу Вейр мало похож.

В этот момент заключенный поморщился, и Уэллес слегка ослабила хватку.

Мгновение спустя Вейр застонал и привалился к ее плечу. Лицо его было искажено болью.

— В чем дело? — спросил Хенк.

— Судорога, — выдохнул Вейр. — Очень больно… О Господи! — Он тихо вскрикнул. — Кандалы!

Его левая нога, твердая как дерево, дрожала.

— Расковать его? — спросил охранник.

— Нет, — поколебавшись, ответила Уэллес. — А вы сядьте, сядьте, — сказала она Вейру. — Я сейчас займусь этим. — Как бегунья, Уэллес хорошо знала, чем облегчить судороги. Возможно, Вейр не притворяется, похоже, у него сильная боль, а мышца твердая как железо.

— О Боже! — кричал Вейр. — Кандалы!

— Надо бы снять их, — предложил Хенк.

— Нет, — твердо повторила Уэллес. — Сейчас усадим его на пол, и я обо всем позабочусь.

Они усадили Вейра на пол, и Уэллес начала массировать ему ногу. Отойдя чуть в сторону, Хенк наблюдал за ее действиями. На секунду оторвавшись от своего занятия, она случайно подняла взгляд и заметила, что скованные руки Вейра, все еще находившиеся за спиной, как-то сдвинулись набок, а его брюки немного приспущены.

Приглядевшись, Уэллес увидела, что прилепленная к внешней поверхности бедра полоска лейкопластыря «банд-эйд» почти отлепилась и — что за чертовщина? — из-под нее что-то выглядывало.

В этот момент Вейр открытой ладонью сильно ударил ее по носу, перебив хрящи. От резкой боли Уэллес задохнулась.

Ключ! Под лейкопластырем он прятал ключ или отмычку.

Хенк быстро протянул руку к заключенному, но Вейр еще проворнее вскочил на ноги и локтем ударил его по горлу. Охранник упал, кашляя и задыхаясь. Вцепившись в рукоятку пистолета Уэллес, Вейр попытался вытащить его из кобуры. Напрягая все силы, она обеими руками удерживала его. Уэллес закричала, но хлынувшая из сломанного носа кровь заливала ей горло, и она начала задыхаться.

Все еще держась за ее пистолет, заключенный опустил левую руку и в какие-то доли секунды освободил свои ноги от всех трех пар оков. Потом он обеими руками сильно потянул на себя «глок».

— Помогите! — кашляя кровью, закричала Уэллес. — На помощь!

Вейру все же удалось вытащить оружие из кобуры, но Уэллес, помня о своих детях, мертвой хваткой вцепилась в его руку. Дуло пистолета развернулось в сторону пустого коридора. Хенк, стоя на четвереньках, судорожно хватал ртом воздух.

— Помогите! — кричала Уэллес. — Нападение на офицера! Помогите!

В конце коридора открылась дверь и оттуда кто-то выбежал. Однако коридор сейчас казался очень длинным — не меньше десяти миль, а Вейр постепенно одерживал верх. Они покатились по полу, его лихорадочно сверкающие глаза были совсем близко от Уэллес, ствол пистолета медленно разворачивался в ее сторону. В конце концов он оказался между ними. Задыхаясь, заключенный тянул палец к спусковому крючку.

— Нет, пожалуйста, не надо! — взмолилась Уэллес, но заключенный только жестоко улыбнулся. Черный глаз пистолета уставился на Линду, в любую секунду готовый выстрелить.

Перед глазами охранницы промелькнули образы ее маленькой дочери, мужа, матери...

Ну уж нет! — придя в ярость, подумала Уэллес и резко оттолкнулась ногой от стены. От неожиданности Вейр повалился на спину, а Линда упала на него сверху.

Пистолет оглушительно выстрелил, от сильной отдачи рука Уэллес дернулась назад.

По стене разлетелись брызги крови.

Нет, нет, нет!

Ну пожалуйста, пусть с Хенком будет все в порядке! — молча взмолилась она.

Ее напарник по-прежнему силился встать на ноги; пуля явно миновала его. И тут Уэллес вдруг осознала, что уже не борется за пистолет, а спокойно держит его в руке. Дрожа, она вскочила на ноги и попятилась.

О Боже...

Пуля угодила заключенному в голову. Стена была заляпана кровью и мозгом. Вейр лежал на спине, его остекленевшие глаза смотрели в потолок. Кровь из виска стекала на пол.

— Что я наделала, черт побери! — простонала дрожащая Уэллес. — О Боже! Помогите же ему!

В этот момент к ней подбежали сотрудники Управления исправительных учреждений. Она повернулась к ним, но тут заметила, что все они застыли на месте.

Может, у нее за спиной еще один преступник? Уэллес ахнула от ужаса. Быстро обернувшись, она увидела, что коридор пуст. Между тем ее коллеги все еще стояли на месте, зачем-то подняв руки. И что-то кричали. Оглушенная выстрелом, она никак не могла понять, что они хотят ей сообщить.

— Господи Иисусе, твое оружие, Линда! — наконец услышала она. — Да опусти же его! Посмотри, куда ты целишься!

К своему ужасу, она обнаружила, что размахивает своим «глоком», направляя его то в потолок, то на дверь, то на своих коллег — словно ребенок, вертящий в руках игрушечный пистолетик.

Поняв это, Уэллес расхохоталась как безумная. Уже положив пистолет в кобуру, она вдруг ощутила что-то твердое, прилипшее к ее брюкам, и машинально стряхнула это с себя. Это была окровавленная кость из черепа Вейра.

— Ой! — воскликнула Уэллес и, смеясь так, будто кто-то щекотал ее, плюнула на руку и начала сосредоточенно оттирать кровавое пятно. Ее движения становились все более лихорадочными. Потом Уэллес внезапно перестала смеяться и, упав на колени, разразилась мучительными рыданиями.

Глава 36

— Видела бы ты это, мама. Думаю, я поразила их. — Сидя на стуле, Кара держала в руках полуостывшую чашку кофе.

— Целых сорок пять минут я полностью владела сценой.

Ты...

Это не было воображаемым диалогом. Старая женщина пришла в сознание и произнесла это слово вполне уверенно.

Ты.

Однако Кара не знала, что именно хотела сказать ее мать.

Это могло означать: «Что ты сказала?»

Или: «Кто ты? Почему пришла в мою комнату и сидишь здесь с таким видом, будто мы давно знакомы?»

Или: «Я когда-то слышала слово „ты“, но не помню, что оно означает, а спросить стесняюсь. Я понимаю, что это важно, но не могу вспомнить. Ты, ты, ты...»

Тут мать Кары посмотрела в окно, на зеленые стебли плюща, и сказала:

— Все получилось прекрасно. Мы отлично с этим справились.

Кара знала, что, когда мать в таком состоянии, беседовать с ней бесполезно. Произнесенные фразы совершенно не связаны друг с другом. Иногда она теряет нить разговора и смущенно замолкает.

Поэтому Кара продолжала свой рассказ о только что состоявшемся представлении. А потом, с еще большим воодушевлением, поведала матери о том, как помогала полиции поймать убийцу.

На миг брови матери приподнялись; казалось, она узнала Кару, и сердце девушки учащенно забилось.

— Я нашла банку, — услышала, однако, Кара. — Я уже думала, что больше никогда не увижу ее.

И старая женщина откинулась на подушку.

Кара беспомощно сжала кулаки.

— Это я, мама! Я! Королевский отпрыск. Ты видишь меня?

— Тебя?

«Черт побери! Будь проклят демон, вселившийся в несчастную и овладевший ее душой! Оставь ее в покое! Верни ее мне!»

— Привет! — послышался в дверях женский голос. Вздрогнув, Кара осторожно, словно исполняла «французский сброс», смахнула со щеки слезы и только после этого обернулась.

— Привет! — сказала она Амелии Сакс. — Ты все-таки выследила меня.

— Но я же коп. Мы всегда так поступаем. — Держа в руках две чашки от «Старбакса», Амелия вошла в палату. — Извини. Кажется, я перестаралась. — Она посмотрела на чашку в руках Кары.

Та смяла пустую картонку и, бросив в корзину, взяла у Сакс полную.

— Кофеин для меня никогда не лишний. — Она сделала глоток. — Спасибо. Как прошел банкет?

— Великолепно. Эта женщина, Джейнин, такая смешная. Том просто влюбился в нее. А Линкольн все время смеялся.

— На Джейнин все так реагируют. Добрая душа.

— В конце представления Бальзак слишком быстро тебя увел, — заметила Амелия. — Я хотела подойти, еще раз поблагодарить и сказать, что ты должна представить нам счет. Мы хотим компенсировать затраченное тобой время.

— Никогда об этом не думала. Ты познакомила меня с кубинским кофе, этого вполне достаточно.

— Да нет же, пришли мне счет, а я позабочусь о том, чтобы город его оплатил.

— Стану изображать из себя супервумен, — засмеялась Кара. — Эту историю я когда-нибудь расскажу своим внукам... Кстати, вечером я свободна — мистер Бальзак ушел к своему другу. Я собиралась к друзьям в Сохо. Поедешь со мной?

— Конечно, мы могли бы... Здравствуйте! — взглянув через плечо Кары, вдруг сказала Амелия.

Кара увидела, что ее мать с любопытством смотрит на Сакс.

— Сейчас она, по сути дела, не с нами.

— Это было летом, — проговорила старая женщина. — В июне — я совершенно в этом уверена. — Закрыв глаза, она откинула голову на подушку.

— С ней все в порядке?

— Это временное нарушение. Скоро она вернется. Иногда ее сознание выкидывает странные фокусы. А твои родители? — погладив мать по руке, спросила Кара.

— Обычная история. Отец умер. Мать живет рядом со мной в Бруклине — пожалуй, даже чересчур близко для полного спокойствия. Но мы с ней достигли... взаимопонимания.

Зная, что взаимопонимание между матерью и дочерью так же сложно и хрупко, как иные международные договоры, Кара воздержалась от вопросов. Еще успеет.

Внезапно раздался пронзительный сигнал, и обе женщины схватили свои пейджеры.

— Я отключила мобильный перед тем, как войти сюда. В вестибюле написано, что ими пользоваться нельзя. Не возражаешь? — Амелия указала на телефон.

— Нет, конечно.

Амелия набрала номер, а Кара встала, чтобы расправить одеяло на кровати матери.

— Помнишь кровать и завтрак в Уорике? Когда мы останавливались возле замка?

Помнишь? Скажи, что помнишь!

— Райм, это я, — сказала Амелия. Кара насторожилась, услышав: — Что? Когда?

Посмотрев на Кару, Амелия покачала головой.

— Сейчас отправлюсь туда… Я с ней. Да, сообщу. — И она повесила трубку.

— Что случилось? — спросила Кара.

— Боюсь, теперь я не смогу присоединиться к вам. Мы, должно быть, проглядели какую-то отмычку или ключ. В Центре предварительного задержания Вейр освободился от оков и нарвался на чью-то пулю. Он убит.

— О Боже!

— Я должна осмотреть место происшествия. — Подойдя к двери, Амелия взглянула на Кару. — Меня беспокоило, как его будут охранять во время суда. Он был слишком увертлив. И все-таки есть на свете справедливость, точнее, иногда бывает. Да, относительно счета. Удвой ту сумму, которую собиралась указать.

* * *

— Констебль получил кое-какую информацию. — Голос в трубке звучал весьма уверенно.

— Он что, разыгрывает из себя детектива? — сухо спросил Чарлз Грейди.

Именно сухо — а не саркастически. Прокурор ничего не имел против Джозефа Рота. Тот, представляя интересы всякой мрази, как-то ухитрялся не запачкаться, а с прокуратурой и копами вел себя честно и относился к ним с уважением. Грейди платил ему тем же.

— Да, сделал несколько звонков в Кантон-Фоллз, нагнав страху Божьего на парочку ребят из «Ассамблеи патриотов». Они сейчас все проверяют. Похоже, кое-кто из бывших ее членов сбился с пути истинного.

— И кто же это? Барнс? Стемпл?

— Пока мы это подробно не обсуждали. Знаю только, что он очень расстроен и все время повторяет: «Иуды, иуды…»

У Грейди это не вызывало особого сочувствия. Кто с собаками ляжет[20]…

— Он должен понимать, что я не позволю ему уйти безнаказанным, — сказал он адвокату.

— Он понимает это, Чарлз.

— Ты знаешь, что Вейр умер?

— Да... Кстати, Эндрю был рад услышать об этом. Уверен, он не имеет никакого отношения к попыткам причинить тебе ущерб, Чарлз.

Мнение адвоката, пусть даже такого искреннего, как Рот, мало интересовало Грейди.

— Он получил надежную информацию?

— Надежную.

Грейди этому верил. Рот был из тех, кого невозможно обмануть; если он считает, что Констебль собирается сдать каких-то своих людей, значит, так оно и будет. Что это в конечном счете даст, это уже совсем другое дело. Но если Констебль сообщит точную информацию, а полиция сносно проведет расследование, он, Грейди, сумеет упрятать преступников за решетку. Разумеется, при условии, что Линкольн Райм возьмет на себя экспертизу.

Смерть Вейра вызвала у Грейди смешанные чувства. Публично он выражал сожаление по поводу случившегося и обещал официально все расследовать, но в глубине души радовался тому, что избавился от этого ублюдка. Грейди помнил, как был потрясен и разгневан, узнав, что убийца пробрался в охраняемую квартиру и собирался убить его жену и дочь.

Посмотрев на бокал вина и мечтая выпить его, Грейди, однако, решил воздержаться от алкоголя из-за этого телефонного звонка. Дело Констебля настолько важно, что сейчас ему нужно сконцентрироваться на нем.

— Он хочет с тобой встретиться, — сказал Рот. Это было каберне-совиньон, урожай 1997 года. Прекрасный виноградник, прекрасный год. Увы!

— Скоро ли ты сможешь приехать в тюрьму? — спросил Рот.

— Через полчаса. — Повесив трубку, Грейди объявил жене: — Хорошая новость — суда не будет.

— Я поеду с вами, — заявил Луис, его охранник. После смерти Вейра Лон Селлитто сократил численность охраны до одного человека.

— Нет, Луис, останьтесь здесь, с моей семьей. Так мне будет спокойнее.

— Если это хорошая новость, милый, то какая же плохая? — осторожно спросила его жена.

— Мне придется пропустить ужин, — ответил Грейди. Отправив в рот горсть крекеров, он сделал большой глоток прекрасного вина — черт с ним, отпразднуем победу.

* * *

Желтый «камаро» выглядел так, словно побывал под бомбежкой. Он остановился, немного не доезжая до дома номер 100 по Сентрал-стрит. Прилепив к ветровому стеклу листок с надписью «Полиция», Сакс вышла.

— Ну, где тут место происшествия? — Она приветственно кивнула бригаде экспертов, стоявшей возле машины быстрого реагирования.

— На первом этаже, в задней части коридора.

— Изолировали?

— Да.

— Чье оружие?

— Линды Уэллес из Управления исправительных учреждений. Она в шоке. Мерзавец сломал ей нос.

Взяв один из чемоданчиков и пристроив его на багажную сумку на колесиках, Сакс двинулась к входной двери здания Уголовного суда. Проделав то же самое, эксперты последовали за ней.

Конечно, все это чистая формальность. Случайный выстрел сделан полицейским в связи с тем, что подозреваемый пытался сбежать. Что тут расследовать? Однако это все-таки убийство, а значит, на месте происшествия нужно составить полный отчет и передать его в комиссию по вооруженным инцидентам. Отчет также будет использован при любых дальнейших расследованиях и судебных исках. Значит, Амелии Сакс придется осмотреть место происшествия столь же тщательно, как и в других случаях.

Проверив документы, охранник повел их в подвал по лабиринту коридоров. В конце концов они уперлись в закрытую дверь, к которой была прилеплена желтая лента.

Какой-то детектив разговаривал здесь с одетой в форму охраны женщиной с перебинтованным носом.

Представившись, Сакс объяснила, что должна осмотреть место происшествия. Детектив отошел в сторону, и Сакс попросила Линду Уэллес рассказать о том, что произошло.

Охранница сообщила, что подозреваемый каким-то образом сумел освободиться от наручников.

— Это заняло две-три секунды. От всех оков. Они вдруг оказались открыты. Мой ключ он не брал. — Она показала на карман своей блузки, где, очевидно, находился этот ключ.

— У него в ноге был ключ или отмычка.

— В кармане? — нахмурившись, спросила Сакс. Она хорошо помнила, что они тщательно обыскали Вейра.

— Нет, в ноге. Вот увидите. — Уэллес кивнула в сторону коридора, где лежало тело. — У него на коже разрез. Под повязкой. Все произошло так быстро! — Как полагала Сакс, Вейр сам порезал себя, чтобы таким образом создать тайник. Мысль, кстати, довольно неприятная. — Потом он схватился за мой пистолет, и мы начали бороться. И тут «глок» разрядился. Я не собиралась нажимать на спусковой крючок. Правда. Но... Я пыталась сохранить контроль над ситуацией, но не смогла. Он просто разрядился.

Контроль... Разрядился. Эти официальные выражения Уэллес, возможно, использовала лишь для того, чтобы избавиться от чувства вины. Оно не имело отношения ни к смерти преступника, ни к угрожавшей ее жизни опасности, ни к тому факту, что Вейр сумел обвести вокруг пальца дюжину полицейских. Нет, Уэллес страдала из-за того, что допустила грубую ошибку. В Нью-Йоркском управлении полиции женщинам по-прежнему приходится преодолевать преграды, и падать им всегда больнее, чем мужчинам.

— Это мы его сковали и обыскали, — мягко заметила Сакс. — И тоже пропустили ключ.

— Да, но он все равно всплывет.

Уэллес имела в виду расследование инцидента со стрельбой. И ведь действительно всплывет.

Ну, Сакс постарается в своем отчете оказать ей как можно большую поддержку.

— Ой как больно! — Уэллес осторожно коснулась носа. По ее щекам потекли слезы. — Что скажут мои дети? Они всегда спрашивают меня, опасна ли моя работа. И я говорю, что нет. А тут такое...

Натянув латексные перчатки, Сакс попросила у охранницы пистолет. Вытащив обойму, она извлекла из патронника оставшийся патрон и положила все вместе с пистолетом в пластиковый пакет для вещественных доказательств.

— Вы могли бы взять отпуск, — сказала Сакс.

Уэллес не слышала ее.

— Он просто разрядился, — ошеломленно повторяла она. — Я не хотела этого. Я никого не хотела убивать.

— Линда! Вы можете взять отпуск, — повторила Сакс. — Неделю, десять дней.

— Правда?

— Поговорите со своим начальством.

— Конечно. Я бы с удовольствием. — Уэллес нетвердой походкой направилась к врачу, который в этот момент как раз разговаривал с ее напарником. У того красовался на шее огромный синяк, но в остальном все было в порядке.

Перед дверью, ведущей в коридор, где была стрельба, расположилась команда криминалистов. Они достали из сумок средства сбора вещественных доказательств, видео— и фотокамеры. Надев белый комбинезон, Сакс начала обматывать ноги резиновыми лентами.

Пристроив возле губ микрофон, она попросила соединить ее с Линкольном Раймом, разорвала ограждающую ленту и открыла дверь. Надо же, думала Амелия, он спрятал отмычки, сделав в коже разрез! Из всех преступников, с какими приходилось иметь дело ей и Линкольну, Кудесник, пожалуй...

— О черт! — выпалила она.

— Я тоже приветствую тебя, Сакс, — язвительно сказал Райм. — По крайней мере я полагаю, что это ты. Очень сильные помехи.

— Не могу поверить в это, Райм. Патологоанатом забрал тело, хотя я не успела осмотреть его.

— Что? — возмутился он. — Кто распорядился это сделать?

Правила заключались в том, что для спасения жизни раненых на место преступления допускали медиков, но в случае убийства к телу никто не смел прикасаться, пока его не осмотрят криминалисты. Карьера того, кто разрешил забрать тело Кудесника, нарушив фундаментальное правило, была теперь в опасности.

— Что там за проблема, Амелия? — крикнул из-за двери один из техников.

— Вы только посмотрите! — со злостью отозвалась она. — Патологоанатом забрал тело, не подождав, пока мы осмотрим его. Что за безобразие!

— Положим, дежурный врач сейчас находится снаружи, — переглянувшись с напарником, сказал стриженый «под ежик» молодой техник. — Когда вы появились, мы как раз разговаривали с ним. Он кормил голубей. Врач вообще-то ждал, когда мы закончим и можно будет забрать тело.

— В чем дело? — спросил Райм. — Я слышу какие-то голоса.

— Люди из судебно-медицинской экспертизы находятся снаружи, Райм. Похоже, они не забирали тело. Что за...

— Господи Иисусе! Только не это! — воскликнул Райм.

Сакс похолодела.

— Райм, ты думаешь...

— Что ты видишь перед собой, Сакс? На что похожи пятна крови?

Амелия начала рассматривать пятна крови на стене.

— О Боже! На пистолетный выстрел все это не похоже, Райм.

— Мозговое вещество, кости?

— Какое-то серое вещество действительно есть. Но оно тоже выглядит необычно. Кости есть.

— Сделай предварительный анализ крови. Он-то все и покажет.

Сакс бросилась к двери.

— Что происходит? — спросил один из техников, но Амелия молчала, лихорадочно роясь в одном из чемоданчиков.

Схватив комплект для каталитического анализа крови, она поспешно вернулась в коридор и сняла со стены мазок. Обработав его фенолфталеином, Сакс через секунду получила ответ.

— Не знаю, что это, но только не кровь. — Она посмотрела на красное пятно на полу: оно выглядело вполне натурально. Анализ оказался положительным. Но тут Сакс заметила в углу окровавленное бритвенное лезвие. — Боже мой, Райм, он симулировал выстрел. Порезался до крови и тем самым обманул охранников. — Эта мысль вызывала у нее тошноту.

— Вызови охрану. Пусть они перекроют все выходы.

— Это побег! — крикнула Сакс, — перекройте все выходы!

Влетевший в коридор детектив уставился в пол. За ним следовала Линда Уэллес с широко раскрытыми глазами. Испытав облегчение от того, что никого не убила, она вдруг осознала: произошло нечто худшее.

— Нет! Он лежал здесь. Глаза были открыты, — в отчаянии твердила Линда. — Я хочу сказать... У него вся голова была в крови. Я же видела... Я видела рану!

"Ты видела лишь *иллюзию* раны", — с горечью подумала Сакс.

— Охранники на всех выходах извещены, — отрапортовал детектив. — К несчастью, это не изолированный коридор. Пока мы держали дверь закрытой, он мог встать и спокойно уйти. Возможно, он уже украл где-нибудь машину или едет в метро, приближаясь к Куинсу.

Амелия Сакс тут же начала отдавать распоряжения. Не важно, какое звание имел этот детектив: потрясенный побегом, он даже не усомнился в ее полномочиях.

— Немедленно разошлите сообщение о побеге, — сказала она. — Всем региональным службам — местным и федеральным. Его зовут Эрик Вейр. Белый мужчина пятидесяти с небольшим лет. В управлении должна быть его фотография.

— Во что он одет? — спросил детектив у Уэллес и ее напарника, и те дали ему приблизительное описание.

Сакс понимала, что это вряд ли поможет. Сейчас Вейр наверняка одет совсем иначе и походит на кого угодно. В темных коридорах тюрьмы она видела десятки людей — охранники, уборщики, копы...

И среди них вполне мог находиться замаскированный Кудесник.

Поручив детективу организовать погоню, Сакс вернулась к обязанностям эксперта. Осмотр места происшествия, совсем недавно казавшийся ей пустой формальностью, внезапно приобрел исключительное значение.

Глава 37

Осторожно пробираясь по подвалам Центра предварительного заключения, Мальэрик мысленно разговаривал с почтеннейшей публикой.

* * *

А сейчас позвольте поделиться с вами одним профессиональным секретом.

Для того чтобы полностью ввести людей в заблуждение, недостаточно отвлекать их внимание лишь во время самого представления. Причина вот в чем: столкнувшись с явлением, противоречащим обычной логике, человеческий мозг пытается понять, что произошло, вновь проигрывая увиденную сцену. Мы, иллюзионисты, называем это реконструкцией, и если мы подготавливаем трюк не слишком тщательно, подозрительную аудиторию можно обмануть лишь ненадолго: после окончания представления она все же разгадает наш метод.

Так как же ввести в заблуждение такую аудиторию? Для этого мы используем самый невероятный метод; он чрезвычайно прост, а вместе с тем сложен.

Например: знаменитый иллюзионист протаскивает сквозь платок павлинье перо. Публика не определит, какой именно метод он использует. Раз перо действительно прошло сквозь ткань, значит, там дырка! Сначала публика принимает эту версию, но потом приходит к тому, что для великого исполнителя такой метод слишком прост — наверняка он сделал что-то более сложное.

Другой пример: иллюзионист ужинает с друзьями в ресторане, и его просят показать несколько трюков. Сначала он отказывается, но

потом берет запасную скатерть, машет ею перед столиком ужинающей неподалеку парочки, и через секунду парочка исчезает вместе со столиком. Друзья в изумлении. «Как ты это сделал?» Они никогда не догадаются о том, что, предвидя подобную просьбу, иллюзионист заранее договорился с администрацией об установке специального столика и нанял актеров, изобразивших влюбленную парочку. Как только он взмахнул скатертью, те сразу исчезли.

Реконструируя в памяти то, что видели, друзья иллюзиониста отвергли эту версию. Они сочли, что фокус явно был сымпровизирован.

То же самое происходит и с иллюзией, свидетелями которой вы только что стали; я называю ее «Застреленный узник».

* * *

Реконструкция. Многие иллюзионисты забывают об этом психологическом процессе. А вот Мальэрик никогда не забывал о нем. Он анализировал его, планируя побег из Центра предварительного заключения. Охранники, отводившие его в камеру, искренне поверили, что заключенный освободился от оков, вцепился в пистолет и был застрелен прямо у них на глазах.

Шок, смятение, ужас.

Но даже в такие критические моменты мозг продолжает работать, и прежде чем дым рассеялся, охранники начали анализировать случившееся, рассматривать версии и составлять план действия. Как и любая публика, они прибегали к реконструкции и, зная, что Эрик Вейр опытный иллюзионист, несомненно, задумались о том, был ли выстрел настоящим.

Однако охранники услышали вполне реальный выстрел, видели череп, разнесенный на части, обмякшее тело, которое сползло на пол. Они видели кровь, мозг, кости и остекленевшие глаза.

Реконструкция завершилась выводом о том, что для симуляции выстрела никто не станет прибегать к таким сложным трюкам. Поэтому, считая Вейра мертвым, охранники оставили его в коридоре одного, раскованного, а сами отправились названивать начальству.

И как вам мой метод, почтеннейшая публика?

Когда они шли по коридору, Мальэрик натянул латексные перчатки, украденные из заднего кармана охранницы. После этого он отодрал от

бедра лейкопластырь и вынул из крошечного разреза универсальный ключ от наручников. Освободившись от оков, преступник нанес удар по шее охранника, ударил в лицо охранницу и вытащил из кобуры ее пистолет. Началась борьба... и в конце концов, нацелив пистолет на стену за своей головой, он нажал на спусковой крючок. Одновременно Мальэрик потянул запал укрытой под волосами крошечной петарды, приклеенной к выбритому участку кожи, в результате чего разлетелся на части небольшой мешочек, в котором были фальшивая кровь, кусочки серой резины и фрагменты говяжьих костей. Чтобы придать этой сцене большую достоверность, он заранее спрятанным лезвием порезал кожу головы — это вызывает обильное кровотечение, но не причиняет сильной боли.

После этого Мальэрик упал на пол как тряпичная кукла, стараясь почти не дышать. Глаза его были открыты — густые глазные капли придавали им вид молочного стекла и позволяли не моргать.

Что я наделала, черт побери! О Боже! Помогите же ему!

Увы, офицер Уэллес, мне уже ничем нельзя было помочь. Я был мертв, как придорожный камень.

По извилистым коридорам суда Мальэрик направился в подвал — в кладовую, где несколько дней назад оставил свою маскировочную одежду. Оказавшись в этой маленькой комнате, он разделся и счистил с себя остатки «раны», после чего спрятал за ящиками старую одежду и обувь. Менее чем через десять секунд он надел новую одежду, нанес грим и снова был готов к представлению.

Мальэрик выглянул за дверь. Коридор был пуст. Выйдя из кладовой, он поспешил к лестнице. До финальной сцены оставалось совсем немного.

* * *

— Это был аут, — сказала Кара.

Девушка вновь появилась в доме Райма несколько секунд назад.

— Аут? — переспросил криминалист. — Что это значит?

— Это означает альтернативный план. У всех хороших иллюзионистов для каждого номера есть один или два запасных варианта. На тот случай, если вы напортачите или публика уловит ваши движения, у вас должен быть «план побега». Наверное, Вейр предвидел, что его схватят, и поэтому подготовил себе аут.

— И как же он это сделал?

— С помощью петарды, которая находилась за спрятанным в волосах пузырем с кровью. Выстрел? Это мог быть фальшивый пистолет, — предположила Кара. — Их используют в трюках, когда ловят пули. Там есть второй ствол. Или же это настоящие пистолеты, заряженные холостыми патронами. Он мог подменить пистолеты, когда его вели в камеру.

— Сомневаюсь, — глядя на Селлитто, сказал Райм.

— Не представляю себе, как бы ему удалось подменить табельное оружие, — согласился коп. — Или разрядить его и зарядить игрушечными пулями.

— Ну, тогда он мог сделать вид, что выстрелил в себя. Здесь важен угол зрения.

— А как насчет глаз? — спросил Райм. — Свидетели утверждают, что его глаза были открыты. Он не моргал, и глаза выглядели остекленевшими.

— Существуют десятки способов изобразить мертвеца. Он мог, например, использовать глазные капли: они позволяют держать глаза открытыми десять — пятнадцать минут. Еще есть контактные линзы со смазкой. Они делают взгляд остекленевшим, как у зомби.

Зомби и фальшивая кровь. Господи, что за чертовщина!

— Но как же он прошел через металлоискатель?

— Они еще не попали в особо охраняемый блок, — пояснил Селлитто. — Они только шли туда.

Райм вздохнул.

— Где же, черт возьми, вещдоки? — вдруг взорвался он, с такой злостью глядя на Мела Купера, словно тот мог организовать молниеносную доставку улик из Центра предварительного заключения. Там удалось выявить сразу два места происшествия — одно в коридоре, где произошло ложное убийство, другое в подвале — в чулане уборщика. Одна из поисковых групп нашла в чулане одежду и кое-какие другие вещи.

Зазвонил дверной колокольчик, в лабораторию быстро вошел Роланд Белл.

— Не могу в это поверить, — задыхаясь, сказал он; мокрые от пота волосы падали ему на лоб. — Что, есть подтверждение? Он действительно сделал ноги?

— Да, он удрал, — мрачно подтвердил Райм. — Группа захвата все прочесывает. Амелия тоже там, но пока не удалось найти никаких зацепок.

— Может, он пустился в бега, — предположил Белл, — но, по-моему, Чарлза с семьей нужно переправить в более надежное место, пока мы не разберемся, что к чему.

— Безусловно, — согласился Селлитто.

Вытащив сотовый телефон, детектив начал звонить.

— Луис? Это Роланд. Послушай, Вейр сбежал... Нет, нет, он вовсе не умер. Просто притворялся. Я хочу, чтобы до тех пор, пока этого парня не поймают, Грейди с семьей поместили в надежное место. Я посылаю... Что? — Услышав взволнованный тон Белла, все устремили взгляды на него. — А кто с ним?.. Он один? Ты серьезно? — Обычно бесстрастное лицо Белла выражало сильное волнение. И снова, как это уже не раз бывало в деле Кудесника, Райма не покидало ощущение, что события, кажущиеся совершенно случайными, на самом деле уже давно спланированы. — Луис говорит, что ты позвонил и отпустил «нянек», — обратился к Селлитто Белл.

— Кто позвонил?

— Ты — в дом Грейди. И якобы отпустил всех, кроме Луиса.

— Да разве мне такое пришло бы в голову? — возмутился Селлитто. — Черт, он опять это сделал, как в том случае, когда отправил по домам людей из цирка.

— Дело обстоит еще хуже, — нахмурился Белл. — Грейди сейчас едет в город, чтобы встретиться с Констеблем в связи с какой-то сделкой. Пусть семья держится вместе, Луис, — сказал он в трубку. — И позвони всем остальным членам команды. Немедленно верни их. Не впускай в квартиру никого, кроме тех, кого знаешь в лицо. Я постараюсь найти Чарлза. — Разъединившись, Белл тут же набрал другой номер. — Не отвечает, — подождав, пробормотал он. — Чарлз, это Роланд, — вновь заговорил Белл, очевидно, услышав сигнал автоответчика. — Вейр сбежал, и мы не знаем, где он и что собирается делать. Как только ты это услышишь, сразу обратись за помощью к любому вооруженному офицеру, которого знаешь лично, и потом позвони мне.

Оставив свой номер телефона, Белл позвонил командиру группы захвата Бо Хьюмену и предупредил его, что оставшийся без зашиты Грейди сейчас едет в тюрьму.

Закончив разговор, Белл, вооруженный двумя пистолетами, печально покачал головой.

— Ужасный промах. — Он пристально посмотрел на перечень улик. — Что же собирается делать этот парень?

— Одно я знаю точно, — сказал Райм. — Из города Вейр не уедет. Он просто в восторге от всего происходящего.

Единственное, что когда-либо имело для меня значение, — это возможность выступать. Иллюзия, фокусы…

* * *

— Благодарю вас, сэр. Спасибо.

Услышав эти слова, охранник слегка замешкался, но все же пропустил Эндрю Констебля в комнату для допросов.

Заключенный продолжал улыбаться, как проповедник, благодарящий паству за щедрые пожертвования.

Сняв наручники с заложенных за спину рук Констебля, охранник снова надел их на него — на сей раз спереди.

— Мистер Рот уже здесь, сэр?

— Сядь и заткнись.

— Конечно. — Констебль сел.

— Заткнись.

Констебль подчинился.

Охранник вышел, а предоставленный самому себе Констебль начал смотреть на город, смутные очертания которого виднелись за грязным окном. Оставаясь до мозга костей деревенским жителем, он, однако, любил Нью-Йорк. Узнав об 11 сентября, Констебль был ошеломлен и разгневан. Если бы он и «Ассамблея патриотов» добились тогда своего, ничего подобного никогда не случилось бы, поскольку тех, кто желал нанести ущерб американскому образу жизни, давно бы изобличили и уничтожили.

Неприятные вопросы…

Мгновение спустя тяжелая металлическая дверь распахнулась, и охранник впустил в комнату Джозефа Рота.

— Привет, Джо! Грейди согласился на переговоры?

— Да. Думаю, он будет здесь минут через десять. Но ему нужно получить от вас нечто существенное.

— Он все это получит. — Подследственный вздохнул. — С момента нашего последнего разговора мне удалось еще кое-что выяснить. Признаюсь, Джозеф, происходящее в Кантон-Фоллзе удручает меня. И все это тянется уже больше года — причем прямо у меня под носом. Помните ту историю, о которой постоянно упоминает Грейди, — ну, с убийством полицейских? Я ведь думал, что это чепуха. Но увы, кое-кто и в самом деле такое планировал.

— У вас есть имена?

— Есть. Имена моих друзей. Моих хороших друзей — по крайней мере в прошлом. Помните тот ленч в «Риверсайд-инн»? Кое-кто из них действительно нанял этого Вейра, велев ему убить Грейди. У меня есть имена, даты, места событий, номера телефонов. Будут и другие. Многие патриоты вполне готовы сотрудничать с властями. Не беспокойтесь.

— Это хорошо, — с явным облегчением сказал Рот. — Грейди сначала не хотел идти на сделку — таков его стиль. Но надеюсь, все постепенно утрясется.

— Спасибо, Джо. — Констебль смерил взглядом своего адвоката. — Я рад, что нанял именно вас.

— Вообще-то, Эндрю, сначала я немного удивился, что вы наняли еврея. Ну, учитывая то, что я слышал о вас.

— Но потом вы узнали меня лучше.

— Потом я узнал вас лучше.

— Это напомнило мне о том, что я давно собирайся спросить. Когда у вас бывает Пасха?

— Что?

— Ну, ваш праздник. Когда он бывает?

— Пасха была неделю назад. Помните, тогда я ушел пораньше?

— Помню. — Констебль кивнул. — Жаль, что я не поздравил вас.

— Ценю ваше отношение, Эндрю. Если все сложится так, как я предполагаю, на будущий год приглашаю вас с женой на седер. Будет праздничный обед. Придут человек пятнадцать, и не только евреи. Будет весело.

— Считайте, что ваше приглашение принято. — Они пожали друг другу руки.

— Тем больше стимулов к тому, чтобы выбраться отсюда. Давайте же приступим к работе. Еще раз перечислите мне обвинения и скажите, чего, по вашему мнению, мы можем добиться от Грейди. — Констебль потянулся. Хорошо, когда можно держать руки перед собой и не ощущать тяжести кандалов. Он чувствовал себя настолько комфортно, что не без удовольствия слушал, по каким причинам люди штата Нью-Йорк находят его опасным для общества. Рот умолк, когда к двери подошел охранник и жестом подозвал к себе адвоката. Они коротко о чем-то поговорили, и лицо Рота выразило озабоченность.

— Нам придется пока посидеть здесь, — вернувшись, сказал он. — Вейр сбежал. Он сейчас в здании.

— Здесь? — Констебль нахмурился.

— Да.

— А что с Грейди?

— Не знаю. Полагаю, его охраняют.

Узник устало вздохнул.

— Знаете, кто больше всего страдает от этого? Я. Меня это просто достало. Теперь я обязательно выясню, где Вейр и что он собирается делать.

— Вы? Каким образом?

— Я поручу в Кантон-Фоллзе всем, кому только можно, выследить Барнса. Надеюсь, его убедят, чтобы он дал нам знать, где Вейр и чем занимается.

— Хорошо, Эндрю. Только никаких противозаконных действий.

— Я позабочусь об этом.

— Уверен, Грейди оценит это.

— Между нами, Джо… Реакция Грейди меня ничуть не интересует. Все это нужно мне самому. Если я выдам им Вейра и поднесу на тарелочке голову Джедди, все наконец поверят в мою честность. А теперь давайте сделаем несколько звонков, чтобы покончить с этим безобразием.

Глава 38

Хоббс Уэнтворт не слишком часто покидал Кантон-Фоллз. Сейчас, переодетый уборщиком, он толкал перед собой тележку с метлами и «рыболовной снастью» (то есть полуавтоматической винтовкой «Кольт АР-15») и с тоской озирался по сторонам. По его мнению, Нью-Йорк очень изменился за те двадцать лет, что он здесь не был.

К несчастью, нынешние наблюдения Хоббса подтверждали все, что он в последнее время слышал об упадке белой расы.

Господи, да здесь больше японцев, китайцев и прочих, чем где-нибудь в Токио! Латинос тут кишат как комары. И эти, с лоскутами на голове, тоже. Улицу пересекала женщина в мусульманской одежде, укутанная с головы до пят, и Хоббсу очень захотелось убить ее: ведь она наверняка знает кого-то, кому известны те, кто нападал на эту страну.

А индийцы и пакистанцы? Их тоже надо отправить домой, поскольку он, Хоббс, не понимает, что, черт возьми, они говорят. К тому же они вообще нехристи.

Хоббса бесили действия правительства, открывшего границы и впустившего в страну этих скотов, которые с каждым днем все больше вытесняют порядочных людей на маленькие островки безопасности вроде Кантон-Фоллза.

Однако Господь все же смилостивился над ловкачом Хоббсом Уэнтвортом, позволив ему сыграть весьма почетную роль борца за свободу. И все потому, что Джедди Барнс и его друзья знали за Хоббсом особый талант. Он умел не только рассказывать детям библейские истории, но и убивать людей, и делал это очень, очень хорошо. Его "рыболовной снастью мог быть нож, или гаротта, но чаще любезный его сердцу «кольт» или самострел. За последние несколько лет Хоббс успешно осуществил более дюжины специальных операций. Латинос в Массачусетсе, левый политик в Олбани, ниггер в Берлингтоне, док, убивающий младенцев, в Пенсильвании — все те, которых называют «они».

А теперь Хоббс собирался дополнить свой список прокурором.

Прокатив свою тележку по почти пустому подземному гаражу, располагающемуся возле Сентрал-стрит, он со скучающим видом остановился возле одной из дверей, словно намереваясь заступить на ночную смену. Через несколько минут дверь открылась, и Хоббс вежливо поклонился вышедшей оттуда средних лет женщине с дипломатом, одетой в джинсы и белую блузку. Она улыбнулась, но тем не менее захлопнула за собой дверь, сказав при этом, что, к сожалению, не может его впустить. Он должен понять, что таковы требования безопасности.

Хоббс ответил, что понимает, и улыбнулся ей в ответ.

Минуту спустя он засунул в тележку ее подергивающееся в судорогах тело и провел по считывающему устройству взятой у жертвы электронной карточкой доступа. Замок щелкнул и открылся.

Хоббс поднялся на лифте на третий этаж и двинулся дальше по коридору, толкая перед собой тележку. Тело женщины он надежно прикрыл мешками для мусора. Вскоре он нашел кабинет, который мистер Вейр считал наиболее подходящим для нынешнего дела. Отсюда открывался хороший обзор, а поскольку кабинет принадлежал одному из служащих Департамента дорожной статистики, трудно было представить себе чрезвычайную ситуацию, которая заставила бы этого служащего появиться здесь в воскресный вечер. Дверь была заперта, но верзила Хоббс отворил ее одним пинком (мистер Вейр сказал, что ему некогда учить его открывать замки).

Войдя, Хоббс достал из тележки винтовку, смонтировал прицел и посмотрел через него на простиравшуюся внизу улицу. Прекрасное место для засады. Он не промахнется.

Однако на душе у него было тревожно. Разумеется, само по себе убийство Грейди ничуть не волновало Хоббса — одним больше, одним меньше. Его беспокоило лишь то, как благополучно выбраться отсюда после выстрела. Хоббсу нравилось жить в Кантон-Фоллзе, рассказывать детям библейские истории, охотиться, ловить рыбу и сидеть с единомышленниками за выпивкой. Даже Синди иногда доставляла ему удовольствие при достаточном количестве спиртного, если принимала удачную позу.

Правда, Волшебник Вейр вроде бы все предусмотрел.

Когда появится Грейди, Хоббс выстрелит в него пять раз прямо через закрытое окно. Первая пуля разобьет стекло, а остальные убьют прокурора. Потом, объяснил мистер Вейр, Хоббсу следует распахнуть дверь пожарного выхода, но не уходить через него. Это отвлечет полицию, которая решит, что именно так он и ушел. На самом же деле

Хоббсу предстояло вернуться в подземный гараж. Старый «додж» он припаркует в неположенном месте, на стоянке для инвалидов, а сам спрячется в багажнике. В какой-то момент — возможно, этой ночью, но скорее всего завтра — его машину отбуксируют на стоянку для нарушителей.

Эвакуацией машин занимается частная фирма, которой строжайше запрещено открывать двери или багажники отгоняемых машин, так что они просто отбуксируют «додж» в свой гараж. Таким образом Хоббс минует кучу постов. Оказавшись в безопасности, он вылезет из багажника и отправится в Кантон-Фоллз. В багажнике будет полно воды и пищи, а также пустой кувшин на случай, если ему захочется помочиться.

Это замечательный план.

С Божьей помощью ловкач Хоббс приложит все силы для того, чтобы выполнить его.

Глядя на проходящих внизу случайных прохожих, Хоббс думал о том, что у мистера Вейра наверняка есть в запасе куча чертовски интересных фокусов. Когда все закончится, Хоббс пригласит его в Кантон-Фоллз, чтобы он устроил представление в детской воскресной школе.

В крайнем случае, решил Хоббс, можно будет придумать, как Иисус стал магом и заставил исчезнуть римлян и язычников.

* * *

Струйки холодного пота стекали по бокам и спине.

Амелию Сакс знобило от страха.

Осматривай все как следует…

Держа руку на рукоятке пистолета, она свернула в еще один темный коридор.

…но следи за тем, что творится у тебя за спиной.

Ты прав, Райм. Только вот кого ждать? Худощавого мужчину лет пятидесяти, бородатого или безбородого? Пожилую женщину в форменной одежде официантки? Рабочего, охранника, уборщика, копа, медика, повара, пожарника, медсестру? Любого из десятков людей, которые на совершенно законном основании находились здесь в этот воскресный вечер.

Кто, кто, кто?

Внезапно заговорила рация. Это был Селлитто.

— Я на третьем этаже, Амелия. Пусто.

— Я в подвале. Видела десяток людей. Все документы как будто подлинные, но кто знает — может, он давно спланировал свои действия и изготовил фальшивые удостоверения.

— Я поднимаюсь на четвертый.

Закончив разговор, Сакс продолжила осмотр. Коридор, еще коридор. Десятки дверей, все они заперты.

Конечно, такие простые замки, как здесь, ничего для него не значат. Вейр за считанные секунды открыл бы один из них и спрятался внутри, в темной кладовой. Он мог проникнуть в кабинет судьи или в зал заседаний и укрыться там до понедельника. Или пробраться в забранные решетками подземные туннели, а там коммуникации ведут в здания Нижнего Манхэттена, а также в метро.

Завернув за угол, Сакс попала в очередной темный коридор. Попробовав на ходу ручки дверей, она вдруг обнаружила, что одна из них не заперта.

Если Вейр в этом чулане, то наверняка услышал ее — если не шаги, то щелканье ручки, — поэтому ей остается одно: быстро войти. Резко распахнув дверь, Сакс подняла вверх фонарик и приготовилась отскочить влево, если вдруг заметит обращенное в ее сторону оружие (при внезапной стрельбе правша обычно слегка поворачивает пистолет влево, так что пули пролетают справа от тебя).

Немного присев (пораженные артритом колени предательски затрещали), она провела по комнате лучом галогенового фонарика. Несколько коробок и ящиков — больше ничего. Уже собираясь уйти, Сакс вдруг сообразила, что Кудесник может спрятаться в тени за обычным куском черной ткани. Тогда она осмотрела комнату еще раз — более тщательно.

И вдруг почувствовала, как что-то коснулось ее щеки.

Ахнув, Сакс развернулась и нацелила пистолет в самую середину пыльной паутины.

Назад, в коридор!

Еще двери, еще тупики.

Вдалеке послышались шаги. К ней приближался лысый мужчина лет шестидесяти, в форме охранника, с соответствующими значками. Проходя мимо, он приветственно кивнул. Мужчина был выше Вейра, поэтому Амелия спокойно пропустила его, даже не спросив документы.

Но тут ее посетила мысль, что, возможно, иллюзионист способен изменить и свой рост.

Она быстро обернулась.

Но пожилого охранника уже не было. Перед Сакс простирался пустой коридор — или только с виду пустой. Она вспомнила шелковую ткань, за которой скрывался Кудесник, перед тем как убил Светлану Расникову, зеркало, за которым он прятался, когда собирался прикончить Тони Калверта. Вытащив из кобуры пистолет, Сакс пошла вперед, туда, где только что исчез охранник — точнее, тот, кто выглядел как охранник.

* * *

Где же он? Где Вейр?

Двигаясь по Сентрал-стрит, Роланд Белл зорко осматривал все вокруг. Легковые машины, грузовики, торговцы хот-догами, стоящие возле своих дымящихся металлических тележек, молодые люди, работающие в юридических фирмах и инвестиционных банках, любители пива, уже изрядно нагрузившиеся в барах, хозяева, выгуливающие собак, посетители магазинов, наконец, десятки манхэттенцев, снующих по улицам и при хорошей, и при плохой погоде, чтобы выплеснуть из себя энергию, которой заряжает их огромный город.

Где же он?

Белл вырос в Северной Каролине, в той ее части, где жить без оружия было невозможно, и он сызмальства научился уважать его. Оружие требует предельной сосредоточенности. Даже в самых простых случаях, когда, например, стреляешь по бумажной мишени, в гремучую змею или в оленя, вполне можно промахнуться или кого-нибудь случайно ранить, если полностью не сконцентрируешься на цели.

Вот так и в жизни. Белл хорошо понимал: что бы ни происходило сейчас в Гробницах, он должен сфокусировать внимание на одной задаче — охране Чарлза Грейди.

Амелия Сакс сообщила ему по телефону, что проверяет всех, кого встречает в здании Уголовного суда, независимо от пола, возраста, расы

и роста. С одним крылом подвала она уже закончила и сейчас направилась во второе.

Группы под началом Селлитто и Бо Хьюмена осматривали верхние этажи здания, причем самым странным участником погони был Эндрю Констебль, искавший выходы на Вейра в северной части штата Нью-Йорк. Вот будет номер, думал Белл, если именно тот, кого они обвиняли в покушении на убийство, выяснит, где находится реальный подозреваемый.

А пока Белл вглядывался в проезжавшие мимо легковушки, рассматривал стоявшие на улице и в переулках грузовики. Пистолеты он держал наготове, но из кобуры не вынимал. Белл предполагал, что в Грейди будут стрелять на улице, до того, как он войдет в здание, поскольку это дает преступнику гораздо больше шансов уйти отсюда живым. Он сомневался, что имеет дело с террористами-самоубийцами — это не укладывалось в сложившуюся схему. Когда Грейди выйдет из машины, но до того, как он войдет в закопченное здание Уголовного суда, убийца выстрелит. Сделать это легко — практически ничто не загораживает зону обстрела.

Где же Вейр?

И — что, пожалуй, не менее важно — где Грейди?

Его жена сказала, что он взял свою личную, а не служебную машину. В свое время Белл установил на прокурорском «вольво» специальный маяк, но его сигналов он пока не обнаружил.

Белл осматривал одну улицу за другой. Вот в поле его зрения попало стоявшее напротив строение — новое правительственное здание с десятками окон, выходящих на Сентрал-стрит. В свое время Белл участвовал в проходившей там операции по освобождению заложников, поэтому знал, что по воскресеньям в здании никого нет. Идеальное место для того, чтобы спрятаться и поджидать Грейди.

Но и сама улица дает неплохие шансы, если стрелять из проезжающей мимо машины.

Где же, где?

Роланд Белл припомнил время, когда они с отцом охотились на Большом Унылом болоте в южной части Виргинии. Там на них напал дикий кабан, и отец подстрелил животное, которое затем исчезло в кустах.

— Мы должны добить его, — сказал тогда отец. — Никогда не оставляй раненое животное.

— Но он же нападет на нас! — возразил мальчик.

— Видишь ли, сынок, мы вторглись в его мир, хотя он не причинил нам никакого вреда. Но это не имеет значения. Справедливость тут ни при чем. Мы обязательно должны найти его, даже если это займет целый день. Не надо проявлять неразумную гуманность: он теперь гораздо опаснее для тех, кто может здесь появиться.

— Но ведь неизвестно, где он, папа. — Юный Роланд окинул взглядом заросли кустов, камыша и болотной травы.

— Положим, искать-то его не надо, — засмеялся отец. — Он сам найдет нас. Держи большой палец на предохранителе, сынок, придется стрелять очень быстро. Тебе так удобно?

— Так точно, сэр!

Белл снова обвел взглядом автофургоны, близлежащие проулки, соседние здания.

Никого!

Ни Чарлза Грейди.

Ни Эрика Вейра, ни его сообщников.

Белл постучал по рукоятке пистолета.

Искать его не надо. Он сам найдет нас...

Глава 39

— Я обхожу все подряд, Райм — в последнем крыле подвала.

— Пусть этим занимается группа захвата, — недовольно ответил криминалист.

— Здесь все пригодятся, — прошептала Сакс. — Это чертовски большое здание. — Сейчас она обследовала мрачные коридоры Гробницы. И зловещие, как в музыкальной школе.

Все загадочнее и загадочнее.

— Когда-нибудь ты добавишь в свою книгу новую главу об осмотре места преступления в помещениях, где обитает нечистая сила, — нервно пошутила Сакс. — Ну ладно, сейчас мне нужно помолчать, Райм. Я еще позвоню.

Райм и Купер вернулись к изучению вещественных доказательств, найденных в коридоре, где произошел инцидент со стрельбой: бритвенное лезвие, образцы настоящей крови, фрагменты говяжьих костей, серое вещество, напоминающее мозг, и фальшивая кровь, оказавшаяся сахарным сиропом с добавлением пищевого красителя. Ключ или отмычку обнаружить не удалось. Вейр забрал их с собой. Больше ничего полезного в коридоре не нашли.

Обследование кладовой уборщика, где Кудесник осуществил очередную трансформацию, дало немного больше. Там отыскали бумажный пакет, а в нем — окровавленные петарду и пузырь, латексные перчатки и то, в чем был Вейр, когда его задержали в квартире Грейди: серый костюм и полуботинки на шнурках. На них Купер обнаружил вещественные доказательства: латекс и грим, применяемый фокусниками клейкий воск, следы чернил, похожих на те, что были найдены ранее, толстые нейлоновые волокна и засохшие потеки фальшивой крови.

Волокна были от темно-серого ковра, фальшивая кровь оказалась краской. Базы данных, к которым они имели доступ, не дали никакой дополнительной информации об этих материалах, поэтому Купер отправил их фотографии и результаты химического анализа в ФБР с просьбой поскорее проследить их происхождение.

И тут Райма осенило.

— Кара! — позвал он. Девушка сидела рядом с Мелом Купером, пристально глядя на компьютерное изображение волокон и рассеянно перекатывая в руках двадцатипятицентовую монету. — Вы можете нам помочь?

— Конечно.

— Пожалуйста, пойдите в «Сирк фантастик» и найдите там Кадески. Расскажите ему о побеге — вдруг он вспомнит о Вейре что-то еще? Иллюзии, которые ему особенно нравились, роли или маски, которые он особенно часто использовал, номера, которые постоянно повторял... В общем, все, что навело бы нас на мысль о том, как он сейчас выглядит.

— Может, у него есть какие-то старые вырезки или снимки Вейра в сценическом костюме, — предположила Кара, повесив на плечо свою черно-белую сумочку.

Похвалив ее, Райм вернулся к перечню улик. Тот свидетельствовал — давно уже сделанное Линкольном умозаключение верно: чем больше узнаешь, тем меньше знаешь.

* * *

КУДЕСНИК

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

• Описание преступника: каштановые волосы, фальшивая борода, без особых примет, возраст — около пятидесяти, среднее телосложение, средний рост. Мизинец и безымянный палец на левой руке срослись вместе. Быстро сменил одежду и стал похож на старого лысого уборщика.

• Очевидных мотивов нет.

• Жертва: Светлана Расникова.

• Студентка дневного отделения.

• Опросить родственников, подруг, студентов, знакомых в поисках возможных зацепок.

• Нет любовников, нет известных врагов. Выступала на детских праздниках.

•Монтажная плата с динамиком.

• Отправлена в лабораторию ФБР.

• Цифровой магнитофон, возможно, с записью голоса преступника. Все данные уничтожены.

• Предназначен для имитации присутствия. Собственного изготовления.

• Старые наручники типа «дарби», использованы для удержания жертвы. Британского производства. Проконсультироваться в Музее Гудини в Новом Орлеане на предмет возможных зацепок.

• Проданы Эрику Вейру месяц назад. Отправлены на абонентский ящик в Денвер. Больше никаких зацепок.

• Часы жертвы разбиты ровно в 8.00.

• Хлопчатобумажные веревки, которыми были связаны стулья. Самые обычные. Слишком много возможных источников; трудно выяснить их происхождение.

Петарда для создания эффекта выстрела.

• Слишком много возможных источников, трудно выяснить происхождение.

• Фитиль. Самый обычный.

• Слишком много возможных источников, трудно выяснить его происхождение.

• Очевидцы-офицеры сообщают о вспышке света. Никаких вещественных доказательств не обнаружено.

• Пиробумага.

• Слишком много возможных источников, чтобы выяснить ее происхождение.

• Обувь преступника: ботинки фирмы «Экко», 10-го размера.

• Шелковые волокна, окрашенные в матовый серый цвет.

• От комбинезона уборщика (иллюзионная трансформация).

• Неизвестный, возможно, носил каштановый парик.

• Красный земляной каштан гикори и лишайник пармелия конспераса растут в основном в Центральном парке.

• Грязь, пропитанная необычным минеральным маслом. Отправлена на анализ в ФБР.

• Масло «Так-пьюар» для седел и кожаных изделий.

• Черная шелковая ткань, 72x48 дюймов. Использовалась для маскировки. Происхождение установить невозможно.

• Иллюзионисты часто используют ее.

• Применяет накладки, чтобы скрыть отпечатки пальцев.

• Накладки для пальцев.

• Следы латекса, касторового масла, грима.

• Театральный грим.

• Следы альгината.

• Используется при выплавлении латексных приспособлений.

• Орудие убийства: белая шелковая веревка с черной шелковой сердцевиной.

• Веревка применяется для фокусов — «Смена цвета». Происхождение проследить невозможно.

• Необычный узел.

• Отправлено в ФБР и Морской музей — информации нет.

• Такие узлы применялись Гудини, освободиться от них почти невозможно.

• Для записи в журнале регистрации использовал исчезающие чернила.

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫЙ ВИЛЛИДЖ

• Жертва номер два: Тони Калверт.

• Гример, театральная компания.

• Известных врагов нет.

• Видимой связи с первой жертвой нет.

• Очевидных мотивов нет.

• Причина смерти: травма головы, нанесенная тупым предметом, посмертное расчленение поперечной пилой.

• Преступник сбежал, преобразившись в женщину семидесяти с лишним лет. Проверить окрестности на предмет брошенного костюма и прочих вещдоков.

• Ничего не найдено.

• Наручные часы разбиты ровно в 12.00.

• Почерк? Следующая жертва предположительно будет убита в 16.00.

• Преступник прятался за зеркалом. Происхождение проследить невозможно. Отпечатки пальцев отправлены в ФБР.

• Совпадений не обнаружено.

• Использовал игрушечную кошку («феке»), чтобы заманить жертву в переулок. Происхождение игрушки установить невозможно.

• Опять минеральное масло, идентичное тому, что было на первом месте преступления. Ожидается отчет ФБР.

• Масло «Так-пьюар» для седел и кожаных изделий.

• Опять латекс и грим с накладок для пальцев.

• Опять альгинат.

• Ботинки фирмы «Экко» брошены.

• На ботинках найдена собачья шерсть от трех разных пород. Найдено также собачье дерьмо.

• Навоз конский, а не собачий.

РЕКА ГУДЗОН И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

• Жертва — Черил Мерстон.

• Адвокат.

• Разведена, но муж вне подозрений.

• Мотивов нет.

• Преступник представился как Джон. Есть шрамы на шее и груди. Подтверждается деформированная рука.

• Преступник выполнил трансформации и принял вид безбородого бизнесмена в хлопчатобумажных брюках и белой рубашке, затем байкера в хлопчатобумажной майке фирмы «Харлей».

• Машина упала в реку Гарлем. Преступник предположительно сбежал.

• Рот жертвы был заклеен клейкой лентой. Происхождение установить невозможно.

• Петарды точно такие же, как и прежде. Происхождение установить невозможно.

• Цепи и защелки обычные, происхождение проследить невозможно.

• Веревка обычная, происхождение не прослеживается.

• Снова грим, латекс и «Так-пьюар».

• Спортивная сумка, сделанная в Китае, происхождение проследить невозможно. Содержимое:

• Следы наркотика, применяемого при изнасилованиях во время свиданий, — флунитразепама.

• Применяемый фокусниками клейкий воск, происхождение установить невозможно.

• Медные (?) стружки. Отправлено в ФБР.

• От часового механизма — возможно, таймера бомбы.

• Постоянные, неисчезающие, чернила — черные.

• Найдена синяя ветровка, без инициалов или меток из прачечной. В ней находились:

• Удостоверение кабельной телесети Си-ти-эн на имя Стэнли Саферштейна (к числу подозреваемых не относится — полицейские базы данных дали отрицательный результат).

• Пластиковая гостиничная карточка-ключ производства «Америкой пластик кардз», Акрон, штат Огайо, Модель «АПК-42», отпечатков нет.

• Генеральный директор просматривает документацию по продажам.

• Беддинг и Сол опрашивают служащих гостиницы.

• Круг сузился до «Челси-Лодж», «Бекман» и «Лэнхем армз». Проверка продолжается.

• Отель «Лэнхем армз».

• Счет из ресторана «Риверсайд-инн» (Бедфорд-Джанкшен, штат Нью-Йорк), свидетельствующий о том, что две недели назад, в субботу, за столиком номер 12 обедали четыре человека. Индейка, мясо, бифштекс, фирменное блюдо. Прохладительные напитки. Служащие не знают, кто там обедал (сообщники?).

• Проулок, где был арестован Кудесник.

• Взломал замки.

• Слюна (отмычка была спрятана во рту?).

• Группу крови установить не удалось.

• Маленькая бритвенная пилка, чтобы перепилить путы.

• Место происшествия на реке Гарлем. Никаких улик, только в грязи остались следы от колес.

• В машине найдена газета. Заголовки статей:

ИЗ-ЗА ОТКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА В ТЕЧЕНИЕ ЧЕТЫРЕХ ЧАСОВ БЫЛ ЗАКРЫТ ПОЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК

НЬЮ-ЙОРК ГОТОВИТСЯ К СЪЕЗДУ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ

РОДИТЕЛИ ВОЗМУЩЕНЫ ПЛОХОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ОХРАНЫ В ШКОЛЕ ДЛЯ ДЕВОЧЕК

В ПОНЕДЕЛЬНИК ОТКРЫВАЕТСЯ СУД ПО ОБВИНЕНИЮ «ОПОЛЧЕНЦЕВ» В ЗАГОВОРЕ С ЦЕЛЬЮ УБИЙСТВА

ВОСКРЕСНЫЙ ГАЛА-КОНЦЕРТ В ЧЕСТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ВЕСЕННЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ МАЛЕНЬКИХ И ВЗРОСЛЫХ

ГУБЕРНАТОР И МЭР СОБИРАЮТСЯ ОБСУДИТЬ НОВЫЙ ПЛАН ПО ВЕСТ-САЙДУ

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ — ДОМ ЛИНКОЛЬН А РАЙМА

• Жертва — Линкольн Райм.

• Личность преступника — Эрик А. Вейр.

• Уроженец Лас-Вегаса.

• Обгорел во время пожара в Огайо, три года назад — в цирке «Томас Хасбро и братья Келлер». После этого исчез. Ожоги третьей степени. Продюсером был Эдвард Кадески.

• Осужден в Нью-Джерси за неосторожное поведение, представляющее угрозу для жизни и здоровья людей.

• Помешан на огне.

• Маньяк. Все время обращается к «почтеннейшей публике».

• Исполнял опасные трюки.

• Был женат на Мэри Косгроув, погибшей во время пожара.

• Родители Вейра умерли, наследников у него нет.

• В федеральном розыске не был.

• Называл себя Северным Чародеем.

• Напал на Райма потому, что должен был остановить его до полудня воскресного дня (следующая жертва?).

• Цвет глаз — карий.

• Психологический профиль (составлен Терри Добинсом, Управление полиции Нью-Йорка): Вейром движет месть, хотя он может этого и не сознавать. Он хочет свести счеты. Все время разгневан. Убивая, он облегчает боль, вызванную смертью жены и утратой возможности выступать.

• Вейр недавно контактировал со своими ассистентами: Джоном Китингом и Артуром Лессером, проживающими в штате Невада. Спрашивал о пожаре и связанных с ним людях. Они характеризуют Вейра как властного, безумного, опасного маньяка и вместе с тем выдающегося иллюзиониста.

• Пытаемся связаться с директором цирка (на момент пожара) — Эдвардом Кадески.

• Выбирает жертвы в зависимости оттого, что они собой представляют, — возможно, ассоциируются с какими-то счастливыми или трагическими моментами его жизни до пожара.

• Пропитанный бензином платок, происхождение установить невозможно.

• Туфли фирмы «Экко», происхождение установить не удалось.

МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПОБЕГОМ ИЗ ЦЕНТРА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

• Петарды и пузырь из фальшивой раны — кустарного изготовления, происхождение неизвестно.

• Искусственная кровь (сахарный сироп и красный пищевой краситель), фрагменты говяжьих костей, серая масса, изображающая мозг, настоящая кровь, бритвенное лезвие.

• Латексные перчатки.

• Еще латекс и грим — как и в предыдущих местах.

• Клейкий воск.

• Постоянные чернила, аналогичные найденным раньше.

• Высохшая поддельная кровь (краска). Отправлено в ФБР.

• Волокна от ковра. Отправлено в ФБР.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ИЛЛЮЗИОНИСТА

• Преступник будет использовать прием отвлечения — против жертв и для того, чтобы спастись от полиции: физическое (для отвлечения внимания); психологическое (чтобы отвести от себя подозрения).

• Бегство из музыкальной школы похоже на трюк «Исчезнувший человек». Слишком распространено, чтобы установить личность подозреваемого.

• Преступник в первую очередь иллюзионист.

• Прекрасный манипулятор.

• Владеет также приемами протейской магии. Будет использовать костюмы для трансформации, нейлон и шелк, накладную лысину, накладки для пальцев и прочие латексные приспособления. Может выглядеть как представитель любого пола, возраста или расы.

• Убийство Калверта напоминает трюк Селбита «Распиливание женщины пополам».

• Искусен в открывании замков (возможно, владеет приемом очистки).

• Владеет техникой эскапизма.

• Имеет опыт обращения с животными.

• Для получения информации от жертвы использует приемы ментализма.

• Чтобы опоить жертву, использовал приемы манипулирования.

• Пытался убить третью жертву, имитируя эскапистский фокус Гудини «Водяная камера пыток».

• Чревовещание.

• Бритвенные лезвия.

• Знаком (исполнял) с номером «Пылающее зеркало» — очень опасным.

* * *

За час до вечернего представления жизнь в «Сирк фантастик» била ключом.

Пройдя под огромным плакатом с нарисованным на нем Арлекином, Кара заметила полицейскую машину, которую Линкольн Райм оставил здесь после дневного переполоха. В порыве дружеских чувств — ведь она и сама разыгрывала из себя копа — Кара улыбнулась и помахала рукой полицейским. Те хотя и не были с ней знакомы, тоже помахали в ответ.

Никто пока не спрашивал билеты, поэтому Кара свободно прошла внутрь и проникла за кулисы. Там она заметила молодого человека с папкой в руках. Служебное удостоверение было прикреплено у него к поясу точно так же, как пистолет у Амелии.

— Извините, — сказала Кара.

— Да? — ответил он с сильным французским или франко-канадским акцентом.

— Я ищу мистера Кадески.

— Его здесь нет. Я один из его помощников.

— А где он?

— Здесь его нет. Кто вы?

— Я сотрудничаю с полицейскими — мистер Кадески уже встречался с ними. У них есть к нему еще несколько вопросов.

Молодой человек взглянул на ее грудь, вероятно, полагая увидеть там полицейское удостоверение.

— Ах вот оно что! Полиция. Ну, он сейчас обедает. Скоро должен вернуться.

— А вы знаете, где он обедает? — спросила она.

— Нет. Вам придется уйти. Здесь нельзя оставаться.

— Мне нужно увидеть его...

— У вас есть билет?

— Нет, я...

— Тогда вам нельзя ждать. Вы должны уйти. Он ничего не говорил о полиции.

— Мне действительно нужно видеть его, — твердо повторила Кара.

— Вам нужно уйти. Подождите его снаружи.

— Я могу упустить его.

— Я сейчас вызову охрану, — пригрозил молодой человек.

— Я куплю билет.

— Они проданы. И даже если вы купите билет, вам все равно нельзя здесь находиться. Я выведу вас.

Он выпроводил ее к главному входу, где уже начали работать билетеры. Выйдя наружу, она остановилась и указала пальцем на трейлер с надписью «Касса».

— Я могу там купить билет?

Молодой человек ухмыльнулся.

— Там находится касса, но билетов больше нет. Если вам нужно что-нибудь спросить у мистера Кадески, позвоните в его компанию.

Когда он удалился, Кара обошла палатку и направилась к служебному входу. Проходя мимо охранника, она дружелюбно улыбнулась. Тот тоже улыбнулся ей и бросил беглый взгляд на ее пояс, где теперь висел служебный пропуск франкоканадца. Кара отцепила этот пропуск в тот момент, когда задавала помощнику глупый вопрос насчет кассы — впрочем, подобный вопрос вполне годился для словесного отвлечения.

«Это тебе урок, — подумала она, — никогда не хами тем, кто владеет приемом манипуляции».

Вновь оказавшись за кулисами, Кара спрятала пропуск в карман и начала искать среди служащих кого-нибудь более приветливого. На сей раз ей это удалось — какая-то женщина сочувственно закивала, когда Кара объяснила, зачем сюда пришла: один бывший иллюзионист, разыскиваемый за убийство, опознан как прежний сотрудник мистера Кадески, с которым теперь полицейские хотят поговорить. Женщина слышала об убийствах и предложила Каре подождать директора. Дав Каре пропуск в ложу для высокопоставленных лиц, она ушла, но пообещала, что поручит охранникам направить к ней мистера Кадески.

Кара уже подходила к ложе, когда зазвонил ее пейджер.

Увидев высветившийся номер, она ахнула и сразу побежала к телефону-автомату.

— Стьювсант-мэнор, — ответила телефонистка, когда Кара дрожащей рукой набрала номер.

— Джейнин Уильямс, пожалуйста. Сестринский пост на четвертом этаже.

Наступила долгая пауза.

— Алло?

— Это я, Кара. С мамой все в порядке?

— О, у нее все отлично, девушка. Но хочу тебя сразу предупредить: не слишком надейся. Все это, возможно, ничего не значит, но несколько минут назад она пришла в сознание и спросила тебя. Она знает, что сейчас воскресный вечер, и помнит, что ты приходила к ней раньше.

— То есть мама называла мое настоящее имя?

— Ну да. А потом она нахмурилась и сказала: «Хотя, наверное, она всем называет этот свой дурацкий псевдоним — Кара».

Боже мой… Неужели она вернулась?

— Еще она узнала меня и спросила, где ты. Говорила, что хочет кое-что сказать тебе.

Сердце Кары учащенно забилось.

Кое-что сказать…

— Приезжай сюда поскорее, милая. Может, это продлится, а может, и нет. Сама знаешь, как это бывает.

— У меня тут одно дело, Джейнин. Я приеду, как только освобожусь.

Повесив трубку, Кара вернулась на свое место. Напряжение стало невыносимым. В эту самую секунду ее мать, возможно, спрашивает, где дочь, и разочарована тем, что ее пока нет.

Ну пожалуйста, молила она, высматривая в дверях фигуру Кадески.

Директор не появлялся.

Вот если бы нацелить на дверь волшебную палочку и материализовать Кадески!

Ну пожалуйста, повторила Кара, направляя на дверь воображаемую волшебную палочку.

Несколько секунд ничего не происходило, потом в дверях появились несколько человек, но Кадески среди них не было.

Унылые лица трех женщин в средневековых костюмах и масках не соответствовали бодрой походке актеров, начинающих вечернее представление.

* * *

Роланд Белл стоял на дне манхэттенского каньона на Сентрал-стрит, отделяющей здание Уголовного суда от административного здания.

Никаких признаков Чарлза Грейди.

И никаких признаков Вейра.

«А что бы сделал я на месте убийцы? Откуда бы я стрелял? Из того здания? Из той машины? Из проезжающей машины? А что вон в той детской коляске? Нет ли чего-то странного в поведении сорокапятилетнего мужчины, который идет по улице и на ходу ест мороженое?»

Белл вращался как маяк. Где, где, где?

Поблизости прозвучал автомобильный гудок. Кто-то закричал возле моста.

Быстро повернувшись, Белл бросился на звук. Наверное, это отвлекающий маневр.

Но нет, это была всего лишь дорожная ссора.

Направившись назад, в сторону Уголовного суда, Белл неожиданно увидел перед собой Чарлза Грейди. Прокурор шел, опустив голову, погруженный в мысли. Детектив устремился к нему:

— Чарлз! Ложитесь! Вейр сбежал! — Грейди остановился. — Ложитесь! — задыхаясь, повторил Белл.

Грейди присел на корточки между двумя припаркованными машинами.

— Что случилось? Моя семья!

— Их охраняют мои люди. — Вниманию всех! — громко обратился Белл к пешеходам. — Полицейская операция! Освободите улицу!

Люди бросились врассыпную.

— Моя семья! — с отчаянием воскликнул Грейди. — Вы уверены, что они в безопасности?

— С ними все в порядке.

— Но Вейр…

— Сделал вид, будто его застрелили в тюрьме. Сбежал и теперь находится где-то неподалеку. Я вызвал сюда броневик. — Роланд Белл стоял над Грейди, повернувшись спиной к темным окнам правительственного здания. — Оставайтесь пока на месте, Чарлз. Мы выберемся из этой передряги. — И Белл снял с пояса переговорное устройство.

* * *

Это еще что такое?

Хоббс Уэнтворт вдруг увидел, как его цель — прокурор — скрылась на тротуаре за мужчиной в спортивной куртке, весьма похожим на копа.

Перекрестие прицела двигалось то вверх, то вниз; Хоббс тщетно пытался отыскать место, куда можно поразить Грейди.

Прокурор сидел, полицейский стоял. Выстрелив копу в нижнюю часть спины, думал Хоббс, он попадет Грейди в грудь, но не исключено, что

пуля слегка отклонится, и тогда Грейди будет только ранен и упадет под машину, где окажется в полной безопасности.

Надо что-то срочно предпринять. Коп с кем-то разговаривал по рации. Через минуту их здесь будет сотня. «Ну давай, ловкач, — сказал себе Хоббс. — Необходимо что-то делать».

Внизу коп по-прежнему оглядывался по сторонам, прикрывая собой скорчившегося возле машины Грейди.

Ладно. Пожалуй, надо выстрелить копу в бедро. Тогда он скорее всего свалится назад и откроет прокурора. «Кольт» полуавтоматический, за две секунды можно сделать пять выстрелов. Не идеально, но лучшего не придумать.

Надо только немного подождать — вдруг коп отодвинется или сделает шаг в сторону?

Глядя в перекрестие прицела, Хоббс размышлял о том, что, когда вернется в Кантон-Фоллз, обязательно сделает из этого еще одну библейскую историю. Иисус, вооруженный прекрасным арбалетом, устроит засаду на римских солдат, мучивших христиан. Юлий Цезарь спрячется за одним из солдат, считая, что он в безопасности, но Иисус прострелит солдата насквозь и убьет этого сукина сына.

Хорошая история. Детям она понравится.

Коп все так же прикрывал собой прокурора.

«Ну все, — решил Хоббс, снимая с предохранителя массивный „кольт“. — Времени больше нет. Горите вы все в аду — римляне, убийцы христиан».

Установив перекрестие прицела на ноге копа, он положил палец на спусковой крючок. Хоббс сожалел только об одном: что полицейский не черный, а белый.

Впрочем, за все эти годы Хоббс Уэнтворт твердо усвоил одну истину: если уж ты выбрал цель, надо стрелять.

Глава 40

Поднеся к лицу переговорное устройство, Роланд Белл ощутил характерный запах пластмассы, металла и пота.

— Группа захвата четыре, повышенная готовность, — протянул он.

— Принято, — ответили ему.

— Ладно, теперь...

В этот момент послышались приглушенные звуки выстрелов.

Белл дернулся.

— Выстрелы! — крикнул Чарлз Грейди. — Я слышал выстрелы! Вы ранены?

— Только не поднимайтесь! — Опустившись на корточки, Белл развернулся, поднял пистолет и начал разглядывать правительственное здание. Он что-то сердито подсчитывал.

— Определил местонахождение, — наконец проговорил Белл в микрофон. — Группа захвата четыре, это третий этаж, пятый кабинет с северной стороны. — Тут он внимательно присмотрелся к окну. — Ой!

— Вы что-то сказали? — спросил один из спецназовцев.

— Я сказал: «Ой!»

— Принято. Конец связи.

— Что происходит? — Лежавший на тротуаре Грейди попытался привстать.

— Не двигайтесь! — повторил детектив и сам осторожно поднялся. Отвернувшись от окна, он вновь оглядел улицу. Поблизости вполне могли быть и другие снайперы. Тут возле них остановился броневик группы захвата, и через пять секунд Белл и Грейди, забравшись в него, стремительно удалились от места происшествия.

Оглянувшись назад, Белл увидел, как в административное здание устремляются бойцы группы захвата.

Искать его не надо... Он сам найдет нас...

Ну вот он и нашел.

Белл вовремя понял, что стрелять в Грейди удобнее всего из административного здания. При этом преступник, вероятно, проникнет в один из нижних этажей. На крышу он вряд ли полезет, поскольку она просматривается десятками камер наблюдения. Сам Белл оставался снаружи в качестве приманки, потому что после операции с заложниками хорошо знал: окна в этом здании, как и во многих других новых правительственных зданиях, не открываются и сделаны из пуленепробиваемого стекла.

Правда, террорист мог использовать бронебойные снаряды, способные пробить трехсантиметровое стекло. Белл помнил выражение, услышанное им в суде несколько лет назад: «Бог не дает гарантий».

Поэтому и провоцировал снайпера. Если тот выстрелит, стекло треснет и выдаст его местонахождение.

Идея сработала, хотя и не совсем точно, о чем Белл упомянул в разговоре со спецназовцами. *Ой*...

— Группа захвата четыре — Беллу. Вы были правы.

— Продолжайте.

— Мы внутри. Все спокойно... только — как это называется? «Подарок от Дарвина»? Ну, когда преступники совершают глупости?

— Принято, — ответил Белл. — И куда же он себе попал?

Белл определил местонахождение снайпера не только по трещинам в стекле, но и по забрызгавшей его крови. Спецназовец пояснил, что пули с медной оболочкой, которыми тот стрелял в Белла, отрикошетили от стекла и поразили самого снайпера во многих местах, прежде всего в пах, где, очевидно, задели крупную артерию. К тому времени когда в помещение ворвалась группа захвата, преступник уже истек кровью.

— Скажите мне, что это Вейр! — взмолился Белл.

— Увы. Это некий Хоббс Уэнтворт из Кантон-Фоллза.

— М-да, — мрачно отозвался Белл. — Значит, Вейр, а может, и те, кто с ним работает, все еще неподалеку. — Нашли хоть какую-нибудь зацепку, которая привела бы нас к Вейру или указала бы, где он?

— Нет, — ответил командир группы. — Только документы Уэнтворта. И, представьте себе, книгу библейских историй для детей. — Он немного помолчал. — Неприятно сообщать об этом, но мы обнаружили еще одну жертву, Роланд. Похоже, он убил женщину, чтобы проникнуть в здание... Ладно, мы сейчас все оцепим и продолжим поиски Вейра. Конец связи.

— Нигде никаких следов Вейра, — покачав головой, обратился Белл к Грейди.

Разумеется, проблема заключалась не только в этом. Возможно, следы Вейра они уже находили. Не исключено, что он и сам где-то поблизости — под личиной копа, медика, бойца группы захвата, репортера, прохожего или бездомного, — но спецназовцы об этом не знают.

* * *

В желтом окошке комнаты для допросов на миг показалось мрачное лицо громадного черного охранника. Показалось и вновь исчезло, когда тюремщик снова отошел в коридор.

Поднявшись из-за стола, Констебль приблизился к окошку и выглянул. В коридоре двое охранников о чем-то сосредоточенно разговаривали.

Значит, все в порядке.

— Что такое? — спросил у своего клиента Рот.

— Ничего, — ответил Констебль. — Я молчал.

— Стало быть, мне показалось.

— Наверное.

Хотя, возможно, и нет. Возможно, он что-то сказал, прошептал слова молитвы.

Констебль вернулся к столу, на котором лежал блокнот с десятком адресов и телефонных номеров: их получили помощники Констебля в Кантон-Фоллзе в ответ на расспросы о том, что замышляет Вейр.

Роту было не по себе. Они недавно узнали, что несколько минут назад прямо перед этим зданием какой-то снайпер совершил покушение на жизнь Грейди. Но это был не Вейр — его до сих пор не разыскали.

— Боюсь, что Грейди слишком испуган, чтобы заключить с нами сделку, — сказал адвокат. — Думаю, нам надо позвонить ему домой и сообщить о том, что мы выяснили. — Он похлопал по блокноту. — Или по крайней мере отдать материал тому детективу. Как же его зовут? Белл.

— По-моему, да.

— Полагаете, кто-то из них знает о Вейре что-нибудь конкретное? — Адвокат провел по списку своим маленьким пухлым пальцем. — Им нужна конкретика.

Наклонившись, Констебль посмотрел на список. Затем, взглянув на часы адвоката, покачал головой:

— Сомневаюсь.

— Вы... сомневаетесь?

— Да. Видите первый номер телефона?

— Конечно.

— Это телефон химчистки на Гаррисон-стрит в Кантон-Фоллзе. Ниже телефон баптистской церкви. А эти имена? — продолжал арестованный. — Эд Дэвис, Брет Сэмюэлс, Джо Джеймс Уоткинс?

— Верно, — подтвердил Рот. — Имена сообщников Джедди Барнса.

— Да ничего подобного! — засмеялся Констебль. — Все это выдумано.

— Что? — нахмурился Рот.

Наклонившись к адвокату совсем близко, заключенный пристально посмотрел ему в глаза.

— Я говорю, что все эти фамилии и номера выдуманы.

— Не понимаю.

— Конечно, не понимаешь, жалкий вонючий еврей! — прошептал Констебль и обоими кулаками нанес удар по растерянному лицу адвоката.

Глава 41

Эндрю Констебль получил хорошую физическую закалку на охоте и рыбалке, на лесоповале, во время разделки добычи и рубки мяса.

Пухленькому Джо Роту было далеко до него. Адвокат попытался встать и позвать на помощь, но заключенный пригвоздил его руки к столу, а затем сильно ударил по шее. Вместо крика у адвоката вырвалось лишь тихое бульканье.

Столкнув его на пол, Констебль начал избивать истекающего кровью Рота своими скованными руками. Через мгновение адвокат потерял сознание, лицо его распухло как дыня. Оттащив Рота к столу, Констебль усадил его на стул — спиной к двери. Если кто-то из охранников снова посмотрит на них, то решит, что юрист склонил голову над бумагами. Нагнувшись, Констебль стащил с адвоката носок и вытер со стола кровь. Адвоката он убьет потом. А пока, по крайней мере в ближайшие минуты, ему нужна эта вполне идиллическая картина.

Пока он не освободится.

Свобода…

К этому-то и сводился план Эрика Вейра.

Джедди Барнс, лучший друг Констебля, второй человек в «Ассамблее патриотов», нанял Вейра вовсе не затем, чтобы тот убил Грейди. Вейру предстояло освободить узника из неприступного нью-йоркского мужского Центра предварительного заключения, вывести его на свободу по мосту Вздохов и, наконец, доставить в дебри Новой Англии, где «Ассамблея» возобновит свою священную войну против чуждых рас, аморальности и невежества. Нужно избавить эту землю от черных, гомиков, евреев, латинос, иностранцев — от всех «них», кого Констебль клеймил в своих еженедельных выступлениях на собраниях «Ассамблеи патриотов» и на секретных интернет-сайтах, чьими подписчиками были тысячи здравомыслящих граждан по всей стране.

Поднявшись, заключенный вновь подошел к двери и выглянул в окно. Судя по всему, охранники подозревают о том, что здесь произошло.

Тут Констебль подумал, что ему следует обзавестись хоть каким-то оружием. Вытащив из окровавленной рубашки адвоката механический карандаш из металла, он обмотал его конец носком, чтобы не поранить руку. В таком виде карандаш может очень пригодиться.

Устроившись на скамье напротив Рота, Констебль ждал, размышляя о плане, придуманном Вейром — Волшебником, как называл его Барнс. Этот истинный шедевр, включал в себя десятки иллюзионистских трюков, отвлекающий маневр и двойной отвлекающий маневр, тщательный расчет времени. Все началось тогда, когда Вейр невзначай подбросил полиции мысль о том, что существует целый заговор с целью убийства Грейди. Преподобный Ральф Свенсен придал этому убедительности, совершив первое покушение на жизнь прокурора. Как предполагалось, несостоявшееся убийство заставит полицию сосредоточить все силы на предотвращении этого заговора и отвлечет их от готовившегося побега.

Сам Вейр должен был во время второго покушения позволить арестовать себя и отправиться в тюрьму.

Между тем Констеблю полагалось также провести отвлекающий маневр: обезоружить тюремщиков спокойным поведением и заявлениями о своей невиновности, а затем заманить сегодня Грейди в здание суда, пообещав дать ему материал против Барнса и других заговорщиков. Констебль даже обещал помочь выследить иллюзиониста, что дало бы ему шанс передать зашифрованное сообщение о том, где именно он находится. После этого — через Барнса — сообщение поступило к Вейру.

Когда Грейди приедет, Хоббс Уэнтворт попытается убить его, но удастся ли ему это, не имеет значения. Главное, что Хоббс отвлечет внимание полиции от Центра предварительного заключения. Тогда Вейр, который после своей мнимой смерти сможет свободно передвигаться по зданию, проберется сюда, убьет охранников и освободит Констебля.

В этом плане был еще один пункт, и Констебль размышлял над ним несколько недель. Перед тем как Вейр отправился в комнату для допросов, Джедди Барнс сказал Констеблю:

— Позаботься об адвокате.

— Что это значит?

— Вейр считает, что ты должен позаботиться о Роте. Он не должен стоять у нас на пути.

Теперь, наблюдая, как течет кровь из глаз и ушей адвоката, Констебль подумал, что об этом еврее он непременно позаботится.

Заключенный пытался сообразить, каким образом Вейр убьет охранников, как и каким маршрутом они уйдут, когда — строго по графику — громко зажужжала наружная дверь.

А, это прибыла колесница свободы!

Стащив со стула Рота, Констебль швырнул его в угол. Он хотел прикончить его немедленно и даже наступил ему на горло, но потом решил, что у Вейра наверняка есть пистолет с глушителем. Или нож. Он воспользуется ими.

В замке повернулся ключ, дверь распахнулась.

«Потрясающе! Вейр превратился в женщину!» — подумал Констебль, но через долю секунды вспомнил эту рыжеволосую женщину-полицейского — вчера ее приводил с собой детектив Белл.

— Здесь раненый! — увидев Рота, крикнула она. — Вызовите «скорую»!

Позади нее один из охранников схватился за телефон, а второй нажал на стене красную кнопку; раздался сигнал тревоги.

Что происходит? Констебль ничего не понимал. Где же Вейр?

Снова взглянув на женщину, он увидел в ее руке баллончик с перцовым спреем — единственное оружие, которое разрешают проносить в тюрьму.

Быстро приняв решение, Констебль схватился за живот и громко застонал.

— Сюда проник другой заключенный. Он пытался убить нас! — Пряча остро отточенный карандаш, Констебль прижимал к животу окровавленные руки. — Я ранен. Меня ударили ножом!

Он быстро глянул в сторону коридора. Волшебника нигде не видно.

Нахмурившись, рыжеволосая окинула взглядом комнату. Между тем Констебль сполз на пол. Когда она подойдет поближе, он ударит ее карандашом в лицо. Возможно, в глаз. Есть и другой вариант: отнять баллончик и полоснуть ей струей по рту или глазам. Или прижать карандаш к ее спине — тогда охранники решат, что это пистолет, и откроют перед ним дверь. Вейр наверняка где-то поблизости — может, как раз за этими дверями.

«Ну давай, милашка! Подойди чуточку ближе». На ней может быть пуленепробиваемый жилет, напомнил себе Констебль; надо целиться в ее прелестное лицо.

— Это ваш адвокат? — склонившись над Ротом, спросила Сакс. — Его тоже ударили ножом?

— Да! Какой-то черный заключенный сказал, что я расист и он хочет преподать мне урок. — Голова Констебля была опущена, но по звуку шагов он понял, что женщина приблизилась. — Джо сильно ранен. Мы должны спасти его!

Еще несколько шагов...

Или если он белый и выглядит прилично — если у него целы все зубы и одежда не воняет вчерашней мочой, — разве в таком случае вам не захочется чуть-чуть помедлить, прежде чем нажать на этот самый крючок?

Констебль застонал.

Он чувствовал, что женщина находится совсем близко.

— Давайте я осмотрю вашу рану, — предложила она.

Готовый нанести удар, Констебль сжал карандаш и открыл глаза, чтобы увидеть свою жертву.

Но увидел перед глазами баллончик с перцовым спреем. Женщина нажала кнопку, и струя ударила ему в лицо. Сотня едких иголок впилась в его губы, нос и глаза.

Констебль закричал, а Сакс вырвала у него карандаш и ногой перевернула на спину.

— Почему вы это сделали? — приподнявшись на локте, заорал он. — Почему?

Немного помешкав, Сакс брызнула ему в лицо второй порцией едкого спрея.

Глава 42

Амелия Сакс неохотно отвела баллончик в сторону. Потенциального сержанта немного беспокоил второй заряд перца, щедро выпущенный в лицо Констеблю.

Но когда она заметила спрятанный в его руке маленький карандаш, в ней сразу заговорил уличный коп, и, брызнув ему в физиономию второй порцией, Сакс с огромной радостью услышала, что этот злобный фанатик верещит как свинья. Она отошла в сторону, и двое охранников подняли заключенного и выволокли наружу.

— Врача! Отведите меня к врачу! Мои глаза! Я имею право на доктора!

— Заткнись, тебе говорят! — Охранники потащили его по коридору. Констебль вдруг начал лягаться, тогда они остановились, сковали ему ноги и поволокли дальше.

Сакс и двое других охранников осмотрели Джозефа Рота. Он дышал, но, получив серьезные повреждения, был без сознания. Сакс решила не трогать его. Вскоре прибыла городская бригада «Скорой помощи»; Амелия проверила у них документы, и медики занялись пациентом. Они прочистили ему дыхательные пути, приладили на шею шину, после чего адвоката привязали ремнями к щиту, который поместили на каталку. Затем они вывезли Рота из зоны безопасности и отправили в больницу.

Отступив к стене, Сакс еще раз осмотрела комнату для допросов и коридор, желая убедиться, что Вейр сюда не проник. Да, она была уверена, что его здесь нет. Только выйдя наружу и вернув назад свой «глок», Амелия почувствовала себя лучше. Позвонив Райму, она рассказала ему о случившемся.

— Констебль ждал его, Райм, — добавила Сакс.

— Вейра?

— Думаю, да. Когда я открыла дверь, он очень удивился. Правда, быстро оправился, но было ясно, что он кого-то ждал.

— Так вот что собирался сделать Вейр — освободить Констебля!

— Видимо, так.

— Проклятое отвлечение! — пробормотал Райм. — Он заставил нас сосредоточиться на заговоре против Грейди. Мне и в голову не приходило, что они готовят побег. Вот только, возможно, и сам побег — *отвлечение,* если Вейр в действительности намерен убить Грейди.

— Возможно, — согласилась Амелия.

— И нигде никаких следов Вейра?

— Никаких.

— Ладно, я все еще обрабатываю то, что ты нашла в Центре предварительного заключения, Сакс. Скорее возвращайся, и мы посмотрим это вместе.

— Не могу, Райм. — Она окинула взглядом вестибюль, где посетители с интересом наблюдали за переполохом, возникшим в охраняемой зоне. — Вейр должен быть где-то здесь. Мне нужно продолжать охоту.

* * *

Занятия музыкой по системе Судзуки представляют собой работу со все более сложными учебниками, каждый из которых включает в себя более десятка пьес. Когда учащийся успешно заканчивает очередной учебник, родители нередко устраивают небольшой вечер для друзей, родственников и учителя музыки и ученик исполняет короткий концерт.

Вечеринка, посвященная окончанию Кристиной Грейди третьего тома учебника Судзуки, должна была состояться через неделю, и теперь девочка усердно готовилась к своему мини-концерту. Сейчас она сидела в музыкальной комнате, играя «Одинокого всадника» Шумана.

Крисси нравилась эта маленькая тесная комната. Здесь было несколько стульев, полки с нотами и великолепный рояль.

Девочка старательно сыграла анданте сонаты Клементи, после чего перешла к сонате Моцарта — одной из своих любимых. Сама она, правда, не считала, что сейчас хорошо играет — ее отвлекало присутствие в доме

полиции. Все эти мужчины и женщины держались очень любезно и охотно разговаривали с ней о «Звездных войнах» и «Гарри Поттере», но Крисси понимала, что улыбаются они только для того, чтобы она чувствовала себя спокойно. Однако эти фальшивые улыбки еще больше пугали ее.

Хотя никто не говорил этого Крисси, появление в доме полицейских означало, что кто-то хочет навредить ее папе. О том, что могут причинить вред ей, девочка не думала. Ее тревожило то, что какой-то дурной человек может отнять у нее папу. Как-то раз она набралась храбрости и попросила его оставить работу в суде. Но тогда папа спросил ее:

— Ты любишь играть на пианино, милая?

— Очень.

— Ну вот и я люблю свою работу.

— Хорошо, — сказала Крисси, хотя ничего хорошего тут не видела. Никто не попытается тебя из-за музыки убить. Задумавшись, она допустила ошибку, но сразу же повторила пассаж.

А теперь выяснилось, что они должны на время куда-то переехать. На день или два, по словам мамы. А вдруг придется задержаться? Ведь тогда отменят вечер! Расстроившись, Крисси закрыла учебник и положила его в портфель.

Эй, смотри-ка!

На полке с нотами лежало мятное пирожное — такие продают в кассах в «Империи еды». Кто же его здесь оставил? Мама не любила, чтобы здесь кто-то ел, и Крисси никогда не разрешалось приносить сюда конфеты или пирожные.

Возможно, это папа. Девочка знала, он переживает из-за этих полицейских и из-за того, что она не смогла вчера поехать на концерт в школу.

Так и есть — это тайный подарок от папы.

Крисси оглянулась. В щелочку в двери она видела расхаживавших по коридору людей, слышала их голоса: спокойный голос приятного полицейского из Северной Каролины, у которого двое мальчиков — хорошо бы как-нибудь с ними познакомиться; недовольный голос мамы.

— Это просто безумие, — говорила она, вытаскивая из спальни чемодан. — Почему вы никак не можете его найти? Он один, а вас сотни. Не понимаю.

Присев, Крисси развернула пирожное и не спеша съела. Покончив с едой, она внимательно осмотрела свои пальцы. Так и есть, на них остался шоколад. Придется пойти в ванную и вымыть руки. А там она спустит обертку в унитаз, чтобы мама ничего не нашла. Это называется «избавиться от улик» — так говорят в телевизионной передаче, которую родители запрещают ей смотреть, но она все равно смотрит.

* * *

Роланд Белл благополучно вернулся с Чарлзом Грейди в его городской дом, где семья сейчас собирала вещи, готовясь перебраться в безопасное место в Мюррей-хилл. Белл опустил шторы и велел семейству не подходить к окнам. Он заметил, что это усилило их беспокойство, но тут уж ничего не поделаешь — убийца очень умен, а Белл должен сохранить им жизнь.

Зазвонил его сотовый телефон.

— У тебя там все в порядке? — спросил Райм.

— Муха не пролетит.

— Констебль сейчас в камере строгого режима.

— Надеюсь, мы знаем его охранников?

— Амелия говорит, что Вейр все же не так талантлив, чтобы превратиться в двух близнецов Шакила О'Нила.

— Надеюсь. Как там адвокат?

— Рот? Будет жить, хотя ему здорово досталось. Я… — Райм внезапно замолчал, поскольку кто-то заговорил рядом с ним. Беллу показалось, что он узнал голос Мела Купера. — Я все еще разбираю то, что Амелия нашла в Центре предварительного заключения, — продолжил Райм. — Пока конкретных зацепок нет. Но я хочу упомянуть еще одну вещь. Беддинг и Сол наконец нашли номер в «Лэнхем армз», который открывает та карточка.

— На кого он зарегистрирован?

— Фамилия и адрес вымышленные, но, по словам дежурного, гость полностью соответствует описанию Вейра. За комодом эксперты нашли

использованный шприц. Мы точно не знаем, оставил ли его Вейр, но думаю, именно он. Мел нашел на игле следы шоколада и сахарозы.

— Сахароза — это сахар?

— Верно. И мышьяк в самом шприце.

— Значит, он впрыснул яд в какие-то сладости, — сказал Белл.

— Похоже на то. Спроси у Грейди, не присылал ли им кто-нибудь сладкое. — Белл тут же передал этот вопрос прокурору и его жене, но те только пожали плечами. — Ты говорил, что он застал тебя врасплох, проникнув сегодня днем в квартиру Грейди, — напомнил криминалист.

— Да. Мы полагали, что возьмем его в подъезде, в подвале или на крыше. Здесь мы его не ждали.

— Куда он направился после того, как попал в квартиру?

— Он появился в гостиной. И всех нас поставил на уши.

— Значит, у него было время, чтобы оставить конфету на кухне.

— Он не появлялся на кухне, — объяснил Белл. — Там были мы с Лоном.

— А в какие еще комнаты мог попасть Вейр?

Белл повторил этот вопрос Грейди и его жене.

— Что происходит, Роланд? — осведомился прокурор.

— Линкольн нашел новые вещдоки и предполагает, что Вейр оставил в вашем доме яд. Похоже, он впрыснул его в какие-то сладости. Мы в этом не уверены, но...

— Сладости? — раздался позади тоненький голосок.

Обернувшись, Грейди, Белл и двое других полицейских увидели перед собой дочь прокурора. Она смотрела на детектива широко раскрытыми, испуганными глазами.

— Что случилось, Крисси? — спросила у нее мать.

— Сладости? — снова прошептала девочка.

Обертка от пирожного выпала из ее руки, и Крисси зарыдала.

* * *

С тяжелым сердцем Белл смотрел на прохожих, идущих мимо дома Грейди.

Десятки людей.

Может, один из них Вейр?

Или кто-нибудь еще из этой проклятой Богом «Ассамблеи патриотов»?

Из подкатившей к подъезду кареты «скорой помощи» выскочили двое медиков, но прежде чем они прошли в дом, детектив тщательно проверил все документы.

— К чему все это? — возмутился один из них.

— Ладно, выводите ее, — игнорируя его вопрос, сказал Белл. Быстро оглядев машины, прохожих, окна ближайших зданий, он свистнул, и Луис Мартинес, телохранитель, вывел девочку наружу и вместе с матерью усадил в машину.

У Крисси пока не наблюдалось никаких симптомов отравления, хотя она была бледна и содрогалась от рыданий. Девочка съела мятное пирожное, таинственным образом оказавшееся в музыкальной комнате. Белл не сомневался, что там его оставил Вейр. Причинить вред ребенку! Для Белла это было чем-то несусветным, и хотя в свое время он чуть не поверил велеречивому Констеблю, инцидент с пирожным окончательно убедил его в абсолютной безнравственности «Ассамблеи патриотов».

Различия между расами? Между культурами? Нет, сэр. Есть только одно различие — между добром и злом.

Если девочка умрет, Белл будет считать делом чести добиваться для Констебля и Вейра заслуженного ими наказания — смертельной инъекции.

— Не беспокойся, милая, — сказал он Крисси, пока медики измеряли ей кровяное давление. — Все будет хорошо.

Ответом ему были рыдания. Детектив посмотрел на мать девочки. Ее лицо выражало нежное участие, хотя она явно сдерживала ярость.

Вызвав Центральную, детектив соединился с отделением «Скорой помощи» той больницы, куда должны были доставить Крисси.

— Через две минуты мы будем в приемном покое, — сказал он старшей. — Теперь слушайте: мне нужно, чтобы там и по пути в

отделение токсикологии не было никого — ни одной живой души — без удостоверения личности с фотографией.

— Детектив, это не в наших силах, — возразила дежурная. — Там всегда очень много народу.

— В этом вопросе я буду непреклонен. За этой маленькой девочкой и ее семьей охотится вооруженный преступник. И если я увижу кого-нибудь без удостоверения личности, то сразу надену на него наручники.

— Это отделение «Скорой помощи» городской больницы, детектив, — возмутилась дежурная. — Знаете, сколько людей я вижу сейчас перед собой?

— Нет, мэм, не знаю. Но постарайтесь представить себе, как все они лежат на животе, связанные по рукам и ногам. Так и произойдет, если вы не удалите их до нашего приезда. А будем мы у вас через две минуты.

Глава 43

— Дела меняют цвет.

Поникший Чарлз Грейди сидел на оранжевом пластмассовом стуле и смотрел на зеленый линолеум, вытертый ногами тысяч отчаявшихся посетителей отделения неотложной помощи.

— Я имею в виду уголовные дела.

Рядом с ним сидел Роланд Белл. Один дверной проем заслоняла массивная фигура Луиса; у входа в заполненный людьми коридор стоял Грэм Уилсон, полицейский из группы быстрого реагирования, красивый, крепкий, с пронзительным взглядом и редким даром выискивать оружие.

Жена Грейди ушла вместе с Крисси в отделение; их сопровождали еще два полицейских.

— У нас на юридическом факультете преподавал один профессор, — продолжал Грейди. — До этого он работал прокурором, потом судьей. Однажды на занятиях профессор сказал нам, что за все годы практики никогда не сталкивался только с черными или белыми делами. Все они были разных оттенков серого: темно-серые, светло-серые, — но всегда серые. — Белл выглянул в коридор, где сейчас разместилась импровизированная приемная для травмированных скейтбордистов и велосипедистов. Как он и требовал, эту часть здания освободили от посетителей. — Но потом, когда ты сам принимаешь участие в деле, оно меняет цвет. Оно становится черным или белым. Обвиняешь ты или

защищаешь, серый цвет исчезает. Ваша сторона на сто процентов справедлива, другая — на сто процентов несправедлива, права она или нет. Мой профессор утверждал, что это недопустимо — нужно все время помнить, что дела действительно серые.

Тут Белл обратил внимание на одного из санитаров. Юный латинос выглядел вполне безобидно, но детектив все же кивнул Уилсону. Тот остановил юношу и проверил его удостоверение.

Крисси находилась в смотровой уже около пятнадцати минут. Почему никто не выходит, чтобы сообщить о том, как обстоят дела?

— Но знаете, Роланд, — сказал прокурор, — за те месяцы, что мы расследовали заговор в Кантон-Фоллзе, я неизменно считал дело Констебля черным. Я никогда не видел в нем оттенков серого. Я преследовал этого типа как мог. — Он печально засмеялся и выглянул в коридор. — Куда же запропастился доктор? — Грейди снова опустил голову. — Но если бы я увидел хоть какой-то оттенок серого, если бы не охотился за ним с такой энергией, если бы шел на компромиссы, возможно, он не нанял бы Вейра. Возможно, он не стал бы… — Прокурор кивнул в сторону смотровой и заплакал.

— Думаю, ваш профессор был не прав, Чарлз. По крайней мере в отношении таких людей, как Констебль. Любой, кто сделал то, что сделал он… ну, с ними не может быть никакого серого цвета.

Грейди вытер слезы.

— Ваши мальчики, Роланд, когда-нибудь были в больнице? Только навещали свою мать — ближе к концу. Но об этом Белл умолчал.

— Да так, ничего серьезного — лечили синяки и ссадины после игры в софтбол[21].

Грейди кивнул.

— От этой игры дух захватывает. — И снова выглянул в пустой коридор.

Через несколько минут там кто-то появился. Заметив Грейди, врач в зеленом халате направился к нему.

— Чарлз! — тихо сказал Белл.

Но Грейди уже поднял голову.

— Черное и белое кино, — прошептал он. — О Господи! — И поднялся навстречу доктору.

* * *

Линкольн Райм смотрел на вечернее небо, когда раздался телефонный звонок.

— Приказываю — ответить на звонок.

Щелк.

— Да!

— Линкольн? Это Роланд.

Мел Купер повернулся к Райму. Они знали, что Белл находится в больнице с Кристиной Грейди и ее родителями.

— Ну что?

— С ней все в порядке.

Купер закрыл глаза и с облегчением вздохнул. Райм тоже испытал неимоверное облегчение.

— Яда нет?

— Нет. Это было обычное пирожное. Никаких признаков токсина.

— Значит, это было еще одно отвлечение, — задумчиво проговорил криминалист.

— Похоже на то.

— Но черт возьми, что все это значит? — Этот вопрос Райм задал не столько Беллу, сколько себе.

— Может, Вейр специально наводит нас на Грейди? — предположил детектив. — То есть он все еще надеется вытащить Констебля из тюрьмы. Если так, то Вейр находится в здании суда.

— Ты едешь в убежище?

— Да, со всей семьей. Будем сидеть там, пока ты не поймаешь этого малого.

Пока?

Может, *если?*

Они разъединились, и Райм снова подъехал к перечню улик.

Что же на уме у мастера-иллюзиониста Эрика Вейра?

Чувствуя, как напряглись мышцы шеи, он опять выглянул в окно.

Итак, что мы имеем? Снайпер Хоббс Уэнтворт мертв, Грейди и его семья находятся в безопасности. Констебль явно собирался сбежать из комнаты для допросов, однако Вейр не сделал попытки освободить его. Из этого следует, что планы Вейра провалились.

Но Райм не мог принять столь очевидный вывод. Мнимым покушением на Кристину Грейди Вейр отвлек их внимание от деловой части города, и теперь Райм был склонен согласиться с предположением Белла о том, что вскоре последует еще одна попытка освободить Констебля. Или произойдет что-то иное — возможно, Констебля попытаются убить, чтобы он не давал показаний в суде.

Райма охватило разочарование. Он давно уже примирился с тем, что из-за инвалидности никогда не сможет схватить преступника. Райм компенсировал свою физическую беспомощность напряженными интеллектуальными усилиями. Несмотря на неподвижность, ему удавалось переиграть преступников.

Всех, кроме Кудесника — Эрика Вейра. Этот человек был непревзойденным мастером обмана.

Что еще сделать, и как найти ответы на поставленные перед собой неразрешимые вопросы?

Сакс, Селлитто и группа захвата сейчас обыскивают суд и Центр предварительного заключения. Кара в «Сирк фантастик» опрашивает Кадески. Том звонит Китингу и Лессеру, бывшим ассистентам убийцы, чтобы выяснить, не общался ли с ними вчера Вейр и не вспомнят ли они чего-то такого, что помогло бы найти убийцу. Группа ФБР по исследованию вещественных доказательств обыскивает тот кабинет в административном здании, где погиб Хоббс Уэнтворт, а эксперты из Вашингтона проверяют волокна и краску, похожую на кровь, найденные Сакс в Центре предварительного заключения.

Как узнать, что сейчас на уме у Вейра?

Райм решил проделать то, чем не занимался уже много лет.

Он пройдет весь путь. Начав с приемного отделения Центра предварительного заключения, Райм двигался вперед по извилистым коридорам, залитым зеленоватым светом люминесцентных ламп,

заглядывал в кладовые и котельные, стараясь отыскать следы и разгадать мысли Эрика Вейра.

Разумеется, он совершал лишь воображаемую прогулку. Однако именно воображаемое преследование казалось вполне уместным, поскольку преступником был исчезающий человек.

* * *

Светофор переключился на зеленый, и Мальэрик плавно тронулся с места.

Сейчас он думал об Эндрю, тоже своего рода кудеснике, по словам Джедди Барнса. Подобно менталисту, Констебль за считанные секунды понимал, кто перед ним, и избирал наиболее эффективную манеру поведения. Он умел говорить толково, выказывать интерес к собеседнику. Его позиция была взвешенной и разумной.

В общем, Констебль отлично вешал лапшу на уши легковерным людям.

А таких насчитывалось немало. Казалось бы, публика ни в коем случае не должна клевать на ту чушь, какую несут все эти группы вроде «Ассамблеи патриотов». Но, как говорил великий импресарио П.Т. Барнум, простофили рождаются ежеминутно.

Прокладывая дорогу в плотном потоке машин, Мальэрик с удовольствием представлял себе изумленную физиономию Констебля. Соответственно плану побега адвоката следовало вывести из строя. Несколько недель назад, в том ресторане в Бедфорд-Джанкшене, Джедди Барнс сказал:

— Ну, мистер Вейр, Рот ведь еврей, так что Эндрю с радостью его отметелит.

— Мне это все равно, — ответил Мальэрик. — Он может даже убить его, если захочет. Это не повлияет на мой план. Я просто хочу, чтобы о нем позаботились. Убрали с дороги.

Барнс кивнул.

— Полагаю, для мистера Констебля это будет приятная новость.

Вейр хорошо понимал, какое смятение и страх испытывал Констебль, сидя над остывающим телом адвоката и ожидая появления своего избавителя с оружием и одеждой для маскировки. Впрочем, ничего подобного не произойдет.

Потом тюремная дверь откроется и дюжие охранники потащат Констебля в камеру. Суд продолжится, а Эндрю Констебль, охваченный такой же паникой, как Барнс, Уэнтворт и прочие члены его неандертальской группы, никогда не узнает, что его использовали.

Остановившись у следующего светофора, Вейр размышлял о том, как сработал его другой отвлекающий маневр под названием «Отравленная девочка». Мальэрик признавал, что этот номер слишком мелодраматичен, даже избит, однако за долгие годы выступлений он убедился: публике часто нравятся довольно банальные вещи. Конечно, такое отвлечение нельзя назвать идеальным; Вейр даже не был уверен, найдет ли полиция в «Лэнхеме» шприц. Не знал и того, съест ли девочка или кто-то другой «отравленное» пирожное. Но Райм и его люди работают так хорошо, что найдут шприц. Это приведет их к устрашающему выводу о том, что готовится новое покушение на жизнь прокурора и его семьи. Потом, правда, они обнаружат, что в пирожном никакого яда нет.

И что же это им даст?

Может, там есть еще одно отравленное пирожное? Или это отвлечение имеет целью увести их от Центра предварительного заключения, где Мальэрик *планирует* акцию по освобождению Констебля.

Короче, полиция будет теряться в догадках, не имея представления о том, что происходит на самом деле.

Итак, почтеннейшая публика, в последние два дня вы увидели великолепное представление, так сказать, идеальное сочетание физического и психологического отвлечения.

Физическое отвлечение должно было заставить полицию сосредоточить внимание на квартире Чарлза Грейди и Центре предварительного заключения. Психологическое — отвести всякие подозрения от того, что реально делал Мальэрик, и убедить Линкольна Райма в том, будто он раскрыл ужасный заговор, цель которого — убить Грейди и организовать побег Эндрю Констебля. Как только полицейские придут к этому выводу, они сразу перестанут искать другие объяснения его действиям.

А эти действия не имели никакого отношения к делу Констебля. Все весьма очевидные зацепки, оставленные Вейром, напоминали иллюзионистские трюки нападения на первые три жертвы — представителей различных цирковых профессий. Ботинок с собачьей шерстью и почвой из Центрального парка, упоминания о пожаре в Огайо и «Сирк фантастик» — все это убеждало полицию в том, что истинная

цель Вейра вовсе не месть Кадески. Это, как сказал ему Райм, было бы слишком очевидно. Вейр поставил перед собой какую-то другую цель.

Но он не ставил ее.

Сейчас, в форменной одежде сотрудника «Скорой помощи», он въезжал на санитарной машине через служебный вход в шапито, где размещался всемирно известный «Сирк фантастик».

Припарковавшись возле ложи, Мальэрик вылез из машины и запер дверцу. Никто из рабочих сцены, полицейских и многочисленных охранников не обратил внимание ни на Вейра, ни на его машину. После сегодняшнего переполоха с бомбами машина «скорой помощи» никого не удивила: она выглядела совершенно естественно, как сказал бы иллюзионист.

А теперь, почтеннейшая публика, взгляните на вашего иллюзиониста. Сейчас он находится на сцене, но абсолютно невидим.

Ведь это исчезнувший человек, незримо присутствующий среди вас.

Да, никто даже не взглянул на его машину, хотя на самом деле это была не обычная карета «скорой помощи», а «феке», купленная Мальэриком несколько месяцев назад и соответствующим образом измененная. Вместо медицинского оборудования там находились двенадцать бочек, вмещавших около семисот галлонов газолина. Они были соединены с весьма простым взрывным устройством. Оно-то и воспламенит жидкость, направив струи огня на ткань шапито и на трибуны, вмещавшие более двух тысяч человек.

В их числе и Эдвард Кадески.

Помните, Райм, как мы говорили с вами во время номера с «Обугленным человеком»? Мои слова были обычным паттером. Кадески и «Сирк фантастик» разрушили мою жизнь, а я намерен уничтожить Кадески. Все это затеяно именно ради мести.

Никем не замеченный, иллюзионист спокойно вышел из цирка и направился в глубь парка. Приняв новое обличье, он вернется сюда под покровом ночи, станет для разнообразия одним из зрителей и найдет себе удобное место, откуда будет наблюдать заключительную часть своего представления.

Глава 44

Семьи, группы друзей, парочки, дети медленно входили в шатер, находили места на трибунах и в ложе, постепенно превращаясь в нечто,

называемое публикой, — в то, что очень сильно отличается от составляющих.

Метаморфозы...

Кара остановила охранника.

— Не знаете ли, когда вернется мистер Кадески? Это очень важно.

Нет, он не знал этого, как не знали и двое других охранников.

Кара снова взглянула на часы. На сердце у нее было неспокойно. Она снова представила себе, как ее мать, лежа в своей палате, озирается и гадает, где же ее дочь. Кара чуть не плакала от огорчения. Зная, что должна остаться здесь и сделать все, чтобы остановить Вейра, она в то же время отчаянно стремилась оказаться сейчас возле матери.

Кара снова повернулась лицом к арене. Актеры в жутких масках из комедии дель арте дожидались своего выхода. Дети, пришедшие сюда с родителями, тоже надели маски с курносыми носами или с клювами и нетерпеливо глазели по сторонам. Некоторым, однако, было не по себе. Маски и странные декорации, вероятно, напоминали им сцены из фильма ужасов. Кара любила выступать перед детьми, хотя знала, что с ними надо вести себя очень осторожно: мир детей отличается от мира взрослых, поэтому иллюзионист может легко нарушить их хрупкое душевное равновесие. На детских представлениях Кара исполняла только смешные иллюзии, а по окончании часто собирала детей вокруг себя, чтобы поболтать.

Сейчас Каре передавалось радостное оживление публики, и у нее вспотели ладони, словно ей самой предстояло выйти на сцену. О, что бы она только ни отдала за возможность находиться сейчас за кулисами и с легким волнением смотреть, как стрелка часов подбирается к началу представления. В мире нет ничего лучше этого ощущения.

Кара горько засмеялась. Ведь она и так уже в «Сирк фантастик», но только в роли курьера.

«Готова ли я выступать здесь?» — думала Кара. Несмотря на слова Дэвида Бальзака, Каре иногда казалось, что она готова. По крайней мере не меньше, чем Гарри Гудини в начале своей карьеры, когда на его представлениях из зала исчезали только зрители, со скукой наблюдавшие, как он проваливает простейшие номера. А Роберт-Удэн на своих первых выступлениях так волновался, что вместо престидижитации предлагал публике представление с заводными куклами — вроде механического турка, играющего в шахматы.

Но когда Кара смотрела за сцену, где толпились сотни исполнителей, с детства посвятивших себя цирку, в ее голове вновь звучали слова Бальзака: «Рано, рано, рано...» Эти слова не только огорчали, но и утешали ее. «Он прав, — наконец решила она. — Он же учитель, а я ученица. Следует доверять его мнению. Еще год или два стоит подождать».

А как быть с матерью?

Возможно, та сидит сейчас в кровати и болтает с Джейнин, спрашивая, где ее дочь — дочь, оставившая ее в самый нужный момент.

Появившаяся наверху помощница Кадески подозвала Кару к себе.

Пришел Кадески? О, пожалуйста...

— Мистер Кадески только что звонил. Он сейчас дает радиоинтервью, но скоро будет. Вон его ложа. Может, подождете там?

Кара уныло кивнула и прошла на указанное ей место. Как она видела, магическая трансформация уже свершилась — все места были заняты: мужчины, женщины и дети превратились в публику.

Бам!

Услышав гулкий удар в барабан, Кара вздрогнула.

Свет в зале погас, стало совершенно темно, только возле выходов светились красные огоньки.

Бам!

Публика затихла.

Бам, бам, бам...

Барабанный бой вторил стуку сердец.

Бам, бам...

Ослепительный луч выхватил в самом центре арены фигуру Арлекина в черно-белом клетчатом трико и в характерной полумаске. Подняв высоко в воздух свой скипетр, Арлекин с загадочным видом озирался по сторонам.

Бам...

Сделав шаг вперед, он начал обходить арену, за ним следовала процессия исполнителей, символизирующих персонажей комедии дель арте — духов, фей, принцев и принцесс, колдунов. Одни шли обычным шагом, другие двигались в танце, третьи медленно кувыркались, словно гимнасты под водой, четвертые — на высоких ходулях — перемещались очень грациозно, пятые восседали на колесницах, украшенных перьями, кружевами и крошечными сияющими огоньками.

И все придерживались ритма, заданного барабаном.

Бам, бам...

Лица, закрытые масками, лица, раскрашенные черной, белой, серебряной или золотой краской. Руки, жонглирующие светящимися шарами, руки, сжимающие свечи или фонари, руки, разбрасывающие в разные стороны белое как снег конфетти.

Величественно, весело, гротескно.

Бам...

Средневековый и одновременно футуристический парад производил гипнотическое воздействие. То, что происходило вне шатра, уже не имело никакого значения. Здесь забывали все, что знали о жизни, о человеческой природе, о законах физики. Сердце билось не в обычном ритме, а в четком ритме барабана; душа больше не принадлежала вам: она присоединялась к фантастическому параду, входящему в мир иллюзии.

Глава 45

А теперь, почтеннейшая публика, мы переходим к заключительной части нашего представления.

Пора предложить вам нашу самую знаменитую — и самую неоднозначную — иллюзию, вариацию печально известного «Пылающего зеркала».

В эти выходные вы увидели иллюзии, созданные такими мастерами, как Гарри Гудини, П. Т. Селбит и Говард Терстон. Но даже они не пытались исполнять такой номер, как «Пылающее зеркало».

Наш исполнитель окружен языками пламени, неумолимо к нему приближающимися, а единственный путь к спасению ведет через крошечную дверь, которую загораживает стена огня.

Хотя, разумеется, эта дверь может и не открыться.

Возможно, это всего лишь иллюзия.

Должен предупредить вас, почтеннейшая публика, что последняя попытка исполнить этот трюк закончилась трагедией.

Я это точно знаю, потому что сам там был.

Поэтому, будьте добры, ради вашего же блага, оглядитесь по сторонам и решите, что вы станете делать, если несчастье все же случится...

Но нет, для этого уже слишком поздно. Вероятно, единственное, что вам осталось, — это молиться.

* * *

Вернувшись в Центральный парк, Мальэрик встал под деревом метрах в пятидесяти от сверкающей белой палатки «Сирк фантастик».

Он опять был с бородой, в спортивном костюме и трикотажной рубашке с глухим воротом. Из-под кепки с надписью «Забег 10 тысяч во имя здоровья» выбивались светлые, мокрые от пота пряди волос. Фальшивый (из бутылки) пот должен был придать достоверность его нынешнему обличью: маленький работник большого банка на вечерней пробежке. Остановившись на минуту, чтобы перевести дух, он рассеянно смотрит на цирковой шатер.

Все совершенно естественно.

Мальэрик ощущал странное спокойствие, и это напоминало ему тот момент после пожара в Огайо, когда он еще не вполне осознал последствия трагедии. По идее он должен был кричать, однако хранил молчание. Эмоциональная кома. То же самое Мальэрик испытывал сейчас, слушая музыку, басовые ноты которой, казалось, заставляли вибрировать туго натянутый тент палатки. Аплодисменты, смех, удивленные выкрики.

За годы выступлений он редко волновался перед выходом на сцену. К чему нервничать, если ты хорошо знаешь свой номер и много раз репетировал его? То же самое он испытывал и сегодня. Мальэрик спланировал все настолько тщательно, что его представление пройдет именно так, как намечено.

Глядя на палатку, которая сгорит через несколько минут, он вдруг заметил у служебного входа, через который недавно сам проехал, две знакомые фигуры — мужчину и молодую женщину. Они о чем-то разговаривали, стараясь перекричать громкую музыку.

Есть! Один из них — Кадески. До сих пор Мальэрик опасался, что в момент взрыва продюсера не будет на месте. Рядом с ним стояла девушка с красно-фиолетовыми волосами, которую он видел у Линкольна.

Я иллюзионистка...

«Это ты так считаешь», — саркастически подумал Мальэрик. Кадески указал пальцем в глубь палатки, и они вместе вошли туда. По подсчетам Мальэрика, до санитарной машины им оставалось метра три.

Он посмотрел на часы. Еще немного.

А теперь, моя почтеннейшая публика...

Ровно в девять вечера из входа в шапито вырвался сноп огня. Через мгновение сияющий тент охватили языки пламени. Они пожирали трибуны, декорации, публику. Музыка оборвалась, вместо нее послышались панические крики, с крыши палатки поползли клубы черного дыма.

Мальэрик подался вперед, зачарованный открывшимся перед ним ужасным зрелищем.

Еще дым, еще крики.

Изо всех сил стараясь воздержаться от неестественной улыбки, он мысленно произнес слова благодарственной молитвы. Правда, Мальэрик не верил ни в одно божество, поэтому благодарил он Гарри Гудини, своего идола, святого покровителя всех фокусников.

Крики стали громче. Мальэрик подождал еще несколько секунд, но задерживаться было опасно — вскоре здесь появятся сотни полицейских. С озабоченным видом он вытащил сотовый телефон и, сделав вид, будто звонит в пожарную охрану, начал удаляться. И все же, не удержавшись от искушения, задержался еще на миг. Оглянувшись назад, Мальэрик увидел перед входом в палатку затянутые дымом огромные плакаты. На одном из них красовался Арлекин в маске, протягивавший вперед руки.

Смотрите, почтеннейшая публика, у меня в руках ничего нет.

И только Мальэрик знал: персонаж держит то, что ловко скрыто от взоров публики.

В руках Арлекина была смерть.

Часть III

Профессиональные тайны

Воскресенья, 18 апреля — четверг, 22 апреля

Подлинно великий фокусник должен не только удивлять своими иллюзиями, но и глубоко трогать.

С.Г. Шарп

Глава 46

Желтый «камаро» Амелии Сакс мчался к Центральному парку со скоростью более девяноста миль в час.

Вест-Сайдское шоссе, оснащенное бесконечными светофорами, в районе Четырнадцатой улицы делало резкий поворот. На нем неисправную машину занесло, и она чиркнула бортом по бетонному барьеру.

Итак, преступник вновь обманул их очередным гениальным маневром. Вейр замышлял отнюдь не убийство Чарлза Грейди и не бегство Эндрю Констебля — все это были тщательно продуманные отвлечения. Его истинной целью, вчера отвергнутой ими как слишком очевидная, было уничтожение «Сирк фантастик».

В тот момент, когда Амелия собиралась обследовать одно из последних неосмотренных мест в Центре предварительного заключения, Райм позвонил ей и сообщил о трагедии. Лон Селлитто и Роланд Белл сейчас направлялись в цирк, Мел Купер уже был там. Бо Хьюмен и несколько групп захвата тоже находились в пути. На счету был каждый человек, и Райм хотел, чтобы Амелия поскорее приехала к парку.

— Еду. — Повернувшись, Амелия бросилась было к выходу из подвала, но вдруг остановилась, вернулась к двери, возле которой только что стояла, и пнула ее ногой.

Так, на всякий случай.

Там было совершенно пусто и тихо — только в ее ушах звучал издевательский смех убийцы.

Пять минут спустя Амелия уже сидела в своем «камаро» и нажимала педаль газа.

На углу Двадцать третьей улицы горел красный сигнал, но пересекающий ее поток движения был не слишком плотным, поэтому она быстро проскочила сквозь него, полагаясь не столько на тормоза или голубые огни проблескового маяка, сколько на свое умение.

Миновав перекресток, Амелия выжала педаль до самого пола и вновь разогналась до восьмидесяти. Нащупав «Моторолу», она позвонила Райму, сообщила, где находится, и спросила, что именно должна делать.

* * *

Мальэрик не спеша двигался к выходу из парка, натыкаясь на бегущих ему навстречу людей.

— Что случилось?

— Господи!

— Полиция… Кто-нибудь звонил в полицию?

— Вы слышали крики? Слышали?

Уже возле выхода он вдруг столкнулся с молодой азиаткой, с тревогой смотревшей в сторону парка.

— Не знаете, что случилось? — спросила она.

«Знаю, — подумал Мальэрик. — Погибают те, кто разрушил мою жизнь». Но он лишь нахмурился и мрачно ответил:

— Не знаю. Но кажется, что-то очень серьезное.

Он шел на запад, направляясь к своей квартире. По дороге Мальэрик совершил несколько трансформаций и убедился, что за ним никто не следит.

По плану он должен был провести ночь в городе, а утром отправиться в Европу, чтобы после нескольких месяцев подготовки возобновить свои выступления уже под новым именем. Кроме его почтеннейшей публики, ни одна живая душа не знала никакого Мальэрика, а именно под этим именем он и появится теперь на сцене. Мальэрик сожалел только о том, что не сможет больше исполнять свое любимое «Пылающее зеркало», поскольку слишком многие теперь будут отождествлять этот номер с ним. Вообще придется расстаться со многими номерами: чревовещанием, ментальными фокусами и микромагией. Столь широкий репертуар, как случилось в эти выходные, выдал бы его.

Выйдя на Бродвей, Мальэрик повернул назад, к своей квартире. Он все так же внимательно осматривал прилегающие улицы, но за ним явно никто не шел.

В подъезде он остановился и смотрел на улицу минут пять.

Пожилой человек, в котором Мальэрик узнал соседа из дома напротив, выгуливал пуделя. Проехал мальчишка на роликовых коньках. Прошли две девочки с мороженым. И все. Улица была пуста. Завтра понедельник, рабочий день. Сейчас все дома: гладят одежду, помогают детям готовить уроки... и смотрят телевизор, где Си-эн-эн дает репортаж об ужасной трагедии в Центральном парке.

Погасив свет, Мальэрик поспешил к своей квартире.

* * *

А теперь, почтеннейшая публика, наше представление заканчивается.

Но такова уж природа искусства — то, что сегодняшняя аудитория считает старым и давно известным, покажется свежим и необычным для аудитории завтрашней.

Знаете ли вы, дорогие друзья, что, вызывая на сцену исполнителя, вы не только благодарите его, но и даете ему возможность поблагодарить аудиторию — тех людей, которые уделили ему внимание.

Итак, я аплодирую вам за то, что вы почтили меня своим присутствием во время этого скромного представления. Надеюсь, я доставил вам удовольствие. Надеюсь также, что мне удалось по-настоящему удивить вас, прошедших вместе со мною эту преисподнюю, где жизнь становится смертью, смерть — жизнью, а реальное — нереальным.

А теперь, почтеннейшая публика, позвольте наконец откланяться.

* * *

Он зажег свечу и сидел на кушетке, не отрывая глаз от пламени. Сегодня Мальэрик точно знал, что оно задрожит и он все же получит сообщение.

Сидя на кушетке, Мальэрик словно в гипнотическом трансе раскачивался взад-вперед и, затаив дыхание, ждал.

Наконец пламя свечи дрогнуло. Есть!

Со мной разговаривают.

Вот оно дрогнуло снова...

И это действительно было так.

Однако пламя свечи заколебалось вовсе не от сверхъестественного воздействия духов усопших, нет — оно затрепетало под порывом свежего апрельского воздуха, хлынувшего в квартиру, когда с полдесятка полицейских группы захвата сломали тараном дверь. Они повалили на пол застигнутого врасплох иллюзиониста, а потом рыжеволосая женщина, которую Мальэрик видел у Линкольна Райма, приставила ему пистолет к затылку и ровным голосом зачитала его права.

Глава 4?

Два потных дюжих спецназовца с усилием втащили на крыльцо Райма, сидевшего в коляске, и вкатили ее в подъезд. Там он уже самостоятельно подъехал к квартире Кудесника, где и устроился рядом с Сакс.

Пока бойцы группы захвата проводили зачистку квартиры, Белл и Селлитто тщательно обыскали потрясенного убийцу. Райм предложил им вызвать на подмогу врача из службы судебной медицины. Вскоре тот приехал, и, как выяснилось, не зря — врач обнаружил на теле Кудесника несколько порезов: они выглядели как настоящие шрамы, но их можно было открыть. Внутри оказались металлические инструменты.

— В тюремном изоляторе сделайте ему рентген, — сказал Райм. — Нет, погодите, лучше томографию. Обследуйте каждый квадратный дюйм.

Когда на Кудеснике защелкнули три пары наручников и две пары ножных кандалов, двое полицейских усадили его на пол. Бородатое лицо Кудесника по-прежнему выражало недоумение и растерянность. Криминалист осмотрел спальню, где нашел множество предметов из реквизита фокусников. Маски, фальшивые руки и латексные накладки выглядели довольно зловеще, но Раймом овладела печаль — ведь все эти вещи предназначались для того, чтобы развлекать сотни и тысячи людей, а убийца использовал их совсем для других, приводящих в ужас целей.

— Как? — прошептал Кудесник. Криминалист заметил его удивление, смятение и испуг. Райму это понравилось. Любой охотник знает, что лучшая часть игры — процесс преследования дичи. Но то удовольствие, которое он испытывает, настигая добычу, нельзя сравнить ни с чем. — Как вы догадались? — с астматическим придыханием спросил иллюзионист.

— Что вашей целью был цирк? — Райм взглянул на Сакс.

— Вещдоков было не так уж много, — заметила она, — но они указывали...

— Указывали? — перебил ее Райм. — Да они просто кричали!

— Указывали, — игнорируя его слова, продолжала она, — на то, что вы действительно собираетесь сделать. В чулане — в том, что находится в подвале Уголовного суда, — мы нашли сумку с вашей сменой одежды и накладкой в виде фальшивой раны.

— Вы нашли сумку?

— На туфлях и одежде была засохшая краска, — продолжала она. — И волокна от ковра.

— А я решил, что это фальшивая кровь, — недовольный собой, покачал головой Райм. — Такое предположение было логично, но мне следовало проверить и другие варианты. По базе данных ФБР, однако, выяснилось, что это автомобильная краска оранжево-красного оттенка, которая используется только для окраски машин «скорой помощи». Найденная разновидность выпускается в небольших баллонах — для ликвидации дефектов окраски. Волокна тоже имели отношение к автомобилям — они от износостойких ковров, применявшихся в машинах «скорой помощи» более восьми лет назад.

— Из этого Линкольн заключил, что вы недавно купили или украли старую санитарную машину, — сказала Сакс, — и привели ее в порядок. Она могла предназначаться или для побега, или для еще одного покушения на Чарлза Грейди. Но тут Линкольн вспомнил о медных стружках — что, если они действительно были от часового механизма, как мы сначала думали? В квартире Линкольна вы использовали бензин, и это, возможно, означало, что вы решили спрятать зажигательную бомбу в фальшивой карете «скорой помощи».

— Тогда я прибег к помощи логики... — вставил Райм.

— Да он просто положился на интуицию! — усмехнулся Белл.

— Интуиция — ерунда! — отрезал Райм. — А логика — это серьезно. Логика — основа науки, а криминалистика — это в чистом виде наука. — Селлитто недовольно посмотрел на Белла. Однако даже нарушение субординации не могло испортить хорошего настроения Райма. — Логика, говорю я. Кара рассказывала нам о том, как внимание публики сознательно привлекают к тому, на что она по идее не должна бы смотреть.

Лучшие иллюзионисты готовят свои трюки очень тщательно и раскрывают свой метод, прямо указывая на то, что собираются сделать. Но вы не верите им. Вы смотрите в противоположном

направлении. Когда это происходит, вы проигрываете, а они выигрывают.

— Именно так вы и поступили… Что ж, это была блестящая идея. Я не так уж часто говорю подобные комплименты, правда, Сакс?.. Вы хотели отомстить Кадески за пожар, погубивший вашу жизнь, поэтому придумали номер, который позволил бы вам сделать это и уйти. Ну, наподобие той иллюзии, создаваемой для сцены, с напластованием отвлечений. — Райм задумчиво прищурился. — Отвлечение первое: вы *заставили* нас… По словам Кары, иллюзионисты используют именно этот термин, не так ли? — Убийца промолчал. — Уверен, именно так она и говорила. Так вот, во-первых, вы заставили нас думать, будто собираетесь из чувства мести уничтожить цирк. Но я не поверил в это — слишком очевидно. Тогда подозрения привели нас к отвлечению номер два: вы подбросили газетную статью о Грейди, счет из ресторана, журналистское удостоверение и гостиничный ключ, чтобы убедить нас, будто вы намерены убить его… Помните ту спортивную куртку возле реки Гудзон? Вы ведь специально оставили ее на месте преступления, не так ли? Вы подбросили улику, желая, чтобы мы нашли ее.

Вейр кивнул.

— Да, подбросил. Но получилось еще лучше. Поскольку ваши сотрудники застигли меня врасплох, то, что я оставил куртку, выглядело особенно естественно, когда я исчез.

— В тот момент, — продолжал криминалист, — мы приняли вас за наемного убийцу, использующего иллюзии для того, чтобы подобраться к Чарлзу Грейди… Мы вычислили ваши намерения… В известной мере.

Кудесник через силу усмехнулся.

— В известной мере, — повторил он. — Когда используешь отвлечение, чтобы обмануть людей сообразительных, они надолго сохраняют подозрительность.

— Поэтому вы выдали нам отвлечение номер три. Чтобы держать нас подальше от цирка, вы заставили нас думать, будто специально позволили арестовать себя, так как желали оказаться в Центре предварительного заключения и освободить Констебля. К тому времени мы должны были полностью забыть и о цирке, и о Кадески. Однако на самом деле вас ничуть не интересовали ни Констебль, ни Грейди.

— Это была бутафория, отвлечения, призванные одурачить вас, — согласился убийца.

— "Ассамблее патриотов" это не слишком понравится, — вставил Селлитто.

— Это не самое страшное для меня. — Кудесник взглянул на свои оковы.

Зная нравы «патриотов», Райм был не очень уверен в этом.

— Но зачем ему вообще понадобилось разрабатывать липовый план побега? — спросил Белл.

— Очевидно, для того, чтобы увести нас от цирка и установить там бомбу, — ответил Селлитто.

— Это не совсем так, Лон, — возразил Райм. — Была и другая причина.

Эти слова, а возможно, и загадочный тон Райма заставили убийцу взглянуть на криминалиста, и Райм впервые за весь вечер увидел в его глазах напряжение и страх.

Вот оно! — подумал Райм.

— Видите ли, было еще и *четвертое* отвлечение, — вслух сказал он.

— Четвертое? — переспросил Селлитто.

— Верно... Дело в том, что он не Эрик Вейр! — патетически объявил Райм.

Глава 48

Вздохнув, убийца прислонился к ножке стула и закрыл глаза.

— Не Вейр? — удивился Селлитто.

— В этом-то и заключалась суть того, что он сделал в эти выходные. Он хотел отомстить Кадески и цирку Хасбро — теперешнему «Сирк фантастик». Если проблема побега тебя не волнует, месть легко осуществить. Но, — Райм взглянул на Кудесника, — он хотел остаться на свободе и продолжить выступления. Поэтому он изменил личность и стал Эриком Вейром. Сегодня он дал арестовать себя и снять отпечатки, после чего бежал.

Селлитто кивнул.

— Значит, после того как он убьет Кадески и сожжет дотла цирк, все станут искать Вейра, а не его. — Он нахмурился. — Так кто же, черт побери, он такой?

— Артур Лессер, протеже Вейра.

Убийца тихо ахнул — последняя надежда на побег исчезла.

— Но ведь Лессер звонил нам, — заметил Селлитто. — Он был на западе, в Неваде.

— Не был он в Неваде. Я проверил архив телефонной сети. На моем определителе высветилось: «Номер не определен», — потому что он звонил по карточке. На самом деле Лессер звонил из телефона-автомата на Западной Восемьдесят восьмой улице. Жены у него нет, так что сообщение на автоответчике в Вегасе было фальшивым.

— Так же, как он позвонил другому ассистенту, Китингу, и выдал себя за Вейра? — спросил Селлитто.

— Да. Таинственным и угрожающим тоном спрашивал о пожаре в Огайо. Все для того, чтобы мы подумали: Вейр в Нью-Йорке и готовится отомстить Кадески. Он должен был дать нам знать, что Вейр вновь всплыл на поверхность. С этим связана покупка наручников и пистолета на имя Вейра.

— Так как насчет голоса? — окинув взглядом убийцу, язвительно спросил Райм. — С легкими уже получше?

— Вы прекрасно знаете, что со мной все в порядке! — Лессер говорил обычным голосом, без хрипа и сипения. Его легкие не пострадали — это была еще одна уловка, заставлявшая их поверить, что перед ними Вейр.

Райм кивнул в сторону спальни:

— Я видел там несколько набросков — наверное, вы их нарисовали. На плакатах написано: «Мальэрик». Это теперешний вы, верно?

Убийца кивнул.

— То, что я говорил вам раньше, правда — я действительно ненавидел мое прежнее имя. Я ненавижу в себе все, что было до пожара, — мне слишком тяжело вспоминать об этих днях. Теперь я даже мысленно называю себя «Мальэрик»... Как вы обо всем этом догадались?

— Ваши перчатки, — ответил Райм, — впервые навели меня на мысль о том, что тут что-то не так. Амелия нашла латексные перчатки, которые были на вас во время побега из Центра заключения. Но с вас же только что сняли отпечатки пальцев. К чему тогда надевать перчатки? Это имело смысл в одном случае: если отпечатки, только что ушедшие в архив, отличались от настоящих. Поэтому я стал внимательно изучать

вещественные доказательства. В Центре предварительного заключения Амелия опять нашла клейкий воск с волокнами белой бумаги или картона. Я обнаружил также следы чернил — постоянных чернил, соответствующих найденным в вашей спортивной сумке при покушении на Мерстон. Так какой же предмет, к которому вы только что прикасались, содержит чернила и картон? Очевидно, карточки с отпечатками пальцев. Я пришел к выводу, что вы изготовили поддельную карточку и каким-то образом спрятали ее в Центральном архиве. Возможно, с неделю назад выдали себя за полицейского и клейким воском прилепили карточку с отпечатками пальцев Вейра где-нибудь под полкой или за шкафом. Когда вас регистрировали, вы незаметно подменили карточки.

Лессер кивнул.

— Я спрятал карточку под стойкой регистрации несколько дней назад. Когда техник снимал с меня отпечатки пальцев, я уронил на пол валик, и пока он смотрел на него, заменил свою карточку той, на которой были отпечатки мистера Вейра. А свою выбросил. — «Мистер Вейр», отметил Райм, вспомнив то смешанное с ненавистью восхищение, звучавшее в голосе другого ассистента Вейра, безумного Джона Китинга. — И вы нашли ту, другую, карточку и сняли с нее отпечатки? — Лессер поморщился.

— Да. Мел снял отпечатки и с перчаток. Многие преступники забывают, что латексные перчатки дают прекрасные отпечатки не только снаружи, но и внутри. Ваши отпечатки пальцев значатся в базе данных еще с тех времен, когда вас и Вейра арестовали в Нью-Джерси за неосторожное поведение, представляющее угрозу для жизни и здоровья людей.

— Но тогда, — заметил Селлитто, — он должен быть моложе Вейра.

— Он и в самом деле моложе Вейра. — Райм окинул взглядом Лессера. — Морщины — это всего лишь латексные накладки. Как и шрамы — они тоже поддельные. Вейр родился в 1950 году. Лессер на двадцать лет моложе его, так что ему пришлось состариться. Надо же, тут я кое-что упустил, — пробормотал он. — А мог бы и догадаться. Помните те кусочки латекса, покрытые гримом, которые Амелия находила на местах преступлений? Я-то считал, что они от пальцевых накладок. Но это же бессмыслица. Кто станет гримировать пальцы? Грим просто слетит. Нет, латекс был с других накладок. — Райм внимательно присмотрелся к щекам и лбу убийцы. — С латексом вам, наверное, неудобно.

— К этому привыкаешь.

— Сакс, давай посмотрим, как он на самом деле выглядит.

Она оторвала бороду и куски «морщин» вокруг глаз и на подбородке. Открывшееся лицо действительно оказалось гораздо моложе. Строение лица также было другим. Теперь Лессер вообще не походил на того, кого они только что видели.

— Что, совсем не похоже на те маски из фильма «Миссия невыполнима»? Надеваешь, снимаешь — никаких проблем.

— Нет, реальные накладки совсем другие.

— И пальцы тоже. — Райм указывал на левую руку убийцы.

Чтобы «искалеченные» пальцы выглядели правдоподобно, Лессер связал их вместе и покрыл толстым слоем латекса. Поэтому оба пальца казались сморщенными, слабыми и белыми, но в остальном, разумеется, были абсолютно нормальными. Сакс тщательно обследовала их.

— Я как раз спрашивала Райма, почему вы не сняли их на ярмарке — ведь мы искали человека с деформированной левой рукой. — Однако, даже развязанные, пальцы все равно выдали бы его.

— Очень близко к идеальному преступлению, — заметил Райм. — Убийца убедился, что мы обвинили другого. Мы поверили в виновность Вейра, установили его личность, а потом он исчез. Лессер продолжал бы жить своей жизнью, а Вейр ушел бы навсегда. Такой вот «Исчезнувший человек». И хотя Лессер вчера подбирал жертвы просто для того, чтобы отвлечь внимание полиции, а вовсе не повинуясь какому-то глубокому психологическому побуждению, диагноз Терри Добинса все-таки оказался верным — Кудесник мстил за пожар, погубивший дорогого ему человека. Разница заключалась в том, что это была не жена Вейра — Лессер оплакивал гибель своего наставника, Вейра.

— Тут есть одна проблема, — проговорил Селлитто. — Что ты имел в виду, сказав, что Вейр ушел бы навсегда? Как бы он мог ускользнуть?

— А почему, как ты думаешь, я заставил этих крепких молодых ребят тащить меня сюда по ступенькам? — Райм обвел взглядом комнату. — Я хотел сам походить здесь — то есть, прошу прощения, проехаться. — Нажав на кнопку управления, он объехал помещение. Остановившись возле камина, Райм посмотрел вверх. — Полагаю, я нашел нашего преступника, Лон. — Его взгляд был устремлен на каминную полку. Там стояли инкрустированный ящичек и свеча. — Это ведь Эрик Вейр, правда? Точнее, его прах.

— Правда, — ответил Лессер. — Он знал, что ему осталось немного, поэтому хотел выйти из ожогового отделения в Огайо и умереть у себя

дома, в Вегасе. Однажды ночью я вытащил его оттуда и отвез домой. После этого он прожил еще несколько недель. В крематории оператор ночной смены кремировал его за взятку.

— А отпечатки пальцев? — спросил Райм. — После смерти вы сняли у него отпечатки пальцев? Чтобы сделать поддельную карточку?

Лессер кивнул.

— Значит, вы уже давно все это запланировали?

— Да! — воскликнул Лессер. — Его смерть — как незаживающий ожог, который постоянно болит.

— И вы рисковали всем только ради мести? — удивился Белл. — Мстили за вашего босса?

— За босса? Он был мне больше чем босс! — с яростью возразил Лессер. — Вы не понимаете! О своем отце я вспоминаю раза два в год, хотя он все еще жив. А вот о мистере Вейре думаю постоянно — с того момента, когда он зашел в магазин в Вегасе, где я давал представление. Юный Гудини — так меня звали... Тогда мне было четырнадцать. Что это был за день! Он сказал, что научит меня видеть. Через год я сбежал из дома. Пусть мистер Вейр бил меня, кричал, а иногда делал мою жизнь невыносимой — главное, он видел то, что есть во мне. Он любил меня. Благодаря ему я стал иллюзионистом... А потом я лишился его. Из-за Кадески с этой гнусной фирмой. Они убили его — и меня тоже. Артур Лессер погиб в этом пожаре. — Он смотрел на урну, и лицо его выражало печаль, надежду и такую странную нежность, что у Рай-ма по шее пробежала дрожь — только по шее, потому что ниже он ничего не ощущал. Снова взглянув на Райма, Лессер холодно засмеялся. — Ну что ж, вы поймали меня. Но победили-то все равно мы с мистером Вейром. Вам не удалось вовремя остановить нас. Цирк уничтожен, Кадески — тоже. Даже если он выжил, карьера его все равно закончилась.

— Ах да — «Сирк фантастик», этот пожар! — Райм печально покачал головой. — Хотя...

Лессер встревожился:

— Что? Что вы имеете в виду?

— Постарайтесь вспомнить, что произошло сегодня вечером. Вот вы находитесь в Центральном парке, видите перед собой огонь, дым, разрушение, слышите крики... Потом вы решаете уйти — скоро вас начнут искать. Вы уходите, и на обратном пути вас случайно толкает

молодая женщина-азиатка в спортивном костюме. Вы обмениваетесь несколькими словами о том, что сейчас происходит. И расходитесь в разные стороны.

— Что за чепуху вы несете? — возмутился Лессер.

— А вы проверьте ремешок ваших часов, — посоветовал Райм.

Звякая оковами, Лессер повернул руку вверх. На ремешке красовался маленький черный диск. Сакс тут же отлепила его.

— Сигнальный маячок Джи-пи-эс[22]. Мы использовали его, чтобы следить за вами. Разве вас не удивило, что мы сразу постучались к вам в дверь?

— Но кто же... Подождите! Это же была та девушка-иллюзионистка! Кара! Я не узнал ее.

— Ну, в этом же и заключается весь смысл иллюзии — не так ли? — сухо сказал Райм. — Мы заметили вас еще в парке, но боялись, что вы ускользнете, поскольку склонны к этому. Кроме того, мы предполагали, что вы будете возвращаться к себе по очень запутанному маршруту. Поэтому я попросил Кару немного изменить внешность. Она просто молодец. Я и сам ее с трудом узнал. Якобы случайно толкнув вас, Кара приклеила к вашим часам датчик.

— Мы могли взять вас на улице, — добавила Сакс, — но вы здорово умеете убегать. В любом случае надо было найти ваше потайное убежище.

— Но это означает, что вы все знали еще до пожара!

— А, так вы о своей машине? — пренебрежительно бросил Райм. — Взрывотехники обезвредили ее меньше чем за шестьдесят секунд, а потом заменили другой — чтобы вы не подумали, будто мы разгадали ваш замысел. Мы знали, что вы захотите понаблюдать за пожаром, поэтому в парке собралось множество переодетых полицейских. Им поручили искать мужчину, похожего на вас, который будет смотреть на пожар, но долго не задержится. Кто-то из них заметил вас, а Кара имплантировала вам чип. А потом — алле-гоп... — Райм улыбнулся тому, что нашел именно такое выражение, — и мы уже здесь.

— Но... я же сам *видел* пожар!

— Помнишь, что я всегда говорю о свидетелях? — Райм обратился к Сакс. — Он *видел* пожар — значит, пожар *реален*. — Райм повернулся к Лессеру: — Но ведь на самом деле никакого пожара не было! Вы видели

дым от пары дымовых шашек, которые мы взяли у Национальной гвардии и поместили на самый верх палатки. Языки пламени? От пропановой горелки, установленной возле того входа, где стояла машина «скорой помощи». Потом на арене зажгли еще пару горелок и спроецировали тень от пламени на стену палатки.

— Я же слышал крики! — прошептал Лессер.

— О, это придумала Кара. Она уговорила Кадески сделать антракт, чтобы киношники могли снять сцену пожара в цирке. По его команде все начали кричать. Публике это страшно понравилось — своего рода массовка.

— Но тогда... — вздохнул Кудесник, — это была...

— ...иллюзия, — договорил за него Райм. — Все это была лишь иллюзия.

Изобретательность ума, проявленная Неподвижным Человеком.

— Мне бы осмотреть место преступления. — Сакс обвела рукой комнату.

— Конечно, конечно, Сакс! И о чем только я думал? Мы вот сидим тут, болтаем — и загрязняем место преступления.

Звеня оковами, преступник в сопровождении двух полицейских направился к двери — далеко не такой самоуверенный, каким был при первом задержании.

Когда двое бойцов группы захвата собирались выносить Райма из дома, у Селлитто зазвонил телефон.

— Она здесь... — отозвался он и посмотрел на Сакс. — Хотите поговорить с ней? — Селлитто покачал головой. — Ладно, я передам. — И разъединился.

— Звонил Марлоу, — сказал он Сакс.

Начальник патрульной службы. Что случилось? — подумал криминалист, заметив озабоченность Селлитто.

— Он хочет видеть тебя в городе завтра в десять утра, — продолжал детектив. — Это связано с твоим повышением. — Селлитто нахмурился. — Он просил передать тебе что-то насчет твоих оценок на экзаменах. Но что же? — Он уставился в потолок. — Что же это было? — Сакс бесстрастно смотрела на него, хотя Райм заметил, что она вонзила ноготь в руку. — Ах да, вспомнил! — Селлитто щелкнул пальцами. — Он сказал, что ты набрала третий по счету балл за всю историю отдела. —

Его лицо вновь выразило озабоченность. — Знаешь, что это означает? — обратился он к Райму. — Теперь с ней сладу не будет.

* * *

Задыхаясь, она мчалась вперед, по бесконечному коридору, выстланному серым линолеумом. Мысли Кары занимали сейчас не покойный Эрик Вейр, не его безумный ассистент Артур Лессер и даже не сверкающая иллюзия пожара в «Сирк фантастик». Нет, Кара думала только об одном — успеет ли она?

Вперед, по полутемному коридору. Мимо закрытых и открытых дверей, из которых до Кары долетали то звуки музыки или телевизора, то слова прощальной беседы: родственники покидали обитателей приюта, так как воскресные часы посещения уже подходили к концу.

Возле палаты матери Кара остановилась, сделала несколько глубоких вдохов и, волнуясь больше, чем перед выходом на сцену, вошла.

— Привет, ма!

Отвернувшись от телевизора, ее мать удивленно заморгала и радостно улыбнулась:

— Ой, посмотрите, кто пришел! Привет, дорогая!

Боже, подумала Кара, глядя в ее сияющие глаза. Она вернулась! Она действительно вернулась.

Подойдя к матери, Кара обняла ее и села на стул.

— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно. Правда, сегодня немного прохладно.

— Я закрою окно.

— Я уже думала, что ты не придешь, милая.

— Я была очень занята. Ты не поверишь, когда я расскажу, чем именно, мама.

— Жду с нетерпением.

— Не хочешь ли чаю или чего-нибудь еще? — оживленно спросила Кара.

— Нет, ничего не надо... Не выключишь этот телевизор? Лучше я с тобой поговорю. А все из-за этого дурацкого пульта управления — никак не могу заставить его работать. Иногда мне кажется, будто кто-то проникает сюда и меняет кнопки.

— Я рада, что ты еще не заснула.

— Мне так хотелось поболтать с тобой, что я не стала бы засыпать. — Кара улыбнулась. — Я только что думала о твоем дяде, милая. О моем брате.

Кара кивнула. В их семье покойный брат матери считался паршивой овцой. Он уехал на Запад, когда Кара была еще совсем маленькой, и с тех пор не поддерживал связи с семьей. Мать Кары и дедушка не желали говорить о нем, а на семейных собраниях запрещалось упоминать его имя. Тем не менее какие-то слухи все же иногда доходили. Они не отличались достоверностью, но были весьма противоречивы: дядя был геем, он не был геем, был женат, но имел связь с цыганкой, застрелил человека из-за другой женщины, он никогда не был женат и спился, играя в джазе...

Каре всегда хотелось узнать правду о дяде.

— Так что насчет дяди, мама?

— Рассказать?

— Конечно! — Кара подалась вперед и положила руку на плечо матери.

— Когда же это было? Наверное, в мае семидесятого или семьдесят первого. Год точно не помню, уж извини, но уверена, это был май. Твой дядя и несколько его армейских друзей только что вернулись из Вьетнама.

— Он был военным? Я не знала об этом.

— О, в форме он выглядел красавчиком. Конечно, они пережили там ужасное время. Лучшего друга твоего дяди убили у него на глазах. Этот крупный негр умер на руках у твоего дяди. Ну вот, Том и еще один солдат решили помочь семье погибшего друга. Они отправились на юг и купили там корабль. Можешь представить себе дядю на лодке? Я — нет. Мне все это казалось очень странным. И вот они начали ловить креветок. Том сделал себе на этом состояние.

— Мама! — ласково сказала Кара.

Ее мать улыбнулась какому-то своему воспоминанию и покачала головой.

— Корабль… В общем, предприятие оказалось очень удачным. И все удивлялись, потому что никогда не считали Тома умным. — Глаза матери оживились. — Но знаешь, что он обычно говорил им?

— Что, мама?

— Дурак по-дурацки и поступает.

— Хорошее выражение, — прошептала Кара.

— О, он понравился бы тебе, Дженни. Знаешь, как-то раз Том даже встречался с президентом США. И играл в пинг-понг в Китае.

Не замечая того, что Кара тихо плачет, старая женщина продолжала рассказывать ей «Форест гамп» — фильм, который только что видела по телевизору. Дядю Кары на самом деле звали Гил, но в фантазиях ее матери он стал Томом — очевидно, потому, что в фильме снимался Том Хэнкс. Сама Кара превратилась в Дженни — подружку Фореста.

«Нет, нет, нет, — в отчаянии думала Кара, — я все равно не успела бы».

Душа матери пришла и ушла, оставив вместо себя иллюзию.

Рассказ старой женщины перепрыгивал с одной темы на другую: добыча креветок в Мексиканском заливе сменялась ловлей тунца в Северной Атлантике, после чего ее брат, в смокинге, вдруг начинал играть на скрипке на палубе тонущего океанского лайнера. Образы из книг и фильмов переплетались с реальными воспоминаниями. Вскоре «дядя» Кары исчез — как и всякая связь с реальностью, — и рассказ стал безжизненным и скучным.

— Это где-то снаружи, — сказала под конец старая женщина. — Я знаю, что это там. — И закрыла глаза.

Кара сидела возле матери, пока та не уснула. Но ведь мать все-таки приходила в сознание, думала она, иначе Джейнин не стала бы звонить.

А если это случилось один раз, то может повториться снова.

Наконец Кара вышла в темный коридор, размышляя о том, что при всех ее талантах ей недостает главного: она не может перенести мать в то место, где сердца до самого последнего дня горят пламенем любви. Где каждая глава семейной истории сохраняется в памяти. И где пропасть

между родными людьми — не более чем эффект, непродолжительная иллюзия.

Глава 49

Глава Дивизиона патрульной службы Джеральд Марлоу, мужчина с густыми кудрявыми волосами, отличался большой осмотрительностью. Эта черта развилась в нем за двадцать лет работы «на земле» и особенно укрепилась за пятнадцать лет еще более опасной службы — во главе патрульных.

Стоя перед ним в это утро почти что по стойке «смирно», Амелия Сакс мучилась от привычной боли в суставах. Кабинет Марлоу находился в угловой части Большого дома — Полицейская площадь, один.

— Садитесь, офицер! — Марлоу оторвал взгляд от папки с бумагами. — Прошу прощения. Садитесь… Итак, вы дочь Германа Сакса.

После слова «итак» Амелия уловила небольшую паузу. Уж не хотел ли он добавить «детка»?

— Да.

— Я был на похоронах.

— Я помню.

— Хорошие были похороны. — Если похороны бывают хорошими. — Ладно, офицер. — Марлоу не отрывал от нее глаз. — Скажу прямо — у вас наметились кое-какие неприятности.

Это поразило Амелию как удар грома.

— Прошу прощения, сэр?

— Место происшествия у реки Гарлем, в субботу, когда машина упала в воду. Это вы осматривали его?

Когда угнанная Кудесником «мазда» уничтожила хибару наркомана Карлоса и отправилась в свободное плавание.

— Да, я.

— Вы там кого-то взяли под арест, — продолжал Марлоу.

— Ах вот оно что! Нет, не совсем так. Этот тип зашел за ограждающую ленту и начал возиться внутри оцепления. Я приказала вывести и задержать его.

— Задержать, арестовать! В любом случае он какое-то время провел в заключении.

— Конечно. Мне же нужно было от него избавиться, удалить с места происшествия.

Сакс начала понимать, что к чему. Какой-то скандальный гражданин пожаловался на нее. Такое случается каждый день, и никто не обращает внимания на подобную чепуху. Она стала успокаиваться.

— Так вот, этого типа звали Виктор Рамос.

— Ну да, он так мне и сказал.

— Конгрессмен Виктор Рамос. — Амелия вновь напряглась. Капитан развернул лежавшую перед ним нью-йоркскую «Дейли ньюс». — Посмотрим, посмотрим. А, вот оно! — Он показал ей разворот с большой фотографией человека в наручниках. Заголовок гласил: «ТАЙМ-АУТ ДЛЯ ВИКТОРА». — Вы приказали офицерам устроить ему тайм-аут?

— Он...

— Приказали или нет?

— Думаю, да, сэр.

— Он заявил, что ищет оставшихся в живых.

— Оставшихся в живых? — засмеялась Сакс. — Это была крошечная хибара, которую зацепила машина преступника, съезжая в реку. Часть стены обрушилась и...

— Вы слишком горячитесь, офицер.

— ...и открылся вид на мешок с пустыми бутылками. Больше никакого ущерба нанесено не было. Медики проверили хижину, и я изолировала ее. Единственные живые существа, оставшиеся там, — это вши.

— М-да, — Марлоу раздражала ее горячность. — По его словам, он хотел убедиться, что жильцы не пострадали.

— *Домовладельцы,* — иронически уточнила Сакс, — вышли оттуда сами. Никто не был ранен. Хотя один из них позднее получил синяк, оказывая сопротивление при аресте.

— Аресте?

— Он попытался стянуть у пожарника фонарик, а потом помочился на него.

— О Господи...

— Ничуть не пострадавшие обкурившиеся мерзавцы, — пояснила Сакс. — Именно об этих *гражданах* и беспокоился Рамос?

Лицо капитана выразило сочувствие, но тут же вновь стало бюрократически бесстрастным.

— Вы уверены, что Рамос уничтожил какие-то вещественные доказательства, которые облегчили бы поимку преступника?

— Это не имеет значения, сэр. Тут важна процедура. — Амелия очень старалась сохранять спокойствие, поскольку Марлоу был начальником начальника ее начальника.

— Давайте по существу, офицер Сакс! — И он повторил свой вопрос: — Вы уверены, что пострадали какие-то вещественные доказательства?

Она вздохнула:

— Нет.

— Таким образом, появление Рамоса на месте происшествия не относилось к делу.

— Я...

— Относилось или нет?

— Нет, сэр. Мы преследовали убийцу полицейского, капитан. Неужели это ничего не значит? — с горечью спросила Сакс.

— Для меня значит, для многих других тоже. А для Рамоса — нет.

Она кивнула.

— Так о каких же громах и молниях мы говорим?

— Там были телевизионные съемочные группы, офицер. Вы смотрели вечером новости?

Нет, подумала Амелия, потому что была очень занята, преследуя преступника. Но вслух сказала:

— Никак нет, сэр.

— Ну так вот, Рамос был героем дня. Показывали, как его уводят в наручниках.

— Вы прекрасно понимаете, в чем состояла единственная причина его появления на месте происшествия: Рамос хотел показать, как рискует своей поганой жизнью ради спасения пострадавших. Что, он собирается скоро переизбираться? — Подтвердив подобное замечание, можно досрочно уйти на пенсию. Или остаться без нее. Марлоу ничего не ответил. — Каков же...

— Итог? — Марлоу поджал губы. — Сожалею, офицер, но вы провалились. Рамос собрал о вас информацию и узнал об экзаменах на звание сержанта. Он потянул за ниточки и завалил вас.

— Что сделал?

— Завалил. Договорился с теми, кто принимал экзамены.

— У меня же третий результат за всю историю службы! — с горьким смехом заметила Сакс. — Разве это не так?

— Да, на устных и письменных экзаменах. Но вам ведь нужно еще пройти итоговые учения.

— Я хорошо с ними справилась.

— Предварительные результаты были хорошими. Но в окончательном отчете — полный провал.

— Невероятно! Что же случилось?

— Один из офицеров не пропустил вас.

— Не пропустил? Но я... — И тут Сакс вспомнила красавчика полицейского с дробовиком, вылезавшего из-за мусорного бака. Того, которого она осадила.

Бац, бац...

— Тут сказано, что вы «не выразили должного уважения к старшему по званию», — прочитал капитан. — «Сакс также проявила пренебрежительное отношение к равным по званию, что привело к возникновению угрожающей ситуации».

— Значит, Рамос нашел того, кто желал подставить меня, и приписал ему эти слова. Простите, капитан, но неужели вы действительно считаете, что уличный коп может так выразиться? «Угрожающей ситуации»! — «Как же больно, Стрелок!» — подумала она, мысленно обращаясь к своему отцу. — Что там еще, сэр? — спросила Сакс у Марлоу. — Ведь есть же что-то еще, не так ли?

Капитан выдержал ее взгляд.

— Да, офицер. Есть. Боюсь, это самое худшее. — «Послушаем, Стрелок, что же может быть еще хуже». — Рамос добивается вашего увольнения.

— Увольнения? Вот оно что!

— Он требует провести дознание.

— Мстительный... — Слово «козел» Амелия так и не произнесла, поскольку взгляд Марлоу напомнил ей о том, что от этого в первую очередь пострадает именно она.

— Должен вам сказать, что Рамос очень настойчив... Он требует отстранить вас от должности. Без оплаты. — Подобное наказание обычно применялось к полицейским, обвиненным в каких-либо преступлениях.

— Почему? — Марлоу не ответил, но этого вовсе не требовалось — Сакс и так знала ответ: чтобы сохранить свое реноме, Рамос должен доказать, что женщина, устроившая ему «тайм-аут», недостойна звания полицейского. Не считая того, что он просто мстительный козел. — На каких основаниях?

— Неповиновение, некомпетентность.

— Я не могу расстаться со своим значком, сэр! — В голосе Сакс звучало отчаяние.

— Что касается экзамена, мне с этим ничего не поделать, Амелия. Все это в компетенции комиссии, а она уже вынесла решение. А вот против отстранения я буду возражать — хотя ничего не обещаю. У Рамоса большие связи.

— Можно говорить с вами откровенно, сэр?

— Господи Иисусе, ну конечно же, офицер! Надеюсь, вы понимаете, что все это мне не по душе. Говорите, что считаете нужным. И не вытягивайтесь в струнку — у нас тут не армия.

— Если он будет добиваться моего отстранения, сэр, я обращусь к юристам АСП. Я это дело так не оставлю. Я пойду до конца.

И пойдет. Хотя знает, что те рядовые сотрудники, которые с помощью Ассоциации содействия полицейским пытались бороться против дискриминации или отстранения от должности, зачастую попадали в неофициальные черные списки. Даже если формально они одерживали победу, их карьере, как правило, приходил конец.

— Я понял вас, офицер, — выдержав ее твердый взгляд, сказал Марлоу.

Пора пускать в ход кулаки. Это выражение использовал ее отец, рассказывая о том, что значит быть полицейским.

Ты должна понять, Ами, иногда приходится спешить, иногда задумываться, иногда скучать. А иногда — слава Богу, не слишком часто — приходится пускать в ход кулаки. Ты остаешься один, и никто тебе не поможет. Я говорю не только о преступниках. Порой приходится драться с начальством, порой со своими же товарищами. Если собираешься стать копом, будь готова остаться одна. Не рассчитывай, что кто-то тебя поддержит.

— Ну, пока вы числитесь на действительной службе.

— Так точно, сэр. Когда все будет известно?

— Через день или два.

Направившись к двери, Сакс обернулась:

Сэр!

Марлоу вновь оторвался от бумаг.

— Рамос находился на месте происшествия. Если бы там были вы, мэр или даже сам президент, я поступила бы точно так же.

— Вот почему вас смело можно назвать дочерью вашего отца, офицер, и вот почему он мог бы вами гордиться. — Марлоу поднял трубку телефона. — Будем надеяться на лучшее.

Глава 50

Том впустил Лона Селлитто в холл. Там в своем красном кресле сидел Линкольн Райм и ворчал на строителей, которые ремонтировали его обгоревшую спальню: вывозя сверху мусор, они поцарапали деревянные конструкции.

— Да оставьте вы их в покое, Линкольн! — сказал Том, возвращаясь на кухню, чтобы приготовить ленч. — На самом деле вам нет абсолютно никакого дела до деревянных конструкций.

— Это вопрос принципа! — возразил криминалист. — Это *Мои* деревянные конструкции, а они с ними неаккуратны.

— Он всегда так себя ведет, когда дело закончено, — обратился Том к Селлитто. — У вас, случайно, нет какого-нибудь жуткого убийства или ограбления? Я имею в виду хорошее успокоительное для него?

— Привет, Линк! — Селлитто кивнул. — Надо поговорить.

Заметив его странный тон, криминалист посмотрел ему в глаза. Они работали вместе уже много лет, и Райм сразу видел, когда тот чем-то обеспокоен. Что случилось? — подумал он.

— Только что услышал кое-что об Амелии. — Селлитто прочистил горло.

Сердце Райма забилось сильнее. Разумеется, он не почувствовал этого, ощутив лишь тревожный прилив крови к лицу и шее.

Пуля, автомобильная катастрофа?

— Продолжай, — спокойно попросил криминалист.

— Ее провалили. На сержантском экзамене.

— Да ну?

— Точно.

Испытанное Раймом облегчение тотчас сменилось сочувствием.

— Пока это неофициально, — уточнил детектив, — но я знаю точно.

— Где ты это услышал?

— Коповский радар, птичка на хвосте принесла — в общем, не важно. Сакс — звезда. Когда случается что-нибудь вроде этого, сразу распространяются слухи.

— А как насчет ее баллов?

— *Несмотря* на набранные баллы.

Райм въехал на коляске в свою лабораторию. Детектив, сегодня особенно растрепанный, последовал за ним.

— Чистосердечное признание Сакс обернулось против нее. Она приказала кому-то уйти с места происшествия, а когда тот не подчинился, велела надеть на него наручники. К несчастью для нее, это оказался Виктор Рамос.

— Конгрессмен. — Линкольн Райм почти не проявлял интереса к местной политике, но о Рамосе знал: этот приспособленец до недавних пор не покидал своих латиноязычных избирателей из испанского Гарлема, а теперь, во времена всеобщей политкорректности и изменений в электорате, мог претендовать и на Олбани, и на пост в Вашингтоне.

— Они могут завалить ее?

— Да, Линкольн, они могут сделать все, что захотят. Поговаривают даже об отстранении ее от должности.

— Сакс способна бороться. Она будет бороться.

— А знаешь, что происходит с рядовыми копами, которые выступают против начальства? Если даже она победит, ее наверняка сошлют в Восточный Нью-Йорк. Хуже того, ее могут сослать в Восточный Нью-Йорк на канцелярскую работу.

— Черт побери! — воскликнул криминалист.

Возбужденный Селлитто прошелся по комнате, переступая через кабели и рассеянно поглядывая на белые доски с делом Кудесника. Когда наконец он опустился в кресло, оно застонало под ним. На талии Селлитто образовалась новая складка — дело Кудесника серьезно повредило его диете.

— Тут есть один момент, — вкрадчиво заметил он.

— Да?

— Я знаю одного парня: когда-то он наводил порядок в Восемнадцатом.

— Это когда из комнаты для хранения вещдоков исчезли наркотики? Несколько лет назад?

— Да, так оно и было. У него хорошие связи в Большом доме. Один из членов комиссии прислушается *к нему,* ну а *он* прислушается *ко мне*. Парень у меня в долгу. — Селлитто указал на доску с уликами. — Черт возьми, ведь мы же сделали великое дело! Такого убийцу поймали. Давай я позвоню ему. Ради нее стоит потянуть за ниточки.

Райм также обвел взглядом список, потом оборудование, смотровые столы, книги — все, что относилось к анализу вещественных доказательств, которые Сакс собрала или же утащила с мест преступлений.

— Не знаю, — отозвался он.

— В чем проблема?

— Боюсь, ее не устроит такой путь в сержанты.

— Ты же понимаешь, что значит для Сакс это повышение.

Конечно, он понимал.

— Послушай, мы же просто будем играть по правилам Рамоса. Он действует закулисными методами — и мы сделаем то же самое. Скажем, немного разровняем игровое поле. — Селлитто понравилась эта идея. — Амелия ничего не узнает, — добавил он. — Я попрошу того парня сохранить все в тайне, и он сохранит.

Ты же понимаешь, что значит для Сакс это повышение...

— Так что ты думаешь? — спросил детектив.

Райм долго молчал, задумчиво разглядывая окружающее его оборудование и зеленый туман весенней листвы Центрального парка.

* * *

Царапины на деревянных поверхностях затерли, все следы пожара в спальне «заставили исчезнуть», как выразился Том. Запах дыма все же остался, но поскольку он напоминал Райму о благословенном виски, это не имело значения.

Сейчас, когда уже наступила полночь, Райм лежал в постели и смотрел в окно. Снаружи промелькнула тень: это вернулся с охоты один из соколов. В зависимости от освещения и степени их настороженности птицы то увеличивались, то уменьшались в размерах. Сейчас они казались крупнее, чем днем, и выглядели более величественными. И

более угрожающими: птицам не нравился шум, доносившийся из Центрального парка, со стороны «Сирк фантастик».

Райму это тоже не нравилось. Он заснул десять минут назад, но проснулся от грома аплодисментов.

— Следовало ввести комендантский час, — сказал он лежавшей рядом Сакс.

— Могу вырубить у них генератор, — тут же отозвалась она. Очевидно, Амелия так и не сомкнула глаз. Ее голова лежала на подушке, губы прижимались к шее Райма. Он ощущал прикосновение волос Амелии, ее прохладной гладкой кожи. Ее груди прижимались к его груди, живот — к бедру, нога лежала на его ноге. Все это Райм видел, а не чувствовал, но ему эта близость была приятна.

Сакс всегда строго придерживалась правила Райма: обследуя место преступления, нельзя пользоваться духами, иначе упустишь слабый запах. Сейчас она была не на службе, и от нее исходил приятный смешанный аромат. Райм различил в нем жасмин, гардению и синтетическое моторное масло.

В квартире они были одни. Том ушел с другом в кино, и весь вечер Райм и Амелия слушали новые компакт-диски, угощаясь черной икрой, крекерами «Ритц» и «Моэ», хотя пить шампанское через соломинку было довольно сложно. Странная вещь — музыка, думал сейчас Райм. Эта, казалось бы, чисто механическая система тонов и аккордов полностью поглощает твое внимание. Уже давно это приводило его в восторг. Однако чем дольше Райм размышлял о музыке, тем больше утверждался в мысли, что музыка вовсе не так загадочна, как это кажется, и тесно связана с наукой, логикой и математикой.

И все-таки как же рождается мелодия? Если упражнения, которые он делает, в конечном счете дадут какой-то эффект… удастся ли ему когда-нибудь прикоснуться к клавишам? Тут Райм заметил, что Сакс смотрит на него.

— Ты слышал об экзаменах? — спросила она.

— Да, — помолчав, ответил он. Весь вечер Райм избегал этой темы, выжидая, пока Амелия будет готова к разговору.

— Ты знаешь, что произошло?

— Не во всех деталях. Полагаю, это укладывается в классическую схему: коррумпированный и эгоистичный правительственный чиновник против переутомленного героического копа. Похоже?

Она засмеялась:

— Очень.

— Я сам был в таком положении, Сакс.

Музыка, доносившаяся из цирка, вызывала у Райма противоречивые чувства. Отчасти она раздражала его, но при этом он наслаждался ее ритмом.

— Лон не говорил тебе, что попытается потянуть за какие-то ниточки? — спросила она. — Позвонит в мэрию?

Амелия ничего не узнает. Я попрошу своего парня сохранить все в тайне...

— Говорил! — засмеялся Райм. — Ты же знаешь Лона.

Музыка прекратилась. Послышались аплодисменты, затем чей-то отдаленный голос.

— Похоже, он мог бы все уладить, — заметила Сакс. — Обойти Рамоса.

— Вероятно. У него есть рука.

— И что ты об этом скажешь?

— А как ты думаешь?

— Я первая спросила.

— Я сказал «нет». Я не позволил ему это сделать.

— Не позволил?

— Да. Я сказал ему, что ты получишь звание сама или не получишь его вообще.

— Черт побери! — пробормотала она.

Райм встревожился. Неужели он ошибся в ней?

— Я злюсь на Лона за то, что он задумал такое.

— Он хочет мне добра. — Райму показалось, что лежащая у него на груди рука обняла его еще крепче. — То, что ты так сказал ему, Райм, очень много для меня значит.

— Я это знаю.

— Все может обернуться ужасно. Рамос требует, чтобы меня отстранили от должности. Двенадцать месяцев без дела, без оплаты. Даже не знаю, чем заняться.

— Ты будешь консультировать. Меня.

— Гражданское лицо не может обследовать места преступлений, Райм. Если мне придется сидеть на одном месте, я сойду с ума.

Когда ты двигаешься, тебя не могут достать...

— Мы справимся с этим.

— Люблю тебя, — прошептала Амелия.

Вдохнув аромат ее духов, он сказал, что тоже любит ее.

— Тут слишком светло. — Она посмотрела на окно, залитое светом прожекторов цирка. — А где же ставни?

— Сгорели.

— Я думала, Том поставил новые.

— Он начал прилаживать их, но слишком суетился — измерял, перепроверял и все такое прочее. Я выгнал его и велел сделать это потом.

Поднявшись, Сакс нашла запасную простыню и завесила ею окно. В комнате стало темнее. Вернувшись в постель, она свернулась калачиком возле Райма и вскоре крепко уснула.

Но Линкольн Райм не спал. Пока он лежал, прислушиваясь к музыке и звучавшему в перерывах загадочному голосу, у него родилась некая мысль, и теперь ему было не до сна. И Райм лежал, погруженный в свои думы.

И были они, как ни странно, о цирке.

* * *

На следующий день, поздним утром, Том, войдя в спальню, обнаружил, что у Райма посетитель.

— Привет! — сказал он Джейнин Уильямс, сидевшей возле кровати в одном из новых кресел.

— Привет, Том!

Помощник, только что вернувшийся из магазина, был явно удивлен. Впрочем, благодаря компьютеру и камерам наблюдения Райм вполне мог кому-то позвонить, пригласить к себе и впустить в дом.

— Чем это ты так поражен? — язвительно осведомился Райм. — Я ведь и раньше приглашал сюда людей.

— Такое случалось весьма редко.

— А может, я найму Джейнин вместо тебя.

— Тогда нанимайте ее дополнительно. Вдвоем мы как-нибудь выдержим ваши издевательства. — Том улыбнулся Джейнин. — Хотя я вовсе не желаю вам такой участи.

— Ничего, бывало и похуже.

— Вам чай или кофе?

— Прошу прощения, — сказал Райм. — Где же мои хорошие манеры? К этому моменту вода уже должна была закипеть.

— Я бы выпила кофе.

— А мне скотч! — распорядился Райм. Заметив, что Том смотрит на часы, поспешно добавил: — Совсем чуть-чуть — для медицинских целей.

— Значит, всем кофе, — заключил Том и исчез.

Когда он ушел, Райм и Джейнин поговорили о пациентах-спинальниках и том чудовищном количестве упражнений и электронных устройств, которые должны улучшать их состояние. Затем нетерпеливый Райм решил, что уже исполнил роль любезного хозяина, и, понизив голос, сказал:

— Меня тревожит одна проблема: надеюсь, вы поможете мне.

— Постараюсь, — осторожно ответила Джейнин.

— Не закроете ли дверь?

Сделав это, Джейнин вернулась на свое место.

— Давно ли вы знаете Кару? — спросил Райм.

— Кару? Чуть больше года. С тех пор как ее мать положили в Стьювсант.

— Это дорогое место, не так ли?

— Очень дорогое, — сказала Джейнин. — Цены грабительские. Но и в других подобных заведениях они примерно такие же.

— У ее матери есть страховка?

— Только «Медикэр». В основном Кара платит сама. Сколько может, — подумав, добавила Джейнин. — Сейчас она вносит деньги вовремя, а раньше немного запаздывала.

Райм слабо кивнул.

— Я хочу задать вам еще один вопрос. Подумайте, прежде чем ответить. И прошу вас, будьте откровенны.

— Ладно, — сказала Джейнин, разглядывая только что отлакированный пол, — постараюсь.

* * *

После полудня к Райму пришел Роланд Белл. Сидя в гостиной, они говорили об уликах по делу Эндрю Констебля.

Чарлз Грейди, а с его подачи и главный прокурор штата решили отложить суд, чтобы выдвинуть против фанатика дополнительные обвинения: покушение на убийство адвоката, заговор с целью убийства и тяжкое убийство. Дело было нелегким — предстояло связать Констебля с Барнсом и другими заговорщиками из «Ассамблеи патриотов», — но лучше Чарлза Грейди с этим никто, конечно, не справился бы. Помощник прокурора также добивался смертного приговора Артуру Лессеру за убийство патрульного Ларри Бурке, чье тело нашли в одном из переулков Верхнего Вест-Сайда. Лон Селлитто сейчас находился на его похоронах в Куинсе.

Только что вошла Амелия Сакс, утомленная многочасовой беседой с адвокатами, оказавшейся возможной благодаря Ассоциации содействия полицейским. Райм уже давно поджидал Амелию, и сейчас, взглянув на нее, понял, что результаты беседы не слишком обнадеживающие.

У Райма тоже были новости — связанные с посещением Джейнин и с тем, что произошло после этого, — однако он так и не успел ничего рассказать Амелии, поскольку в доме появился еще один посетитель.

Том провел в комнату Эдварда Кадески.

— Мистер Райм! — Кадески поклонился. Имя Сакс он позабыл, но поклонился и ей. С Роландом Беллом Кадески поздоровался за руку.

— Я получил ваше сообщение. Там говорится, что по тому делу есть что-то новое.

Райм кивнул.

— Сегодня утром я уточнял некоторые детали.

— Какие детали? — с недоумением спросила Сакс.

— Неизвестные детали. Раньше я не знал, что их нужно уточнять.

Она нахмурилась. Продюсер тоже встревожился.

— Этот ассистент Вейра — Лессер... Надеюсь, он не сбежал?

— Нет, нет. Он по-прежнему в заключении.

В дверь снова позвонили. Том исчез, а через несколько секунд в комнате появилась Кара. Оглядевшись, она взъерошила волосы, которые утратили фиолетовый оттенок и стали совершенно рыжими.

— Привет! — Она удивилась, увидев Кадески.

— Кому-нибудь что-нибудь принести? — осведомился Том.

— Лучше оставь нас на минуту, — сказал Райм. Помощник вопросительно посмотрел на криминалиста, но кивнул и вышел из комнаты. — Спасибо, что пришли, — обратился Райм к Каре. — Я должен кое-что выяснить по тому делу.

— Конечно, — кивнула она.

Уточнить детали...

— Я хотел бы подробнее узнать о том вечере, когда Кудесник привел в цирк машину с бомбой.

— Буду рада помочь вам.

— Представление было назначено на восемь, не так ли? — спросил Райм у Кадески.

— Да.

— Когда Лессер припарковывал машину, вы еще не вернулись с интервью?

— Нет.

Райм взглянул на Кару:

— Но вы были там?

— Да. Я видела, как машина въезжала, но ни о чем таком не подумала.

— Где Лессер припарковал машину?

— Под главными трибунами, — сказала Кара. — Ну не совсем под ними, но, в общем, неподалеку.

— Не под самыми дорогими местами? — спросил Райм у Кадески.

— Нет, — ответил тот.

— Значит, он поставил ее возле главного пожарного выхода — того, который используют при эвакуации в первую очередь.

— Верно.

— К чему ты клонишь, Линкольн? — поинтересовался Белл.

— А вот к чему: Лессер припарковал машину так, чтобы причинить максимальный ущерб, но вместе с тем дать возможность спастись людям, сидящим в ложах. Откуда он это узнал?

— Понятия не имею, — ответил продюсер. — Наверное, проверил все заранее и увидел, что это наилучшее место — с его точки зрения, конечно. С нашей точки зрения оно как раз наихудшее.

— Он, разумеется, мог проверить все заранее, — задумчиво проговорил Райм. — Но стоило ли ему рисковать — ведь мы поставили там своих сотрудников.

— Верно.

— Так, может быть, ему помог кто-то внутри?

— Внутри? — Кадески нахмурился. — Вы хотите сказать, что кто-то помогал ему? Нет, никто из моих людей не пошел бы на это.

— Райм, — сказала Сакс, — на что ты намекаешь?

Не ответив ей, он обратился к Каре:

— Когда я просил вас найти мистера Кадески?

— Примерно в семь пятнадцать.

— И вы сидели там в ложе? — Она кивнула. — Возле выхода?

— Кажется, да. Да, возле выхода. — Кара посмотрела на Сакс: — Почему он меня об этом спрашивает? Что происходит?

— А спрашиваю я потому, — ответил Райм, — что вспомнил, как вы кое-что нам рассказывали, Кара. О людях, которые принимают участие в работе иллюзиониста. Есть *ассистент* — тот, кто работает с иллюзионистом. Есть *доброволец* из публики. А еще есть *помощники* — те, что работают на иллюзиониста, но внешне не имеют к нему никакого отношения. Они выдают себя за служащих сцены или добровольцев.

— Это верно, — согласился Кадески. — Помощников используют многие фокусники.

— Таким помощником вы и были все это время, не так ли? — взглянув на Кару, резко спросил Райм.

— Что такое? — насторожился Белл.

Потрясенная Кара ахнула.

— Она с самого начала работала с Лессером, — пояснил Райм Амелии.

— Не может быть! — воскликнул Кадески. — Она?

— Кара очень нуждалась в деньгах, — продолжал Райм, — , и Лессер заплатил им за помощь пятьдесят тысяч. Бальзак тут тоже завязан.

— Кара? — прошептала Сакс. — Нет. Я не верю этому. Она не сделала бы ничего подобного!

— Разве? А что ты знаешь о ней? Тебе хотя бы известно ее настоящее имя?

— Я... — Сакс встревоженно взглянула на девушку. — Нет... — И сердце ее упало. — Она никогда не говорила мне.

— Прости меня, Амелия. — Кара залилась слезами. — Ты не понимаешь... Мистер Бальзак и Вейр были друзьями. Много лет они выступали вместе, и он очень переживал, когда Вейр погиб во время пожара. Лессер сказал мистеру Бальзаку, что он собирается сделать, и тот заставил меня помогать ему. Но поверь, я ничего не знала о том, что они намерены кого-то убить. По словам мистера Бальзака, это был только шантаж, чтобы поквитаться с мистером Кадески. Когда я поняла, что Лессер убивает людей, было уже поздно. Он пригрозил, что, если я откажусь помогать ему, он выдаст меня полиции, и меня навсегда посадят в тюрьму. И мистера Бальзака тоже... — Она вытерла слезы. — Я не могла так поступить с ним.

— С вашим наставником, — с горечью заметил Райм.

Охваченная ужасом Кара проскользнула между Сакс и Кадески и бросилась к двери.

— Останови ее, Роланд! — крикнул Райм.

Белл рванулся вперед, схватил Кару, и они свалились на пол. Кара изо всех сил сопротивлялась, но Белл все же надел на нее наручники. Поднявшись, он вытащил свою «Моторолу» и попросил транспортировать особо опасную преступницу в женский Центр предварительного заключения.

Его лицо выражало отвращение, когда он зачитал Каре ее права.

Райм вздохнул.

— Я уже пытался сказать тебе об этом, Сакс, но не мог дозвониться. Хотел бы я, чтобы это оказалось неправдой! Увы, она и Бальзак все время работали на Лессера. Дурачили нас так, словно мы были их зрителями.

Глава 51

— Я просто... — прошептала Сакс, — не понимаю, как она это сделала.

— Кара манипулировала вещдоками, лгала нам, подбрасывала фальшивые улики... Роланд, подойди к белым доскам, я все тебе покажу.

— Кара подбрасывала улики? — изумилась Сакс.

— Конечно! Вообще она проделала чертовски хорошую работу — с самого начала, еще до того, как ты нашла ее. Ты ведь рассказывала мне, что это

она подала тебе знак, назначив встречу в кафе. Они все это запланировали с самого начала.

Стоя у белой доски, Белл перечислял одну за другой улики, и Райм терпеливо объяснял, как Кара дурачила их.

— Внизу полиция, — сообщил Том.

— Впусти их сюда, — сказал Райм.

В дверь вошла женщина-полицейский в стильных очках и с любопытством оглядела Сакс, Райма и Кадески. Кивнув Райму, она с сильным испанским акцентом спросила у Белла:

— Это вы заказывали транспортировку преступницы, детектив?

Белл кивнул в угол комнаты:

— Она там. Права я уже зачитал.

— Хорошо, я заберу ее в город. Но сначала я должна кое о чем спросить.

— Спросить? — удивился Райм.

— О чем вы, офицер? — Белл нахмурился.

Не ответив ему, та смерила взглядом Кадески:

— Предъявите документы, сэр.

— Мои? — насторожился продюсер.

— Так точно, сэр. Мне нужно посмотреть ваше водительское удостоверение.

— Вы снова спрашиваете у меня документы? Да я вчера уже предъявлял их.

— Прошу вас, сэр.

С раздраженным видом Кадески вытащил из кармана бумажник.

Но не свой.

— Подождите, я... — пробормотал он, с непонимающим видом разглядывая потрепанный бумажник. — Я не знаю, что это такое.

— Это не ваше?

— Нет. — Встревожившись, Кадески начал хлопать себя по карманам. — Я не знаю…

— Вот этого я и опасалась, — заметила офицер. — Сожалею, сэр, но вы арестованы за карманную кражу. У вас есть право хранить молчание…

— Это бред, — бормотал Кадески. — Это ошибка. — Раскрыв бумажник, он пристально посмотрел на него, удивленно рассмеялся и вынул оттуда водительские права Кары.

Из документа выпала записка. Кадески поднял ее и быстро прочитал.

Ага, попался!

— Это же… — Кадески бросил взгляд на женщину-полицейского. — Подождите, это что — вы?

Засмеявшись, «офицер» сняла очки, форменную шляпу и черный парик, под которой были короткие рыжеватые волосы. Взяв полотенце у хохочущего во все горло Роланда Белла, она вытерла с лица темный грим, отлепила густые брови, сняла с ногтей красный лак. После этого она забрала у остолбеневшего Кадески свой бумажник и вручила тот, что принадлежал ему. Он не заметил подмены, которую она совершила, когда протискивалась между ним и Сакс, пытаясь «бежать».

Сакс растерянно покачивала головой. Как и Кадески, она не отрывала глаз от лежавшего на полу тела.

Направившись в угол, молодая иллюзионистка подняла куклу, отдаленно похожую на лежащую на животе женщину. Ее одежда напоминала джинсы и штормовку, которые были на Каре, когда Белл надел на нее наручники. Сейчас эти наручники были защелкнуты на тонких латексных «руках» — Кара сняла их и прикрепила к запястьям куклы.

Когда Сакс и другие отвернулись, чтобы по просьбе Райма взглянуть на доску, Кара освободилась от наручников, развернула куклу, проскользнула к двери и совершила в коридоре иллюзионную трансформацию.

— Это «феке», — торжественно объявил Райм, указав на куклу. — Двойник Кары.

Она сложила куклу, которая в свернутом виде была размером с подушку. До «побега» Кара прятала ее под курткой. Внимательного рассмотрения манекен, разумеется, не выдержал бы, но на расстоянии и в полутьме люди, которых намеренно отвлекали, никакой подмены не заметили.

— Значит, вы меньше чем за минуту освободились от наручников и сделали трансформацию? — удивился Кадески.

— За сорок секунд.

— Как же это вам удалось?

— Эффект вы видели, а метод мне не хотелось бы раскрывать.

— Как я понимаю, смысл всей этой сцены сводится к тому, — заметил Кадески, — что вам нужно устроить пробу? Кара замялась, и Райм поощрительно кивнул ей.

— Нет, смысл ее сводится к тому, что это и была проба. Мне нужна работа.

— Вы же говорили, что еще не готовы.

— Ну, это уж вам решать. Как по-вашему, готова я или нет?

— Это только один трюк, — обронил Кадески. — У вас есть другие?

— Немало.

— Много ли трансформаций вы совершаете за одно представление?

— Сорок две. Тридцать персонажей. Все это за одно получасовое представление.

— Сорок две трансформации за полчаса? — усомнился Кадески.

— Да.

Он размышлял несколько секунд.

— Приходите ко мне на следующей неделе. Я не могу сократить время выступления артистов, но, пожалуй, использую вас как дублершу. Вероятно, вы сможете выступать и в нашем зимнем помещении во Флориде.

Райм и Кара обменялись взглядами. Криминалист снова кивнул.

— Хорошо. — Кара пожала руку Кадески.

— Вы сами это смастерили? — Кадески указал на куклу, одурачившую их всех.

— Да.

— Вам надо запатентовать ее.

— Мне это и в голову не приходило. Спасибо, я подумаю. Он снова оглядел Кару с головы до ног.

— Сорок две трансформации за полчаса! — С этими словами Кадески вышел из комнаты. И у него, и у Кары был такой вид, словно они только что купили по дешевке прекрасную спортивную машину.

— Черт, вы совсем сбили меня с толку! — засмеялась Сакс и посмотрела на Райма. — Вы оба.

— Минуточку! — обиделся Белл. — Я тоже в этом участвовал. Ведь это я ловил Кару.

— Когда же вы это придумали? — спросила Сакс.

Все началось вчера ночью, объяснил Райм, когда он лежал в постели, вслушиваясь в доносящиеся из «Сирк фантастик» звуки музыки, приглушенный голос ведущего, аплодисменты и смех толпы.

Его мысли тогда переключились на Кару, на ее прекрасное выступление в «Зеркалах и дыме».

Потом он подумал о том, как не уверена в себе Кара и какую власть имеет над ней Бальзак.

Зная со слов Сакс, что у матери Кары старческое слабоумие, он пригласил к себе наутро Джейнин.

— Я хочу задать вам еще один вопрос, — сказал тогда Райм. — Подумайте, прежде чем ответить. И прошу вас, будьте откровенны.

Вопрос был такой: «Сможет ли мать Кары когда-нибудь выйти из этого состояния?»

— Вернется ли к ней рассудок — вы об этом спрашиваете? — уточнила Джейнин.

— Именно так. Выздоровеет ли она?

— Нет.

— Значит, Кара так никогда и не повезет ее в Англию?

Печальный смех.

— Нет, нет. Эта женщина никуда уже не поедет.

— По словам Кары, она не может оставить свою работу из-за того, что ее мать находится в доме престарелых.

— Конечно, ей нужен уход. Но не у нас. Здесь Кара платит за интенсивное лечение и медицинское обслуживание. А ведь мама Кары даже не знает, какой сейчас год. Мне неприятно говорить это, но сейчас ей нужен только уход.

— А что случится, если ее переведут в обычный дом престарелых?

— Ее состояние будет постепенно ухудшаться, пока не наступит конец. Только в этом случае Кара не обанкротится.

После этого Джейнин и Том ушли, чтобы вместе пообедать и, как старые бойцы, обменяться рассказами о тех, кого им приходилось лечить. Райм же позвонил Каре. Та вскоре приехала, и у них состоялась беседа. Райм чувствовал себя неловко, ибо не очень-то умел говорить с людьми об их личных проблемах. Противостоять бессердечному серийному убийце совсем не то что пытаться проникнуть в чью-то нежную душу.

— Я не слишком разбираюсь в вашей профессии, — сказал тогда Райм, — но ваше воскресное выступление произвело на меня сильное впечатление. А это обычно довольно трудно сделать. Вы прекрасно выступали.

— Для ученицы, — самоуничижительно ответила она.

— Нет, — твердо возразил он, — для исполнителя. Ваше место — на сцене.

— Я когда-нибудь попаду туда, но пока еще не готова.

— Проблема в том, — после долгой паузы проговорил Райм, — что когда-нибудь вы туда можете уже и не попасть. — Он окинул взглядом свое тело. — Порой мешают… обстоятельства. И тогда вы лишитесь чего-то очень важного. Потеряете его навсегда.

— Но мистер Бальзак…

— …удерживает вас. Это очевидно.

— Он желает мне только добра.

— Нет. Не знаю, о чем он думает, но явно не о вас. Посмотрите на Вейра и Лессера. На Китинга. Вспомните ваши собственные слова о том, как вас

гипнотизируют наставники. Поблагодарите Бальзака за то, что он сделал для вас, оставайтесь с ним в дружеских отношениях, пришлите ему билеты в ложу на свое первое выступление в «Карнеги-холл», но сейчас уходите от него — пока это возможно.

— Я же не загипнотизирована! — рассмеялась Кара.

Райм догадался, что она пытается понять, насколько сильно зависит от своего учителя.

— В какой-то мере мы можем повлиять на Кадески, — продолжал он, — после всего, что для него сделали. Амелия говорила мне, что вам очень нравится «Сирк фантастик». Думаю, вам нужно устроить пробу.

— Даже если это произойдет, у меня есть личные обстоятельства. Моя...

— Мать? — прервал ее Райм.

— Да.

— Я потолковал с Джейнин. — Кара замолчала. — Позвольте рассказать вам одну историю.

— Историю? — удивилась Кара.

— Да. В свое время я возглавлял здесь, в Нью-Йорке, отдел криминалистики — типичная административная должность со всей ее канцелярской рутиной. Но больше всего на свете я любил обследовать места преступлений и даже после повышения старался как можно чаще выезжать на вызовы. Ну так вот: несколько лет назад в Бронксе орудовал серийный насильник. Не стану вдаваться в подробности, но сложилась неприятная ситуация и мне очень хотелось взять его. Патрульная служба сообщила, что полчаса назад произошло очередное нападение и вроде бы остались неплохие вещдоки. Я выехал в город, чтобы все осмотреть. Прибыв туда, я узнал, что у моего заместителя и хорошего друга случился сердечный приступ. Очень серьезный. Этот молодой парень был в хорошей форме, однако послал за мной. Но я остался, осмотрел место преступления, заполнил необходимые документы и только после этого поехал в больницу. Я очень спешил, но все равно опоздал — он умер. Прошло уже много лет, но и сейчас это причиняет мне боль. Однако по-другому я бы не поступил. Ни за что.

— Вы хотите сказать, что я должна перевести мать в другое место, — с горечью спросила Кара. — В более дешевое. Только так я смогу быть счастлива.

— Конечно, нет. Поместите мать туда, где ей дадут то, что нужно, — уход и общение. Но не то, что нужно вам. Реабилитационный центр разорит вас... Видите ли, если у вас есть к чему-то призвание, это важнее всего на свете. Устройтесь в «Сирк фантастик» или в другое шоу. Главное — вам нужно сдвинуться с мертвой точки. И сейчас же.

— А вы знаете, что представляют собой некоторые из этих заведений?

— Вероятно, не слишком хорошо. Ваша задача — найти такое, где вы чувствовали бы себя комфортно. Простите за грубость, но я не отличаюсь особой деликатностью.

Кара покачала головой.

— Послушайте, Линкольн! Допустим, я соглашусь с вами, но известно ли вам, как много людей горят желанием устроиться в «Сирк фантастик»? Они же получают по сто резюме в неделю!

Райм улыбнулся:

— Об этом я уже думал. У Неподвижного Человека есть кое-какие соображения...

* * *

Теперь Сакс почти все поняла.

— Мы решили назвать этот трюк «Побег подозреваемого», — пояснила Кара. — Я хочу дополнить им свой репертуар.

Сакс взглянула на Райма:

— А почему ты мне ни о чем не сказал?

— Прости. Ты была в городе, и я никак не мог дозвониться.

— Если бы ты посвятил меня в это, могло бы получиться еще лучше. Тебе следовало оставить сообщение.

— Прошу прощения. Ты же знаешь, я не так уж часто совершаю подобное. По-моему, ты должна это оценить, хотя я не думаю, что возможно сделать еще лучше. Выражение твоего лица было неподражаемым. Оно придало этой сцене полное правдоподобие.

— А Бальзак? — спросила Сакс. — Он не был знаком с Вейром? Не был вовлечен в это дело?

— Чистейшая выдумка, — рассмеялся Райм. Мы с Карой и разработали весь этот сценарий.

Сакс пристально посмотрела на девушку.

— Сначала тебя зарезали, в то время как я должна была тебя охранять. Потом ты превратилась в подозреваемую. — Она притворно вздохнула. — Довольно трудно дружить с таким человеком.

Кара предложила пойти в кубинский ресторан, купить еды и тем самым взять реванш за субботнюю неудачу, но, по мнению Райма, это был лишь предлог для того, чтобы выпить тамошнего густого кофе. Не успели они прийти к какому-либо решению, как у Райма зазвонил телефон.

— Приказываю — ответить на звонок, — скомандовал криминалист. Через секунду послышался голос Селлитто.

— Линк, ты очень занят?

— Возможно, а что?

— Нет покоя от этих гадов... Нам снова нужна твоя помощь. У нас тут одно загадочное убийство.

— Помнится, в прошлый раз дело было «чудным». Похоже, ты придумываешь эти эпитеты, чтобы привлечь мое внимание.

— Нет, правда, мы ничего не можем понять.

— Ладно, ладно, — проворчал криминалист, — давай подробности.

В переводе это означало: Линкольн Райм очень доволен тем, что еще некоторое время ему не придется скучать.

* * *

Остановившись возле входа в свой магазин, Кара вдруг заметила то, на что за полтора года работы ни разу не обращала внимания: дыру в верхнем левом углу зеркального стекла, завиток граффити на двери, выставленную в витрине пыльную книгу о Гудини, раскрытую на странице, где повествуется о веревках, которые он использовал во время выступлений.

Внутри помещения вспыхнул огонек — мистер Бальзак закурил сигарету.

Кара вздохнула. Это надо сделать, сказала она себе и вошла.

Бальзак находился в задней части помещения вместе со своим другом — иллюзионистом средних лет из Калифорнии. Тот приехал в город на выходные, чтобы выступить на каком-то благотворительном мероприятии. Бальзак представил Кару как свою ученицу, иллюзионист церемонно пожал ей руку. Они немного поговорили о его вчерашнем представлении, о людях, появившихся в городе, — в общем, типичная болтовня единомышленников. Наконец гость откланялся. В магазин он заехал по дороге в аэропорт Кеннеди, чтобы вернуть заимствованный реквизит, и теперь собирался домой. Обняв Бальзака, он кивнул Каре и ушел.

— Ты опоздала, — недовольно сказал фокусник, но тут он заметил, что Кара, против обыкновения, не поставила свою сумочку за прилавок. Он посмотрел на ее руки. Никакого кофе. Здесь что-то не так. Бальзак нахмурился. — В чем дело? — спросил он, попыхивая сигаретой.

— Я ухожу.

— Ты...

— Я получила работу в «Сирк фантастик».

— У Кадески? Нет, нет, нет — тебе это совершенно ни к чему. Это же не магия. Это...

— Это то, чем я хочу заниматься.

— Мы ведь уже десять раз говорили об этом. Ты не готова. Ты хороший исполнитель, но...

— Это не имеет значения, — возразила Кара. — Главное, что я смогу выходить на сцену. Выступать.

— Ты слишком спешишь...

— Спешу? А когда я буду готова? Через год? Через пять лет? — Обычно она с трудом выдерживала его взгляд, но сейчас смотрела ему прямо в глаза. — Вы когда-нибудь отпустите меня?

Наступила пауза — Бальзак нервно перебирал бумаги.

— Кадески! — презрительно фыркнул он. — И чем же ты будешь у него заниматься?

— Сначала буду ассистенткой, а зимой самостоятельно выступлю во Флориде. А дальше — кто знает?

Он затушил сигарету.

— Это ошибка. Ты только растратишь свой талант. То, чем занимается Кадески, не та иллюзия, которой я учил тебя.

— Я получила работу благодаря тому, чему вы меня научили.

— Кадески! — с отвращением бросил Бальзак. — Новая магия!

— Да, новая. Но я буду исполнять и ваши номера. Вспомните «Метаморфозы» — старое становится новым.

Бальзак не улыбнулся, хотя Кара видела, что упоминание о его номерах польстило старому фокуснику.

— Дэвид, я хочу и дальше учиться у вас. Возвращаясь в город, я хотела бы брать у вас уроки. Я готова платить за них.

— Едва ли это поможет. Нельзя быть слугой двух господ, — пробормотал Бальзак. — Ну, посмотрим — может, у меня не будет времени. — Кара поправила на плече сумочку. — Уже сейчас? — спросил он. — Сегодня?

— Да. Думаю, так будет лучше. — Бальзак кивнул. — Ну, я пошла. — Стараясь удержать слезы, Кара медленно направилась к двери.

— Подожди! — позвал он. Ненадолго отойдя в глубь магазина, фокусник вернулся и что-то вложил в руку Кары. Это была коробочка из-под сигар с трабелловскими разноцветными платками.

— Вот. Возьми их... Мне нравилось, как ты делаешь этот трюк.

Она сразу вспомнила, как он тогда похвалил ее. Ах... Сделав шаг к нему, Кара заключила его в объятия — это был их первый физический контакт с тех пор, когда полтора года назад они при знакомстве обменялись рукопожатиями.

Неловко обняв ее, Бальзак поспешно отступил. Выйдя, Кара обернулась, чтобы помахать ему на прощание, но мэтр уже исчез в темных глубинах магазина. Опустив в сумку коробочку с платками, она направилась к Шестой авеню, откуда можно было легко добраться до дома.

Глава 52

Убийство и в самом деле было загадочным.

Двойное убийство в безлюдной части острова Рузвельта — расположенной вдоль Ист-Ривер узкой полоски земли с жилыми

домами, больницами и таинственными руинами. Поскольку трамвайная линия соединяла обитателей острова с Манхэттеном, где располагалась штаб-квартира Объединенных Наций, здесь жили многие дипломаты и сотрудники ООН.

Здесь и нашли двух убитых молодых дипломатов из балканских стран. Руки у них были связаны за спиной, каждый получил по два выстрела в затылок.

При осмотре места преступления Амелия Сакс обнаружила несколько любопытных вещей: пепел от сигареты, не значившийся ни в федеральной, ни в штатской базе данных по табаку; остатки растения, не характерного для зоны Большого Нью-Йорка, и отпечаток тяжелого чемодана, поставленного на землю и открытого, вероятно, после преступления.

Более всего поражало то, что у обоих отсутствовали ботинки с правой ноги. Обнаружить их поблизости не удалось.

— Оба ботинка правые, Сакс. — Райм сидел перед доской с перечнем улик. — И что же нам с этим делать?

С ответом на сей вопрос пришлось, однако, подождать, поскольку у Сакс зазвонил сотовый телефон. Секретарь капитана Марлоу спрашивала, может ли она подъехать к нему в приемную. С тех пор как закрыли дело Кудесника, а Сакс узнала о происках против нее Виктора Рамоса, прошло уже три дня. Об отстранении от должности пока ничего не было слышно.

— Когда? — спросила Сакс.

— Лучше всего сейчас, — ответила женщина. Разговор закончился. — Вот оно. — Амелия натянуто улыбнулась. — Надо ехать.

На секунду их взгляды встретились. Райм молча кивнул, и она направилась к двери.

Через полчаса Сакс сидела в кабинете Джеральда Марлоу. Капитан, как всегда, читал бумаги.

— Одну секунду, офицер. — И он продолжил это увлекательное занятие, время от времени делая какие-то пометки.

Нервничая, Сакс кусала губы. Прошло две томительно долгих минуты, после чего она не выдержала:

— Ну хорошо, сэр. Так что же происходит? Он что, отступил?

Марлоу сделал еще одну пометку на бумаге и поднял глаза:

— Кто?

— Рамос. Я имею в виду сержантский экзамен.

И еще один мстительный козел — похотливый коп с итоговых учений.

— Отступил? — Марлоу удивила ее наивность. — Нет, офицер, еще не было случая, чтобы он отступил.

Значит, ее вызвали сюда по другой причине. Марлоу собирается изъять у нее оружие и значок. Она отстранена от должности.

Черт, черт, черт!

Сакс закусила губу.

Закрыв папку, Марлоу смотрел на Амелию отеческим взглядом, и это весьма нервировало ее, наводя на мысль, что наказание будет весьма суровым.

— Таких людей, как Рамос, победить нельзя — по крайней мере на их территории. Вот вы выиграли битву — надели на него наручники. А войну выиграл он. Такие люди всегда выигрывают войну.

— Вы имеете в виду упрямых людей? Мелочных? Алчных?

И снова сказалась бюрократическая привычка, приобретенная капитаном за долгие годы службы на руководящих постах: он промолчал.

— Вы только посмотрите на этот стол. — Он улыбнулся как ни в чем не бывало. Стол был завален бумагами — увесистыми пачками и стопками разного рода папок и докладных. — А ведь работая патрульным, я постоянно жаловался на обилие бумажной работы. — Пытаясь что-то найти, Марлоу быстро просмотрел одну из пачек, но так ничего и не нашел и взялся за другую. Вытащив несколько документов, явно не относящихся к делу, он несколько секунд перебирал их, потом вновь возобновил поиски.

«Да, Стрелок, никогда не подозревала, что мне придется через это пройти».

Но тут охватившие Сакс горечь и разочарование вдруг сменились холодной решимостью. «Значит, вот как они играют? — думала она. —

Пусть я погибла, но они тоже пострадают. Рамос и все эти мелкие рамосы еще умоются собственной кровью».

Пора пускать в ход кулаки...

— Вот оно! — воскликнул капитан, отыскав наконец большой конверт с приколотым к нему листком бумаги. Прочитав его, он взглянул на часы в виде рулевого колеса, которые стояли на столе. — Проклятие, времени-то уже сколько! Давайте начнем, офицер. Дайте мне ваш значок.

С болью в сердце Сакс опустила руку в карман.

— И на сколько это?

— На год, офицер, — сказал Марлоу. — Вы уж извините. — Значит, ее отстранили на год, в отчаянии подумала Сакс. Она-то надеялась, что месяца на три, не больше. — Это все, что мне удалось сделать. На год. Да, я просил у вас значок. — Марлоу покачал головой. — Вы уж простите за спешку. С минуты на минуту мне предстоит еще одна встреча. Все эти совещания сводят с ума. Нынешнее посвящено вопросам страхования. Публика полагает, будто мы только ловим преступников, или, скорее, наоборот, что не ловим их. Как бы не так — половину времени приходится заниматься бизнесом. А знаете, как мой отец произносил слово «бизнес»? «Бизинес». БИЗИ-нес[23]. Он знал, что говорил, поскольку тридцать девять лет проработал в «Американ стандард», продавая всякий хлам. Вот и у нас все такая же суета. — Марлоу протянул руку.

Встревоженная Сакс подала ему потертое кожаное портмоне с прикрепленными внутри серебряным значком и удостоверением.

Значок номер пятьдесят восемь восемьдесят пять...

Что же ей теперь делать? Поступить в службу охраны?

За спиной у капитана зазвонил телефон, и он, повернувшись, взял трубку.

— Марлоу слушает... Так точно, сэр... Мы приняли все необходимые меры. — Собеседник, кажется, интересовался делом Эндрю Констебля. Прижав трубку ухом, капитан положил конверт к себе на колени и начал вытаскивать красную нить, которой тот был прошит.

Разговор касался предстоящего суда, новых обвинений против Констебля и прочих деятелей «Ассамблеи патриотов», оперативно-розыскных мероприятий в Кантон-Фоллзе, и Сакс заметила, что Марлоу говорит подчеркнуто уважительным, даже почтительным

тоном. Возможно, он разговаривает сейчас с мэром или губернатором штата.

А возможно — с конгрессменом Рамосом.

Все эти игры в политику… Неужели именно к ним сводится работа полиции? Подобные интриги были так чужды натуре Сакс, что, слушая капитана, она впервые всерьез задумалась о том, стоит ли ей вообще быть копом.

Не по ней этот бизи-нес.

Промелькнувшая мысль потрясла Амелию. «Ох, Райм! Что же нам теперь делать?»

«Мы с этим справимся», — сказал он. Но ведь когда-то надо и просто жить.

Зажав плечом трубку, Марлоу все говорил и говорил на своем канцелярском языке. Наконец он открыл конверт и опустил туда ее значок.

После чего извлек оттуда что-то завернутое в папиросную бумагу.

— …сейчас нет времени на торжественные церемонии. Потом мы что-нибудь придумаем. — Эти слова Марлоу почему-то произнес шепотом, и Сакс показалось, будто он обращается к ней.

Церемонии? Какие церемонии?

Снова взглянув на Сакс, Марлоу прикрыл трубку рукой:

— Теперь еще это страхование. В нем сам черт ногу сломит. Необходимо разобраться с таблицами смертности, ежегодными рентами, компенсациями в двойном объеме… — Марлоу развернул бумагу, и Сакс увидела золотой полицейский значок. — Так точно, сэр, будем держать руку на пульсе, — обычным голосом произнес капитан. — В Бедфорд-Джанкше не у нас тоже есть люди. И в Гаррисонбурге. Мы полностью контролируем ситуацию. — Потом снова прошептал: — Ваш старый номер сохранен, офицер. — Марлоу поднял вверх сверкающий значок, на котором были те же самые цифры, что и на ее удостоверении патрульного — 5885. Прикрепив значок к кожаному футляру, он вынул из желтого конверта временное удостоверение, вставил его в портмоне и подал все это Сакс. Удостоверение было выдано на имя Амелии Сакс, детектива третьего разряда. — Так точно, сэр, мы знаем об этом и считаем ситуацию управляемой… Хорошо, сэр. — Повесив трубку, Марлоу покачал головой: — Лучше суд над фанатиком, чем любые

совещания по вопросам страхования. Да, офицер, вам еще нужно сфотографироваться на постоянное удостоверение. — Взглянув на Сакс, Марлоу осторожно добавил: — Не подумайте плохого, тут нет никакого шовинизма, но было бы лучше зачесать волосы назад. Не вниз, а назад. У вас был бы решительный вид. С этим нет проблем?

— Постойте, значит, меня не отстранили?

— Отстранили? Нет, вас произвели в детективы. Разве вам не звонили? О'Коннор должен был позвонить вам. Или его помощник.

Дан О'Коннор, начальник Детективного бюро.

— Мне никто не звонил, кроме вашего секретаря.

— Странно. Они должны были позвонить.

— Но что случилось?

— Я ведь обещал вам сделать все, что в моих силах. И сделал. Не мог же я, в самом деле, отстранить вас от должности! Вас нельзя терять. — Марлоу замялся, глядя на гору папок. — Не говоря уже о том, что было бы настоящим кошмаром судиться с вами. Вышло бы очень некрасиво.

Да уж, вышло бы, подумала она. Еще как некрасиво.

— А при чем тут год? Вы что-то сказали насчет года.

— Я говорил о сержантском экзамене. До следующего апреля вам не удастся его сдать. Тут ведь государственная служба, и я ничего не могу с этим поделать. А вот перевести вас в Детективное бюро — это дело другое, тут я сам себе хозяин. Рамос мне здесь не указ. Поступите в распоряжение Лона Селлитто.

Сакс не отрывала глаз от золотого значка.

— Не знаю, что и сказать.

— Можете сказать: «Большое вам спасибо, капитан Марлоу. Все эти годы мне было очень приятно работать с вами в патрульной службе. И я сожалею, что моя служба у вас подошла к концу».

— Я...

— Это шутка, офицер. Чувство юмора у меня все-таки есть. Да, и обратите внимание: у вас третья категория.

— Так точно, сэр! — Амелия старалась сдержать радостную улыбку. — Я...

— Но если вы хотите пройти весь путь до первой категории и звания сержанта, я бы посоветовал вам всерьез задуматься о том, кого следует арестовывать — или задерживать — на месте преступления. И коли об этом зашла речь, как с кем разговаривать. Это мой дружеский совет.

— Я поняла вас, сэр.

— А теперь простите, офицер... то есть детектив. У меня осталось пять минут на то, чтобы узнать все о страховом деле.

* * *

Выйдя на Сентрал-стрит, Амелия Сакс направилась к своей «камаро». Оглядев ее со всех сторон, она попыталась оценить ущерб, нанесенный машине при столкновении с лессеровской «маздой».

Чтобы привести бедняжку в хорошую форму, придется немало потрудиться.

Конечно, в машинах она неплохо разбирается, знает расположение, размер, длину и вращающий момент каждого винтика и болтика в своем «камаро». Возможно, в ее бруклинском гараже есть также все молотки, съемники, отвертки и прочие инструменты, необходимые для того, чтобы самой произвести большую часть ремонта.

Увы, Сакс не нравился физический труд — она находила его таким же скучным, как работа манекенщицы или ухаживания наглого, сексуально озабоченного красавчика копа. Дело заключалось и в том, что Сакс никогда не придавала особого значения внешней стороне вещей. Для Амелии Сакс главным в машине были ее сердце и горячая душа — лихорадочное движение поршней, жалобное хныканье ремней, отточенные действия коробки передач, устремляющие вперед всю эту массу металла, кожи и пластмассы.

Амелия решила отогнать машину в Куинс, в мастерскую, услугами которой пользовалась и раньше. Там работали способные и сравнительно честные механики, благоговейно относившиеся к таким мощным автомобилям.

Сев в машину, Сакс включила двигатель, и его громкое урчание сразу же привлекло внимание стоявших поблизости копов, адвокатов и бизнесменов. Выехав с полицейской стоянки, Амелия приняла еще одно решение. Несколько лет назад, после проведения работ по удалению ржавчины, она решила перекрасить в другой цвет свою черную машину.

Тогда она выбрала ярко-желтый. Решение было импульсивным, но почему бы и нет? Разве она не вправе выбрать цвет для своих ногтей, волос и машины?

Поскольку в мастерской заменят чуть ли не четверть кузова и машину все равно придется красить, почему бы не выбрать другой оттенок — скажем, ярко-красный?

Для Амелии это имело особое значение. С одной стороны, еще ее отец говорил, что мощные машины должны быть ярко-красными, с другой — таков цвет инвалидной коляски Райма. К подобным жестам криминалист внешне относился равнодушно, но на самом деле они доставляли ему большое удовольствие.

Да, думала Сакс, пусть «камаро» будет красной.

Сначала она вознамерилась отогнать автомобиль в ремонт немедленно, но по размышлении решила подождать. Побитую машину она поводит еще несколько дней — в молодости такое часто случалось. Сейчас Амелия хотела вернуться домой, к Линкольну Райму, чтобы поделиться новостями о чудесах алхимии, превратившей серебро в золото, а затем приступить к разгадыванию новой сложной проблемы: тайны двух убитых дипломатов, иноземного растения, странных следов на илистой почве и двух пропавших ботинок — на правую ногу.

Примечания

1

Эскапист — артист, способный освободиться от любых пут и совершить побег из любой западни.

2

У полицейских в США синяя форма. — Здесь и далее примеч. пер.

3

Оссининг — город в штате Нью-Йорк, где расположена известная тюрьма Синг-Синг. — Примеч. ред.

4

Офицер — вежливое обращение к сотруднику полиции, в том числе — как, например, в данном случае — к рядовому и сержантскому составу.

5

Персиковый штат — штат Джорджия; по-английски слова «Грузия» и «Джорджия» звучат одинаково.

6

Штаб-квартира демократической партии в Нью-Йорке.

7

НАСДАК — американская фондовая биржа, специализирующаяся на акциях высокотехнологичных компаний.

8

Соответствует нашему сорок третьему.

9

По имени Протея. В греческой мифологии это морское божество, сын Посейдона. Одна из отличительных черт Протея — способность принимать облик различных существ.

10

Во имя Отца... (лат.)

11

Марабут — мусульманский отшельник.

12

Так называются наиболее опасные районы Нью-Йорка.

13

Практически неразрешимая парадоксальная ситуация. Термин американского писателя Джозефа Хеллера, автора одноименного романа.

14

Сильнодействующий наркотик.

15

В данном случае имеются в виду крайне правые военизированные формирования.

16

Так американцы часто называют Вьетнам.

17

Т.е. флаг США.

18

Т.е. около 200 л (один американский галлон = 3,78 л).

19

«Французский сброс» — движение, при котором пальмируется (удерживается между мышцей большого пальца и внутренней стороной ладони) какой-либо предмет: монета, шарик и т.д., кроме карты-

20

Начало английской поговорки «Кто с собаками ляжет, тот с блохами встанет».

21

Разновидность бейсбола.

22

Джи-пи-эс (GPS) — глобальная система позиционирования низколетящих орбитальных спутников, позволяющих определить местоположение объекта на поверхности Земли с точностью до 15-45 м.

23

Игра слов: одно из значений слова «бизи» (busy) — суетливый, беспокойный.